МИСТИКА

Тамара Шатохина

Annotation

В жизни женщины, переживающей измену мужа, начинают происходить странные события. Всего одна ночь... и красивая любовь становится новым смыслом жизни и дарит долгожданного ребенка. Вот только - к кому эта любовь? Как вытащить его из другого времени, спасти от гибели? Или отпустить, храня в сердце благодарность за бесценный подарок?

Мистика, любовь сквозь время, ХЭ.

- Тамара Шатохина
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
-
- Глава 21

- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
-
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- эпилог

Тамара Шатохина
Мистика

Глава 1

- Немоляйкина, на выход!

Я дернулась и замерла, зябко обхватив плечи руками. Потерянно мотнула головой – не хочу. Просто категорически! Но и сидеть в обезьяннике, как в убежище, тоже… так себе местечко.

- Ничего не боись, ты просто кремень! Удачи, подруга! - горячо и искренне желала мне карманная воровка, соседка по месту предварительного заключения. Да, с виду я была кремень – вела себя спокойно и даже реагировала на ее щебет скупыми улыбками. А на самом деле не слышала почти ничего, только страшные, гулкие, мерные удары собственного сердца в ушах и под горлом. Никогда да этого не чувствовала ничего подобного. Это было страшно… тупое оцепенение и эти мерные удары... За те шесть часов, что я провела рядом с этой девочкой, каждую чертову минуту ожидая инфаркта, мы не стали подругами, но психотерапевтами успели поработать обе.

Я, например, узнала, что «отсидки» за убийство мне не следовало опасаться – на «зоне» это самая уважаемая статья, а уж если станет известна причина… о-о-о! Респект и своеобразная уважуха обеспечены однозначно. Но, скорее всего, «срок» за «предумышленное» мне не грозит. А формулировка «состояние аффекта» априори подразумевает определенную надежду на «условное».

Мороз пробегал по коже от осознания того, что эти специфические формулировки сейчас имеют самое прямое отношение ко мне. А еще я отлично понимала, что на самом деле все не настолько радужно, как рисует мне Машуня. Да и возмездие… если оно таки грядет, то будет где-то даже заслуженным, потому что я не раскаивалась в содеянном.

Больше того – в редкие минуты тишины на полном серьезе жалела, что ракурс был не тот и удар пришелся не совсем туда, куда был направлен. Я погружалась в странное пограничное состояние между бредом и явью и проигрывала все, что случилось, заново. Перед глазами стояла сцена в спальне, но теперь я делала шажок в сторону, угол менялся, и все получалось максимально справедливо.

А потом вдруг накатывало нелепое, просто сказочное облегчение – что все случилось именно так. Учитывая же обстоятельства, это воспринимались, как минимум, странно. И весь этот сумбур в моей голове был остро приправлен страхом. Господи, как же мне было страшно! В момент рухнуло все, на чем держалась моя жизнь, сломался главный ее стержень, исчез всякий смысл! А я боялась не этого и жалела не об этом. Мне дико хотелось вернуть все назад и провались бы оно все, и они в том числе! Только бы оказаться сейчас опять на работе, возле Ирки.

Раскаянья не было, было это сожаление и страх за себя – я не хотела в тюрьму. Боль же – горячую, свежую, будто от только что содранной кожи, я старательно давила, оставляя на потом. Но в районе солнечного сплетения, где по легенде должна жить душа, все равно пекло и щемило. Машуня как раз и не давала углубиться в это состояние – у нее не закрывался рот, девушка оказалась очень общительной. Мне бы по-матерински наставить ее на путь истинный, а я все больше слушала. Что-то отложилось в голове, а что-то кануло, как говорится - из того, что она щебетала в самом начале. Не готова я была тогда слушать и слышать… и жить даже.

Но Машуню мне Бог послал – я узнала, что на зоне мне будет клево, а, возможно, я даже и не попаду туда. Кроме того, она посоветовала хорошего адвоката – профессионала без чести и совести, как на мой взгляд. Но на этот момент именно такой мне и требовался. Было как-то откровенно по фиг на понятия, которыми я руководствовалась в своей прежней жизни. Эта девочка подарила мне крохотную надежду, за что я и отблагодарила, выслушав историю непростой жизни, не осуждая и не возмущаясь ее запретным промыслом. Мой грех был страшнее в разы.

- Немоляйкина! – повторил дежурный, и я тяжело поднялась и шагнула к выходу. Возле поста дежурного стоял мужчина в темном офисном костюме. Разглядев его, ко всему я еще почувствовала и жаркий, позорный стыд. Но сосед, а заодно и муж любовницы Олега, не выглядел морально убитым, и даже (прости его, Господи, и меня заодно) не особо расстроенным. И я вдруг с невероятным облегчением поняла, что чертова Руся не померла. Меня почти мгновенно и так ощутимо попустило (я впервые поняла смысл этого выражения), и накатило такое немыслимое… почти счастье?

Настроение, как и события этого дня, менялось со скоростью узоров в калейдоскопе.

- Никак – выжила? – утробно простонала я, медленно приближаясь к столу дежурного на слабых ногах.

- Гражданка Немоляйкина, вы свободны, - с каким-то садистским удовольствием в сотый, наверное, раз повторил он мою фамилию, вручая документы. До замужества я была Соловьевой, а стала…, и сознательно ведь стала…

- Так как там? – настырно выясняла я, с надеждой заглядывая в глаза представительного мужчины лет так около пятидесяти, успешного бизнесмена и нашего соседа вот уже год как: - Она, получается - жива?

- Жива, - сдержанно успокоил он меня, - но в больнице.

- Это понятно. А что там…? – угрюмо уточняла я, продвигаясь к выходу.

- Раздроблен нос, снесена кожа со лба, сильное сотрясение мозга, - подробно информировал мужчина, открывая передо мной дверь полицейской конторы.

Шагнув на крыльцо, глубоко вдохнула пьянящий воздух свободы. Такой затасканный словесный штамп и какое же пронзительно точное определение! Стояла поздняя весна, светило солнце, и небо яростно синело – совсем не в клетку, высокое и чистое. Господи! Спасибо тебе! Я обязательно раскаюсь, может, даже прощу, но дай мне немного времени. Вот так сразу – никак.

- Ага… - невнятно отреагировала я, вынужденно отвлекаясь от мыслей высоких и правильных. Захотелось оправдаться.

- Целилась я по мужу, но он уклонился, и вышло не совсем удачно, извините уж, – осторожно сожалела я. Мне нужно было понять его отношение к произошедшему, пока что в полной безопасности рядом с ним я себя не чувствовала.

- Я бы так не сказал... а давайте без реверансов? Все-таки мы с вами товарищи по несчастью… в некотором роде. Не чужие уже, как бы, люди, - невесело сострил он.

- А без реверансов тут никак, - возразила я, - поэтому все-таки примите мои извинения и благодарность. Это же вы решили вопрос с освобождением? Не стали писать заявление? И наверняка это чего-то вам стоило, так же? Если это деньги, то я возмещу. Я очень

благодарна вам, Владимир Борисович, спасибо огромное, - уселась я на переднее сиденье дорогущей черной машины, втягивая ноздрями запах кофе - ароматизатора салона, очевидно. Все звуки и запахи свободы, краски вокруг воспринимались как-то особенно остро и ярко.

- Не за что, - по-джентельменски прикрыл он за мной дверку. Обошел машину и, сев на водительское сиденье, внимательно посмотрел на меня: - Что еще я могу сделать для вас, может, нужна еще какая-нибудь помощь?

На секунды я даже задумалась о том, что могла бы попросить сейчас у этого уже не чужого мне, как неожиданно оказалось, мужчины. Но тут с новой силой накатило то, что собственно никуда и не девалось. Я понимала, что мне необходимо время на обдумывание, переосмысление, решение и просто - время. И совершенно точно, будут слезы - тут ничего не поделать, потому что человек я эмоциональный. До этого времени считала, что достаточно сдержанный, но факты говорят за себя. А Машуня не дала мне этого времени - на поплакать.

- Так что? Куда вас отвезти? – напомнил он о себе.

Вопросик… я озадаченно замерла, глядя на него, и оказалось что глаза у него серо-зеленые, очень красивые глаза, а вот все остальное подкачало. Сосед, в отличие от Олега, не был хорош собой - грубоватой лепки челюсть, твердые скулы, узкие губы… суровый брюнет с седыми висками и топорными чертами лица. Я никогда так пристально его не разглядывала, неловко было делать это при мимолетных встречах на лестничной площадке или совместной поездке в лифте, где по утрам частенько оказывались мы втроем – Олег, я и сосед. Две квартиры на нашей площадке принадлежали ему и были совмещены еще в процессе строительства. В нашем подъезде единственными соседями Владимира Борисовича и Русланы по этажу были мы, и лифт обслуживал всего две семьи.

Я не присматривалась к этому мужчине, но хорошо запомнила первое впечатление от знакомства - его отстраненность и неприветливость. Олег между нами называл его снобом и носителем псевдо-голубой крови. Таким и я считала его все то время, что мы соседствовали. Олег был намного интереснее – моложе, выше, стройнее… я глубоко вздохнула, пряча взгляд и презирая себя за

слабость – глаза затягивало туманом. Я вообще сейчас была не совсем я – странное ощущение нереальности происходящего не проходило. Очень хотелось чтобы меня пожалели – хоть кто-нибудь, и в то же время - немедленно сдохнуть прямо здесь, чтобы больше никогда не всплыли воспоминания. Радужная эйфория от освобождения проходила слишком быстро, как на мой взгляд.

- Не нужно, Лена…

- Алена, - шмыгнула я носом.

- Не начинайте плакать, Алена, не стоит. Куда вас отвезти? – вставил он ключ и провернул его в замке зажигания, машина тихо и послушно заурчала. Я кивнула и опять задумалась. Работу я прогуляла, телефон остался дома в сумочке, деньги там же.

- Ситуация, конечно, неприятная, но обыденная… заурядная, даже банальная, если смотреть на это со стороны, - свободно философствовал мужчина, выезжая со стоянки и, очевидно, стараясь успокоить меня таким образом, - таких случаев вокруг сколько угодно…

С-скотина… пораженно отводя глаза, душно думала я теперь уже о нем. Больше не прислушиваясь и внезапно проникаясь к нему чувствами, совершенно противоположными тем, что испытывала только что. Рядовая ситуация? Да чтоб вам всем! Обыденная для вас… дежурная? Стандартная!

- Не нужно, Владимир Борисович, - пресекла я эту бредятину.

- Можно просто Владимир.

- Да, - согласилась я, решая не тратить нервы на постороннего мужика, - не нужно. Отвезите меня в ближайшую гостиницу и денег займите на сутки проживания - я потом отдам. И еще одно – это очень важно: завтра утром завезите, пожалуйста, ключи от моей квартиры, раз уж вы сами предложили помощь. Это все.

Мы остановились у «Горного Алтая». Не самая дешевая гостиница, но сейчас это было не важно - мне срочно нужно было уединиться. Я боялась сорваться в истерику прямо при нем. Это вполне могло случиться, сейчас вообще - никаких гарантий ничему, я и так долго держалась. И стоит слегка ослабить контроль и допустить в голову мысли и образы… Это просто нужно было пережить, перетерпеть и желательно в одиночестве. Хотя бы несколько часов, а лучше дней.

Мужчина обошел машину и открыл для меня дверку, заставив скрипнуть зубами – я сейчас презирала всю мужскую половину человечества. Все они так поначалу, куда только потом все девается? И приходит твердая убежденность, что мы вполне в состоянии и дверку сами для себя открыть, и коня…, и в избу тоже, и Соловьеву на Немоляйкину!

- Спасибо, - вежливо поблагодарила я, - ключи оставьте внизу. Деньги обязательно верну, - прощалась я с мужчиной, принимая красненькую пятерку из его рук и разворачиваясь к зданию гостиницы.

- Я провожу вас. Как вы… вообще? - заботливо пристроился он рядом со мной, стараясь попадать в ногу, да еще и придерживая под локоток.

- Сознаю свою вину – меру, степень, глубину… - пробормотала я, нервно дергая плечом.

- Ну, если вы уже в состоянии шутить, Лена… - хмыкнул он.

- Владимир Борисович, меня зовут Алена, не так уж и трудно это запомнить, - остановилась я, отступая на пару шагов в сторону, - и зачем меня провожать? На улице белый день и полно народу. Я что - произвожу впечатление женщины слабой и беззащитной?

- Нет, слабой и беззащитной – точно не производите, - улыбался он. Улыбался широко и искренне, я даже засмотрелась на мгновение, зубы его оценила, но потом одумалась. Прозвучало, действительно, двусмысленно. Женщина с чугунной сковородой в руках априори не тянула на уничижительное определение.

- Тогда езжайте себе домой. Дайте мне возможность отдохнуть от всего этого. Всего вам доброго и еще раз – просто огромное человеческое спасибо.

- Не за что, мне было очень приятно, - прошелестело уже из-за спины. Я даже притормозила, не надеясь на свой слух. Что конкретно из всего случившегося могло быть ему приятно? Удивленно оглянулась, но он уже садился в машину. И я поспешила пройти в вестибюль гостиницы. Сняв самый скромный номер, попросилась сделать звонок, и когда трубку взяла Ира, применила самое главное правило защиты – нападение:

- Ир, я не была в отпуске сколько? Полтора года. Я помню-помню - сама хотела его в этом августе, но! Я получила нервный срыв

от усталости, мне сейчас так плохо, Ирка, - все-таки дрогнул голос в конце.

- Почему ты с чужого…? Дура ты… я все знаю – твой звонил только что. Минуты, буквально… отдыхай. Затык как будто не намечается, справимся. А не справимся – выйдешь и потом уже разгребешь. Сколько времени тебе нужно?

- Пара дней… нет - неделя, - растрогано наглела я.

- Ладно. Я так поняла, что ты уже где-то в укрытии? Если нужно, могу подъехать прямо сейчас - ориентируйся по ощущениям. Но ты меня не зовешь, так же? И работать кому-то нужно. Купи снотворное и выспись - помогает. Потом все по-другому… но точно легче. Да, еще - водки не пей, только хуже будет.

- Спасибо, Ир, - устало протянула я, прошептав на прощанье: - Пока-пока…

- Пока, - решительно ответила единственная подруга, в равных со мной долях владеющая небольшой строительной фирмочкой под названием «Теремок». Фирма занималась сборкой каркасно-щитовых домиков, а в последнее время даже домов.

Да уж, Ирка точно знает что нужно и как легче. Томка знает, Оксана Дмитриевна уже лет …цать как, Света тоже...

- Девушка, а вы можете посоветовать аптеку поблизости? Очень нужно снотворное.

Совсем молоденькая дежурная кивнула, доставая из стола облатку и распечатку инструкции, и протянула их мне:

- Внимательно прочитайте противопоказания. Препарат подлинный, действие достаточно сильное, цену включу в дополнительные услуги.

- Дай Бог тебе здоровья, девочка, - искренне пожелала я ей и прошла к лифтам.

Таблетку выпила, как только вошла в номер и дошла до холодильника с минералкой. Потом заказала доставку скромного ужина из ресторана внизу. Пока его несли, успела принять душ и простирнуть бельишко. Принимала свой заказ уже в чистом гостиничном халате и с мокрыми волосами, завернутыми в чалму из полотенца. Честно пыталась втолкнуть в себя хоть что-нибудь – не получилось, и я поползла в кровать. Таблетка за это время начала действовать - слез не было, четко оформленных мыслей тоже, одна

только дикая усталость. Облатку с чудодейственным снотворным решила сохранить в кармане сумочки, которую завтра заберу из дому. Там я хранила образчики особо ценных расхожих вещей – списком и натурой.

Глава 2

Утро наступило пасмурное и нерадостное – во всех отношениях. Погода готовилась плакать, наверное - вместо меня. А я пыталась понять, что со мной такое - я же даже не ужаснулась тому, что почти убила человека. Да я тогда и ринулась убивать. Но все это как-то… мимо сознания – на глубинных звериных рефлексах, а перед глазами только обрывочные кадры в жанре сюрреализма – перекошенные морды, кровь, странные звуки... И похожим же образом вспоминалось до сих пор, хотя какое-то время уже прошло. Или стресс бывает долгоиграющим?

Слез не было, зато давила тоска. Когда приятный, спокойный и надежный мир так внезапно и настолько громко рушится – в единое мгновение, разом! Понятно, что это нужно пережить, осознать, но принять с ходу практически невозможно. Слишком неожиданным стало для меня то, что я увидела.

Вспомнились слова соседа – обычное дело, оказывается… до анекдотичной пошлости тривиальное. Это было бы даже смешно, если бы не оказалось так страшно. Но я справляюсь. Подозревала что провою, зарывшись в подушку, недели две, а то и всю жизнь, но не прошло и суток, а я лежу тихо, как мышка и просто думаю.

Теперь причина… ну не большая же «женя», которой Олег, шутя, попрекал меня пару раз? У меня одно-единственное объяснение – последнее время мы приподнялись в финансовом плане и очень существенно. В семье появились по-настоящему неплохие деньги – хватило на большую квартиру и ее обустройство, впереди уверенно маячила та дорогущая машина, о которой всегда мечтал Олег. Мой вклад в семейный бюджет тоже имел место, но главный гарант финансовой стабильности с недавних пор именно Олег. К нему пришел настоящий успех, он познал его… вот в этом, наверное, все дело.

И, казалось бы – что тут плохого? Но главная черта людей успешных - что? Правильно – амбициозность. Они уверены в том, что достойны лучшего и гораздо большего, потому и добиваются успеха. Психология, мать ее! Это психология умных, состоявшихся и

успешных людей и никуда от нее не денешься. Мужчина, успешно строящий свою карьеру, открывающий для себя новые горизонты финансового и личностного развития, поневоле начинает задумываться и оценивать свое окружение и что он там видит?

А это уже в принципе не важно, даже если женщина, которая рядом, будет развиваться наравне с мужем - все равно! Он все равно будет считать, что где-то там – за недосягаемым до недавних пор горизонтом и солнышко ярче и травка зеленее, хоть ты из штанов выпрыгни в борьбе с целлюлитом и серостью домашних будней. Наверняка, как оно и водится, есть приятные исключения – семьи, стоявшие у самых истоков успеха и сплоченно, дружно пользующиеся его результатами, но факты… проклятущие факты! Тот же сосед... Не знаю, что там у него в прошлом, но сейчас он женат на типичной чучундре модельной внешности – Руслане, мать ее! Вот так... В голову приходит только это – самое простое объяснение.

А мне клапан сорвало - капец, но давление стравило и это огромный плюс. Потребность убивать была яростной и страшной… или быть убитой, только прекратить это немедленно! Любым способом! На тот момент выйти в окно - вполне себе, потому что это мигом разрешило бы ситуацию, прекратило ее разом. И то, что я жизнелюб, совсем не важно – я перестала бы это видеть и знать. Сейчас мурашки по телу от этого понимания и ощущение холодной жути.

И к чему я сейчас пришла? Понятно, что поговорить с Олегом придется, разговор нужен – безопасный, безо всяких драм и истерик, претензий и скандалов. Сейчас это нереально – слишком свежо еще… Значит, немного позже, потом…

Мои терзания прервал стук в дверь, и внутри екнуло... Олег?! Ну, нет – найти меня так быстро он не мог. Уборка номеров? При постояльцах вроде как не принято... Это было неожиданно - за порогом стоял сосед с небольшим букетом в руках.

- Здрасьте…, - с облегчением выдохнула я, на инстинктах, наверное, вспоминая, что косметика смыта еще вчера, волосы так и не чесаны после мытья, халат размера на четыре больше нужного, а ноги босые. Не моя вина – сам нарвался на столь печальное зрелище.

- Цветы, так понимаю – для утешения? – приняла я розы, - спасибо, очень красиво… и пахнут, надо же! Обычно трава травой.

Вы занесли ключи? Не стоило беспокоиться, я же просила оставить внизу.

- Лена, нам нужно поговорить… - начал он, а я перебила:

- Я не буду говорить с вами до тех пор, пока вы не запомните, наконец, мое имя.

- Они созвучны, и я не понимаю, почему вы так бурно реагируете, – неловко пожал он плечами.

- Это совсем разные имена. Что вы хотели, Владимир Борисович? Хотя догадываюсь. Скорее всего, вы планируете развод и нужен свидетель супружеской измены, который поможет оставить жену без копейки за душой, а для вас откроет новые неизведанные горизонты и нетоптаные поля, так? Я готова, сообщите только координаты и время, засвидетельствую с огромным удовольствием, даже не сомневайтесь.

- Вы так воинственно настроены… - спокойно отметил мужчина, - можно мне пройти в номер?

- Да, пожалуйста, - шагнула я в сторону, освобождая проход. Мы прошли в комнату и сели в кресла, уставившись друг на дружку. И я отметила воспаленные, как от недосыпа, глаза, набрякшие мешки под ними… Стало стыдно, действительно стыдно. Захотелось извиниться – ему тоже неслабо досталось, а я как-то забыла об этом, кидаюсь… Лена так Лена, и Бог с ним…

- Извините меня. Нервы - совсем никуда... А с Русланой, я надеюсь…?

- С Русланой все в порядке, - отрезал он, - почему вы так… негативно настроены ко мне? Это не я вам изменял, делая вид, что люблю и верен.

- Хотите сказать…. - отвернулась я, судорожно переводя дыхание, - что провели свое маленькое расследование и выяснили, что факт адюльтера не был единственным?

- Не был, - подтвердил мужчина.

- Спасибо… за информацию. Очень хочется думать, что она проверена.

- Из первых рук. Вы и так почему-то видите во мне врага, я не стал бы лгать вам в таких вещах.

- А должна видеть друга? – поразилась я, - да я скоро даже имени вашего не вспомню, несмотря на все мое к вам уважение и

благодарность, извините.

- Зато честно… догадываюсь, - выдал он угрюмо, и взгляд его стал острым и очень внимательным. Если бы это было возможно, то я бы даже сказала…, но не стану – могу ошибиться. А он продолжал, нервно разглаживая у себя на колене штанину дорогого костюма и зачем-то пристально изучая все по очереди части моего тела, надежно укутанные, к счастью, в огромный халат:

- В таком состоянии… как у вас вчера, женщины совершают глупые поступки…

- Не по два раза в день! - тихо огрызнулась я, - все, на что способна, я совершила еще до того, как вы отметили это мое состояние.

- … а потом… тяжелые последствия, - не дал он сбить себя с мысли, - я всю ночь переживал, что оставил вас одну, хотя и понимаю, что так было нужно. Некоторые вещи и правда легче пережить, забившись в угол и спрятавшись ото всех, - отвел он взгляд и понуро вздохнул.

А я нервно поежилась. Становилось понятно, зачем он здесь – обсудить то, что случилось, может быть получить сочувствие. Ну…

- Вам тоже плохо, я понимаю, - печально выдавила я все, что смогла, и сразу уточнила, поймав его мысль: - Вчера все выглядело так, что вы представили петлю на моей шее?

- Нормально вы выглядели, Лен… Алена – хорошо. Нет. Просто не хотелось бы, чтобы вы натворили глупостей. А то сорветесь в бега… обычная женская реакция на обиду – сбежать как можно дальше, забиться в норку и там оплакивать…

- Вообще не плакала, - отрезала я.

- Вижу, - подтвердил он, - и поэтому страшно вдвойне.

- Какие-то… слишком сильные у вас эмоции, - поморщилась я, откинувшись в кресле, а он отследил это, окинув взглядом всю меня разом – быстро и жарко. Рука сама потянулась запахнуть халат плотнее, хотя там и так все было под горло. Непонятно и неловко. Неловко потому... а-а-а… вот оно!

- Вы пришли взять реванш! Отомстить моему мужу? - вдруг озарило меня, и я невесело рассмеялась, сразу заткнувшись из-за его реакции. Он подобрался всем телом, резко выпрямившись в кресле, и слегка подался вперед, а взгляд его стал не просто внимательным, а

пристальным и тяжелым. И смотрел он не в глаза, а куда-то на мою шею - веки прищурены, челюсти жестко сжаты, грудная клетка медленно приподнимается в глубоком, шумном вдохе... Сложно не понять все это - давно не наивная девочка.

Я замерла, судорожно соображая - с чего вдруг его так пробрало? Сказался сильный стресс? Что чувствуют сильные мужчины после предательства, как они действуют? Совершают дикие поступки – мстят, или молча и гордо уходят? Я не знала... Но, вместо того чтобы пойти и тупо набить морду Олегу, он, похоже, решил совершить свой «поступок» здесь и сейчас. Мысленно взвыв от негодования и осторожно прокашлявшись, я заговорила мягко и примиряюще:

- Идея неплохая, да-да - на самом деле. Есть даже такое понятие – клин клином вышибать. И если бы вчера вечером вы предложили мне… деликатно, но настойчиво… Владимир! - опомнилась я, увидев, как хищно блеснули его глаза и понимая, что с перепугу подобрала не те слова.

- Вчера, может, и выгорело бы, - зачастила я, – я была сильно не в себе, но сейчас – нет! Я не знаю – чего уж вам так приспичило? Все-таки месть? Вы не привлекаете меня, как мужчина, извините.

- Я догадываюсь, - процедил он сквозь зубы, сжимая ладони на своих коленях в кулаки, - куда уж мне…

- Вообще не собираюсь обсуждать… - возмутилась я, - найдите другой способ. Пойдите и хорошенько напейтесь, оттрахайте соратницу вашей Руси… по подиуму, заключите пару-тройку выгодных сделок, в конце концов! Я не собираюсь тут вам… становиться средством. Мне это на фиг не нужно! Нет такой потребности!

- Я не собирался… брать реванш. Мне всегда нравились женщины в теле, - вдруг выдал он, вставая и проходя к холодильнику, - здесь есть вода?

- А…? – задохнулась я возмущением, - что вы хотите сказать?

- Сразу вспоминается анекдот о женской логике. Мне казалось, что уж вы-то точно не озабочены такими… - усмехнулся он.

- А я обязана соответствовать тому, что вам показалось? – холодно перебила я его.

И опомнилась…, просто вспомнила, по какому поводу мы здесь собрались. Разговор зашел не туда, и виновата в этом была я. Не та ситуация, чтобы показывать свой норов.

- Ну, допустим, логика у меня хромает. Извините, что перебила – я внимательно вас слушаю, - мягко пошла я на попятную.

- Просто… - удивленно оглянулся он на меня от холодильника, - наверное, мне нужно выговориться – назрело, прорвало. Так что… мне всегда нравились женщины в теле - с формами… в меру веселые и умные. Женитьба на Руслане – глупость. Зато сейчас, первый раз за долгое время я чувствую настоящую эйфорию. Будто сам собой, а вернее – с вашей помощью, развязался мой личный «гордиев узел». Отсюда чувство благодарности и симпатии… я так думаю. И, само собой, я не отказался бы, как вы говорите – взять реванш. Но спокойно принимаю тот факт, что мне не светит - я трезво оцениваю свои шансы и ваше… ваши… - скривились его узкие губы в непонятном усилии.

- Состояние сейчас, принципы? – невольно помогала я ему, не в силах видеть, как он потеет и мучится - от чего? Желания как можно точнее выразить свою мысль?

- Или жизненные установки?

- Где-то так… да, - согласился он, махнув рукой и как-то разочарованно опадая весь, что ли? Или просто успокаиваясь?

- Не бегите вы никуда, не нужно этого. Я заказал в вашей фирме домик. Строить нужно будет возле Окунева, там еще километрах в десяти есть село Длинное. Малая родина, большой участок земли… я давно хотел поставить небольшой дом и снести халупу, она стоит уже Бог знает сколько. Возьмите на себя эту работу, - тихо просил он, глядя уже не на меня, а в сторону окна: - Я не стану появляться там без необходимости и пугать вас, как сегодня - у меня нет на это времени. Проект согласован, договор подписан, задаток уплачен. Не хочу, чтобы вы метались в поисках убежища. Вам необходимо будет какое-то время на развод.

- Вы так уверены, что он будет? – так же спокойно и устало поинтересовалась я.

- Уверен. Дело к сорока, годы идут… Веры мужу уже нет – ушла, исчезли смысл и причина отказывать себе в детях из-за…

- Откуда вы знаете? – подобралась теперь я.

- Мы говорили. На эмоциях он выдал вашу с ним тайну – то, что не может иметь детей, а вы, несмотря на это, вернее – смирившись с этим…

- Понятно… Спасибо за разговор и вообще… за все. Я возьмусь за эту работу. Вы сделали для меня очень много, а я умею быть благодарной. Обещаю, что дом получится всем на зависть. Какой проект вы выбрали? Помните название?

- Нет, - качнул он головой, - навскидку ткнул пальцем в то, что приглянулось. Посмотрите потом сами, пораскинете… привяжете к местности, там склон… холмы. Даю вам карт-бланш менять проект по месту.

- Вот за это спасибо! Я всегда мечтала… так. А то, знаете…? Придираются к мелочам и требуют соответствия по максимуму, даже если оно не оправдано.

- Тогда это все и я, пожалуй, пойду – много дел, - встал он, оставляя бутылку с минералкой на столе. Я проводила взглядом его руку. Никогда бы не подумала, что он будет пить вот так – с горла. Не тот типаж, как мне казалось раньше. Может и голодный взгляд мне померещился, а я наговорила много лишнего.

Провожая его до двери, со спины рассмотрела идеальный крой темно-серого костюма, изумительно сидевшего на крепкой мужской фигуре. Закрыв дверь, сразу легла на кровать, закинув руки под голову и задумалась…

Нужно ехать на работу принимать проект, а потом наведаться домой… или наоборот. Взять вещи на пару недель, не больше – каркасные дома собираются быстро, и только фундамент… значит на все три. Да еще я получила драгоценный карт-бланш - проект можно будет пересмотреть и грамотно привязать к местности, если это понадобится. Без этого там вполне справился бы и бригадир, но я хотела вспомнить свою прошлую работу, а еще – уехать все-таки на время из города. Тут сосед был прав – бежать было первым моим порывом, вот только убежала я тогда не далеко, только до консьержки на первом этаже и там честно призналась что, похоже, кого-то убила. Сидела и ждала приезда полиции, плохо соображая и с трудом фокусируя зрение на окружающих предметах.

Олег не бросился вдогонку, очевидно, спасая свою подругу и вызывая ей скорую – она потом приехала, я видела это из уже

отъезжающей полицейской машины. Сейчас я собиралась оставить ему записку. Как показал сегодняшний опыт, к диалогу я пока не готова – с трудом держала себя в руках и почти хамила совершенно безвинному человеку. И да - я всегда хотела ребенка, а теперь ничего не мешало хотя бы попробовать.

Но сейчас такие реалии, что может ничего и не получиться, учитывая еще и мой возраст. Какой едой нас травят, чем мы дышим и что пьем – тот еще вопрос. Всем известно, что проблема существует и существует настолько массово, что лучше сразу настраиваться исключительно на позитив. Мне необходима весомая причина, чтобы нормально жить, а не тихо подыхать, захлебываясь болью. И это должна быть очень серьезная причина, а для меня это только ребенок. Только решать нужно быстро, потому что время на месте не стоит и без пары лет сорок – печальный факт.

Глава 3

Беркутов вышел из гостиницы в состоянии легкого потрясения. Это состояние настигало его всякий раз, когда он видел свою соседку. В самом начале он еще не совсем понимал – что с ней не так и что происходит ним? Первый раз он увидел ее в конце зимы, одетую в пушистую шубку и просто ненадолго задержал взгляд. Красивых женщин было много и то, что в соседней квартире поселилась одна из них, не самая выдающаяся, не было чем-то из ряда вон…

Когда только строился дом, а квартиру уже готовили под его запросы, он не учел один нюанс… просто не знал, что стены остро нуждаются в дополнительной звукоизоляции. Это стало ясно, когда ремонт был окончен и заводить бодягу по новой уже не имело смысла. Да и особой надобности в этом не возникало - через общую с соседями стенку он устроил хоз.комнату, где хозяйничала приходящая прислуга. Просто однажды он пролил на свой письменный стол что-то липкое и не захотел убирать это чистым кухонным полотенцем – пошел искать ветошь и услышал…

Теперь он понимал из-за чего все началось – его соседка говорила, а главное смеялась, как его Лена. Его жена - женщина, которую он по-настоящему любил, умерла восемь лет назад, и Беркутов долго страдал по ней. В полном смысле и понимании этого слова – с тяжелой депрессией, ухудшением здоровья, потерей интереса к работе и женскому телу. Ему тогда не было и сорока, а жизнь, казалось, остановилась навсегда. Дети - сын и дочка, справлялись с бедой самостоятельно и особой заботы не требовали, хотя он старался проявлять ее, как только мог.

- Папа, - ломко басил пятнадцатилетний Борис, названный в честь деда: - С нами все в порядке. Помощь нужна только тебе – займись уже собой, наконец.

Ему поддакивала близняшка Оленька. Этим двоим кто-то третий никогда особо и не был нужен - даже мать. Они сравнительно легко пережили трагедию еще и потому, что перед смертью Лена очень долго лежала в больнице и дети успели

привыкнуть к ее отсутствию. Беркутов честно делился с ними новостями о состоянии матери, и это постепенно готовило их к самому плохому исходу. Поэтому ее уход не стал таким страшным потрясением для близнецов, как для мужа. Первые пару ночей после похорон он провел на кладбище. Летняя земля была теплой, и он даже умудрялся уснуть на мягком могильном холмике возле своей Лены. Эти ночевки не являлись каким-то чудачеством или помешательством, просто так ему было легче – уйти туда и пережить первое, самое острое горе в одиночестве.

Этот тяжелый период прошел – он справился. Дальше справился и с депрессией, а потом, казалось, полностью вернулся к жизни – подтянул дела на работе, а через три года даже стал изредка встречаться со спокойной симпатичной женщиной. Дети получали дополнительное образование в Москве и в родной город возвращаться не планировали. А увеличение доходов и изменение статуса требовали присутствия статусной же спутницы на встречах и приемах. Серьезно впрягаться в проблемы взрослых уже детей своей любовницы у Владимира не было никакого желания. Тогда, полтора года назад, он спокойно расстался с женщиной, сделав дорогой подарок, в котором нуждался ее сын. Закончив с этим, он присмотрел для себя Руслану. Навел о ней справки и предложил взаимовыгодный союз с брачным договором, честно озвучив ей причину, и она не отказалась.

Плюсы этого брака были в том, что теперь не нужно было каждый раз терпеть возле себя нового чужого человека, а еще Руся была натуральной с ног до головы, не очень умной, не наглой, не надоедливой и не хотела детей. В доме появилось что-то вроде красивой ласковой собаки, к которой Беркутов со временем даже по-своему привязался. Все оказалось неплохо, кроме секса – он не особо хотел свою новую жену, суповой набор с модными прямыми плечами и тонкими длинными ходулями не вдохновлял на постельные подвиги. Ему действительно нравились женщины с формами, он не соврал. Особенно такими, как у Алены.

Но вначале он услышал смех из-за стены… Смех и звуки оживленных разговоров вообще часто звучали в той квартире. Беркутов стал заходить по вечерам в хоз.комнату, чтобы просто послушать ее голос. Это не было подслушиванием - фразы по

отдельным словам не угадывались. В один из дней он приурочил свой выход из квартиры к тому моменту, когда открылась дверь у соседей, и они, наконец, познакомились, а он вблизи рассмотрел обладательницу приятного грудного смеха. Женщина оказалась совсем не похожа на Лену внешне, зато ему вспомнилось, как однажды он разглядывал комиксы-карикатуры Бидструпа. Между оригинальными изображениями компьютер выбрасывал схожие картинки, и ему врезались в память эти зарисовки. В тот же день, как настало тепло, и соседка сняла объемную верхнюю одежду, он влез в компьютер и нашел этот образ женщины-мечты, воплощенного идеала для любого мужчины, как бы ни заявляли они свои вкусы.

Черты лица Алены не поражали - они были приятными, но немного старомодными, отсылая память к немецким фильмам середины прошлого века. Но вот ее тело… это была совершенно другая история.

Беркутов стал поджидать, когда супруги выйдут утром из квартиры и успевал войти в лифт вместе с ними. Там с ним ожидаемо творилось то, что и должно было твориться с нормальным здоровым мужчиной, у которого секс случался изредка и без особого желания - стойкая эрекция и зуд в ладонях. Они зудели и ныли от потребности измерить объем талии этой женщины, обхватив ее пальцами двух рук. Все остальное части тела соседки – грудь, зад, длинные рельефные ноги могли быть просто приятны глазу, но на контрасте с немыслимой талией они слепили, как сполохи бриллиантов. Он прикрывал стояк верхней одеждой или папкой с документами всю дорогу – с семнадцатого по первый этаж, будучи не в состоянии поддерживать даже самую простую беседу.

Сосед и муж – Олег, быстро раскусил маневры Беркутова с совместными поездками в лифте и попытался сдвинуть свой график выхода из квартиры на раньше или позже. Но для Владимира это не имело значения - время его появление на работе точно никто не отслеживал и он мог позволить себе любую задержку и даже серьезное опоздание. Когда по огненным взглядам Олега выяснилось, что тот понял интерес соседа к своей жене, Беркутов совсем перестал скрывать его и тратить на это драгоценное время в лифте. Да и что, собственно, оскорбительного было в его молчаливом любовании? Он только смотрел – и все.

Сама женщина ничего не замечала, она была полностью зациклена на своем муже, а тот ревниво и грозно отслеживал взгляды Беркутова. Это было забавно, хотя и мучительно с точки зрения физиологии. Но совместные поездки стоили того, потому что благодаря наблюдениям и невольно подслушанным обрывкам разговоров выяснилось, что эта Алена… вообще что-то с чем-то, и дело не во внешности. Она оказалась уникумом в принципе! Эта женщина абсолютно не осознавала своей власти над мужчинами – почти над любым из них, стоило ей только захотеть. И совершенно искренне и честно не подозревала о наличии в своем боевом арсенале почти неотразимой женской харизмы. А коктейль был убойным – живая естественная непосредственность, наличие ума, легкий характер и эти линии… Бомба! Это была просто атомная бомба.

Она была немного простоватой в своем поведении и общении. В ней не наблюдалось ни грамма так называемого «гламура» или спокойной высокомерности, присущей знающим себе цену женщинам. Но Беркутов давно вышел из возраста, когда ценят дорогие подделки или эксклюзив такого плана. У него уже был когда-то свой собственный уютный и милый эксклюзив – его Лена. В свое время он любил ее до умопомрачения и как-то незаметно стал проецировать те самые подзабытые уже чувства на Алену – такую же недосягаемую для него сейчас. Они с Леной не были похожи внешне, но эта милая и естественная простота, это отсутствие манерности, этот искренний смех… эти приятные глазу объемы в нужных местах!

Он ни на что не надеялся и ни на что не рассчитывал – просто любовался ею со стороны и тут вдруг такой подарок! Думать так было грех, все же Руся сильно пострадала - некогда красивое лицо превратилось в кровавое месиво…, он с сожалением отвел взгляд и пообещал оплатить любую пластику.

Сразу же положил на ее счет некоторую сумму на первое время (какое-то жилье у нее было) и мирно договорился о разводе. Кажется, Руся рассчитывала в будущем на внимание своего любовника. Беркутов веселился по этому поводу, но только в самом начале – в первые часы после трагедии, пока не узнал, что Алена находится под стражей. Он быстро поднял все доступные ему связи, ее свобода стоила ему нервов и денег, но! Потом он говорил с ней, касался ее

локтя, владел ее вниманием, получил ее благодарность и опять – но! Он крупно лоханулся – оказывается, вчера было можно... А он не знал! Просто не сообразил, в голову не пришло, что тяжелым, почти убитым состоянием женщины можно было воспользоваться. Сообразил бы – воспользовался. Ему было не до щепетильности и не до тех самых реверансов – без малого год лифтового мазохизма довел его почти до ручки: иногда он фантазировал ночами и… баловался. В полных сорок семь лет…

Они с Олегом подрались, наговорили друг другу гадостей и после этого Беркутов почувствовал себя влюбленным мальчишкой, который первый раз дрался за девочку. Он готов был подарить ей мир в разумных пределах, себя и, само собой - детей, которых она хотела, хотя и понимал, что немного староват для этой женщины. Но привычка продумывать стратегию и строить планы давала себя знать - после родов ее талия обязательно раздастся и перестанет быть такой хрупкой и тонкой, и тогда чужие мужики больше не будут пускать слюни на его женщину. К тому времени он уже успеет насладиться бесподобными ощущениями, а ее смех и она сама - это очень надолго. Сейчас он хорошо понимал ревность Олега, но не жалел его – этот идиот бездарно просрал самое лучшее, что могло случиться в его жизни. Все эти мысли и планы доставляли Беркутову колоссальное удовольствие, погружали в немыслимую эйфорию, но только до тех пор, когда он поговорил с Аленой и узнал, что не в ее вкусе.

Этого следовало ожидать. Он никогда не считал себя красавцем, но и уродом его нельзя было назвать – грубоватые черты лица и его уверенное выражение нравились женщинам. Сейчас же он утратил половину своего обаяния - уверенности не было и на грош! Он не знал что ему делать, ему было жаль страдающую из-за предательства мужа Алену, которую он умудрился несколько раз назвать именем своей жены и разозлить. Он не собирался делать этого, просто был растерян и дезориентирован открывающимися возможностями. Хорошо еще, что хватило ума и выдержки не выказать свой интерес слишком явно, а еще раньше пришло это решение – с домом. Это было единственное, что он сделал правильно – дал ей время отойти от психологической травмы и обезопасил себя – в далекой деревне у него не должно было появиться серьезных

конкурентов. А что они будут и даже уже где-то есть – скрытые и замаскированные, как он сам все это время, он был уверен.

Нужно было ненадолго отложить завоевание женщины и закончить все дела с Русей – статус свободного мужчины был необходим ему, как воздух… или, как Алена. Он опять мечтал ночами, как положит руки на невыносимо тонкую талию и сожмет ее, и пальцы обязательно встретятся, а она будет искренне и простодушно смеяться над его восторгом. Немыслимая женщина, просто невозможная!

Глава 4

Офис, который мы снимали, находился в высотке. Я любила современную архитектуру, современные интерьеры и современные способы строительства и отделки помещений. И каркасными домиками мы с Ирой занялись потому, что при их установке все это подразумевалось само собой. Она тоже любила современность, но иногда делала шаг в сторону русской дворянской классики или простого французского «прованса». Дома получались очень нарядными и удобными. А то, что мы сдавали их что называется «под ключ», под девизом нашей фирмы «Заходи и живи», только прибавляло им привлекательности в глазах заказчиков.

Быстро прошла по короткому коридору, не заглянув к девочкам. Не хотелось показываться им на глаза в помятом во всех отношениях виде. В наш с Ирой кабинет привычно шагнула без стука и замерла – напротив нее, в кресле для клиентов сидел Олег. Почему я решила, что он сейчас на работе? Зачем был этот спонтанный маневр с заездом сюда? Хотела же сначала привести себя в порядок, собрать сумку. Но что теперь…? Не глядя по сторонам, на ватных ногах прошла к своему столу, по дороге вызверившись на Ирку:

- Какого черта вообще…?

И вспомнила, что без телефона – она просто не могла предупредить меня. Поэтому села и затихла, сцепив руки в замок и бессильно цепенея от разом нахлынувшего горя. Жуткое, тяжелое, безнадежное чувство с комом в горле и резью в глазах. Растерянность и беспомощность, больное осознание потери и невозврата к прошлому. Обида! И снова это желание - тихо сдохнуть прямо здесь и сейчас из-за почти невыносимости всего этого.

- Аля… - донеслось из гостевого кресла глухо и хрипло.

- Ир, дай что от головы… давит по страшному, - тоже почти хрипела я, - Олег, ты сильно не вовремя. Я еще не готова говорить. Если тебе хоть чуточку жаль меня, подай на развод сам – избавь меня от этого. В нашей квартире я жить не смогу – оставь себе. Твой бизнес меня тоже не интересует, мы с Иркой отлично прокормимся. Деньги на ту машину… с ними тебе придется расстаться – мне нужно

где-то жить. Препятствий для быстрого развода как будто не должно быть.

Услышав невнятный звук, вскинула взгляд и обмерла... Я ни разу не видела, чтобы Олег плакал. А сейчас он плакал... при мне и при Ирке – судорожно вдыхая сквозь зубы воздух и неловко прикрывая лицо растопыренными пальцами, вздрагивая всем телом. И вся эта хрень… скрутилась внутри и взорвалась у меня в голове непонятно чем! Уронив стул, я вскочила, вынеслась за дверь и помчалась по коридору на выход. За мной никто не гнался и не пытался остановить или заговорить.

Перед глазами стоял плачущий, как ребенок, Олег в джинсах и зеленой домашней футболке с ярким принтом - изображением зубастой щуки. С ветровкой на коленях и с закрепленной пластырем марлевой нашлепкой над виском – похоже, задела и его. И неслабо задела, раз пришлось так коротко остричь волосы. Окалина… там же этой окалины наросло! Счесала… снесла… Хотели ведь обжечь на костре и забыли взять на рыбалку прошлый раз...

Такси подвернулось на редкость удачно. Назвав адрес, я замолчала и тихо просидела так всю дорогу. Молча расплатилась, когда доехали до дома, не глядя, прошла мимо консьержки и поднялась в лифте на родной семнадцатый этаж. Скользнула взглядом по соседской двери... привычно открыла свою. Разулась в прихожей, вступив в синие тапочки с игривыми кроличьими помпонами. Зачем-то прошла на кухню, осмотрелась там – все, как всегда… кушать не хотелось. Хотя в холодильнике, я знала, стояли те самые формочки с заливным судаком – мы с Олегом очень любили рыбу и готовили ее разными способами. И судак в этот раз получился особенно вкусным – выловленный мною же «на дорожку» в прошлые выходные. Рыбалка была нашим общим увлечением... Какого хрена ему не хватало?! Простонала и прикрыла глаза… а-а-а, наверное, все ж поем – сутки не жрала.

Порции в судках были маленькими, рассчитанными на поедание с гарниром, и в меня влезло целых две. Аппетит, как известно, приходит во время еды, а еда удалась на славу. Вот только пару косточек попалось, как ни выбирала я их при готовке. Привычно мелькнуло - предупредить Олежку… мысль только мазнула, а в глаза уже поплыли слезы. Наверное, очередной этап такой в переживаниях

– слезливый, и таки придется вылить это из себя, пройти и через слезы. Смахнула их и составила грязную посуду в раковину, с сомнением взглянув на двойную кофейную турку… нет, не хочу. Приготовление и распитие кофе по утрам являлось нашим семейным ритуалом – обязательным и ежедневным. Я готовила только из свежесмолотого кофе, безо всяких добавок, а Олег – с приправами. Пробовал с корицей, кардамоном, ванильными стручками, бадьяном, чесноком, мускатным орехом и разными видами молотого перца. Мой любимый вариант был с черным перцем и кардамоном.

Оттягивая неизбежное, в гостиной подошла к панорамному окну и отдернула в сторону тюль. Квартиру мы взяли из-за этого самого вида, что сейчас открывался передо мной. Наш дом был самым первым в высотной застройке и отсюда хорошо просматривался старый город - с парками и зданиями еще советской постройки, золочеными верхушками церквей и переплетением улиц – широких и малых. А ночной вид с ползущими внизу светлячками машин и подсветкой исторических памятников, цветными пятнами рекламы и отражением фонарей в темной реке умилял меня, а иногда, под настроение, и трогал до слез.

Привыкания к этой красоте за год так и не наступило и в теплое время мы пили свой кофе по утрам, открыв окна на лоджии – тоже застекленной в пол, с мягким ковриком под ногами и столиком с парой мягких стульев. После того как прошли холода, сюда выкатили из гостиной большое лимонное дерево и цветочный горшок с безбожно разросшимся папоротником.

Окна выходили на закатную сторону и в особо красивые вечера здесь же мы смаковали уже не кофе, а красное вино из удобных бокалов. Я ставила на столик любимые фрукты, зажигала восковую свечу, тихо звучала музыка… Иногда мы держались за руки и когда, «загадочно» улыбаясь, он настойчиво натирал пальцем мою ладонь, это означало обязательное продолжение ночью. А пару раз я засыпала, придвинувшись и склонившись к нему на плечо – устала зверски, набегалась. А он дул мне в лицо и целовал в нос – будил… Всегда так будил – целовал в нос.

- Какого… ему не хватало? - выла я уже в голос, задыхаясь от обиды и захлебываясь хлынувшими, наконец, по-настоящему слезами - отпустила себя. Качаясь из стороны в сторону, дергаясь и горестно,

некрасиво, по-бабьи подвывая и истекая соплями. Пересидев так какое-то время, вытерла глаза кулаками, встала и решительно прошла к спальне. Там, на антресолях высоких шкафов, под самым потолком были сложены выездные сумки. Брать большой чемодан не хотелось. Задержав дыхание, прикрыла глаза, прогоняя приступ тошноты и паники. Нужно войти... дальше тянуть некуда - уже и поела, и поплакала... Поэтому тряхнула головой, зажала рот носовиком, открыла дверь и потерянно замерла…

Моей спальни, как таковой, больше не существовало. Здесь стояла совершенно незнакомая мебель – темная, с кованой вставкой на высоком изголовье кровати, укрытая пушистым покрывалом цвета сливок. Шторы тоже… и пол был закрыт такого же цвета ковром. Шкафы, как я любила - без зеркал, как и раньше прикрывавшие всю противоположную окну стену, прикроватные тумбочки – все было в темном цвете и простом, лаконичном стиле.

В висках тяжело застучало, и я с силой потерла их, чтобы и в глазах заодно прояснилось - кажется, я поняла. Все здесь залито было их кровью и вот поэтому… Захотелось поскорее уйти, я поспешно распахнула дверку шкафа – одежда привычно висела на своих местах, аккуратными стопочками была разложена на полках. И когда все успел? Хотя… прошли целые сутки, делали специально нанятые люди. Достав сумку, принялась складывать туда вещи – практичные, немаркие, только самые необходимые. Все плыло перед глазами - соленая вода во мне не иссякала. Вытирала их, зло сморкалась и продолжала собираться.

Эта комната… наше гнездо, кубло, нора, наша счастливая берлога, куда мы забирались и творили любовь. Уже не так, как в самом начале – часто и яростно, до боли во всех мышцах и состояния не стояния потом. Сейчас все проходило без спешки и надрыва – нежно и привычно, со знанием дела и умением. Не так часто – два-три раза в неделю, но всегда с желанием и приятным финалом для меня. Я чувствовала себя любимой и желанной, я изучила его пристрастия и вкусы до мелочей, так же, как и он мои. Так какого хрена?!!

Со мной творилось что-то не то, нужно было срочно бежать отсюда. Со свежих ран безжалостно срывали молодую, только наросшую кожицу, и опять я корчилась от боли и обиды, даже дышала судорожно, с трудом. Как маленькая, честное слово!

Остановилась, тяжело присела на новую кровать и глубоко вдохнула, заставляя себя успокоиться. Вытерла глаза и, отбросив в сторону совершенно мокрый носовик, вдруг вспомнила… кинулась искать свой телефон. Нашла его в прихожей на полочке и позвонила Ирке:

- Он еще там?

- Уехал. Сразу за тобой и уехал, сказал – на работу. Собирайся спокойно. Потом давай сюда, примешь проект и съездите с Марком – посмотрите на само место. Определишься с постоем на первое время, или с Марком же и вернешься. Можешь жить у меня и ездить туда каждый день, но это далековато.

- Разберемся… Что он сказал тебе, Ир?

- Помоги… сказал, - сдавленным голосом ответила она, - знаю, что сволочь, а ненавидеть не получается, веришь?

- Верю. Потому что не твой. На своего у тебя хватило… всего.

- Может просто перегорело уже, забылось – как это? Столько лет прошло… - задумчиво прозвучало из мобильного, - я тут жду тебя, смотрю карту местности, но ты же понимаешь…?

- Да-да, не нужно без меня. Я собралась, поела, уже выхожу.

В отдельную сумку отправились документы, планшет, деньги, предметы ухода и гигиены, пара полотенец, комплект постельного, маленькая кофемолка, такая же турка и нераспечатанный золотой пакет зернового «Жокея». Еще походный комплект посуды и тапки с помпонами. Резиновые сапоги, дождевик и пара курток разной степени утепленности, находились в шкафу на работе. Раньше, несколько лет назад, нам с Иркой часто приходилось выезжать на место очередной стройки, отслеживая качество работы только-только набранных строительных бригад.

Оглянулась на выходе, потопталась высокими кроссами по коврику, еще раз осмотрела себя, засомневавшись на минутку – высокие джинсы, простая водолазка, свободная ветровка - одежда для строительной площадки. Нет, все нормально, сейчас самое то – как раз под опухшую от слез физиономию и простой хвостик на затылке. Еще темные очки на нос и оставить у консьержки пятерку для соседа.

Ну, и с Богом! Если уж пережила эти сборы, то все остальное переживу точно.

Глава 5

На этот раз я заглянула в соседнее помещение и поздоровалась с тремя женщинами разного возраста – нашим офисным коллективом - двумя бухгалтерами и дизайнером. Три выездные строительные бригады полностью состояли из одних только мужиков, в каждую из них входило по шесть человек – вот и весь рабочий штат «Теремка». С бригадами мы поначалу намучились, текучка была страшная – многие хорошие и рукастые мужики пили. Работали нормально, а в день получки скатывались во многодневный запой. С такими работниками мы прощались и брали новых. Увольнениями занималась я. Ирка нервничала и боялась, а у меня расставаться с пьяницами получалось тихо и мирно, без взаимных оскорблений и смертельных обид. Мы даже невесело смеялись с ними, подшучивая над проклятой зависимостью:

- И в борьбе с зеленым змеем… - с сожалением улыбаясь, исполняла я традиционный марш прощания.

- …побеждает змей! – как правило, дружно подхватывали алкоголики и, получив честный расчет, расходились по домам. Ирка легонько выдыхала – злые и обиженные пьющие мужики могли представлять реальную опасность для нас самих и нашего маленького бизнеса.

- Мне кажется, они все влюблены в тебя, - довольно говорила она мне.

- Само собой, со мной же и выпить можно – мечта, а не женщина, - легко соглашалась я. Было пару раз – кидала в себя, как в яму и стопку и вторую, а ни в одном глазу на нервах.

В конце концов – уже года три как, постоянный состав бригад определился, мужики сработались и почти не чудили. Может еще и потому, что со временем стали неплохо зарабатывать – нас узнали на рынке строительных услуг, количество заказов увеличилось, работа стала знакомой и привычной, а главное - постоянной. Они стали по-настоящему дорожить ею. Мы тоже ценили своих людей и по-женски заботились и об условиях их проживания на объекте, если он находился на значительном отдалении, и о питании. А они в свою

очередь по-мужски оберегали нас от лишней нервотрепки, стараясь решать мелкие спорные вопросы самостоятельно, на уровне бригадиров.

Ирка устало потянулась при виде меня, взлохматила короткую блондинистую шевелюру и молча наблюдала, как я достаю из шкафа и расстилаю на своем рабочем столе большую льняную салфетку. Позвякивая металлическими крышками, осторожно вытаскиваю из пакета пару судков с заливным, тертый хрен, зеленый лук, хлеб, и живописно расставляю и раскладываю все это на беленом льне, протягиваю ей ложку.

- Вот… пробуй. Как и обещала, - подвела я итог, по-хозяйски обводя взглядом аппетитную «поляну».

- Да провались оно все… - тихо выдохнула она, отворачиваясь.

- Можно подумать, рыба виновата, - вздохнула я, - вот я всегда удивлялась… речка огромная – метров пятьсот в ширину и длина само собой…, а крючок с червячком такой ма-аленький. Но находит же дура-рыба и хватает, и подыхает потом! А оно видишь как – сука-судьба... червяк около нее опустился. Сколько они там возились – максимум полчаса? Судя по интенсивности процесса… - трудно сглотнула я, суетливо переставляя все на столе с места на место: - А рабочий день дли-инный – с утра и до вечера. Но именно в эти полчаса меня и угораздило мотнуться, чтобы угостить тебя заливным. Судьба, Ир, виновата, а не рыба. Так что давай… что добру пропадать?

Когда она уже поела и посуда была убрана, мы передвинулись к ее столу, заваленному бумагами. Рассмотрели договор, крупномасштабную карту области, подъезды, качество дорог, по которым будет подвозиться малая строительная техника, по надобности подъедет арендованная большая, подтянут жилой вагончик. Я поинтересовалась проектом, который выбрал товарищ Владимир Борисович Беркутов, судя по расшифровке рядом с размашистой подписью на договоре.

- А ты что – не знала фамилии своего соседа? – удивилась Ира.

- Неа, - протянула я, удивляясь сама себе: - Между собой мы звали его Снобом. Встречаясь возле лифта, приветствовали друг друга, вежливо улыбались. Он еще при знакомстве показался мне каким-то странным, затраханным то ли работой, то ли личными

проблемами. Мало приятного – смотреть на отстраненное выражение заносчивой морды, а на Русю эту вообще… голову задирать. Просто не интересовалась ими. Зачем?

- Ну, теперь знаешь. Бригаду Марка возьмешь? Или, может… Голубева? - загорелась вдруг она странным энтузиазмом, - они тоже скоро освободятся.

- Ты говорила мне про Марка, его тоже, наверное, уже поставила в известность. Мы вначале вдвоем туда – на разведку. А сроки? – встрепенулась я, припоминая, что в договоре на эту тему ничего не прописано.

- Не оговорены, - довольно улыбнулась Ирка.

- Тогда посижу там недельку сама – поброжу, посмотрю, поработаю с проектом. И небольшие дожди обещают каждый день, так что лучше начать со среды, - уставилась я на прогноз местного метеобюро, - а Марик с ребятами подтянутся по звонку. Симковы, кажется, заказывали основу под ландшафт?

- Я пока ничего им не обещала.

- Вот за недельку и сделают, там как раз сплошной песок – не придется грязюку месить. И Светке приработок и мне тоже время. Только сразу накрути им хвосты насчет мата и вежливости.

- Крутить хвосты – это твое… Ты не обижайся, Лянка, но я подозревала, что у вас когда-нибудь такое случится, догадывалась, - огорошила меня Ирка, - ты же у нас казак в юбке…

- Казачка… - потеряно уточнила я.

- Да кой хрен – разница? Ты командир по жизни, шаг вправо-влево – сразу расстрел! И без вариантов.

- Ты о чем сейчас вообще? - уточнила я ровно и относительно спокойно.

- А пожалуйста! – решительно хлопнула она по столу рукой, - кто у вас в семье решает – ехать в эти выходные на рыбалку или сидеть дома?

Я молча ждала – что дальше, а Ирка продолжала:

- Кто выбирал квартиру? Мебель? Кто планирует отпуска? Его рубашки, костюмы, галстуки…?

- Я, все - я, но у Олега всегда был равный совещательный голос, и наши вкусы совпадают.

- Голос был, права подать его не было. Ты просто не замечала, - ласково погладила она меня по руке, - категоричность твоего тона и рассуждений бросается в глаза всем, кто с вами общается.

- Ира… - потрясенно выдохнула я, - да я всегда такой была! Нравилась ему такой. Он отдыхал дома от руководства, от командования - на работе выше крыши! Он же спокойный, ему трудно… Я освободила его от этого – решений, суеты, выбора, поисков, метаний! Я знаю его вкусы, я давала ему отдых, комфорт во всем! Он что – еще и дома должен был, как Барбоска…? Да он сам всегда спрашивал меня, советовался!

- А что еще ему оставалось?! Ты же все равно сделаешь по-своему. И по максимуму. Ваши посиделки на балконе – по полному, полнейшему максимуму! – орала она.

- В смысле? Да что за хрень ты несешь?!

- В смысле?! Когда мы уселись, ты, никого не спрашивая, сразу ушла включить эту свою музыку, а он так… будто извиняясь, тихонько улыбался, глядя на меня. Мол, потерпи немного, как я терплю все это – закат, свечи, «Энигму» твою, вино сухое - дрянь…

- Пошла к черту! – вызверилась я, задыхаясь. Отъехала на кресле от стола и отвернулась от нее, изо всех сил стараясь не сорваться на мат. Сейчас был тот самый случай.

- Сама такая, - тихо ответила она, - ты командовала им, в рот ему не смотрела, авторитетом в семейных делах не считала, на колени перед ним не вставала…

- А на колени – зачем? – офигела я, хлопнув глазами и на секунду забыв про подступающие яростные слезы.

- Для *этого*… Они все любят *это*...

- Да что ты про нас знаешь?! – очнулась я, - Ирка, ты вот… все это серьезно сейчас? На самом деле?

- А зачем еще ему свежее мясо? Чтобы в рот заглядывало, глазами ело, подчинялось. Авторитетом себя чувствовать, брутальным мужиком, диктовать… в постели, в том числе. А может, он шансон тогда хотел или коньяк?

- Ты совсем дура? Звездная болезнь у него случилась, не прошел испытание медными трубами, - отрезала я, - амбиции взыграли!

- Во-во, человеком себя почувствовал, а не тварью бессловесной, - подтвердила подруга.

- Господи… бред несешь, - прохрипела я и прокашлялась: - Почему молчала раньше? Что он так улыбался тогда?

- У вас все хорошо было. Откуда я знаю - может, он мазохист-подкаблучник? И каждый день готов провожать закаты вместо футбола.

- Это уже перебор, Ирка. И не каждый, а по погоде. И ему фиолетово на футбол.

- Золотой мужик! Преувеличиваю, конечно… Но он тут плакал! Дай Олегу шанс, просто поговори с ним, дай ему хоть раз высказать свою точку зрения, объясниться.

- Ты совсем – того?! Я никогда, ни разу не затыкала ему рот! И нет! - дернула я головой, - он плакал не потому, что раскаивается – просто жалел, что я узнала и теперь начнется ад – скандалы, развод, дележка. Было приятно и удобно! Стало плохо! Все! Там система, Ира. Он врал и притворялся так виртуозно, что я ни разу ничего не почувствовала и не заподозрила. Ни на йоту! Там опыт, богатейший жизненный опыт! Я не удивлюсь, если Руся далеко не первая. Я даже не знаю, кто у него секретарша. Ты же понимаешь – теперь я стала бы выяснять это, я стала бы отслеживать каждый его шаг… да ну нах…! - и дернулась прикрыть рот ладонью. Сейчас схлопотала бы от бати по губам, невзирая на возраст.

- Если бы Миша тогда вот так пришел и плакал, я простила бы. За простое «прости» простила бы. А у тебя нет сердца! Ты, вообще – любила его хоть капельку? – рыдала Ирка, а я дрожащей рукой гладила ее по голове, успокаивая.

- Вот же идиотка… Тебе своего мало? Любила. Очень сильно. Но для себя я важнее и тратить жизнь на того, кто не любит – глупо. Да я просто не смогу с ним! Гадость же какая, Ирка! Ты же не видела! – задохнулась я отвращением, - мерзкие быстрые кролики! Потный кролик с шерстяной жопой! Ненавижу его! Никогда больше не говори мне такого или я тебя не знаю! – рыдала уже и я в голос, обнимая подругу, а она – меня.

- Похоже, нашего полку прибыло? - раздалось от двери. Там стояла величественная и основательная Оксана Дмитриевна, хмуро оглядывая представшую перед ней картину.

А я растерянно пожала плечами, шмыгая носом и бережно прижимая к своей объемной груди уже тише хлюпающую тощую

Ирку.

- Ну, поплачьте на пару… меньше пописаете, - угрюмо отметила старшая из двух наших бухгалтеров и, стукнув дверью, плотно прикрыла ее за собой.

- Достала она со своими установками, - завозилась Ирка, отстраняясь и устремляясь на поиски носовика. Громко высморкалась и вызверилась: - Можно подумать, мы тут каждый день негативом фонтанируем! Я бы с радостью излучала исключительно позитив – и днем, и ночью. Только вот не с кем.

- Зато мы с тобой успокоились, а то орали… Она прикрыла, чтобы воплей не слышно было, нужно будет поблагодарить, - в свою очередь приводила себя в порядок я.

- Не надо… к тому времени мы уже проорались. Слушала она… стояла.

Глава 6

Ну, что же? Я молодец - нашла в себе силы пережить «спальню», а это сейчас почти подвиг. Негатив удачно выплеснула вместе с этой дурочкой. О том, что она говорила, даже думать не хотелось – я лучше знаю Олега, помню и больше того – чувствую все то, что было между нами. Климат в семье, атмосфера в доме – они существуют. Это настроение, с которым заходишь в дом, спешишь увидеть и порадовать самого близкого человека, соскучившись за день и получать то же в ответ. Это счастье знать, что ты не одна и есть кому защитить и поддержать … все это было и постель была в полном порядке. А теперь его причины уже не имеют никакого значения, разве только – сделать зарубку на будущее? А оно есть в тридцать семь с дли-инным таким хвостом - день рождения через двадцать дней. Если только на то, чтобы прийти в себя и опять решиться на отношения, мне понадобятся годы и годы… драгоценные.

- Алена, ты что - спишь с открытыми глазами? – окликнул меня Марк, пытаясь заглянуть в глаза и прервав невеселые размышления.

- Следи за дорогой, - мотнула я головой, возвращаясь в реальность.

- Что там у вас случилось? – не унимался он, - из-за чего весь сыр-бор? Орут все, рычат или стеклянными глазами смотрят. По работе что-то? Так не первый раз, справимся.

- Само собой – справимся, куда мы денемся? - согласилась я, присматриваясь к экрану навигатора.

- Марик, я серьезно - следи внимательно за дорогой, на эту шайтан-машину сильно не надейся. Я помню карту – здесь полно грунтовок, а оно часто ведет по самому короткому пути – сядем где-нибудь на пузо.

- Не должны, - самодовольно улыбался он, поглядывая на меня: - Я вбил не самую короткую, а самую хорошую. Не переживай, поспи если хочешь, я помягче поеду.

Благодарно угукнула и прикрыла глаза. Можно было спросить сейчас – а он изменял своей жене? Но на философские дебаты с посторонним, по сути, мужиком меня не тянуло, а разговор

обязательно повернет именно в это русло. Может, он даже честно признается, а я сделаю из этого умные выводы и что-то для себя пойму. Но на ответные откровения моя натура не способна была в принципе. Разговаривать по душам я могла только с Олегом или Иркой. Поэтому и щедрой на правильные советы Дмитриевне объяснять всю гадость ситуации было не комильфо, хотя она и сама что-то слышала и все поняла правильно.

Счастливая женщина не нуждается во множестве подруг. Вот и получилось - и счастья нет и подруг тоже, осталась одна только несчастная Ирка. У нее тоже не сложилось когда-то и я понимаю, что случись сейчас у нее мужчина, она вцепится в него зубами, руками-ногами и всеми своими нервами. Там будет все для него – и футбол, и музыка, и пиво, и на коленях… настрадалась, истосковалась одна. Но Ирка очень сильная – дай Бог мне так пережить все это. Она не свалилась в устойчивую, длительную депрессию, а пошла получать второе образование – юридическое. Наша фирма по большому счету ее детище. В ней я командир и организатор, а она – ум… умище…

Проснулась я оттого, что наступила тишина. Открыла глаза, пытаясь проморгать остатки странного сна - что-то похожее на битву под Прохоровкой, потому что - чадящие черным дымом вражеские танки в узкой прорези амбразуры, оглушительный рев движка, резкий металлический удар затвора пушки… А-а-а, это Марк грохнул дверкой.

- Купи себе холодильник и стучи им, - недовольно процитировала я его самого, только меня никто не услышал – бригадир самой первой нашей бригады обозревал окрестности, стоя возле машины и сладко потягиваясь. Мне срочно захотелось сделать то же самое.

- Красота какая-а… лепота-а-а… - стонала я, поворачиваясь вокруг своей оси и фигея от открывающихся видов. Населенный пункт, который смело можно было назвать селом, потому что здесь имелась если и не церковь, то ее развалины, расположился в глубокой долине под холмами и своими боковыми улочками уходил между них. Мы сейчас находились с краю и сверху, и могли по достоинству оценить всю красоту весеннего сельского пейзажа.

- Вот он - этот самый участок и есть, - указал рукой Марк и привычно огладил лысую макушку с ободком редких, седеющих уже волос.

- Нормальный подъезд, вообще проблем не вижу. Вот тут, на горке, я бы вагончик и поставил. Не жарко, сухо, комаров сдувает, траву затопчем – никто слова не скажет, - обвел он взглядом цветущую липу рядом с дорогой, - и пахнет тоже…

- Вода далеко, - возразила я.

- Нам ее таскать - не тебе. Комары страшнее. А помыться… не так и далеко бежать, - уставился он на небольшой водоем в самом начале села – прямо под нами.

- Смотри сам… ставок небольшой, может быть гусями засран, - равнодушно согласилась я. Мужики всегда сами решали, где ставить малый строительный городок и, как правило, всегда угадывали в этом – многолетний опыт не пропьешь. Мне тоже нужно было найти временный приют. Проще всего было попроситься на постой в какой-нибудь дом поблизости от стройки. Таковой здесь имелся – старая хибара с просевшей крышей, которую уже пытались привести в божеский вид, по-дилетантски залатав разными вариантами кровельных покрытий и пристроив какое-то пространство. Чем и хороши были сборные, да и деревянные дома тоже – увеличивать их площади можно было до бесконечности.

- Пошли, спросим и я сразу тебя отпущу, - потащила я за собой мужчину. С ним было спокойнее. Спустившись по дороге, мы повернули вправо и метров через двадцать оказались возле огромного куста экзотических рододендронов, растущего на поляне возле дома. Назвать это двором не поворачивался язык – пространство никак не было ограничено и отгорожено. Даже от странного вида дороги, которая буквально притиралась к дому, продолжаясь метров двадцать, а потом благополучно исчезая. Просто уходя в никуда.

- Тяжелый трактор, - объяснил Марк этот феномен себе и мне заодно.

- Разворотил гусеницами на повороте, вот и не растет теперь ничего.

- Да, другого объяснения не вижу, - согласилась я. Выросши почти в таком же большом селе - казачьей станице, с особенностями

передвижения тяжелой сельскохозяйственной техники я была знакома с самого детства.

- Хозяева! – постучалась я в дверь домика и раз и два. Снаружи дверь не была подперта веником, что всегда означало, что хозяева отлучились, но ненадолго. Так что я потянула дверное полотно на себя и вошла, опять окликнув: - Эй! Хозяева-а?!

- Тут я, - отозвался глухой женский голос и в углу прохладной чистенькой комнаты, на высокой старинной кровати с металлическими шишечками по бокам, кто-то зашевелился. Глаза уже приспособились к полумраку, и я увидела, как из-под одеяла показались две голые старческие ступни.

- Марик, подожди меня снаружи, - обернулась я к мужчине и он послушно вышел. А я присмотрелась к пожилой, да чего уж – очень старой женщине, которая уже опустила ноги и села, откинув в сторону одеяло. Седые, коротко остриженные волосы топорщились на голове старухи, из-под светленького байкового халата выглядывала розовая ночная рубашка. На морщинистом темном лице сильно выделялись светло-голубые глаза.

- Что ты хотела?

- Примете на постой, хозяйка? Я из строительной бригады, будем ставить дом на соседнем участке. Сильного шума и пьяного беспредела не будет, не переживайте. Мне бы уголок маленький, с мужиками в вагончике сами понимаете… И далеко ходить не хотелось бы, а у вас тут рядом, и само собой – не за бесплатно.

- Девятая, стало быть, - непонятно отреагировала старуха и сползла с кровати. Прошла босиком по тканой дорожке на дощатом полу и остановилась возле меня, окинув цепким взглядом с головы до ног.

- Какая ты… - прозвучало неожиданно.

- Спасибо? - растерялась я, - так что – возьмете к себе?

- Возьму, если поможешь с грядками. Немного… я всего ведро картошки сажаю – только молодую покушать, - кивнула она, а я с облегчением выдохнула:

- Да вообще без проблем!

- Это на тот случай, если разболеюсь, - бормотала старуха, - звать тебя как?

- Алена.

- Ален у меня еще не жило. Проходи, заселяйся. Вон там комната. Окошко только выставить придется, чтобы просушить и проветрить – там старая часть дома, оно не открывается.

- А чердак у вас жилой? - вдруг вспомнила я замечательный летний вариант проживания в родительском доме – простор, свобода и никакого визуального контроля.

- Сенник там был давным-давно. Труха да пыль только и остались – никому не нужно. Убираться дольше будет…

- Ну, это вообще не важно, где ночевать, главное – в доме электричество есть, мне работать нужно.

- Это сейчас кругом есть, разве – в лесу глухом? – отвернулась она от меня, обуваясь в короткие чуни. Потом спросила, поворачиваясь и глядя мне в глаза: - Ты сама меня нашла или присоветовал кто?

- Сама, - пожала я плечами, - ваш дом первый в селе и рядом со стройкой – очень удачно.

- Последний он, а не первый, отсюда до магазина далеко. А ничего, если про меня плохое говорить будут?

- А что могут сказать? Что вы злая? Не смешите меня.

- Если тебе скажут, что я ведьма? – допытывалась старуха, уже порядком утомив меня беспредметным разговором практически на пороге дома. Говорливая… может, и правда – поискать что-то еще? Но тут все так рядом…

- Все мы немножко ведьмы, просто на горячем не попались, - ответила ей, улыбаясь.

- Правда твоя, - по-доброму заулыбалась и она, и сразу стала выглядеть лучше и приветливее.

- Меня зови баб Маней, я уже привыкла – возраст… куда от него? А ты подходишь - веселая, - довольно кивала она головой, по каким-то своим критериям оценивая постоялицу. И вдруг добавила, сразу роняя мою самооценку ниже плинтуса: - И в теле.

Сговорились они, что ли?! И опять вспомнилось все то, что на время подзабылось за знакомством и разговором. И будто лампочку выключили внутри, я потухла…

- Марк, принеси, пожалуйста, мои вещи - остаюсь здесь, - выглянула я наружу.

- И скажи Ирине, что хозяйка хорошая, дом чистый. Справлюсь здесь – сообщу, пускай не названивает. На горе связь точно должна быть.

- Мы тут недалеко вышку проезжали, должна быть везде, - согласился мужчина.

Глава 7

Приходилось согласиться с тем, что баба Маня ведьма. Потому что этим же вечером мы с ней сидели за столом, пили чай из неведомых садовых трав с покупными пирожками, привезенными мною из города, и я рассказывала ей обо всем, что у меня случилось. Едкая и злая душевная горечь, вызванная больными воспоминаниями, прорывалась в подрагивающем голосе и нервном треморе пальцев… Я сжимала их в кулаки и всеми силами давила в себе жесткую нервную трясучку. Закончив с фактами, судорожно вздохнула и сделала выводы из собственного рассказа:

- И вот теперь я понимаю - о чем вы… после того, как вы это сказали, я понимаю, что я и есть та самая ведьма, потому что на кухню я метнулась за ножом, у меня в глазах мутилось, я убивать шла! Глаза вырывать, кишки на кулак наматывать! Плохо помню, на самом деле, но нож перед глазами стоит, вспоминается, как… сама не знаю. И удивляюсь, что в руках сковорода оказалась, а не он. Наверное, просто ближе - перед самыми глазами, а подставка с ножами стояла дальше. И еще вот… я женщина неслабая, девчонкой еще по два десятилитровых ведра с водой таскала. Мелкая, худая, а сила в руках всегда была. Сейчас тем более, но эта сковорода… она чугунная, толстая, большая. И вот ее я иногда едва не роняла - такая тяжеленная, а когда полная, так вообще... А тогда будто ляпачкой взмахнула.

- Что-й то еще такое? - забеспокоилась печально молчавшая до сих пор женщина.

- Мухобойка, не знаете? У нас дома так говорят. Палка с куском кожи, вырезанным кружком, чтобы мух бить. Там у нас их до черта летом.

- Не поминай врага, на ночь глядя, - строго цыкнула она, не меняя позы и не отрывая от щеки подпирающий ее крепкий сухой кулачок. Я машинально кивнула – нельзя, так нельзя.

- У нас на селе тоже было дело - мужик сам грузовик приподнял, чтобы жену его из-под него вытащили, да только поздно уже было…

зря все, - вздохнула она, а потом вспомнила еще: - И по РэнТВ про такие случаи рассказывали, помню...

- У вас тут есть телевизор? – огляделась я внимательнее, и увидела – на самом конце стола у стены стоял объемный ящик старого образца, аккуратно накрытый белой салфеткой, обшитой кружевом ручной работы. Такой же любовно вышитой тряпочкой накрывала подушки, сложенные горкой, моя бабушка. Великое дело – памятные ассоциации. Пахнуло теплыми воспоминаниями из детства, согрело, и даже дом этот стал казаться роднее, потому что глаз подмечал многие детали из разряда знакомых. Наверное, все дело в том, что баба Маня и моя бабушка были почти ровесницами.

- Не знаю даже – как спать буду? – жаловалась я ей, с надеждой глядя в выцветшие голубые глаза: - Не хочется подсаживаться на таблетки. А может, по-ведьмовски почистите мне память, а? Ага! – рассмеялась, хлопнув себя по лбу:

- Не берите в голову, это все нервное – ночи боюсь, мыслей боюсь. Боюсь – не справлюсь, свалюсь во что-то страшное. Вот и подумала – а вдруг вы правду сказали? А то держусь непонятной силой… Почему и ночи боюсь – думать же стану… дойдет до ума, пойму не так, как сейчас, а глубинно, осознано - подохну от боли. Не знаю, как объяснить… сейчас я будто за стенкой и спасаюсь ею. Точно что-то такое есть, потому что сама себе удивляюсь - как получается просто жить после этого – ходить, дышать, говорить? У меня же сердце должно разорваться… разорвано… Я и вижу, и слышу, а как-то не так… крыша едет? Я уже не удивлюсь, - обнимала я себя за плечи, сдерживая крупную дрожь и едва не чакая зубами из-за нервного возбуждения, вызванного собственным рассказом.

- Это вечер… особо тяжко бывает вечерами, как солнце скрылось - так сразу и наваливается... Пей сегодня свою химию, а уже завтра посмотрим. Я тут фельдшером почти сорок лет проработала… все нормально у тебя с головой, довели просто. Потом, если само не попустит, что-нибудь придумаем, - прозвучало очень неожиданно и сразу отвлекло меня от трясучки, выдернуло из воспоминаний. Женщина сидела, горестно подперев голову, и даже не смотрела на меня – просто вспоминала, глядя в окошко старинного вида – наследие старинной версии этого дома:

- Сюда еще в пятьдесят шестом распределили из Архангельского медицинского техникума. Ты знаешь, кто такой фельдшер? Это тот же врач, только широкого профиля. Раньше очень грамотно, добротно учили – я и зуб могла удалить, и рану обработать… Роды принять, простуду вылечить, облегчить колику, простой перелом сложить, вывих вправить… Много чего делала, работала долго. Рассказывать можно всю ночь, но сейчас не нужно. Потому как к нашему делу не относится.

- Зовут-то вас как? – спросила я и меня поняли правильно.

- Мария Львовна жовут, - не отрывала она задумчивого взгляда от темного окна, пихая в рот последний кусочек пирожка с капустой и неспешно прожевывая его.

- А что тогда относится к делу? – уважительно полюбопытствовала я, благодарная ей уже за то, что она отвлекала меня разговором и, похоже, собиралась рассказать о чьем-то состоянии, подобном моему. У медиков тоже есть такие профессиональные байки, как и в любой другой профессии. Вот и я только навскидку могла рассказать с десяток по-настоящему смешных анекдотов на тему строительства - разного рода забавную брехню и живые жизненные истории.

Но я устала, так сильно устала за этот день – от событий, впечатлений, переживаний. Так что сейчас разговоры такого плана точно были бы лишними, лучше перенести их на любой другой день. Что я и объяснила ей, выдвинув предложение:

- Давайте уже спать, дорогая Мария Львовна. Если вы что-то важное хотите до меня донести, то сегодня я просто не в состоянии воспринимать. На вас вот выплеснула, а сама ни внимательно слушать, ни думать, ни правильно реагировать… не обещаю. Нужно выспаться. С химией, так с химией, таблетки на самом деле неплохие. А завтра выслушаю вас со всем своим вниманием, клятвенно обещаю, - широко зевнула я, прикрывая рот ладонью и вспоминая удобную на вид кровать в соседней комнате, к этому времени уже застеленную моим собственным бельем.

- Ты хорошо держишься, - печально покачала она головой, - старайся не вспоминать то, что видела. Может, еще и помиритесь. И, раз уж ты здесь, вдруг придется… если позову, крикну – сделаешь, как говорю.

- Вам может стать плохо? Хорошо, обещаю сделать все, как скажете, только сегодня ночью не кричите, пожалуйста, ладно? – улыбнулась я ей и зверски зевнула - просто раздирало.

- Ночью не буду, а вечерком как-нибудь – обязательно, - согласно покивала она и поднялась подать мне постельное белье, потянула его из шкафа.

- У меня свое уже застелено, спасибо, - остановила я ее, - вы тоже ложитесь, отдыхайте, все будет хорошо. Телефон здесь берет – я смотрела. А нужно будет – сбегаю к вашему медику, у нас в станице тоже была женщина – ходила по вызовам и днем и ночью. Потом уже большую больницу построили… в общем, помогу чем смогу, если вдруг… Мы же с вами ведьмы, так же?

- Сильно похоже на то, - хитро подмигнула она мне.

Засыпая, я думала об этой женщине. А еще о том, каким замечательным местом будет наш лагерь на горе и какой сумасшедший вид открывается оттуда на село и участок, где будем строить дом. Старый сад с редкими узловатыми деревьями, синий ставок на границе участка, берег бежит от него вверх - зеленый от молодой травы и с желтыми пятнами нагло разросшихся одуванчиков. А дом? Он же говорил, что нужно снести старую развалюху! Поблизости была только одна - эта. И не огорожено тут… точно – это и есть старый дом под снос. Жаль его.

А куда тогда девать бабулечку, почему она живет здесь одна, может дальняя родня? Тогда он уже подумал о ней, но меня почему-то не предупредил. А мне она понравилась. Давно уже у меня не случалось по-настоящему интересных знакомств, в ближний круг не допускался и не входил никто лишний.

Комнатка мне досталась маленькая, поэтому очень уютная, как старая потертая шкатулочка. Я лежала в темноте, свернувшись комочком и зарывшись в любимый постельный комплект шоколадного цвета. Он пах знакомо и уютно, как дома. Я старалась не вспоминать то, что видела тогда, как мне и советовали, но оно все равно вспоминалось. Не получалось и не думать о том, что Олег не звонит, не пытается оправдаться опять. Я бы выслушала, вот сейчас бы выслушала, только чтобы понять – все эти годы я была нужна ему или можно считать их пропащими? Сегодня я ответила бы, позвони он, а вот завтра – уже не знаю. Скорее всего – нет. Просто вечером

всегда тяжелее – солнце скрывается и приходит тоска. Тут баба Маня права.

Закрыла глаза и прислушалась - звуки здесь тоже были в тему. Все до мелочи в полнейшем соответствии с обстановкой и ожиданиями - старые стены и перекрытия поскрипывали, легонько постукивал ставень, не взятый на крючок, за глухим окошком шумел в березовых ветках ветер, срывался порывами – к ночи собирался обещанный метеорологами дождь.

Я правильно сделала, уехав из города - на людях поневоле придется держать себя в руках. Работа затянет, новые знакомства развлекут, да село еще это… на первый взгляд так похожее на донскую станицу… все - спать-спать-спать…

Глава 8

Утро, как всегда, заставило взглянуть на мир другими глазами – я жива и здорова, работа предстоит интересная, хозяйка у меня с изюминкой. Захотелось порадовать ее и себя заодно кофе. В доме никого не было, и я вышла умываться к колодцу, прихватив меньшее из двух взятых из дома полотенец. Умываясь, охала и постанывала – вода была очень холодной, а еще очень вкусной. Это выяснилось после того, как я почистила зубы и хлебнула ее из ладони. Сразу представила себе, как впишется колодец в ансамбль будущей усадьбы товарища Беркутова. И опять вспомнилось и захотелось узнать - кто Беркутов для Марии Львовны?

Хозяйка обнаружилась на грядках метрах в двадцати от дома, но я не стала отвлекать ее от работы – старикам нужно двигаться, и ушла готовить напиток богов. После яркого солнечного утра в доме показалось мрачновато и тесно. Но скоро в комнатке сильно и остро запахло кофе – я приправила напиток зубком чеснока, найденным в кухоньке. Он делал вкус ярче, но мягче.

По готовности позвала Марию Львовну, и она внесла свой вклад в наш завтрак - вытащила из старенького холодильника кусок сыра и покромсала его щедрыми ломтями.

- Ешь, столоваться будем вместе. У меня пенсия старческая – большая. А кофе немного разбавь - я крепкого боюсь, давно уже не пила. Хорош получился, - пробовала она напиток.

- Да… пожалуй, - соглашалась я, смакуя немного непривычный вкус напитка.

- Вода здесь другая, без городской хлорки, - кивала хозяйка, - а колодцы раньше не там били, где удобно, а там, где залегает водяная жила. Знающий человек воду искал с веточкой-рогулькой.

- Подводная река, - покивала я, соглашаясь с ней: - Дома тоже вкусная вода была. Даже для работников в поле бочку у нас набирали. Только к нам с прибором из геологоразведки кто-то приезжал. Но и за рогульку в свое время, я думаю, деньги тоже брали и немалые, - и вспомнила вдруг, спохватилась:

- Расскажете, чем и как вас лечить, если вдруг прихватит? Телефон медпункта у вас есть?

Она покрутила головой, не соглашаясь с таким распорядком и планами.

- Сейчас сходишь в магазин и купишь еды. Сегодня подошла машина, товару будет много, а потом останется только плохой сыр – как мыло, честное слово, - сплюнула она, - пока на свои деньги возьмешь, а в другой раз – на мои, так и будем жить. Как тебе спалось на новом месте?

- Хорошо, - пожала я плечами.

- Говорят же – всегда дается столько, сколько по силам вынести. Вы хорошо, видно, ладили с мужем, потому тебе так плохо. Ты же не только его, а и жизнь налаженную теряешь. Ничего… потихоньку переживешь. Давай еще когда поговорим об этом - легче пойдет.

- Мы не просто хорошо ладили, Мария Львовна, мы любили, - тяжело вздохнула я, но мир не заплыл слезами, не перехватило больно горло…

- Может и правда – нужно говорить, - пробормотала я, вставая из-за стола: - Рассказывайте! Где тут у вас магазин?

- По этой дороге все прямо и прямо, а там сама увидишь. Возьми тачку за домом – идти далеко, не на себе же тащить? Я всегда хожу с тачкой.

Я с сомнением взглянула на нее, но потом согласилась - холодильник есть, наберу сразу всего с запасом, чтобы не отвлекаться и не бегать каждый день.

Село и при ближайшем рассмотрении оказалось живописным - через всю долину тянулась заасфальтированная центральная улица. На одну сторону вдоль нее стояли вполне благополучные дома из кирпича. За каждым сбегал вниз огород, потом следовали сады, которые ограничивались мелким ручьем. Он протекал вдоль всего села и обозначался старыми коренастыми вербами, росшими на берегу. Живописную извилистую цепочку из них я наблюдала с высокого холма еще вместе с Марком. Улочки, убегающие в стороны от основной дороги, были грунтовыми, но хорошо натоптанными. Продуктовый магазин обнаружился в самом центре - возле медпункта и бывших зданий сельсовета и клуба. Сейчас, как рассказала мне Мария Львовна, тут было управление местным

хозяйством и еще что-то – я не особо интересовалась подробностями местной жизни и не запомнила.

Сюрприз ожидал меня в самом магазине – людей там оказалось много, и они вполне предсказуемо обратили внимание на нового незнакомого человека. Пока стояла в очереди, меня незаметно разглядывали и тихо обсуждали, и это было нормально – в любом селе так же интересовались приезжими. Я еще на входе поздоровалась сразу со всеми и просто ждала, когда подойдет моя очередь. Женщина возраста моей мамы, которая стояла рядом, приветливо поинтересовалась:

- А к кому вы приехали, у кого это сейчас гости?

- У Марии Львовны, - вежливо улыбнулась я в ответ, и удивилась, увидев ее реакцию – женщина сразу же отвернулась, а остальные заговорили между собой, оглядываясь на меня. Говорили живее, чем перед этим, но тише – значит, точно обо мне. Странные взгляды бросали и женщины и мужчины, а стояло тут человек двадцать. Потом молодой мужской голос весело окликнул меня из середины очереди:

- Еще одна ведьма, значит?

- Ага, только на испытательном сроке, - охотно отозвалась я, с огромным облегчением реагируя на шутку.

- Погуляем сегодня вечером, заводная? – веселился мужчина.

- Смотри, а то прокляну. К нам только со всем уважением, если кто не знает, - пряча улыбку, со значением ответила я ему.

Реакция на эту невинную шутку тоже была странной – народ насторожено замолчал, на парня городского вида, который шутливо флиртовал со мной, зашикали и он умолк. А мне предложили закупиться без очереди, чем я и воспользовалась с превеликой охотой. Нагребла продуктов на пару тысяч. Пока общалась с продавцом, было тихо, только шепотки то тут, то там. Все чудесатее и чудесатее, как говорится. Неужели здешние всерьез верили в ведьм? С опозданием сообразила, что зря ответила и подыграла - местные суеверия запросто могут аукнуться будущей стройке.

Продукты помог вынести тот самый парень – лет двадцати пяти, с кудрявым чубом и шальными черными глазами – местная звезда, не иначе. Когда все покупки были уложены на старезную бабулькину тележку, я протянула ему руку:

- Спасибо, дорогой товарищ! Надеюсь, на самом-то деле вы не думаете…?

- Думаю. Самая тяжелая болезнь на свете – это привычка думать. Она неизлечима, - улыбался он, вглядываясь в мое лицо.

- Ремарком увлекаетесь? Классикой, как плюшками, балуетесь? - уважительно кивнула я, борясь с желанием назвать его сынком и на «ты»: - Думать очень даже не помешает, а то у вас тут, как я погляжу, процветает массовое увлечение фольклором.

- Я подойду вечером, - дернулся он ближе ко мне, - выходи. Соловьи еще не отпели, погуляем под сиренями, подышим.

- Здорово. Сам дыши, ночью дождь будет, - не сдержалась я и потащила прочь мерзко скрипящую тележку. Подъедут ребята – будем ездить закупаться на машине. Шла, мягко пружиня удобными кроссовками по потрескавшемуся асфальту, а спиной ощущала жгучий мужской взгляд.

Вот же гадство… улыбалась невесело сама себе - грядущая свобода, очевидно, прописана на моем лице, не иначе. По какой еще причине так массово подтягиваются самцы? В такой короткий срок и столько внимания - вначале Беркутов был не прочь приударить, теперь вот этот молодец. И задница моя толстая их не отпугнула. Ну, на-адо же – оказывается, кому-то я все же могу понадобиться, кроме Олега. А он, как будто и шутя, но не один раз повторял «кому ты нужна, кроме меня». И не обижалась ведь, радовалась, что нужна ему… Вслед донеслось:

- Как зовут тебя, ведьма?

Я отмахнулась от него, как от мухи. У меня было дело - оглядывалась вокруг и присматривалась к особенностям местных построек. Не хотелось, чтобы будущий дом кардинально выбивался из общей картины как, например, замок в селе Грязь. Нужно было найти ту самую золотую середину – чтобы и красиво и людей не злить лишний раз. Мало того, что народ в глубинке со своими особенностями, с которыми уже приходилось сталкиваться в работе, так еще и эта история с ведьмами… Они же не всерьез? Но и нормальным поведение местных не назовешь. Вел себя естественно и по-настоящему веселился только этот чернявый. И я даже не злилась на него за это.

Дома разгружала продукты и жаловалась Марии Львовне на деревенское мракобесие. Внятного объяснения, почему меня так встретили, я не получила – любопытной ведьмовской темы она не коснулась, зато по остальному прошлась дорожным катком:

- А как ты хотела? Обтянулась, восьмерки задом рисуешь, и чтобы мужики не заглядывались?

- О-х-хо… - вздохнула я и пожала плечами, – все не совсем так, хотя сильно спорить не буду. Новый человек на селе всегда вызывает интерес. А мой зад живет своей собственной жизнью, двигаясь согласно законам анатомии и мышечной динамики - контролю это не поддается. Грудь… это полная, но всего лишь троечка. У многих в вашем магазине нижний и верхний набор был куда богаче…

- Не в том дело, - пошла на попятную баба Маня, качая головой: - Ты в теле и соку, как оно и положено. Все это хорошо, если при мужике, а так… заклюют – кто из ревности, а кто из зависти. Сними свои штаны, носи просторное платье - не дразни лишний раз собак, их тут хватает.

Я покивала – согласна, мол, целиком и полностью. А думала о том, что с завтрашнего дня нужно всерьез приниматься за работу. Жилье я нашла, продукты закупила, больше ничего не должно отвлекать и мешать. Через четыре дня прекратятся дожди, которые тихо идут, как правило, ночью. Протряхнет дорога, установится ровная погода. Освободится бригада и к их приезду должна быть заказана техника, проект уже должен быть привязан к местности и при необходимости доработан.

Идти к местной власти и ставить в известность на счет строительства не стоило. Опыт показывал, что влиятельные в этой местности люди вскоре обязательно подтянутся сами. В общем и целом работа предстоит большая и ответственная - я обещала Беркутову шедевр. И тут опять всплыло в памяти и я спросила:

- Мария Львовна! Извините, если вопрос будет неудобным, но кем вам приходится Беркутов Владимир Борисович? И заодно давайте все-таки проясним на счет ведьм. Судя по реакции местного населения, они здесь точно имеются. Да и мне самой так почему-то верить хочется…

Спрашивала и сама еще не знала, что сейчас истекают, капают, медленно проплывают последние минуты моего сравнительно

спокойного и безоблачного пребывания здесь. Вначале будет просто приятное приключение, которое слегка оживит и встряхнет меня. А вот дальше все покатится, как снежный ком, одно за другим – странно, непонятно, страшно, трагично… Измена Олега сломала мою жизнь, разделила ее на «до» и «после», но не изменила меня. Потрясла - да, но ничего не изменила во мне. Изменит всего одна ночь, только одна - короткая и длинная, горькая и сладкая, как мед, страшная и прекрасная одновременно. Ночь, которая сделает меня больной и одержимой, сумасшедшей и решительной до одури. Я не сразу пойму что со мной делается, не сразу приму это, но уж когда дойдет... Кони да избы отдыхают. Я мир переверну, небо с землей перемешаю!

Знала бы я, что так будет – поехала бы сюда? Не знаю, ничего не знаю… И да и нет...

Глава 9

- Сказки это – про ведьм, а вот чертовщина... она всегда была. И то, что еще у...

Ее слова прервал резкий свист, мы замерли обе. У меня даже сердце дернулось - на памяти еще была реакция сельчан на шутливое признание, что я таки ведьма. И то, что баб Маня отрицает наше существование, меня не успокоило – ее земляки думают иначе. Мстить лично мне им пока будто бы и не за что, но что-то подсказывало, что эта самая мстя может быть направлена на все ведьмовское сообщество. Я же, не подумав, заявила себя его участницей. И невнятные опасения теперь были, а еще имело место странное предвкушение и дурной кураж.

Пускай баба Маня говорит что угодно, но я уже успела почувствовать себя особенной. Может потому и в магазине держалась так расковано – я же не абы кто, пускай все и понарошку! И сейчас тоже не боялась приключений, даже если и немного опасных, а вполне себе была готова к ним. Заманчиво это было - погрузиться в полную приключений и мистики жизнь и отвлечься от пасмурных мыслей. Потому что ведьмы в состоянии разрулить самую сложную ситуацию. А я всегда могла, даже когда еще и не подозревала о своей сути.

- Дождя нет, выходи, ведьма! - донеслось с улицы со смешком. Знакомый голос, недавно слышала. И попал он как раз в настроение, поэтому я таинственно и тягуче пропела в ответ:

- Никак русским духом запахло? Будет нам с бабушкой на ужин Ивашка под простоквашкой.

- Тьфу на тебя, - сердито сплюнула рядом Мария Львовна, - что ты творишь, малахольная? И так люди боятся этого места.

- Не переживайте – все под контролем, просто молодежь балуется, - успокоила я хозяйку.

- Чего тебе, рисковый? - спросила у парня, который стоял, лениво прислонившись к яблоне и нагло улыбался, рассматривая меня. Потом перевел взгляд мне за спину и вежливо поздоровался, слегка поклонившись:

- Баб Маня… Завтра уезжаю, хотел показать вашей постоялице наши красоты – мамонтовое кладбище, церковь, панские садки, пасеку…

Женщина подтолкнула меня в спину: - А и сходи, развейся. Они втроем с дружками каждое лето шастали и рыли, где только успевали. Даже в милицию их таскали. Этот знает что говорит, потом мне все расскажешь.

- Да он женихаться пришел, разве вы не видите?

- Времени ему на это не хватит. Погуляйте, пока я суп сварю. Ты супы любишь? Из крапивы и щавеля?

Я согласно кивнула и попросилась у парня: - Тогда подожди немного - переоденусь. Сейчас… я быстро.

Ромка… Его звали Роман, и он провел меня везде и показал почти все то, что обещал, мы не успели осмотреть только церковь. Было жарко, и я радовалась, что взяла с собой легкое свободное платье и спортивные сандалии. Только благодаря удобной разношенной обуви я и выходила весь этот день почти до самого вечера. Обратно мы вернулись, когда уже стало темнеть. Баб Маня покормила нас и выпроводила гостя со словами «пора тебе», а потом и «да пошел же ты уже».

Как и обещала, я коротко поделилась с ней впечатлениями, пообещав все подробности завтра. У меня появились любимые места в этом селе, которые я потом собиралась проведать не спеша. Только так – вдумчиво и с удовольствием, и нужно было рассматривать полностью заросшее лесное озерко с остатками деревянного сооружения в воде у самого берега. Под огромными липами и молодыми дубами было прохладно, а мы с Романом отдыхали, сидя на старой вербе, корявый ствол которой вначале странным образом стелился над водой, а уже потом поднимался вверх, как и положено нормальному дереву. Я хотела разуться и опустить вымученные ноги в воду, но он не позволил:

- Не стоит, тут полно пиявок. Мы лазили с пацанами… потом долго кровит и чешется. Слушай!

Сильный плеск и удар по воде заставил меня резко дернуться и впечататься в мужское плечо. Роман обхватил меня руками, прикрывая и защищая. В той стороне, откуда донесся звук, вода сильно колыхнулась, плеснула, зашевелились заросли жирных

водорослей, мелкая частая рябь дошла до берега и озерко опять затихло. Я высвободилась из тесного захвата и пробормотала, с опаской поджимая ноги, чуточку не достающие до воды:

- Что это, ты знаешь? Не утащит за ногу?

- Карпы, здоровущие карпы. Больше сотни лет тут живут, и выловить, гадство, нельзя – все заросло, видишь как? – шептал над ухом парень, - вот эти бревна – остатки кормушки для рыб и дубовые садки для молоди. Такие вещи всегда делали из дуба - в воде с годами он становится только крепче. До революции селом владел помещик, и здесь разводили карпов, сыпали им пшеницу и кукурузу. Мы пробовали зерном выманить их на чистую воду – ближе к берегу…

- Сколько тут ее, той чистой воды? - тоже опасливо шептала я, боясь опять разбудить водяное лихо.

- Да, мало… и они уже отвыкли - траву жрут, - притянул он меня ближе, и уверенно нажав руками на затылок и поясницу, развернул лицом к себе. Посмотрел в глаза пристальным и понятным - *мужским* взглядом. Медленно склонился к моему лицу, опуская свои длинные ресницы и поцеловал. Я не стала стыдливо дергаться и возмущаться. Но, Боже ж ты мой! Оно мне надо было сейчас – вот это? На поцелуй не ответила, но по щеке погладила ласково – хватит уже. Не хотелось обижать его. Он понял и сразу же отпустил… отвернулся.

- Давай уже уходить? - спросила я, хотя уходить отсюда не хотелось. Тонко и пряно пахло медом – рядом раскинули цветущие шатры старые липы. В этом кружевном облаке из пушистых цветочков и мелких листиков стоял такой гул, будто там включили мощный высоковольтный трансформатор. Гудело ровно, постоянно и на одной ноте - пчелы собирали урожай.

Перед этим мы заходили на саму пасеку – огромную, почти на пятьсот ульев. Они стояли на склоне между невысоких кустов и молодых яблонь, и воздух там так же пел и звенел от движения пчелиных крыльев. Внизу крутого холма была вырыта землянка – омшаник. Там, в тени и прохладе, пасечники поставили стол и устроили себе нары для отдыха. Они недавно «смотрели» ульи и угостили нас тонкими обрезками вощины, снятыми с медовых сот. Подавалось это в выщербленной миске и истекало сладкими и

тягучими янтарными каплями. Потом была ледяная вода из колодца. Мы пили ее прямо из оцинкованного ведра, а неподалеку – в траве, ждала своей очереди небольшая гадюка. Я чувствовала себя в сказке.

Еще раньше было мамонтовое кладбище…

- Давно уже, еще в пятидесятых, склон холма сполз вниз – ручей сильно подмыл основание. Раньше он был полноводным и быстрым. Сполз чернозем и вскрылся песок – все холмы здесь песчаные, - рассказывал Роман.

- Да-а? – заинтересовалась я. Эта информация пригодится при строительстве.

- Оползень оголил кости мамонта – полный скелет. Их вырыли и отвезли в районный краеведческий музей. Мы искали, но костей больше не нашли. Зато нашли дорогу сюда - песок тут бархатный, нежный… полезли, - потащил он меня через ручей по тонкой дощатой кладочке.

- Куда-а? - тянулась я сзади, опасаясь свалиться, но над самой водой притормозила и засмотрелась – она была необыкновенно чистой и от этого практически невидимой. И глубина совсем смешная – сантиметров десять всего, а дно – илистое. Невысокие крутые берега заросли травами и некоторые из них сейчас цвели. Течение воды и угадывалось-то только по мелким цветочным лепесткам и редким соринкам, проплывающим и исчезающим под кладкой. Вербы смыкались высоко над головой, как шатер, защищая от солнца. Я попросилась:

- Постой, дай умыться.

- Потом. Впереди запруда, там будет глубже – где-то по колено, - не согласился Роман и потащил меня дальше – вверх по крутому рыхлому склону, все выше и выше. Я пыхтела и потела, песчаная опора под ногами казалась ненадежной и зыбкой. Хорошо, что мы оставили обувь внизу, и я цеплялась за склон, с силой зарываясь во влажную песчаную глубину пальцами ног. Когда вскарабкались на самый верх, Ромка развернул меня лицом к селу - оно лежало под нами со всеми своими домами, садами и огородами. На холме, который обнимали собой две улочки, видны были остатки деревянной церкви, наш же ручей под шапкой из темных верб не виден был совсем. Парень крепче ухватил меня за руку, блеснув шальными глазами:

- Готова? Бежим!

Я ахнула, взвизгнула, а мы уже неслись – вниз и вниз! По круто падающему склону, песчаной осыпи, подающейся и уплывающей из-под ног! Высота холма была впечатляющей, скорость – бешеной! Я орала, как резаная – от восторга и страха. А Роман хохотал – громко и весело. В самом низу склон становился более пологим и скорость нашего полета-падения сама собой замедлилась. Мы без сил рухнули в песок, выравнивая дыхание и успокаивая бешеное сердцебиение.

- Ты больной? А если бы в песке бревно с сучками или камень?

- Смотри сюда… - лениво набрал он в ладонь красноватый песок и медленно высыпал его тонкой струйкой: - Мелкий, мягкий - ни камешка, ни крупной песчинки. Мы сто раз так носились… домой приходили без сил и почти без ног. Лет десять назад в запруде еще можно было искупаться - лежа. А сейчас мелковато, пошли...

Мы умылись, отмыли от песка руки по самые плечи, и ноги до колен. Стоя в холодной воде, увязая ступнями в топком иле, сочащемся между пальцами, ждали, когда усядется муть, чтобы напиться.

- Не бойся – пей смело, тут чисто – ручей вытекает из лесных родников, я как-то ходил к истоку. Рядом ни жилья, ни коровников, - сложив ладони лодочкой, тянул в себя сладкую холодную влагу Роман. Она срывалась с его пальцев частыми хрустальными каплями, сверкала на солнце. Тряхнув мокрыми волосами, он стянул через голову тенниску и бросил ее на берег. Низко наклонившись, плеснул водой себе на грудь и живот, попросил меня:

- Полей на спину. Жарко… сил нет…

Посмеиваясь, я сделала, как он просил, и он дернулся, громко охнув. Вода стекла по впадинке позвоночника на шею и полилась обратно в ручей. Зачерпнув пару раз полнее, я намочила ему всю спину, распределяя воду руками и смывая пряный мужской пот с гладкой молодой кожи. И тут будто проснулась и со стороны увидела всю нашу прогулку: вместе, рядом, иногда за ручки, со смехом и огромным удовольствием. Пальцы ощутили чужое тело, и тут включился мозг, не дав потом потерять голову от его жадного поцелуя – я поняла, как это могло выглядеть в его глазах – не как простая

прогулка, а как мое согласие «погулять вечерком». И тут же родились мысли на этот счет – мои собственные проклятые мысли.

Я же хотела ребенка? Так вот оно! Прекрасный мужской образчик – молодой, сильный, здоровый, судя по блеску волос и гладкости кожи. А еще эти черные глаза, кудри, широкие плечи, рост… Породу не испортит точно, где я найду лучше? Сказка же будет, а не лялька! Переспать и будь что будет! А вдруг? Вдруг, как в сказке – с первого раза и в яблочко? Он же даже не узнает потом - я уеду и не скажу, на глаза ему больше не попадусь. И будет у меня крошечка-дочка или маленький сынок с такими же ресницами и кудряшками. Будут маленькие розовые пальчики и пяточки, пеленки и пустышки, вечная забота и беспокойство, а еще - немыслимая радость! Но это только мысли…

А вот ощущения… загорелая кожа под пальцами не дала почувствовать ничего, кроме неловкости за этот бред, вызванный голодом по материнству. Пришло понимание неправильности того, что мы делаем - мне не нужно было идти с ним. Зря подтолкнула баба Маня, а я повелась на его слова о «красотах». Он же сразу выказал свой интерес - еще при встрече и мне не нужно было забывать об этом. Закатанные по колено штаны, открывшие крепкие мужские икры, и мускулистый голый торс - все это вполне себе могло быть обнажено намеренно, и даже - скорее всего. Парень не мог не понимать, какое впечатление производит на женщин красивое мужское тело, в его возрасте он уже должен знать это.

И тут ожидаемо вспомнился Олег. А как нет-то? До этого я жила только им одним, мысли о других просто в голову не приходили. Я обожала его тело, млела от него. И никогда не было такого, чтобы не залюбовалась, увидев мужа раздетым. Удивлялась своему счастью и замирала в тихом восторге – мой же! До самой последней клеточки, до каждой волосиночки. Не видела изъянов и недостатков, не замечала, не придавала значения.

Я пропиталась его запахом за наши годы, подсела на ощущение простого присутствия рядом с собой. Как наркоман… Просто молчать вместе было для меня за счастье. Хоть и не любила этих выходов, но всегда наизнанку выворачивалась, чтобы соответствовать ему, когда мы выходили куда-нибудь вместе. В ход шло все: наряд, прическа, прозрачный, чуть заметный макияж – Олег

не любил яркой раскраски. Светилась рядом с ним – от гордости за своего мужчину! Знала, что скоро мы вернемся домой и останемся вдвоем, заберемся в свое логово и будем любить друг друга. Или просто обнимемся, уставшие до чертиков, и спокойно уснем…

А теперь оказалось, что нужно время. Даже когда открылись глаза, и я увидела перед собой не совершенство во плоти, а просто сухощавый и волосатый мужской зад. Мне все равно нужно было время, чтобы решиться переспать с другим. И даже такой удобный для меня случай, как сегодня, такой правильный расчет Романа не сработал. Чужое тело не вызывало того самого интереса, его владелец – только человеческую симпатию. Еще и это... ну не заслуживал этот парень такой подлянки, подставы, такого потребительского отношения. И все, что я чувствовала - это неловкость и растерянность. Пришло понимание, что не самая лучшая идея была, да и вообще легко не будет. Зачем вообще принуждать себя, терпеть кого-то - смысл, если никакой гарантии? Но это не край! Есть еще банк спермы и ЭКО.

- Рома, спасибо за сумасшедший день. Помнить буду многие годы, честно, особенно полет. Ты просто чудо, - благодарила я, прощаясь.

- А ты – ведьма, - коротко и грубо ответил он, мотнув головой. На подходе к дому прекратились всякие разговорчики и улыбки. Я тоже замолчала. Ну, извини, дорогой… Пою, кормлю, а потом танцую - не прошло.

Когда уже совсем стемнело, и мы с баб Маней улеглись спать, в окошко ко мне стукнули. Вернулся или никуда и не уходил? Он просил, умолял и грозился, прижимаясь к окну лицом:

- Выйди ко мне. Выйди, Алена, - шипел, положив кулаки на стекло и стараясь разглядеть меня в темноте комнаты: - Мне же ехать завтра, бля-а… Выйди, кому говорю?! Ведьма-а… Я же честно терпел весь день. Выйди, а то окно выставлю, выйди-и…

Детский сад, ну честное слово… честно он терпел - хлюпала я. Мне бы его проблемы. Шел бы уже… из-за него навалилось опять... Не истерика, но тоска накатила страшная – по привычному нормальному Олегу, по своему дому, по всей жизни той… И теперь я давилась слезами, уцепившись в подушку. Да сколько же можно, в конце-то концов?

Глава 10

В этих местах во время войны прошли страшные бои. Впереди по фронту располагалась немецкая линия обороны «Пантера» – укрепленный за время оккупации рубеж, преодолеть который с наскоку у советских войск не получилось. Наше наступление замерло, противники переключились на позиционное противостояние - вялые перестрелки, редкие артналеты и разведвылазки. Когда высшее командование решило, что пришло время, наши войска поднялись и пошли в наступление. Пошли в наступление… Просто встали по приказу и пошли…

- Там болото не топкое, скорее – просто очень влажная низина, а вокруг лес… и старый и совсем молодой – дикий, выросший безо всяких посадок и ухода. Сосны, лещина, рябинки с кустарниками понизу, а под деревьями редкая трава и мох, шапками укрывающий песчаную землю. Птицы не селятся… я, во всяком случае, ни разу не слышал там ни пения, ни свиста – даже в самый погожий день.

Мы сидели у костра, который был разведен невдалеке от дома - одиннадцать человек, включая меня и бабу Маню. Костер разбрасывал горячие искры, дрова прогорали и с шорохом оседали, превращаясь в алые угли. В кострище еще подбрасывали колотых поленец – из хозяйских запасов. Баб Маня отмахнулась от меня, когда я напомнила, что дрова в зиму будут нужны ей самой:

- Они всегда оставляют деньги, прикуплю потом.

Отряд поисковиков состоял из студентов и их руководителя - пожилого мужчины в спортивном костюме. Он вышел на пенсию в звании подполковника еще лет тридцать назад. Какое-то время работал военруком в школе, там же пристрастился к поисковой работе. В походы с ним ходили его ученики, а потом их дети и знакомая молодежь. Сейчас на поиски останков павших бойцов шли студенты областного архитектурно-строительного, который когда-то заканчивала и я.

Вначале, увидев приближающуюся к дому шумную компанию, я слегка опешила – у нас с баб Маней как раз шел серьезный разговор. Утром я нашла возле входной двери плетеную корзину с

продуктами. Там было наложено столько всего! Сыр, домашний творог, десятка три яиц, чисто и грамотно ободранная кроличья тушка, так же аккуратно ощипанная жирная курица, молоко в двухлитровой пластиковой бутылке. А еще – конверт. За него я и ухватилась в первую очередь, надеясь найти объяснение анонимной доставке. В конверте краснело пять тысяч одной бумажечкой. Баба Маня невесело хмыкнула, отводя глаза, потопталась на месте, тяжело вздохнула и деньги у меня отобрала, объяснив появление корзины очень просто:

- Заказ мой принесли.
- А деньги?
- А деньги – сдача, - отрезала она, - заноси и разбирай.

Потом мы сидели на лавочке под яблоней, и она настырно выясняла:

- Ну и что же ты не вышла к нему?
- Вы серьезно? – удивилась я, - а зачем оно мне, интересно? Я уже седые волосины дергаю, если что. И привыкла, чтобы рядом взрослый мужик храпел. А он хоть и немного разбалованный, но неплохой – умный, с широким кругом интересов, романтик. Я не знаю, за каким… таким он топтался под окошком. Может, пару дней уже секса не было? У них в этом возрасте вместо мозга – кипящая сперма. Я ничего ему не обещала… ну, бегала тетка сдуру, трясла задом, так не я и задавала программу - командовал он. Я просто брала экскурсию. Так что ничего страшного - ему полезно. Такому, наверное, редко отказывают.
- Рано утром забегал… я уже не спала. Оставил номер для тебя, просил позвонить.
- Давайте. Позвоню потом, еще раз скажу спасибо, - вздохнула я, забирая бумажку-записку из ее рук и вместе с хозяйкой глядя на приближающихся со стороны села людей. Присмотревшись к груженым большими рюкзаками фигурам, взглянула на бабу Маню - она выглядела спокойной и даже довольной.
- Поисковики… Приезжают на автобусе и всегда останавливаются у меня. Посидят немного, пообедают и сразу уйдут. Туда не сильно далеко - километров семь и место. Здравствуй, Степан, - приветствовала она худощавого мужчину лет семидесяти, вставая навстречу и легонько приобнимая его.

И вот мы сидели у костра, а уже упала ночь, но никто не уходил спать, хотя палатки были расставлены тут же – на поляне. Отряд решил задержаться до утра – одна из девочек не очень хорошо себя чувствовала. Не знаю, в чем там было дело, может в простом женском недомогании – они шептались с баб Маней, а потом та заварила какую-то травку и дала ей выпить, велев не забыть заодно и но-шпу. Гости пообедали, разбили временный лагерь, выспались днем, а вечером подтянулись к костру на посиделки. Эта доверительная и уютная обстановка напомнила мне сразу и детство, и студенческую юность, и наши с Олегом рыбалки. Теми вечерами так же горел костер, только где-нибудь над водой. Мы с ним сидели в удобных раскладных креслах и смотрели на прогорающие угли, дышали озерной или речной влагой, дровяным дымком, запахами вкусной готовки…

Сейчас все было почти так же, только лица, которые выхватывал из темноты отблеск пламени, были незнакомыми и молодыми – шесть парней, две девушки и их пожилой командир Степан Григорьевич. Это он делился своими впечатлениями о прошлых походах, разъяснял обстановку и доводил ребятам свои требования с абсолютно прозрачной для меня целью – обеспечить их безопасность.

- Как-то с нами ходила девочка… на самом деле и не девочка уже, но я помню ее еще десятиклассницей - Анечка, а потом уже Анна Матвеевна - небольшой чиновник в районной администрации. Крепкая с виду женщина, а оказалась сильно впечатлительной, - рассказывал мужчина.

- Там… стоит только выйти ночью одному, как лес начинает *звучать*… Я тоже слышал крики «Ура!»… будто души погибших до сих пор идут в атаку. Еще взрывы, пулеметные очереди, крики агонии – звуки боя. Не в полную силу, а будто в отдалении. А Аня не просто слышала, она видела бойца, который полз с простреленной ногой… видела не раз. Вечером отходила от лагеря, а он тут как тут – ползет… и стонет, сцепив зубы. И да… птиц не было, все обращали на это внимание. А там, где было совсем тихо… мертвенно тихо, искали особенно старательно и всегда находили, - печально вздохнул он и поднял глаза на нас.

- Как? Ковыряли все бугорки? - тихо спросила я.

- Тела лежат поверху, укрытые только мхами, - отрицательно качнул он головой, - срабатывал металлоискатель – в одежде и экипировке всегда присутствовал металл – пуговицы, портсигары, пряжки ремней, ножи... Мы вскрывали мох, убирали корни и проросшие сквозь тела кусты и деревца - всяко было, и находили скелеты в истлевшей одежде и сапогах, с оружием. Она не выдержала - Аня. В какой-то раз пошла за ним, а он все полз и полз, и стонал…, а она шла. Заметила место, где он окончательно ткнулся в землю лицом. Там мы его и нашли, захоронили потом в братской могиле – смертного медальона при нем не оказалось. Анечку я потом с собой больше не брал – она совсем поседела за эти пару часов. Там нельзя находиться людям с больным сердцем или слабой психикой - слишком впечатлительным. Нельзя отходить от лагеря ночью, особенно девушкам.

- А почему только им? Нам, значит, можно? - настороженно хмыкнул высокий белобрысый парень.

- Лучше не отходить никому. Но чаще почему-то выходят к девочкам… заводят приветливый разговор, советуют - где искать.

- Кто выходит? – спросила я деревянным голосом.

- Погибшие бойцы. В красноармейской форме, с оружием… все, как положено - как живые.

- И что? На том месте, куда они укажут, их находят?

- Если девчонки дослушают, то всегда находят. А то в обморок валятся, до конца не выслушают... Во всех без исключения поисковых группах есть строгое правило – не проводить раскопки в вечернее время и после наступления темноты оставаться в палаточном лагере.

- Только здесь так? Только в одном этом месте? – поинтересовался еще один из ребят.

- Точно знаю, что такое же творится в Мясном Бору. Но думаю, что везде, где гибли настолько массово и тела до сих пор не захоронены, будет то же самое. Хочу понимания…. Я не пугаю вас, а мотивирую. Вы должны правильно понимать – зачем мы туда идем. И что предстоит не туристический поход и не отдых на природе. ИМ это жизненно необходимо. Нет, даже не так… речь же идет не о жизни, а о чем-то еще серьезнее. Мы не знаем – что это и почему ИМ так важно быть захороненными – это тайна, но не мистика, я в мистику

не верю. Есть какой-то закон природы – закон сохранения души и этой душе нужно, чтобы было именно так, иначе ей плохо.

- Туманно все… - задумчиво кивнул полноватый, бритый под ноль парень.

- Да.

- И неправильно, - продолжил студент, - госпитальное судно "Армения", затонувшие во время войны вместе с экипажем и персоналом четырех севастопольских и ялтинских госпиталей... с семьями, раненые... всего около десяти тысяч - кто их считал тогда, при погрузке? Искали семьдесят пять лет... обнаружили и не поднимают. Никогда не поднимают такого рода объекты, даже если нашли. Максимум – забивают координаты и опускают в волны венок. Корабль считается неприкосновенным захоронением, братской могилой. Так зачем рыться в человеческих костях, если можно освятить территории, наподобие этого Черного леса, как освящают кладбища, не тревожа воинские останки? Их же не так и много – этих мест.

- Не знаю, - тяжко вздохнул старый подполковник, - но так не делают. Наши кладбища освящают по православному канону, а воевал и погибал народ разных верований, может поэтому? Я не думал об этом так, как ты, Саша. Обязательно поинтересуюсь потом у священника.

- А что дальше было с этой Аней? - спросила одна из девочек, вытирая мокрые щеки.

- Ходят с мужем в церковь, вдвоем молятся за того солдата.

- А как, если они не знают его имени? – уточнил бритый парень.

- Может, это не так и важно? Не знаю... Говорила, что молится за него, за погибшего воина.

Ближе к полуночи все разошлись спать. Я проследила, чтобы костер затушили и тоже ушла в свой угол. Удобно устроилась на постели, открыла ноут и влезла в интернет.

Глава 11

Хрономиражи… эта мистическая, что бы там ни говорил командир, потому что научного объяснения ей не было, хрень условно называлась хрономиражами. Места, где они возникают, называются аномальными биоэнергетическими зонами. При работе в таких зонах рекомендуется максимально избавляться от любых сильных эмоций. Ага… Я задумчиво хмыкнула, уставившись в темный провал ночного окна – а каким, собственно, образом это можно сделать? Какими, интересно, методами и способами? Мне вот тоже не помешало бы – взять да и избавиться.

Как-то не верилось, что огромное количество людей – молодых и здоровых, побывавших в таких зонах и ставших свидетелями непонятного явления, почти поголовно имели проблемы с психикой. Даже если их запрограммировали на видения, как этот Степан Григорьевич. Я вот не стала бы рассказывать такие вещи впечатлительным девочкам, даже если полностью уверена в том, о чем говорю. Уже на месте, если вдруг случилось бы – другое дело. Но он в своем праве и, наверное, предупредить об осторожности, запугав, намного эффективнее, чем просто предупредить.

Я рвалась пойти туда вместе с ними. Просто невыносимо сильно тянуло посмотреть на то место, услышать самой… и что? Я же тоже пошла бы за ним, как та Аня. Я себя знаю – поперлась бы однозначно. Больше того – кинулась бы к призраку, чтобы тащить его на себе или оказывать помощь. А молча идти вот так, как шла она, это сойти с ума, проклясть весь мир и Бога тоже… Вывод - мне туда нельзя.

Я психически неустойчива – не по-больному, а в силу своей дурной эмоциональности и склонна к импульсивным поступкам, как уже показала жизнь. Случись со мной, как с Аней, и я тоже поседею там от боли – настоящей, глубинной, которая неистребима и непоправима, не просто так же она ходит с мужем и молится. Они делают хотя бы что-то, иначе эта мука, вызванная почти невыносимым состраданием и абсолютной невозможностью помочь, захлестнет с головой и отравит жизнь.

Тут я их понимала, а еще подумала, что мои страдания из-за Олега это, конечно, очень сильные личные переживания, но они со временем пройдут, уже проходят. Я уже сейчас могу вызывать воспоминания, не впадая при этом в подобие эмоциональной комы. Еще больно – да. Но эта боль не идет ни в какое сравнение с той, что я могла бы узнать там. И не только могла, а и узнала бы – почему-то я в этом уверена. Она полностью перевернула бы мое представление об окружающем мире и напрочь убила всякую веру во вселенскую справедливость, потому что такого быть не должно – только не с ними. Значит, идти туда, чтобы лично удостовериться в существовании всей этой чертовщины нельзя – захлопнула я крышку ноута. А еще мне нужно работать.

Весь следующий день я работала, хотя настроение с утра было сумрачным, тяжелое впечатление от разговора у костра не проходило. Я даже не стала завтракать, заводить кофе, и пробовать сыр, который мне посоветовала продавец, а моя хозяйка потом одобрила – «Российский», с кислинкой, оказывается. Я всегда покупала тот, что с большими дырками, и мне было все равно на его вкус и название – сыра не было в списке моих любимых продуктов.

Вначале я поднялась на ту высоту, с которой лучше всего просматривался участок. То, что основа холмов под слоем чернозема песчаная, было только плюсом – на песчаных подушках хорошо стояли фундаменты. Слежавшийся песок был малоподвижен, в отличие от тяжелых пучинистых грунтов – той же глины. Так что, выбирая место для дома, я стану руководствоваться только его расположением относительно колодца – других коммуникаций здесь не предполагалось. Настоящего водопровода, кстати, тоже, но его роль будут выполнять ПНД-труба и центробежный насос, удобный и простой в управл… та-ак… да что такое у меня с головой?

- Мария Львовна, у меня к вам все тот же вопрос - кем приходится вам Беркутов Владимир Борисович?

Моя хозяйка пожала плечами, откладывая в сторону нож и пучок зеленого лука и тихо ответила:

- Внуком?
- То есть… этот домик, что он заказал, мы будем строить для вас?
- А вот это ты у него и спрашивай, - ответила она, принимаясь отрезать хвостики у редисок и крошить их в миску колечками.

- Понятно…

Связь брала и возле дома, но я забила себе контактный номер Беркутова, который он оставил под договором, и опять ушла на горку. Удобно уселась на траву там, где открывался шикарный вид на село, и сделала звонок:

- Здравствуйте, Владимир Борисович! Узнали меня? Не отвлекаю?

- Здравствуйте, Алена, - почти промурлыкали мне в ответ, - я рад, что вы позвонили. Возникли какие-то вопросы по строительству? Вы уже на месте?

- На месте. И уже приступила к работе. А вопрос у меня один – я должна была задать его сразу, но ситуация не располагала. Поэтому спрашиваю сейчас – кто будет жить в этом доме? Вы строите его для вашей бабушки?

- Ммм… для… да? А какая, собственно, разница? – осторожно поинтересовался мужчина.

- Я потому спрашиваю, что старики не очень разбираются в технике жизнеобеспечения, особенно женщины. Я не знаю – сообразит ли она, да просто вспомнит ли, что насос нужно включать и выключать, электр… ладно – щиток ей знаком. Но будет еще септик-станция и теплый пол, там тоже автоматика и даже электронное управление. В принципе, сложного ничего, но я не могу не волноваться - Мария Львовна очень старенькая и может просто забыть, понимаете? Получается какой-то абсурд - встроенные удобства предполагают сложности такого порядка, что проще обойтись без них. Я не могу принимать такие решения сама.

- Я знаю, как мы с вами поступим. Завтра с утра я подъеду, и мы все решим на месте, вы согласны? Это не будет слишком поздно?

Судя по голосу, поездка не должна быть ему в тягость. Лишний повод увидеть бабушку? Или меня? Вспомнилось, что он не отказался бы от реванша… хм-м…, так был интерес или нет? Но с этим я справлюсь в любом случае - в отличие от меня этот мужчина прилично воспитан и выдержан. Да и… скорее всего, это все же бабушка - она же просто прелесть, а он любящий внук, который строит для нее дом. Мой голос потеплел:

- Да почему же поздно? Сроки-то не оговорены? Буду очень рада видеть вас. Всего доброго. О! - спохватилась я, - Владимир

Борисович, извините! Просьба!

- Да-да, Алена, я внимательно слушаю, - улыбался мужчина.

- Если можно, заскочите в магазин «Рыбацкая симфония» и купите, пожалуйста, карповые бойлы э-э-э… наверное, лучше всего – конопляные. Там пачки по полкило… штуки четыре. Это дорого, но я возмещу. И-и… одну фруктовую… клубнику, например, или ананас – попробуем экзотику.

- Я все записал, Алена, завтра ждите ваши бойлы. А я с нетерпением буду ждать объяснения - что они такое?

- На упаковочке почитаете, там все подробно написано. До завтра, - отключилась я, чувствуя, что настроение стремительно улучшается. Лесное озеро и карпы… это же просто песня! Зерна они не хотят, паразиты? А это будет по-настоящему интересно…

Мне как-то рассказали любопытную историю о почти такой же проблемной рыбалке в одном из ставков где-то в глухом углу Белгородской области. Тоже все было сложно – огромные карпы брали наживку, но обрывали любую снасть – здоровые были просто страх. Тогда один студент, который гостил летом у деда с бабкой, накачал автомобильную камеру и стал ловить рыбу с нее. При поклевке он не пытался вытащить добычу, а просто не давал леске слабину. Рыбина таскала его на резине по ставку несколько часов, устала, выбилась из сил, и уже потом он спокойно подвел ее к берегу. Так за пару недель он выловил больше десятка монстров. Хитрость! Сноровка и ум – вот что главное в рыбалке, а не азарт и жадность. Хотя и без азарта не рыбалка - немножко его можно. А у меня есть месяц – приучу их к лакомству, подманю к берегу, и потом останется просто взять на острогу – судя по тому шлепку, вытащить такую рыбину из зарослей снастью будет нереально.

Уже подходя к дому, спохватилась, что даже приличия ради не поинтересовалась здоровьем Руси. Хотя от одного только воспоминания о ней меня перекашивало, как от оскомины. Нужно было срочно занять себя работой, и я ушла с блокнотом, карандашом и большой строительной рулеткой на рельеф. Просто прикинуть – без лазерного отвеса и разметки – старинным дедовским способом.

На обед мы с хозяйкой ели рисовый куриный суп и салат из редиски и зеленого лука. В процессе я вспомнила еще один вопрос, который уже задавала, но ответ получила неубедительный:

- Мария Львовна, вот вы сказали, что ведьм не существует. Тогда почему в них верит здешнее сообщество? Причем, судя по реакции на то, что я ваша постоялица, верит истово. А еще вы упомянули, что люди боятся этого места. Так места или все-таки вас? Тогда мы опять возвращаемся к вопросу о существовании ведьм.

- Умничаешь много, - проворчала она и вдруг посмотрела на меня совершенно беспомощно и растерянно, я бы сказала – даже подслеповато. Так смотрела моя бабушка, когда не могла найти и рассмотреть что-то важное для себя и совершенно терялась от этого.

- Что? Да шучу я, просто шучу, - тронула я ее за руку, решая успокоить и обрадовать, а заодно и отвлечь: - Кстати, завтра утром приезжает ваш внук, так что… Баб Маня! Да что ж такое? Не проще ли… сами говорили – нужно разговаривать.

Она убрала руку, которой хваталась за сердце, присела опять на стул. Стала суетливо вытирать сухие руки фартуком. Я подошла и обняла ее сзади за плечи.

- Идите и полежите, я сама вымою посуду. Спасибо за обед, суп бесподобный. И не берите в голову, у всех свои секреты. Пускай они ими и останутся.

Пока мыла посуду, проклинала себя – оно мне нужно было? Пытать и допрашивать? Чуть не довела бабушку до сердечного приступа. Когда убралась, прошла посмотреть – как она? Баба Маня тихо лежала и смотрела в потолок. Руки бессильно простерлись вдоль тела, уголки рта скорбно опущены. Я потянула к себе ноут и присела рядом с ней на самый краешек кровати, на синюю в звездочки простыню.

- Смотрите, чем я тут занимаюсь. Вот видите – это домик снаружи.

- А что около насажено? – прошелестела она.

- На это не обращайте внимания – просто оформление картинки, виртуальный декор. Смотрите на сам домик – как он вам?

- Хорош, что сказать? - поджала она губы.

- Теперь планировка – гляньте: тут горница, а это спаленка и еще одна комната - на тот случай если вдруг наедут гостевать…

- Ты сама откуда родом? – отвлеклась она от экрана и взглянула на меня.

- С Дона, - широко улыбнулась я.

А она глубоко втянула в себя воздух, будто его не хватало – с хрипом и опять потянулась рукой к сердцу. Я вскочила и кинулась набирать 112.

- Что ты… творишь? Кому…?
- Вызываю скорую.
- Не нужно, - качнула она головой, выдыхая: - Сердце у меня сильное, только потому и тяну до сих пор. Валерьянки выпью, высплюсь, и пройдет - этой ночью не спалось.
- А вот и проверим, какое оно - ваше сердце, лишним не будет. Профилактический осмотр, если что, - не согласилась я, - алло! Скорая? Примите вызов, пожалуйста. Помощь нужна вашей коллеге - медику, похоже, что серьезно прихватило сердечко. Диктую адрес… да – район… ну, мы подождем, но вы все же поспешите. Наш адрес - село Длинное, Беркутова Мария Львовна…

Закончив разговор, обернулась к своей больной.

- Где у нас валерьянка…?

Медики приехали через пару часов и вскоре уехали, обнадежив после ЭКГ и присоветовав средства для поддержки сердечной мышцы. Я проследила, чтобы Мария Львовна начала прием новых препаратов, подождала, пока она уснет, и продолжила работать, подбирая в ноуте несколько вариантов решения обрисовавшейся проблемы. Мне нужны были варианты для Беркутова. Внук… надо же…

Глава 12

На медленно нарастающий рокот обратила внимание только тогда, когда вертолет оказался почти над моей головой, уже показавшись из-за холма. Военная, судя по торчащим то ли пулеметам, то ли пушкам и окрашенная в камуфляж машина низко пролетела по дуге над краем села, вздымая ветер и скрылась за вершиной горки. Стрекот и рев стал стихать, удаляясь в ту сторону, куда вчера ушли поисковики. Я сразу же сопоставила эти два события – поиск воинских останков и появление военной машины. Сразу же вспомнилось вчерашнее настроение и чередой пошли мысли… Но что могло случиться за такой короткий срок? Хорошо хоть - военный вертолет, а не санитарная авиация МЧС. Ничего не приходило в голову.

Пока я размышляла, прошел звонок от Иры.

- Привет, Ирусь. Ждешь отчет о работе? Я собиралась завтра к обеду, тут обрисовалась маленькая проблемка. Но уже сейчас можешь заказывать доставку малой техники – грунт песчаный, подъезд удобный, объемы малые. С учетом дороги – часов на десять. Выжму по максимуму, чтобы мужикам меньше лопатами махать.

- Ладно… Хорошо, я поняла, заказываю через два дня, идет? Но я не только по работе, Лянка, Олег звонил. В общем… он хочет поговорить с тобой не по телефону. Я сказала, что ты на объекте в районе, место не назвала. Но может вам и правда нужно все выяснить окончательно?

- Я все ему сказала, Ир. Нечаянно получилось, но точно и емко. Руководство к действию он получил. А тут еще работать, завтра подъедет заказчик и после этого мне нужен хотя бы один день… да, в среду пускай подъезжают, и Марк с ребятами тоже. Это все, Ирусь?

- Ты бы все-таки не рубила вот…

- Ну, тогда пока-пока, - нажала я на отбой. Сам Олег не звонил. Значит, все принял, и я тоже ситуацию приняла. Но поговорить нужно будет – о разделе имущества и дате развода, но пускай это будет немного позже, когда я совсем успокоюсь. Несколько дней ничего не решат, а сейчас видеть его будет еще… тошно.

Баб Маня спала, а я не захотела шариться по чужим шкафам и поужинала тем же супом. Потом вышла на улицу поработать. Уже когда стало темнеть и потянуло влажной прохладой, поднялась со скамьи и сладко потянулась всем телом. Соловей орал в зарослях, буквально захлебываясь, яблоня роняла тонко пахнущие бело-розовые лепестки, запах цветущей сирени кружил голову. Прохладно и свежо, тихо и почти темно… и свист, и трели… переливисто, со щелчками и горловым перекатом – сердце замирает.

У нас на Дону берега речных затонов местами поросли такими сиренями, что сквозь них не продраться. И вот там соловьи надрываются хором, изо всех сил перекрикивая друг друга, а здесь старательно солировал одинокий маэстро. Но вот от ручья, из зарослей под вербами откликнулся еще один - засвистел-забулькал. Уходить не хотелось, но проклятущие комары упорно выдавливали с рельефа в дом. Репелленты оказались почти бессильны - или принюхались, или всерьез подсели, не иначе. Я широко зевнула и раскинула руки - хорошо! И опять потухла, вспоминая… Даст оно мне жить когда-нибудь - думалось мрачно и тоскливо. Два дурных соловья орали не в такт и не в лад…

- Заходи уже, а то сожрут и костей не оставят.

- Вам уже лучше? Поешьте там супу, как раз для вас осталось.

- Я простоквашки попила, - стояла она в дверях, - ох, и орут же сильно, паршивцы. Накличут… не иначе, как любовь.

- Точно - самая что ни на есть «жизненная необходимость», - понуро согласилась я и вспомнила: - А тут вертолет летал, военный. Я и подумала – с чего бы вдруг?

- Разминирование, видать, - покивала она со значением, - почти каждый раз находят то снаряд, то целый ящик патронов. Степан рассказывал… хочешь – верь, хочешь – нет: он смотрит – ветра нету, а два деревца чуть клонятся к земле, будто кланяются. Под ними старый блиндаж еле угадывается, а в нем засыпанные землей ящики со снарядами. Тогда тоже минеры прилетали, заодно и коробочки с костями увезли.

- Пойдемте, а то и правда - за комариным звоном соловьев не слышно.

Наутро глаза еле открылись – опухли и заплыли от слез. Тогда я последний раз так сильно плакала из-за Олега. Накрыло к ночи

всерьез… Дошло до мозга трезво и осознанно, именно так, как я и боялась - что никогда больше не сидеть нам с ним вдвоем и не слушать соловья. Больше не пригреюсь я в его руках, потянувшись за родным теплом и спасаясь от ночной прохлады. Но это так - мелочи, поэзия отношений… Дело было не только в ностальгии. Просто я четко осознала то, что это все – назад дороги нет и той жизни тоже уже нет, и никогда не будет. Жизнь была моя – собственная и личная, поэтому ее было жаль. Все логично. Я не истерила, просто обида душила страшная - слишком много он отобрал у меня: радость просто жить, уверенность в будущем, смысл всех прожитых с ним лет. И что делать теперь, с чего начать, куда кидаться? Да еще и моей Ирке втемяшилось, а значит, она будет добросовестно отрабатывать сводницей – до последнего вздоха и трепать мне нервы. Но после этой ночи я перешла свой Рубикон окончательно или мне так казалось.

Утро выдалось ясным и влажным, короткий дождь прошел перед самым рассветом и оставил крупные серые капли на траве. Я умылась у колодца, позавтракала оладушками с малиновым вареньем и тоже поучаствовала - приготовила нам с баб Маней кофе. Мне крепкий, а ей слабенький и с молоком. Прихватив свою чашку, ушла под яблоню, где опять уставилась в ноутбук, шлифуя варианты.

Беркутов нашел меня там же, тихо поздоровавшись с расстояния двух шагов, и насторожено оглядываясь вокруг. Очевидно, свою машину он оставил на горе и спустился к дому пешком.

- Что вы так таитесь, Владимир Борисович? – тоже почти шепотом спросила я, рассматривая его в новом для меня образе – светлых бежевых брюках, рубашке без галстука и шикарных кремовых туфлях с перфорированным верхом.

- Хотите сделать сюрприз бабушке? Я не советовала бы, ей сейчас не нужны потрясения – вчера приезжала скорая.

- Что с ней? – спросил мужчина, приседая возле меня на скамейку.

- Возраст? – задумчиво предположила я, - вы зайдите, она давно уже не спит.

- Вставайте, Алена, пойдемте, мне нужно объяснить вам кое-что.

- Вы о полиции? Ко мне остались вопросы? – струхнула я, даже сердце дернулось.

- Нет-нет… когда будете в городе, просто подойдете туда. Ознакомитесь и распишетесь в предварительном заключении о прекращении дела. Не думаю, что будет продолжение. Я должен рассказать вам другое...

- Может, сначала… - обернулась я в сторону дома.

- Нет. Я прошу вас пройти со мной… куда здесь можно сходить?

- А вы не знаете? Это же ваша малая родина, кажется?

- Именно. Но был я здесь всего пару раз – в детстве, а свою бабушку не знаю совсем, даже не видел.

Я медленно встала, не отрывая взгляда от его лица. Он нахмурился, сдвинув брови и сжав губы в тонкую полоску, и отвернулся, оглядываясь вокруг:

- Так куда мы с вами пойдем?

- А давайте – к церкви? Я уже побывала здесь во всех интересных местах, но до церкви так и не дошла. Там разруха и запустение, но говорят, что на стенах сохранилась роспись семнадцатого века и еще угадываются иконы. Это недалеко, только вы можете испортить свои туфли – сыро, - посмотрела я на дорогую обувь.

- Ерунда. Ведите, - упрямо мотнул он головой.

- А вы рассказывайте, - напомнила я.

- Да… Я понимаю, что такое положение вещей более, чем дико. Больше того, я понял это только после вашего вчерашнего звонка. Вы спросили – для бабушки ли я строю дом? Нет, Алена, тогда даже мысли о ней не возникло, я думал… неважно, но не о ней точно.

- Вы даже не подозревали о ее существовании? – не верила я, - такое только в индийских фильмах бывает, честное слово.

- Почему же? Просто я не был уверен, что она жива до сих пор. Последний раз я вспоминал о ней лет десять назад. Тогда здесь то ли формировалось новое хозяйство, то ли менялось руководство, но пересматривались кадастровые планы. Меня известили, и этим занимался мой юрист. Он доложил, что в доме живет старая женщина. Я понял, что моя родственница еще жива и не стал продавать участок. Это все.

- Все? - удивилась я, сворачивая по сырой луговой траве на тропинку, которая круто поднималась в гору и терялась между

деревьями: - Кажется, нам сюда… Ну, все так все – как скажете.

- Вы не понимаете… Еще мой отец и его брат – сыновья этой женщины, не хотели иметь с ней ничего общего. Всякие упоминания о бабушке пресекались взрослыми, а мы иногда по-детски задавали такие вопросы. Я не буду повторять то, в чем не уверен на сто процентов. Но я вырос с этим, это вложили в меня с детства. Упоминание о ней не приветствовалось в наших семьях.

- А причина? – настойчиво интересовалась я, останавливаясь на вершине холма возле покосившегося деревянного строения. Вокруг темных стен оставалось небольшое открытое, поросшее травой пространство, а дальше, обнимая его и организуя камерный ансамбль, поднимались высокие деревья. Креста на церковном куполе не сохранилось. Под самыми стенами виднелись три небольшие могильные плиты из битого временем камня с полустертыми надписями на них. Над двумя старинными захоронениями даже сохранились низкие каменные кресты. В церковь можно было войти свободно, но я не спешила делать это, а смотрела на мужчину и понимала что, что бы он ни сказал сейчас, я останусь на стороне бабы Мани.

- Причина? Я не хотел бы говорить об этом. Просто объясняю, почему не знаком с этой женщиной.

- Хорошо. Тогда куда вы хотели отселить ее, если собирались снести старый дом?

- Алена! - слегка повысил он голос, но сразу же взял себя в руки: - Я не знал, не был уверен – жива ли она вообще? Безусловно, теперь я пересмотрел свое решение – этот дом будет принадлежать ей.

- Не думаю, что это решит проблему. Потому что ей нельзя больше оставаться одной - не тот возраст и не то здоровье.

- Хорошо… хорошо, я понимаю, все понимаю. Эту женщину выгнал из дому муж за ее поведение. С тех пор у нее нет семьи, сыновьям было по двенадцать лет.

- И за что? За что ее выгнали? Дети – понятно, что им говорили, тому они и верили. Но какое-то объяснение все-таки должно быть?

- Да! Эта женщина была кем-то вроде местной куртизанки. От нее даже откупались продуктами и деньгами, чтобы она отступилась от мужей. Я не хотел говорить это, но вы же не успокоитесь?

- И все же вы сказали… И очень упали в моих глазах, Владимир Борисович, хотя вряд ли вам есть до этого дело. Извините, - опомнилась вдруг я, вспоминая, что обязана ему своей свободой. Это не оправдывало его, но мне нужно бы быть более сдержанной, а попросту - не лезть в бутылку.

- Так что будем делать с домом? – мирно уточнила я.

- Строить, - твердо ответил он, - мы войдем внутрь?

- Не боитесь? – ухмыльнулась я, глядя в сторону входа – темного провала в серой от старости стене.

- Не чую на себе греха. Вы же об этом? О том, что «не суди…»? Я никого и не сужу, просто объяснил вам.

- Я о том, что строение, похоже, ненадежно. А вы… оставили в опасности, оставили без помощи, даже не попытавшись разобраться, даже не поинтересовавшись… в голове не укладывается, и опять - извините. Я, наверное, не имею права…

- «Не суди…»? Так мы войдем или теперь уже вы боитесь?

Я молча шагнула в пустой дверной проем. Пол – то ли земля, то ли доски – не угадывался под толстым слоем сухого голубиного помета. Своим приходом мы спугнули жильцов этого дома – под крышей гулко и резко захлопали крылья – со стропил сорвались голуби, заметались и вылетели через одну из дыр в кровле. На высоком внутреннем куполе действительно, еще угадывались фигуры и лики святых – поодиночке и группами. Слева вдоль стены поднималась деревянная лестница с частыми провалами вместо отдельных ступенек. Я улыбнулась, вспомнив Ромку – наверняка они с друзьями лазили и туда – на звонницу. Даже с риском для жизни, а может, тогда ступени еще не провалились?

- Я не чувствую себя правым, Алена. Но и вины своей не чувствую тоже. И понимаю так же, как и вы – оставить все, как есть, уже нельзя. Сколько ей лет? - заговорил Беркутов, оглядываясь и проходя ближе к центру помещения. Я подошла к нему, мы осматривались вокруг себя.

- Точно не знаю – около девяноста.

- Я обещаю, что что-нибудь придумаю, обязательно решу.

- Дом престарелых? – горько улыбнулась я.

- Всегда презирал людей, родители которых доживают там свой век, - резко и четко ответил он.

- Аналогично. Тогда что?

- Для начала – познакомимся с ней. Она знает о моем приезде?

- Да.

- Будем считать, что необходимая подготовка проведена, - улыбнулся он.

- Постарайтесь, - попросила я, - я уверена, что все совсем не так, как вам внушили. Это просто не может быть правдой, я не верю.

- Посмотрим. Пойдемте отсюда. Удивительно… - остановился он вдруг, - а вы заметили? Здесь пахнет не едким птичьим пометом, а травой… полынью, кажется?

- Не слышу… сухая пыль, как перед дождем. Может, это знак вам – что вы на правильном пути?

- Буду надеяться, что достоин такого знака. Вы уже не сердитесь на меня?

- Я не сердилась, я просто не понимаю. Моя бабушка моложе, но почти слепая… я очень люблю ее, все любят. Два раза в год я обязательно вырываюсь домой, что бы там ни было. Потому что понимаю – каждый день может стать для нее последним. Это случится уже скоро – мы все внутренне готовимся и я каждый раз прощаюсь навсегда, стараясь не показывать этого. Но она сама все понимает и плачет. У меня в голове не укладывается… Как же так можно было?!

- Я не знаю, правда, не знаю. Но это уже не важно - как раньше не будет. Вам не стоит так беспокоиться, это же моя бабушка, - успокаивающе коснулся он моей руки и перехватил ладонь, переплетя наши пальцы. Я посмотрела на это, а он отвернулся, потянув меня за руку:

- Время, Алена, время…

Опять я шла рядом с посторонним мужчиной, а он держал меня за руку. Тогда, с Романом, я даже не задумывалась об этом. А сейчас это воспринималось очень остро и неловко, но выдергивать свою ладонь из его руки я не стала. Этот его порыв – взяться за руки, выглядел очень беззащитным. Сильный и уверенный в себе мужчина, похоже, нуждался в небольшой поддержке перед предстоящей встречей и тяжелым разговором. И даже, скорее всего, потому что чем ближе мы подходили к дому, тем крепче становилась его хватка.

Глава 13

Марии Львовны возле дома не наблюдалось. Почти у самой входной двери Владимир резко остановился и освободил мою руку.

- Я думаю, нам удобнее будет поговорить наедине, по-родственному. Вы не подождете меня, – оглянулся он на стол с лавочкой, - да хоть и там же?

И, открыв дверь, шагнул внутрь, плотно притворив ее за собой. Я выдохнула с облегчением - лишних переживаний для себя не хотелось, и постаралась занять себя делом. Получалось плохо, уже минут через десять я устала поминутно оглядываться на дверь и прислушиваться. В который раз вздохнула и погрузила взгляд в чертежи. И подскочила с лавки… сердце дернулось в ужасе - серия взрывов, как из пушки… или бомбят… где-то рядом. Земля запоздало колыхнулась под ногами - волна… потом вторая… третья… Я ахнула, хватаясь за стол. А услыхав новый звук, метнула потрясенный взгляд в ту сторону и застыла, наблюдая, как церковь на холме аккуратно и как-то спокойно складывается, заваливаясь на сторону и осыпаясь с тихим отдаленным треском…

- Ох, ты ж, боженьки… - раздалось за спиной, и я медленно повернулась к ним, все так же зависая мозгом.

- Да не пугайся ты так, - мелко крестилась на оседающую церковь баба Маня, - рвут боеприпасы во рву, на вертолете вывозить опасно. Что найдут там – невдалеке и подрывают. Но вот этого, - протянула она руку в сторону столба пыли на холме, - стоило ждать. Я уже думала как-то – боялась. Там же на живую нитку все, старое, да еще и дощатое, а они колышут раз за разом.

Рядом с ней стоял Владимир, медленно переводя взгляд с пыльного облака на холме на меня. Да, на полчаса раньше бы и… я нервно хмыкнула.

- Простите, - прикрыла рот рукой.

- Не надежное строение, - улыбнулся мне мужчина, а потом обратился к хозяйке: - Все это, конечно, неприятно, но не смертельно. Извините меня, Мария Львовна, но можно попросить горячего чая? В горле пересохло, а воду из машины не захватил.

- А что ее таскать? Что же нам – воды жалко? - засуетилась баба Маня, - пойдемте снова в дом. У нас и оладушки еще теплые остались – я миской накрыла, и варенье к ним есть… сметанка.

А потом вдруг словно опомнилась и повернулась ко мне:

- Все одно к одному… Сказку расскажу тебе сегодня, что толку дальше тянуть?

- А мне можно тоже – сказку? - слегка наклонился к ней внук.

- Нет, - вздохнула она, - это только наши сказки – страшные, женские.

Длинный день прошел в разговорах и бурных обсуждениях. Мы походили по участку, посидели вдвоем в ноуте, пока хозяйка готовила еду. Потом пообедали втроем, а дальше и поужинали. Ту жирную курицу из корзины прикончили полностью. К вечеру уже окончательно утвердили проект, который в процессе обсуждения стал гораздо скромнее по размеру, но порядком подорожал. Потом по распоряжению бабы Мани зачем-то затопили баню и Владимир натаскал туда воды. Его туфли вымокли, рукава светлой рубашки он закатал, пуговицы расстегнул до середины груди и стал выглядеть… человечнее. Или, точнее сказать – ближе к народу, хмыкала я мысленно.

Я не представляла себе - о чем они успели поговорить до взрывов, но после этого обстановка не показалась мне натянутой или неловкой. Значит, неблагополучной семейной темы внук, скорее всего, не коснулся, и они просто познакомились. Я была даже рада этому – старой женщине лишние волнения были ни к чему – выше крыши уже имеющихся в наличии.

Ближе к вечеру по вежливой просьбе гостя я провожала его, поднимаясь вместе с ним к машине. Перед этим он слегка коснулся руки своей бабушки и пообещал наведаться в ближайшее время и все-таки постараться убедить ее…

- Она странная, - немного помолчав, обратился он ко мне, - странное условие, вам не кажется?

- Вы о посадках большемеров? – осторожно поинтересовалась я, тихо ступая рядом с ним: - Может, мне не нужно было говорить, что это решаемо? На самом деле, все очень даже осуществимо, дороговато, правда, получится...

- Речь не о деньгах. Сама идея не кажется вам необычной? Совсем от нового дома она не отказывается – «согласна посторожить его», но жить пока будет в старом и «чтобы от него не видать было нового, а иначе совсем не стройтесь».

- Я постараюсь выяснить причину. Вы не поговорили с ней? – осторожно поинтересовалась я.

- Вы о семейных тайнах? А это имеет смысл, когда ей жить-то осталось… восемьдесят девять с половиной. Она отказывается ехать в город.

- Вы не особенно и настаивали. Но ее нельзя оставлять одну.

- Почему? – вопрос прозвучал жестко.

- Потому что она стара.

- Но не беспомощна.

- Это вопрос времени.

- Так оставайтесь тут с ней – заодно поможете, - ехидно посоветовал он.

Я вначале растерялась, а потом вежливо объяснила:

- У меня в городе работа, и мне нужно на что-то жить.

- У меня, представьте – тоже. Нужно искать выход, - отрезал он, а потом вдруг пожаловался: - Как же с вами трудно, Алена… садитесь в машину.

- Зачем? Я никуда не еду, - столбиком замерла я на месте.

- Так удобнее говорить, садитесь, не капризничайте, - приоткрыл он для меня дверку и я уступила. Он сел на водительское место, подвигал руками, будто не зная, куда их деть и наконец, я услышала:

- Тут такой разговор... наверное, не совсем ко времени и прозвучит немного странно, но раньше я думал, что однолюб. Совсем однолюб… И что каждому человеку только раз дается его половинка и искать ей замену бессмысленно. Просто послушайте... - среагировал он на мое неосознанное дерганное движение. Улыбнулся, глядя на свои руки на руле: - Вас это ни к чему не обяжет. Не нужно отвечать, если нет такого желания, даже можете уйти прямо сейчас - все предельно добровольно, Алена. Это просто информация. Да... Но потом я вдруг решил, что влюблен в вас, - прозвучало неожиданно печально. Он говорил это, уже прямо глядя мне в глаза, и я неловко кивнула, отводя их.

- Я еще и виноват перед вами... тоже нужно признать. За этот день что-то тут повернулось, - тронул он пальцем свой лоб, - поездка в место, где я не был с детства, наша прогулка, потом взрывы, крушение храма… я уже анализировал – случись все, когда мы были внутри, вытащить нас оттуда я не успел бы. Потом бабушка, разговоры, целый день вместе – я присмотрелся, прислушался и вместе с тем, что знал и слышал до этого… кажется, я стал лучше понимать вас. Поэтому пересмотрел... решил признаться - я сознательно провоцировал вашего мужа почти целый год, каждый раз, когда мы встречались в лифте – два-три раза в неделю точно. Я видел, что он мучается от ревности из-за моих взглядов, но не отказывал себе в любовании вами, заодно отмечая его трусость и извращенно всем этим забавляясь.

- Почему… вы оскорбляете его не за то, что он сделал… - растерялась я.

- А за то, чего он не сделал - он трус, Алена. Я бросил ему мужской вызов – он его не принял. На его месте в первый же день я выволок бы наглеца из лифта и сделал предупреждение, а то и набил морду, потому что мои взгляды были сродни прикосновениям. Я успевал нафантазировать кучу всего, пока он трусливо наблюдал это. С чего все началось? С вашего голоса… это просто невероятно. То, что я услышал его в своем доме через столько лет, то, что вы поселились рядом… Он очень похож на голос моей жены – Лены. Она хорошо пела, а вы… поете?

- Только если очень громко и на свежем воздухе, - напряженно хмыкнула я.

- Лена умерла больше восьми лет назад, и мне кажется, что я до сих пор люблю ее и заодно все то, что возвращает мою память… туда. Все это время мне казалось, что вы с ней похожи, но нет. Вы моралистка, Алена, извините, если это определение неправильно, но я понял вас так.

- И? Объясните тогда, пожалуйста, - холодно и вежливо кивнула я.

- Просто послушайте – у вас очень мало друзей, а скорее всего, их нет вообще, так же? Выслушайте меня, это важно и для вас тоже – ответьте честно?

- У меня есть Ира, хорошие знакомые на работе и мои родные - семья.

- Да – есть Ира… А еще ваш муж. Вы переспали с ним только после свадьбы и до сих пор считали его идеальным, так же? Потому что любили и не замечали недостатков. Если посторонние люди ведут себя не совсем так, как должно в вашем понимании, то вы стараетесь не общаться с ними. Вы не погружались в социальные связи и статусные знакомства мужа. Вы держите близко к себе только тех, чьи поступки… да пускай даже – направления и темы разговоров или манера общения, соответствуют вашим моральным принципам, а таких людей единицы.

- Ярая моралистка, злостный социопат…

- Дослушайте, пожалуйста. У разных людей эти принципы могут быть разными и не важно - как, когда и кем они заложены - человек принял их... ваши понятны и даже близки мне, но, Алена, так нельзя - я честно передал вам то, что знал о бабушке и упал при этом в ваших глазах, потому что это похоже на сплетни, а сплетни – «это плохо». А я просто сказал ту правду, которую знал сам, и которую хотели узнать вы – уже не посторонний для нее человек. Но это мелочь, есть вещи поважнее - вы же не дадите мужу еще один шанс? Потому что любая измена – «это плохо».

- А вы? – прошипела я, - вы дадите шанс своей Руслане?

- Да. Я освобожу ее от себя и дам шанс встретить своего мужчину. Перед ней я тоже виноват. Не нужно было покупать себе жену, как собаку для выгула. Я даже не взял на себя труд подумать, что никто не стукнет меня по голове, если я явлюсь на очередной прием без спутницы - это даже не стало бы оригинальным... А когда есть спрос на такого рода услуги, предложение будет всегда. Но, в общем и целом, она неплохая.

- Она неплохая… - нервно дернулась я.

- Да. Просто глупенькая, обделенная вниманием женщина, но кто-то может не заметить этой глупости и полюбить ее.

- Например – мой муж? Извините…

Очень хотелось – идите вы…, но не дало строгое воспитание – за просто «дурака» нам с братом сразу прилетало. Мы даже дрались - тузили, лупили друг друга молча, стараясь, чтобы этого не видел батя. Сопели, пыхтели, слезами обливались, но все это - молча.

Потому что он не стал бы разбираться чье дело правое. Ему было просто некогда - уставшему после работы, решающему главные проблемы семьи, имеющему обязанности еще и в домашнем хозяйстве. Если попадались на горячем, то ремня получали оба. Поэтому сейчас выдержка и вежливость были наше с Колей все. Я потянула скобу двери, одновременно услыхав щелчок блокировки, и сердито развернулась обратно к Беркутову.

- Владимир Борисович... ну что за детские игры, на самом деле?

- Разве это похоже на детские игры? У нас взрослый серьезный разговор. Всего один, если не сложится... наберитесь терпения, Алена - еще буквально пара слов...

- У вас непростой характер, Алена. Моралисты – тяжелые люди, соответствовать принципам, которые они исповедуют, и жить рядом согласно их негласным правилам, не любя, практически невозможно. Скорее всего, ваш муж по-своему любит вас. Поймите, видеть только черное и белое неправильно. Кроме этих двух, все цвета состоят из оттенков. Вы многое теряете - у жизни тоже есть свои оттенки. Правильно-неправильно, хорошо-плохо… это слишком просто. Ваш муж был хорош для вас, потом в одно мгновение стал плох - и все?! Ни единого шанса, ни малейшей возможности объясниться, ни крохи желания понять его?! Так нельзя.

- Вы хотите помирить меня с мужем? - нащупывала я мысль, которую он пытался донести до меня… коряво. Или это я чего-то не понимала своим корявым умом: - Это он попросил? И после его романа с вашей Русей вы согласились?

- Я уже не так уверен в том, что этот роман был. Руся отрицает это, а он мог прокричать об их длительной связи, чтобы досадить мне. Я думаю, что это была случайность. Когда заранее продумывают месть или собираются изменить сознательно, к этому готовятся, а не тянут чужое тело в семейную постель. Это высшая степень неуважения к себе в том числе, так поступают люди совсем низкой моральной организации. Ваш муж не производит такого впечатления. Скорее всего, это было спонтанное решение, схожее с помутнением рассудка - он ухватился за случайную возможность отомстить мне.

- Я обещаю больше не лезть в ваши семейные дела – с бабушкой. Не трогайте и вы мои. Пожалуйста, разблокируйте дверь.

Вообще не понимаю – зачем вот это все было? - бормотала я, больно налегая плечом на дверку.

Беркутов тяжко вздохнул, опять положил крупные кисти рук на руль и сжал его так, что побелели костяшки пальцев, посмотрел на это, отпустил… Снова внимательно взглянул на меня.

- Сегодня случилось два важных для меня события: я немного разочарован – вы совсем не Лена, хотя почти год день за днем я слушал ваш голос и нечаянно начал отождествлять вас – мои оговорки с именем не случайны. Но я понял еще одну важную вещь…. Я давно хочу вас, как женщину - сильно и мучительно. Но сегодня понял, что страсть это еще далеко не любовь. Вы трудный человек, Алена, но неплохой и интересный. Я мог бы полюбить вас со всеми вашими тараканами. А еще я могу дать вам детей, достаток и уверенность в будущем. Всегда буду уважать ваши принципы – они близки мне, но я не так категоричен. Но у нас что-то получится только в том случае, если вы поймете, что компромиссы возможны.

- Странный способ вы выбрали… проще было бы соврать что любите, и не говорить всего этого, - отстраненно заметила я, не представляя, что еще можно ответить на такое в высшей степени странное признание.

- Как вам не стыдно? – усмехнулся он, - вы уже допускаете, что ложь упрощает жизнь? Нельзя было не говорить... всего этого. Вы должны принимать свои решения о вашем муже и обо мне с открытыми глазами. Потому что стоит вам только заподозрить (в нашем общем гипотетическом будущем), что я сравнивал вас с Леной, впервые потянулся к вам только из-за вашей схожести и все - отставка, потому что это «неправильно» и псевдо-оскорбительно для вас, как женщины. Я хочу, чтобы вы знали всю правду с самого начала. Что вы – никакая не замена ей. Лена была другой - она была мягкой, уступчивой и терпеливой.

- Мы все порхаем над вами, когда любим, - отрезала я, - вы предлагаете мне себя и подталкиваете к Олегу. Как это понимать?

- Вы не должны бегать от него. Разочаруйтесь в нем, наконец, но не так, как сейчас - с обидой и сожалением, а за дело и с пользой для себя. Не в мужчинах, а в конкретном человеке! По-настоящему он изменил не тогда, когда вы застали их – физическая измена бывает случайностью и ее можно простить, если любишь. Но вы же

моралистка? Но тогда вы должны понимать и то, что намного страшнее измена внутренняя. Он отдавал мне вас каждый раз, как мы заходили в лифт, трусливо молчал, пока его женщину раздевали глазами. Услышьте его куцую правду и решите, что перевесит для вас – плохое или хорошее в нем? Перестаньте страдать по нему – он того не стоит.

- Вы тоже, как выяснилось, вели себя далеко не идеально… в лифте. А я же моралистка и вряд ли изменюсь. Если вас это не устраивает, то тут без шансов, потому что меня с детства так… - запнулась я, принимая мелькнувшую мысль: - Вы что - о детях? Учиться терпимости ради них? Слушайте, вы видите во мне какого-то монстра!

- Нет, просто слишком категоричную женщину, которая не сможет построить с этим свое будущее, потому что просто не успеет. Подумайте об этом - вы умны, Алена.

- Умнее Елены?

- С этой минуты ее имя больше не будет звучать между нами, обещаю вам. Я давно уже люблю просто память о ней. Скорее всего, буду любить всегда, но это уже только память... благодарность за детей, за наши с ней годы - она заслужила. Идите, уже темнеет... и вот ваши бойлы, я прочитал инструкцию, – вздохнул он, протягивая мне пакет, а за моей спиной щелкнул блокиратор дверки.

- Я тоже могу быть неправ и могу ошибаться. Обдумайте то, что я сказал, и решайте уже сами… Я… понимаю, что у меня мало шансов и дело не в том, что вам пока не до новых отношений. Я сказал все это просто для того, чтобы вы знали обо мне. Какое-то время я буду ждать и не оставлю вас своим вниманием, но погружаться в вас с головой погожу. Это далеко не безопасно. Подумайте о возможности… нас с вами и дайте мне знать, но как-нибудь милосердно... по возможности, – тихо хмыкнул он, уже не глядя на меня.

Я не знала, что сказать на это – просто не представляла себе. Молча кивнула – видел он это или нет, и вышла из машины. Почему-то вспомнилось, что Олегу нравилось, как я это делаю. Он говорил, что красиво выйти из машины умеет в лучшем случае одна женщина из тысячи.

Машина тихо заурчала за моей спиной, скользнул по земле свет фар, прошелестели шины – он уехал. А я еще постояла над селом, что раскинулось внизу, даже в таком взъерошенном состоянии отмечая новую деталь пейзажа – тонкую белую полосу тумана по всей длине ручья. Остальное уже поглотили глубокие сумерки, почти ничего не было видно – домов, отсутствия церкви… Тихо пошла по прогретому за день асфальту вниз - навстречу вечерней прохладе.

В голове барахталось столько мыслей, что я не успевала связывать их между собой. Начать нужно было с чего-то одного – так я, значит, моралистка? Может быть, может быть… хотя моралисткой я, скорее, назвала бы нашу Дмитриевну - она всегда имеет единственно правильное – собственное мнение, навязывает свои взгляды и дико утомляет советами. А я, очевидно, моралистка-тихушница. Потому что предпочитаю иметь пускай и малочисленный, зато комфортный для себя круг общения. И умудрилась заполучить его, никого не обидев при этом. И да – на всех этих официальных встречах мне было откровенно паскудно, потому что там мне уделялось слишком много внимания. О причине могу только догадываться, и самооценку это не повышает. На рыбалке было лучше в разы!

И да – говорить такие вещи о баб Мане за глаза – низко. Он и сам это понимал тогда и вначале говорить не хотел. Но вот ему понадобилось оправдаться, и это стало возможным. Хотя я тоже… он обращается к своей бабушке на «вы» и по имени-отчеству. Они, в сущности, чужие друг другу люди и виноват в этом точно не он. А я набросилась с упреками. Была неправа. Думала и судила штампами, клише… это похоже на морализаторство, да… принимаю.

Измена – и не измена вовсе? Такое мог выдать только мужик, который уже прошел через такое «недоразумение» и не придал этому значения. Похоже, Лена умерла рогатой, прости меня, Господи, за такие мысли. Я не верю в спонтанные измены. У человека есть голова, а у Олега еще и развитый мозг. Он все прекрасно осознавал, но все-таки сделал. Значит, почему-то хотел этого и настоящая причина уже не имеет для меня никакого значения.

Правильно-неправильно, полутона-оттенки… того, что я видела, уже не забыть. Такое ощущение – его тело осквернено, изгажено. Это только потому, что я моралистка? Да ладно! Любой

чувствовал бы так же. Так что я подумала, Владимир Борисович, и не согласна с вами – даже любя, простить можно далеко не все. Была бы небольшая вероятность, если бы не видела собственными глазами. Но вам спасибо уже за то, что сейчас вспоминаю об этом без истерики – дорогого стоит.

Не для меня мужчина... Всего в нем с большим лишком: прошлого, интеллекта, опыта, характера… занудности, в которой он обвиняет меня. Но умный. Я туплю в том, что для него - очевидно, не успеваю поймать мысль за хвост или мы думаем по-разному – не важно. Возле него пришлось бы быть уютной, уступчивой и терпеливой, полное равноправие было бы только в постели, а я уже привыкла, чтобы со мной считались во всем. Но главное даже не это – не шевельнулось внутри ничего, не дрогнуло, пока мы были рядом. Он не волнует меня в этом плане и дело не во внешности – мужик по-своему хорош. И не во времени, которого прошло слишком мало – это или есть или его нет. А может я не права... влечение к Олегу тоже просыпалось постепенно.

Перечислил мои "недостатки", определил наличие тараканов и потребовал талерантности. К чему? К его недостаткам? Признает, что неидеален и просит принять это? Что же он надумал себе обо мне? Какой-то беспредел без краев - точно. И Олег смог жить с "моралисткой", а этот сразу борется за право оставаться неидеальным. Правда, и моих тараканов травить не собирается. А Олег не боролся. Так Ирка была права? Дело не только в этой Русе? Было что-то еще, и оно копилось, а потом позволило ему… Отдавал меня каждый раз? Вот в это не верю. После рассуждений Беркутова осталось ощущение промелькнувшей рекламной картинки – я-то настоящий мужик! Потому что Олег мог легко пресечь это – выходить из дому в другое… стоп! Он не раз пробовал менять график… так это что - правда? На самом деле?!

Ноги сами несли меня к дому, в голове было пусто – все, что там мешалось, я уже передумала и мысленно выплюнула. Сейчас не нужна была даже обещанная сказка, тем более страшная – думать не хотелось вообще. Бойлы я оставила под столом возле яблони и, прихватив в дом свой рабочий инструмент – ноутбук, тихо прошла внутрь. Мария Львовна уже устраивалась на своей кровати. Я

зачерпнула воды из ведра, жадно выхлебала ее, отставила кружку и попросилась:

- Смертельно хочется в баню, можно?

- Давай… только быстро. Ночью в баню не ходят, попаришься завтра. Топить теперь будем каждый день, - отвела она глаза. Я уже не раз замечала, что если она не настроена на диалог, то отвечает коротко, отрывисто и в глаза не смотрит. А значит, почему будем топить баню каждый день - сейчас не признается.

Баня была старой, но еще годной. Я с огромным удовольствием вымылась, перед этим разобравшись с вопросами обеспечения. Все здесь было не просто старым, а древним. Яркий кусочек земляничного мыла будто попал сюда из другого - более прогрессивного века.

Но скоро у бабы Мани будет новый дом с небольшой ванной, туалетом, теплым полом и всем-всем, что подразумевает под собой понятие "умный дом". Это дорого, очень дорого, а еще Беркутову придется платить человеку, который будет приезжать раз в месяц и контролировать работу системы. А бабу Маню я уговорю... мы вместе с ней растопим в большой комнате камин, она привыкнет пользоваться электроплитой... И все равно - не выход, ударила я мыльной ладонью по мокрой лавке. Что же делать? Он обещал что-нибудь придумать, но оставить бабульку здесь одну - точно не вариант. Тянет и тянет это дурное беспокойство за совершенно чужого человека, потому что это "не правильно". Моралистка проклятая...

Глава 14

Олег искал хорошего семейного психолога. Не то, чтобы он свято верил в силу науки психологии… Просто ему нужен был грамотный совет человека, который сталкивался с похожей ситуацией хотя бы теоретически. Он просмотрел кучу сайтов, сбросил себе несколько контактов, но позвонить все не решался – человек должен быть надежным и проверенным. Значит, только рекомендация. А это еще сложнее – такими знакомствами не хвастают, и не многие пользуются такого рода услугами. Он удобнее устроился в кресле, коснулся рукой повязки на голове, поморщился и позвал секретаря:

- Зайди сюда!

В кабинет вошел молодой человек – невысокий, худощавый, в безукоризненном офисном костюме.

- Да, Олег Юрьевич?

- Олежка, поищи хорошего психолога по семейным вопросам. Обязательно мужика и чтобы не сильно лез в душу.

- Так это их работа, - спокойно улыбнулся парень.

- Мне нужен простой совет, а не раскопки. Найди быстро - время поджимает.

Секретарь понимающе кивнул и вышел из кабинета. Олег взял его к себе в то самое время, когда они с Аленой переезжали на новую квартиру. Взял первого же, кто пришел на собеседование – некогда было выбирать, а этот с виду был сама аккуратность и обязательность. И не прогадал, это был совершенно другой уровень профессиональной подготовки, Олег полностью изменил свое представление об обязанностях личного помощника. Олежке он мог доверить все – от рабочих вопросов до полной смены интерьера в спальне, просто озвучив предпочтения жены. Только вот - имя, но парень годился ему в сыновья и он позволил себе обращаться к нему таким образом, чтобы люди не путались.

Время действительно поджимало. Но отступать Олег не собирался, потому что грош ему цена, если не сможет помириться с Алей. А он был силен именно в переговорах, многие контракты заключались компанией благодаря его спокойной выдержке,

терпению, внимательности и кропотливости в подходе к новому начинанию. Он буквально вылизывал проекты договоров, поднимал на уши всех сопричастных к их подготовке, видел и предугадывал все возможные трудности и грамотно готовил их разрешение или же пути обхода. Он был хорошим специалистом в своей изначальной профессии, но главное – со временем стал почти профессиональным переговорщиком.

Но Аля не дала ему возможности даже объясниться. Нет, сама возможность была – тогда, но вспоминать об этом было не просто стыдно. Это был один из самых позорных моментов в его жизни… второй, нет – третий и все за одни только сутки. Не удивительно, что он сорвался в слезы - свое состояние тогда почти не контролировал, сказалось и сотрясение, и потрясение...

Его привели в чувство полицейские. Думать об этом и вспоминать не хотелось – один из тех самых моментов. Они даже не пытались скрыть смешки, а он вдохнул нашатырь и пришел в себя, лежа на полу в полуспущенных штанах. Сознание медленно возвращалось и тянуло за собой воспоминания и понимание. Он сгорал тогда от мучительного стыда и еще страха за Альку и их будущее. Прикрываясь, кое-как натянул штаны, шевельнулся, и его вывернуло на палас. В голове звенело, висок тянула тупая боль – на руку, когда он попытался ощупать голову, налипла кровь. Потом она высохла и очень трудно смывалась.

Когда подоспела вызванная полицейскими медицинская помощь, он что-то уже слышал сквозь тягучий звон в ушах, да и в глазах плыло и двоилось уже не так сильно. Женщина-врач только взглянула на него и сказала полицейским:

- Сначала – девушка. Владик, подними носилки, - и стала хлопотать над чем-то в кровати. Только тогда он вспомнил про соседку, и перед глазами встала вся картина глазами Альки… он застонал. Женщина взглянула на него, сухо и коротко кинула:

- Терпите.

Да готов! А лучше – сразу на плаху, милосердно добейте или разбудите, потому что все это просто не может быть правдой. И его Алька… где-то там.

- Мне нужен телефон. Подайте, пожалуйста, там – в кармане пиджака.

Полицейский подал ему пиджак, и он позвонил начальнику юридического отдела компании, в которой работал и самому близкому своему другу, армянину по национальности:

- Вардан, послушай… это очень важно – прямо сейчас, лично подъедешь ко мне домой…

- Мы забираем вас вместе с девушкой, рану нужно чистить и обрабатывать. И, скорее всего – у вас сотрясение, нужен снимок, - покосилась она на рвотные массы возле кровати. Олег проследил ее взгляд и бросил туда свой пиджак, прикрыв им смердящее безобразие. От резкого движения мир колыхнулся и в глазах потемнело.

- Подожди, Варик, отставить. Подъезжай в отделение… - он взглянул на полицейского и тот назвал номер и адрес, Олег повторил все и добавил: - Там Аля. Сделай все что нужно и так, чтобы потом к ней не возникло никаких вопросов.

- Уносим девушку, - скомандовала врач, - собирайтесь и вы тоже.

- А вопросы еще остались… по делу «женщины с чугунной сковородой», - отозвался полицейский, а второй весело хмыкнул, глядя на валяющуюся на постели рядом с бессознательной участницей адюльтера ту самую сковороду: - Сейчас подъедет следственная бригада, ключи от квартиры потом заберете в отделении.

Олег ни разу не удивился такому цинизму. Посторонний мужской взгляд на ситуацию был понятен, он и сам бы посмеялся, случись это с кем-то другим. Случай из обоймы – «не умеешь – не берись». Лох, лох, и еще раз лох… Во взглядах и усмешках полицейских не было осуждения, но явно присутствовала насмешка и их спокойный цинизм не был следствием профессиональной деформации. Это была логичная констатация посторонними мужиками еще одной его несостоятельности – как любовника. Но именно на эту несостоятельность ему было плевать. Да - ситуация рисовалась анекдотичная, и он сейчас переживал свой позор. Но понимал, что это все цветочки – дальше последует настоящая катастрофа.

- Возьмите запасной комплект в верхнем ящике тумбочки, в прихожей, - скривился он.

- Ваша… партнерша, она замужем?

- Здесь номер Сноба, это ее муж, - ответил Олег, как выплюнул, и протянул свой телефон парню: - еще вопросы?

- Продолжите в больнице, - отрезала врач, - с девушкой все очень серьезно, осколки костей переносицы могли задеть мозг.

Олег дернулся, и его опять вывернуло из-за ее слов и какого-то первобытного, тошнотного страха за Альку - прямо на испорченный уже пиджак. Дальше разговаривать с Варданом он не мог, но был уверен, что тот сделает все, как надо. Сейчас! Этот идиот делал все основательно, чтобы потом не возникло вопросов, как и просил он – Олег. А главным было немедленно освободить Алю, а не это. Остальное он сделал бы и сам, но успел этот… Володя, как с придыханием лепетала тощая дура, деланно ломаясь, когда Олег, не особо церемонясь, подталкивал ее к двери своей квартиры. Мусорный пакет в руках, а на костлявом теле только подобие трусов и короткий прозрачный пеньюар – распахнутый. Можно подумать, выносом мусора занималась не домработница. И именно тогда, когда щелкнул замок его двери эта с-сука… семейное у них – сидеть в засаде? Нах… он вообще…? Пожалел сразу же, как сунул, но не остановился, б…ь - в голову не пришло, старался закончить быстрее и выгнать нах…, чтобы потом иметь право многозначительно улыбаться в лифте Снобу. Ой, идио-от… Где был мозг, опыт, возраст…?

- Олежка! Готово?! – рыкнул он, и голову прострелило болью. Лежать, не двигаясь, минимум сутки, пить какие-то препараты - сказал врач, а он ушел на следующее утро, письменно отказавшись от госпитализации и Олежка отвез его в «Теремок» – Алька не могла пройти мимо своей работы. Но в тот самый день прошла - он звонил и узнавал, даже искренне повинился перед Иркой, потому что ему нужен был союзник. И потом… ну кто, как не Ирка должен был знать, где сейчас его жена?

- Извините, Олег Юрьевич, быстро не получается, нам же нужен хороший специалист?

- Ищи! - и прошептал уже для себя, крепко зажимая пальцами переносицу, потому что опять темнело в глазах: - Ищи, сука, ищи – время…

Его выдержка летела к черту, об этом ярко свидетельствовало то, что изнутри рвался мат. Он никогда… или почти никогда не позволял себе такого – это было крайне непрофессионально. А сейчас Олега колотило от невозможности просто взять и выораться – от злости на себя, родного. Алька не простит, а он даже не

представляет с чего начать и что делать, чтобы простила хотя бы где-то там – в далекой перспективе. Нужен совет грамотного специалиста. И пускай копается, выворачивает наизнанку, на куски режет – он потерпит. Пережил же как-то тот почти невыносимый стыд перед мужиками в форме... Только бы подсказал, что ему делать, хотя бы – с чего начать?

Звонить жене было страшно, потому что понимал – бесполезно. Во всяком случае, пока. А страшно до холодного пота, до дрожи в пальцах, до перехваченного больной судорогой горла. Он уже пытался и не смог, не решился, будто ему не сорок, а шестнадцать, а потом и пробовать перестал. И не факт, что она приняла бы звонок. А еще неудачный разговор мог подтолкнуть ее подать заявление на развод самой, а так он потянет время. Он боялся ошибиться, потому что это будут не просто переговоры – решалась его дальнейшая жизнь.

Первый раз он увидел ее на вокзале – провожал тогда старшего брата. Они проходили возле вагона только что прибывшего поезда, и оттуда как раз выходила девушка, подтаскивая за собой огромный чемодан. Брат тихо присвистнул, кивнув на нее:

- Хватай первым – такая далеко не уйдет.

Он и схватил… Отец посадил Альку в поезд, а он снял с него. Они встречались три года, пока не расписались. Расписались тихо, чтобы не знали ее родители – они не хотели, чтобы дочка выходила замуж до окончания ВУЗа, это помешало бы учебе. А она категорически отрицала близость до свадьбы. Первый и второй год у Олега были случайные женщины. Вначале часто, дальше все реже и реже – когда он все для себя решал с Алькой. Потом, когда уже хорошо узнал ее и решил окончательно и бесповоротно, монашествовал почти год. На стенку лез, но терпел, а потом выставил условие – ему нужен секс или он когда-нибудь сдохнет во время поцелуя. После ЗАГСа они жили в его квартире, но Алькины родители не знали о замужестве дочки до самого окончания института. Она мучилась из-за этого, но он убедил ее, что между враньем со злым умыслом и простым умолчанием огромная разница. Олег потом познакомился с ее родными и понял свою жену. Там были хорошие люди, но слишком уж… правильные.

Потом была работа и была молодая семья, и было известие, что он бесплоден – совсем и навсегда, без вариантов. Пережили…

Пережили его новое назначение и работу Альки «на рельефе» - на износ, до хрипящих бронхов и обмороженных рук и щек – она нарабатывала опыт и профессиональный авторитет. Они иногда и ругались и спорили – не без того, но тогда первый и единственный раз поругались по-настоящему - почти до развода. Тогда же Олег принял приглашение на встречу за городом, связанную с недавним назначением. Эта встреча обещала новые полезные знакомства, но от нее можно было отказаться. Только в тот день ему резко захотелось уйти из дому - Алька хрипло и надсадно кашляла, но категорически отказывалась бросить дурную работу, а он готов был убить ее за это!

Просто совпало… Это не было срывом из-за семейного конфликта и способом отомстить жене за непослушание – он выпил лишнего, чтобы забыться и мысленно отдохнуть от всего. А проснулся рядом с незнакомой девицей приятного вида. Самое страшное, что в мозгу мелькали кадры, и он понял, что все было… Вендиспансер, анализы… он не мог подставить Альку еще и в этом. Но обошлось.

Это случилось не единственный раз за время брака – был еще один и на этот раз вполне осознанно. Слишком хороша была женщина, откровенно предлагающая себя – нежная блондинка аристократичного вида, внешне и внутренне абсолютная, полная противоположность его жене. Но ничего особенного и на этот раз он не почувствовал, кроме того, что что-то испортил – на ощущениях, неуловимо, но еще исправимо. Он и исправил, дав себе твердый зарок – больше никогда! Потому что Аля была лучше, секс с ней не просто устраивал его - он был тем, о котором говорилось в народной (мужской) мудрости: лучший секс - это секс с женой. Другая женщина потребовала слишком много усилий, получилось не легкое, приятное времяпровождение, а конкретный напряг – совсем не нужный ему, лишний и утомительный. Но это тоже был опыт, а он умел учиться и решил для себя - больше никогда! Потому что не стоит того. С тех пор у него не было никого, кроме жены – восемь лет, до этого случая с Русей.

Он сделал ошибку в самом начале, не поставив Сноба на место сразу же, как поймал его первый взгляд на Альку. Как? Он не знал этого и сейчас, но это нужно было сделать. А тогда сработала привычка не действовать сгоряча, сказалось умение «стирать» мелкие

переговорные сложности еще в зародыше, «не замечая» их. И тот же просто смотрел? Тогда – еще только смотрел.

Была еще одна причина – Олегу нравилось и льстило, когда мужчины любовались Алей. Когда они выходили вдвоем, он часто ловил заинтересованные взгляды и тогда обнимал жену за талию чуть крепче и нежнее. Мужики прикипали взглядами к его руке, а ночью после этого он не давал ей покоя. А однажды, проходя за спинами двух гостей на одном из приемов, услыхал – совершенно случайно. Они смотрели на Альку, которую он оставил со знакомой супружеской парой, и говорили о ней. Он успел услышать только:

- … а представляешь – какая она в постели?

Безобидный мужской треп, с толикой зависти и бездной восхищения и любования. Олег только довольно хмыкнул тогда про себя.

А интерес проклятого Сноба со временем перестал быть безобидным. Эта безупречная в остальном своем поведении тварь просто пожирала Альку голодными глазами, мысленно раздевала ее до нитки и имела во всех мыслимых и немыслимых позах, пока они доезжали до первого этажа. Олег упустил время, когда конфликт можно было корректно снять, а теперь просто не знал, как ему поступить – ну не драться же с соседом, на самом деле? Взгляд, он и есть просто взгляд – он не наказуем. Но то черное и первобытное, что каждый раз поднималось в груди, говорило об обратном. Олег боролся с ревностью, как только мог, давил ее в себе и ревновал опять. Выходил из квартиры, будто шел в бой… побеждал, не разрешая себе сорваться и на жене в том числе, а потом все повторялось.

Ситуация была странной и настолько нетипичной, что он просто не понимал, как прекратить ее. Хорошо хоть Аля, привыкшая к тому, что на нее смотрят, о глубинной подоплеке его взглядов не подозревала - львиную долю времени в лифте он тратил на то, чтобы отвлечь ее. А вот мерзкая сволочь Сноб отлично все понимал – его возмущение, его дикую ревность и продолжал методично провоцировать, делая вид, что попросту не замечает его присутствия возле женщины. Олег не поддавался... Но нервы не железные и, в конце концов, он сорвался бы – все к тому шло, и все вылилось бы в самую примитивную драку. Но тут под руку подвернулась Руся…

- Олежка!!

- Да, Олег Юрьевич! Есть! Завтра в шестнадцать ноль-ноль, адрес сбрасываю.

- Молодец, - устало выдохнул Олег Юрьевич Немоляйкин… дурацкая фамилия. Но что делать? Один из старинных купеческих пригородов славился подобными прозвищами – Матрешкины, Жидюковы, Накруткины…

Глава 15

- Вардан, а давай – не надо? – устало потер Олег лоб, привычно уже коснулся повязки на виске. В упор взглянул на друга: - Не настоящий мужчина, а тварь безответственная и просто дурак. Ты же это имеешь в виду? Не нужно меня воспитывать. Мне помощь нужна, грамотный совет, а вы переделать меня пытаетесь на скору руку. На это нет времени. И я уже! Осознал, всосал, принял! Хватит! Извини… Психолог – м…к.

- М…да? Теперь моя очередь? Что он сказал тебе? Давай-давай, чтобы исключить повторы, так сказать… - хмыкнул молодой носатый мужчина, аккуратно наливая в пузатые бокалы дорогой коньяк. Они с Олегом сидели в беседке возле загородного дома, в котором проживала семья Есаян. На белоснежной скатерти стояли легкие закуски, вокруг отцветал сад, а у Олега кружилась голова от запаха, исходящего от огромного куста белой розы за его спиной. Или кружилась она из-за незалеченного сотрясения? И как еще его сотрясшийся мозг среагирует на алкоголь?

- Мне не наливай. Лучше на трезвую голову. Что он сказал...? Сказал, что наши с ним встречи некоторое время должны носить характер постоянный и регулярный. Что принять сразу несколько новых истин, узнавая себя, за один короткий сеанс невозможно. Что нужно менять свой взгляд на жизнь и супружество. Вытаскивал из меня причины того, что я сделал, просился взглянуть на фотографию жены, - скрипнул Олег зубами, - и посоветовал подложить ее под чужого мужика – это в двух словах.

- Бред… Ты шутишь? Хотя… какие шутки? - покачал головой его собеседник, слегка пригубив янтарный напиток, - ты что-то не так понял или просто утрируешь. Хочешь, еще раз сходим к нему вместе?

- Я все понял правильно. Утрирую, конечно, но смысл не извращаю. А, кроме того, еще выяснилось, что я патологически ревнив и склонен к психологическому насилию. Над Алькой, разумеется. Представляешь?

- Нет. Объясни, - отмахнулся хозяин беседки от куска органзы, край которой ветерок бросил ему в лицо. Встал и прихватил почти

невесомую ткань шнуром. Присел опять, внимательно глядя в глаза другу. Тот передохнул, отслеживая все это, успокоил за это время дыхание. Ответил:

- Нужно было взять на диктофон. Я не помню дословно - эти их термины, словесные пируэты. Про «анализ прошлого паттерна отношений» объяснить? Но он говорил грамотно, аргументировал. А я же шутил, просто шутил с ней пару-тройку раз, говорил, что попа толстая и кому она, кроме меня, такая нужна. Мне приятно было знать, что только мне и она не обижалась… я же не обижался? Ты не представляешь себе, как она издевалась над моей бородой, когда я решил завести ее – «дедушкой Ау» называла, советовала, если вдруг гаишник остановит, спросить - чего тебе, сын мой? Вардан… какой же я м…к! – склонился он лбом на сложенные на столе руки.

Некоторое время молчали оба. Вардан потихоньку потягивал коньяк из бокала и жалел… страшно жалел, что по его вине случился еще один прокол – Алену освободили не усилиями Олега, что уничтожило еще один – маленький, но шанс на примирение. Он не владел информацией и не особо спешил, изучая ситуацию, а Олег толком не объяснил – не мог, и вот результат – Аля благодарна другому. А Олег жалеет, как же он жалеет! А он сейчас смотрит на друга и понимает, что никогда! Никогда не сотворит подобной глупости – Асмик очень гордая, она не сможет простить, если что. А он не пойдет по пути Олега, даже если соблазн будет носить космические масштабы – он мужчина и еще отец, и… Олег сбил его с мысли, продолжив:

- Он говорит, что такого рода внушение чувства собственной неполноценности и несовершенства сродни насилию над личностью. Но Алька-то знает, что я люблю ее «женьку», что мне нравится в ней все. Это никакое не насилие, но да, я согласен с ним - я так защищался, подсознательно боясь потерять, хотя всегда доверял ей. Ты же знаешь, как на нее смотрят. Он спросил, красива моя жена или нет.

- И? – откинулся на удобном диванчике Вардан, - что ты ему ответил?

- С ходу? На почти молниеносно заданный вопрос? Я сказал, что не знаю. Что у нее большая… бли-ин! Он спросил – насколько большая, решил, что у нее огромный лишний вес. Наверное,

обрадовался, что прояснил для себя причину измены, - хмыкнул Олег, - а я ответил, что при желании смог бы переломить ее талию двумя пальцами. Тогда он, бл…ь, попросил взглянуть на фото… чтобы иметь представление, так сказать, а я захотел его убить за это! И именно тогда понял, что к его словам стоит прислушаться.

- Алена красивая женщина.

- Она гротескно красива, нестандартно! В самом начале я стеснялся приводить ее на встречи. Этот фурор, буквально, из-за ее фигуры… лицо не представляет собой ничего такого – просто красивое, когда она этого хочет. Твоя Асмик…

- Оставим мою женщину, - подобрался Вардан, - Асмик здесь не обсуждается.

- Я делаю сейчас что-то очень плохое, обсуждая вот так свою женщину даже с тобой - своим лучшим другом… – медленно протянул Олег, подумал и согласился: - Да, наверное. Но для меня она всегда была, есть и будет самой лучшей и самой красивой. Он сказал, что в таком случае я должен был просто ответить «да». Глупость! Главное, что я сам знаю - она лучшая, и только для меня.

- Ты так хочешь.

- Я так хочу.

- Зачем вы обсуждали ее внешность?

- Он хотел понять не только меня, но и ее.

- Даже не поговорив с ней? Ну… тогда вы должны были говорить не только о внешности.

- Да. Она не любит готовить сложные блюда, да и не хочет – только из рыбы, а все остальное самое примитивное, как в ее семье. Я не мог допроситься даже простой пиццы. Но объяснил ему, что уже привык и даже рыбу полюбил – она вкусно готовит ее. И это все не важно – мелочь.

- Но ты вспомнил об этом и сказал ему. Что еще он спрашивал?

- Спросил, что нас связывает, кроме дома. Рыбалка. Ты знаешь, что это Алька приучила меня к рыбалке? На Дону она с ума по ней сходила, обеспечивала рыбой всю семью – еще ночью выходила на лодке и утром приносила домой то сома, то щуку, сазана или еще кучу разной мелочи - по сезону. Я втянулся после первого своего сома, небольшого – на двенадцать килограмм. И сейчас трачу на все эти прибамбасы – спининги, воблеры, сложные прикормки, съедобную

резину и остальную хрень в разы больше, чем она. Рыбалка нас связывает, да. Но каким образом это поможет мне вернуть жену, он не объяснил.

- Но что-то же посоветовал? – осторожно поинтересовался друг.

- Осуществить ее мечту. Она хочет детей – я это знаю. Когда выяснилось, что я не могу их дать…

- Так это ты? Не она? – протянул Вардан, и потрясенно покачал головой, неловко отводя взгляд в сторону.

- Да, это я. Наверное, все думают, что она. Ходить и вслух опровергать это для каждого, кто так думает, было бы глупо, не считаешь? Но да - она жертва и принесла себя в жертву. А я всегда помню это и ценю, бл…ь! Все это время ценю и помню! Она думала какое-то время – решалась, притихла, потом съездила домой. Вернулась и сказала, что останемся вместе. Но она думала! И это я тоже помнил, и все время боялся, не понимая этого сам.

- А взять из детского дома?

- Она не предлагала, значит, не так уж сильно и хотела или тоже не знала – сможет полюбить чужого ребенка или нет? Ты же понимаешь, что это разные вещи? Он сказал, что это разная степень отчаянья. Она же здорова и может иметь их сама. Выносить, выкормить - все то, от чего они так прутся и что связывает потом. Зачем ей готовые, чужие? Он сказал, что сейчас Алена восприняла наш разрыв, как освобождение. Где-то там – глубоко в своем подсознании. И сейчас с каждой минутой уходит все то, что нас еще связывает – любовь, дом, постель, рыбалка… бл..ь, а больше ничего и нет! Она терпеть не могла всю остальную мою жизнь – моих друзей, знакомых, работу, эти приемы, встречи, потому что стеснялась своей задницы. И это внушил ей я! Он больной?!

- Тише! Не узнаю тебя. Держи себя в руках, - одернул его Вардан, - могут услышать дети.

- Да. Дети. Я привил ей этот комплекс неполноценности, я сделал это, боясь потерять ее. Сам втихаря гордиться ею и любовался, а она в это время стыдилась себя. Может, даже умирала от стыда, но шла со мной – для меня. Но я не особо верю в такое…

- Я тоже, - спокойно и весомо высказался Вардан, - может быть, твои слова и оставили какой-то след, но Алена женщина здравомыслящая и не такая уж внушаемая. Это просто его

предположение, он ее не знает, даже не разговаривал с ней. У нее здоровая психика, а вот в крепости твоей я уже начинаю сомневаться. Он не все учел, не понял… может, потому и предупреждал, и настаивал на нескольких встречах. Ну, а в результате, несколько…

- Несколько – да, но не совсем ерунду сказал, потому что это многое объясняет, - отмахнулся Олег, - да, еще мы обсудили ее характер. Он там тоже… но это не так. Меня не напрягало. Она потомственная казачка и этим все сказано. И я, ты не поверишь – горжусь даже тем, что она вот так - сковородой! Плохо только, что промахнулась. Или хорошо - она не пережила бы. Совсем промазала бы по мне и эта… была бы мертва. Смазанный удар… моя девочка… Он сказал, что все почти бессмысленно, если только она не примет такую возможность… и если у нее еще что-то осталось ко мне.

- И что это за возможность? - заинтересованно потянулся к нему Вардан, но тут же расслабился и откинулся на подушки, усмехнувшись: - Тебе нужно было взять меня с собой. Хотел бы я взглянуть на этого мужика.

- В возрасте, седой, представительный. Он сразу предупредил меня, что его методы… скажем так, нужно пережить, если уж все одним разом. И что не панацея… просто вариант. И что, если бы мы пришли с Алькой вдвоем… нафиг тогда он был бы мне нужен, спрашивается? Если бы она со мной хоть куда-то пошла после всего этого? И что я в этом понимаю? Мне нужен был результат, а что в результате…? Я завернул, да? А в результате – предложить жене забеременеть на стороне. Чтобы она прошла еще и через эту грязь по моей вине. Я переживу, ты не думай… если этот ребенок вернет мне ее, буду любить, как своего. Но Аля очень правильная – до зубовного скрежета иногда, там вся семья такая – идейная. Она не пойдет на это.

Он сказал, что, конечно, можно предложить ей ЭКО от чужого мужика, похожего на меня. Но тогда я не пройду сквозь ту муку, - задохнулся он словами, - что прошла она по моей вине. По мне должно ударить так же больно, как по ней. И я должен буду простить это и принять, только тогда будет шанс, что это сделает и она. Так что ЭКО не совсем выход, да и шанс в таком возрасте – процентов тридцать. Это время и чертовы повторы, порой многочисленные дубли – страшная мучительная нервотрепка, на которую они идут... Для

наших отношений этого времени нет. А на то – другое, не пойдет она. Не так быстро. Выхода нет… Этот «хирург» успел все за один раз – буквально выпотрошил. На дополнительные сеансы не раскрутил, но о нас понял почти все… почти. Толковый мужик, но какой же он, Господи, м…к!

Олег ослабил узел галстука, потом совсем снял его, тяжело склоняясь на подушки мягкого дивана.

- Полежу. А лучше прямо от тебя – в больницу. Не долечился, хотя русским же языком предупреждали. А теперь что-то страшновато – болит и кружится голова. Даже возит меня Олежка, боюсь садиться за руль. А Борисов отпустил, понимает. К июлю нужно быть, как штык.

- В июле не намечается ничего такого, ради чего стоит рисковать здоровьем. Я займусь сам, если хочешь. Могу начать уже завтра, пройдешься потом...

Дальше разговор переключился на работу, а потом Олег незаметно уснул, скорбно хмуря брови во сне. Очевидно, выплеснув в разговоре напряжение и немного успокоившись. Вардан встал и прошел к дому, чтобы взять там легкий плед. Жена беспокоилась и спросила, что такого случилось, почему разговор был таким громким? Ей пришлось увести мальчиков в дом.

- Уже все в порядке, Асмик, просто проблемы на работе. Нет, не у меня - у Олега. Не переживай, у нас с тобой все хорошо, любимая. Все замечательно, прекраснейшая из женщин, - ласково провел он рукой по ее щеке. А она улыбнулась и лукаво прищурила глаза, понимая, что означает такое настроение мужа.

Потом он отпустил Олежку, который спал в машине и предупредил, что сам отвезет его начальника в больницу. Узнает там все и присмотрит, чтобы тот не соскочил с лечения.

- Скажите врачу, что его пару раз рвало и, похоже, есть сильная головная боль – постоянная. Я завтра не выйду тогда – отосплюсь? Последние дни был какой-то загон. Спал по три часа в сутки.

- Я передам Олегу Юрьевичу. Конечно, отдохните. Я думаю, что никто не будет против.

Глава 16

Все следующее утро мы провели молчком. Молчала баба Маня, рядом с ней помалкивала я. Не хочет человек общаться в угоду кому-то и в силу неважного личного настроения? Я очень хорошо понимала ее - имеет полное право, тем более – в своем собственном доме. Мне тоже было не до разговоров, хотя настроение было… ровным. Передумав все накануне, я быстро успокоилась - откровения Владимира не потрясли и не оскорбили, это была просто информация – где-то неприятная, где-то лестная для меня. Хотят, как женщину – лестно. Характер дрянь – сама знаю и давно. Меня не раз ставили об этом в известность на строительных площадках. Но ближе к обеду я все-таки начала беспокоиться:

- Мария Львовна, вам не понравился дом?

Спросить прямо и по существу – понравился ли внук, я не рискнула. Захотела бы говорить об этом, сказала бы сама. Выяснять это и говорить о нем мне тоже не особо хотелось. Но она озабочено покачала головой и отмахнулась:

- Начинай топить баню. Будем ждать гостя. Сегодня или завтра должен быть… я так думаю. Не перетапливай, париться будет некогда, а вот вода горячая нужна да побольше. Ты помнишь, о чем я тебя просила?

- Слушаться и помогать? Так вы не о своем лечении?

- Верно - слушаться и помогать. Топи баньку, детка, ты умеешь.

Пока я занималась растопкой и добавляла воду в котел, она возилась с чем-то на кухоньке. Закончив со своей работой, я подошла и тихонько уселась рядом, наблюдая, а она объяснила, не переставая размешивать грязно-зеленую субстанцию:

- Народная аптека. Заживляющая мазь для рук на подорожнике.

- А жир из чего?

- Медвежий. Ромка и привез по моей просьбе.

- А где это медведи своим жиром делятся?

- Чего не знаю, того не знаю. Но работает парень на крайнем севере. Там строят военные городки на вечной мерзлоте, а он сварщик высочайшей пробы. Рассказывал, что и под водой может варить, и на

высокогорье, где воздух разреженный, и в морозы больше пятидесяти. Молодой, а мастер какой… Ты звонила ему?

Я покачала головой – совсем забыла. Она кивнула.

- Это будет мазь для нашего гостя. Прошлый раз забыл забрать, - утерла она рукавом глаза. Просто устали и слезятся, или - слезы? На всякий случай, поспешила успокоить ее:

- Не переживайте, я вам напомню, а вы проследите, чтобы в этот раз он не забыл. А кто он такой?

- Мужик, - пожала она плечами и отвернулась. Ну, все ясно – с расспросами лучше не соваться.

Близился вечер и все сильнее нервничала моя хозяйка. Переоделась в юбку и выпущенную поверх нее застиранную кофту... я наблюдала и молчала. А она суетилась, что-то убирала с глаз, что-то переносила и переставляла. Вначале просто поглядывала на меня, потом полезла в сундук, который стоял в самом углу комнаты. Крышка поднялась, и вдруг на меня пахнуло чем-то знакомым – я пошла на этот запах, как зомби. Нафтали-ин! У бабушки тоже был сундук, но раза в два больше этого – вишневого цвета и мне по пояс, и оттуда пахло так же. Сейчас я знала, что нафталин вреден, как и строительный асбест, о чем раньше даже не подозревали. Но детские еще воспоминания, но настроение же!

А сколько всего было в том бабушкином сундуке! Дедов овчинный полушубок и зимняя шапка, бабушкины шали и небольшие светлые шерстяные платочки «на смерть», праздничная атласная скатерть и новые полотенца, старинные белые пододеяльники с дыркой посередине и еще куча всякого добра.

Из своего сундука Мария Львовна достала женскую сорочку и огромную цветастую шаль. Сорочка представляла собой прямой белый мешок с двумя вытачками, без дна и длиной мне по колено, на простых лямках. И ожидаемо благоухала нафталином.

- Вот. Это тебе. Вывесь на двор, пускай проветривается.

- Мария Львовна…?!

Возмущенно заглянула ей в глаза и умолкла – снова этот загнанный и беззащитный взгляд. Н-ну… и опять ожидаемо вспомнились ведьмы. Наверное, по аналогии с предполагаемыми в связи с их существованием непонятностями и странностями. А тут - куда уж больше-то?

После того, как я очередной раз вернулась, проверив, как топится баня, в доме уже запахло едой – жареным луком, гречневой кашей, а потом и свиной тушенкой. Содержимое стеклянной банки с портретом хрюшки на этикетке баба Маня щедрой рукой целиком вывернула в кастрюльку с кашей – ужин был готов.

- Давно тушенку не ела, - с удовольствием принюхивалась я.

- Ну так! Вот сегодня и поедим, - широким жестом выставила она на стол бутылку «Столичной», - День рождения у меня нынче.

- Путаетесь в показаниях, Мария Львовна, - озадаченно пробормотала я, - внуку вы говорили, что вам что-то там с половинкой, если я не ошибаюсь. Нет, точно не ошибаюсь – так он и сказал.

- Значит, выпьем за половинку. Для меня, может, каждый прошлый месяц уже… знатная дата, - отрезала она.

- Вы должны понимать, что я за наших, а не за буржуинских. Может, перестанем уже темнить и честно поделимся сведениями? – попыталась я вразумить ее.

- Молодец… опять же. Наливай по первой! – разудало взмахнула она рукой.

Ирка советовала водку не пить, но сейчас был не тот случай и повод совсем другой. И я мысленно махнула рукой - может, и не лишним будет. Потому что в воздухе буквально витало непонятное напряжение. Сама атмосфера в доме странным образом накалялась с каждым словом и действием лихой и отчаянной сегодня бабы Мани. Я вскрыла крышечку из фольги и налила нам с ней водки, потом решительно подняла стопочку и потянулась чокаться:

- За все лучшее!

- Будем живы! – откликнулась она.

Мы дружно опрокинули в себя алкоголь, и я уставилась на нее в ожидании – что дальше по плану? И вслед за ней насторожено повернулась к окну. Точно так же, как и она, внимательно прислушиваясь к тому, что делалось за пределами дома.

- Что там?

- Тихо вроде пока, - ответила она со странной интонацией, будто успокаивая меня: - Давай закусим, сегодня может еще и выспимся.

- Может, - покладисто согласилась я, - давайте тогда закусим.

Мы закусили. Каша получилась бесподобно вкусной, и я взяла себе на заметку производителя тушенки. Салат из редиски, кусочек

черного хлеба, которым я вымакала то, что осталось от салата… напряжение от непонятного ожидания понемногу отпускало.

- Может, тогда в баню сходим, зря топили, что… - начала я и замерла с открытым ртом.

Рядом с домом рявкнуло, окна звякнули! Взревело сильнее, рев переместился от одного окна к другому, огибая угол дома. Дрожь, что передавалась полу и лязг, сопровождающий этот рев, внезапно стихли, а за ними и непонятное пыхтенье тоже. Электричество погасло еще в процессе всего этого. Я отвела слепой взгляд от окна, попыталась разглядеть в резко наступившей темноте хозяйку:

- Трактор?

- Танк, - глухо прошептала она и завозилась, зажигая свечу. Нервно махнула мне рукой: - Ты, значит… не дергайся и не бойся ничего, будто все понарошку. Скройся к себе и не показывайся пока. Счас рубаху припру - переоденешься, больше нет ничего на тебя, шалью прикроешься. Да! Телевизор захвати туда с собой – забыла я, но он легкий.

- Зачем вы вообще его держите? Не смотрели ни разу, - нечаянно пыталась я отсрочить что-то… такое, хватаясь за остатки связи с привычной реальностью.

- А что там смотреть? Как ни глянешь – то горит что, то топит, то кого-то убили. Не болтай, а тащи.

- Он, как радиола старая смотрится под салфеткой – пускай себе стоит, - бормотала я будто в состоянии провидческого транса. Хотя так-то подумать… ну танк, и танк себе. Вертолет уже был и летал, на этот раз танк принесло и что тут такого? А сердце колотилось и замирало в непонятном ожидании. Загадочное поведение бабы Мани целый божий день, как говорила моя бабушка, готовило меня к чему-то, по меньшей мере, не обыденному. Да я все эти дни здесь ждала чего-то такого, и уже, казалось, готова была ко всему - и видеть, и слышать, и знать! Послушно скользнула в свою комнатку, как она велела и притихла там с колотящимся сердцем…

На улице возле двери послышались звуки разговора: голос бабы Мани и незнакомый мужской - сильный, приятный, со смешком и какими-то знакомо приветливыми интонациями. Потом они вошли в дом, и хозяйка сунула в мою дверь полушалок и сорочку, громко сказав:

- Накинь на плечи, внучка, и выйди к нам на минуту.

Я вскочила в это безобразие, как солдат по тревоге – на раз-два. В груди старинное подобие комбинации немилосердно жало, бедра обтянуло до треска ткани, а на талии пузырилось и сборилось. Поэтому я плотно укуталась в шаль, которая скрыла меня почти всю, как покрывало и высунула голову из комнатушки – сил уже не было терпеть, я должна была знать, что там происходит. Выглянула и увидела…

У входной двери стоял мужчина моего примерно возраста или возраста Олега – не важно, это был наш ровесник. Крепкий, судя по развороту плеч, среднего мужского роста – метр семьдесят пять где-то, темноволосый и темноглазый, с загорелым до цвета бронзы приятным лицом. Очень мужским лицом – ни капли милоты, мягкости, заманчивости - твердые, чуть грубоватые черты были четкими, резкими и… прекрасными в своей завершенности. Как объяснить это впечатление? Будто именно сейчас, в этом его возрасте и был достигнут тот самый пик, настал полный апофеоз и апогей состоявшейся, взрослой уже мужской красоты. Неяркой, строгой, без вызова. Типаж такой… чем-то он напомнил Беркутова. В выражении лица того и во взгляде тоже чувствовалась такая же спокойная уверенность и сила характера, но этот мужчина понравился мне сразу.

Скорее всего, и даже наверняка, он мог быть и суровым и жестким, но сейчас приветливо и немножко насмешливо улыбался, глядя на меня и я засмотрелась на него, глядя в черные, как у Ромки, внимательные глаза. Хотелось верить, что и я тоже улыбнулась ему в ответ, а не нервно оскалилась. Его улыбка стала еще шире,он вздернул черную бровь и знакомо так гаркнул, заставив сердце радостно встрепенуться:

- Здор*о*во живете! Внучка… бабка твоя не против, а ты разрешаешь войти?

- И тебе здор*о*во. А чего ж? Проходи, - медленно опустила я взгляд вниз, внимательнее разглядывая его одежду и задержала дыхание, узнавая… Когда мы с Олегом шли в колонне «Бессмертного полка», я несла над собой увеличенную фотографию своего прадеда - танкиста в Великую отечественную. Он был снят возле танка – тяжелого ИСа, и одет вот так же – точь-в-точь: в

черный, с пятнами салидола и офицерскими погонами старого, времен войны еще образца, комбинезон, а на поясе – небольшая пистолетная кобура. Сапоги, танкистский шлемофон в руке, а эти руки…

Ладони нашего гостя… пальцы были черного цвета, только ногти более-менее выделялись натуральным цветом человеческого тела. Я шагнула в комнату, как потерянная, подошла и потянулась к его руке. Он вскинул ее, протягивая для приветствия, перехватил мою, потряс ее и сказал, улыбаясь:

- Иван. А тебя как зовут, красавица?

- Алена, - кивнула и спросила: - Что у тебя с руками? Что случилось?

Я держала его ладонь двумя руками, не отпуская, и с ужасом разглядывала кончики пальцев – пучки возле ногтей ороговели и полопались. На фоне почти черной кожи эти трещины розовели свежим обнаженным мясом и даже, казалось, слегка сочились сукровицей. Он мельком взглянул на свои пальцы, отнимая их у меня, и пожал плечами:

- Мазут въелся. А тут… еще с зимы никак не заживет – ладили перебитый трак на морозе.

- Что ж рукавицы-то не надел? – спросила с горечью баба Маня.

- А много в меховых рукавицах наработаешь под обстрелом? - повернулся он к ней, забывая про меня: - Мать, так что? Мужики с дороги, шли долго, спали даже в машинах. Вымыться бы да исподнее отстирать… обеспечение еще не скоро подтянется. Знаешь, как говорят? Бывают бойцы грязные, сильно грязные и танкисты... это уже совсем предел, - хохотнул тихонько и продолжил серьезно: - Поспроси у соседей - у кого еще банька. На завтра. Тушенкой заплатим, махрой – сменяешь потом на зерно либо дрова.

- Хорошо, сынок, все сделаем, а как же, а чего ж не устроить-то? - ласково заворковала баба Маня, - проходи сейчас, присаживайся к столу. Ох, забыла! Возьми вот, - совала она ему в руку тонкий кусочек хозяйственного мыла и вафельное полотенце - пошли под окошко, там видно от свечки. Алена, захвати ведро с водой и кружку.

- Не суетись, мать, - отмахнулся гость, - не такой я голодный. Тут не так поесть, как вымыться хочется. Что, если я сразу в баньку,

раз у вас, говоришь - топлено? Первым и пойду, как в разведку?

Баба Маня отвернулась, суетливо разжигая керосиновую лампу:

- Тогда ты иди…, а кашу я укутаю. Вымоешься, и пока Аленка исподнее твое постирает, ты и поешь. Верхнее-то есть свежее?

- Н-ну… - оглянулся он на меня, - я и сам могу выстирать. А верхнее – да, есть в машине.

- Не готова, каждый раз не готова, - бормотала баба Маня, когда он вышел, очевидно – за чистым исподним.

- Ты уже поняла? – отчаянно взглянула она на меня, - он оттудова – с войны. Десять раз должен прийти сюда. Ты девятая уже. Как женщина появится у меня в доме – так и жду его. Свет гаснет, танк гремит…

- Как это связано? Почему девятая?

- Потом расскажу… вернется скоро.

- Он что – наш, с Дона? Говор знакомый. Почему не предупредили, не сказали заранее, что ж вы так, баб Мань? – говорила я, чтобы только не молчать – в голове не укладывалось.

- Чтобы сбежала?! Бегали уже! – прикрикнула она на меня.

- И зачем я тут? Те женщины? Я что – должна с ним переспать? – поразилась я, приплетая к своей растерянности еще и беспокойство. Все эти басни о ведьмах – инициация, вхождение в силу… тьфу ты! Да что за бред лезет в голову?!

- Да Бог с тобой! Не дурей. Вы мне, как знак, что он будет сюда. Помоется мужик и уедет, никто с ним не спал, он спешит в… свою дивизию... или полк? Утром должен быть там к восьми, как штык.

- В какую, к ляду, дивизию, баба Маня-а? Вы что это - на самом деле? – отчаянно прошипела я.

- Господи… да уедет он и все! Тебе-то чего? – всхлипнула она, - ты девятая, а после десятой уже и смерть ему…

Дверь распахнулась. На пороге стоял танкист уже без шлемофона в руках, и устало улыбался:

- Проводите кто? Темно, не видать ни зги – в какой стороне банька-то у вас?

Баба Маня резво дернулась к нему и споткнулась, я подхватила ее и усадила, поглаживая худенькие вздрагивающие плечи, а танкист сказал с участием:

- Да что же ты, мать, все суетишься? Внучка вон покажет.

И шагнул за дверь первым, держа в руках сверток со свежей одеждой, а баба Маня обернулась ко мне:

- Накинь… а-а-а! Сходи быстро, оставишь там ему керосинку. Склянку с мазью для рук отдай, но вначале пускай подержит пальцы в травяном напаре – скажи… ванночку нужно сделать перед мазью. Не послушает же, не станет! Они ж дурные! Или уснет. И полотенце… полотенце тоже! Не готова, опять не готова, да что ж такое-то? Да разве к такому можно быть…? – тихо заплакала она, - Господи, как же жалко его…

- Валерьянки обязательно выпейте, Мария Львовна. Я все ему скажу и объясню, успокойтесь, пожалуйста. Давайте сюда, - решительно подошла я и забрала у нее полотенце, а потом потянула из шкафа еще одно - большое.

- Это лучше подойдет. Все хорошо будет, не переживайте. И почему так сразу - смерть? – спросила шепотом, - обойдется еще, выживет. Не все на войне погибали.

- Не вернется он с войны, нет уже его, считай. Командир танкового батальона майор Дружанин Иван Георгиевич, я узнавала, - глухо буркнула она и отвернулась, вытирая быстро бегущие слезы, а я шагнула за порог на непослушных ногах, тяжело ворочая в голове новую для себя, ненормальную в самой своей сути информацию.

*** Не спешите разочаровываться. Мистика в нашем случае будет очень реальной. Мистика по словарю - явление, которому нет объяснения. Здесь я постараюсь объяснить с точки зрения реализма - максимально достоверно. Приятного чтения. Рада, что вы со мной!

Глава 17

Слева от дома темнел танк, с той стороны – из-за угла, потянуло ветерком, и донесся запах каленого железа и горячего дизельного топлива. Я трусливо отвела глаза и судорожно вздохнула... Иван ждал с другой стороны дома, окликнул меня:

- Давай я свет понесу.

Но я опять заторможено мотнула головой, не соглашаясь. Все было, как во сне. И он – темной тенью. Постояла немного рядом - молча, заново привыкая к мысли, что он настоящий и живой, а еще - "оттудова"… От него тоже пахло мазутом и горячим железом, а от меня – нафталином… Ну и…? О чем тут вообще говорить? Все нереально.

- Лучше ты за мной. Тут все под уклон, так что осторожно – здесь дальше ступени, - помолчала, пока мы шли, потом решилась уточнить: - Ты же с Дона? Говор знакомый. Из низовых или верхних?

- Из чигов, - хмыкнул он, - станица Боковская.

- А я из низовых.

Дальше шли молча. В тесном предбаннике я освободила руки – поставила лампу на лавку и рядом - скляночку с зеленой мазью, положила полотенца. Взглянула на него и поймала вороватый взгляд под распахнувшийся полушалок. Он кривовато улыбнулся, будто извиняясь, и спросил:

- Сама как здесь? За мужем приехала? Солдатка?

Я отрицательно мотнула головой – нет. Поинтересоваться и себе тоже - в свою очередь? Только зачем оно мне? Но все же зачем-то спросила:

- А ты? Семейный?

- Жена отказалась… отреклась, - ответил он, прямо глядя мне в лицо.

- Было, значит, за что? – хмыкнула я, - надо же – и от меня отреклись. Только я не заслужила.

- Так и я не заслужил. Ты иди, дальше как-ни-то разберусь, - отвернулся он, начиная расстегивать пуговицы комбинезона.

- Я покажу тебе, - качнула я головой, - тут где-то травяной напар бабушка оставила – руки полечишь.

Он хмыкнул: - Разберусь.

- Она так и знала, что не станешь, - согласилась я мысленно с бабой Маней, - я сейчас выйду, а ты раздевайся и ложись на лавку… на живот... Я сказала, - применила я тон, который без отказа работал на стройке.

Вышла и прикрыла за собой дверь. Сердце выскакивало из груди, в лицо хлынул жар. Хорошо – темно. Что я делаю, о чем думаю? А нормально не думалось, мысли мелькали обрывочно, острыми больными вспышками. Их объединяла непонятная, но непогрешимая, на мой взгляд, логика, которая странным образом оправдывала то, что я собиралась сделать: ярая моралистка, значит? Олежка… предатель, Ромку жаль - не смогу…, годы..., цикл… самая серединка… Боже-Боже! Глаза какие - черные, наш… нет его уже, и не спросит никто, если что. Нравится… очень, и я смогу. Потому что хочу!

В предбаннике было темно. Потянула с плеч шаль, кинула куда-то в темноту, оставила ее там. Постояла, прислушиваясь к себе - сердце странным образом успокаивалось, уже не чувствовалось никакой отчаянной решимости, никакого надрыва. Только деловитое спокойствие – я знала, что буду делать и даже - что за чем.

Толкнула дверь и вошла в парилку, там осмотрелась. Керосинка стояла на крохотном подоконнике такого же малюсенького окошка, освещая баню слабым красноватым светом. Танкист послушно лежал на лавке лицом вниз уже раздетый, и казалось, уснул, пригревшись во влажном тепле. Во всяком случае, не двинулся и на мой приход никак не отреагировал. Подхватив тяжелую деревянную шайку и подивившись предусмотрительности бабы Мани даже в таких мелочах и тонкостях, я навела теплой воды, смешав кипяток из котла и холодную воду из бочки. Попробовала рукой, зачерпнула ковшиком, тихо спросила чуть дрогнувшим голосом:

- Ты там не уснул еще?

- Уснешь тут, - проворчал он из-под руки.

- Сейчас окачу тебя водичкой. Скажешь как она тебе – хорошая? А вот и напар, - заметила я под лавкой надколотую эмалированную кастрюльку с темной жидкостью. Подняла, переставила ближе к

полку, чтобы не забыть. Подступила сама, окинула взглядом неподвижное мужское тело - чуть кривоватые ноги, крепкие ягодицы, жилистый торс с широким разворотом плеч и замерла, увидев…

- Ваня…, что это? – потянулась рукой и осторожно коснулась поморщенной и лоснящейся, покрытой страшными рубцами кожи. Весь бок, которым он был повернут ко мне, почти все предплечье… Мужчина нервно дернулся и чуть сдвинулся в сторону от меня.

- Алена…, душной я сейчас, как старый козел – чистый ахриян, отошла бы подальше, - прозвучало почти угрожающе. Потом, уже спокойнее, все же ответил на мой вопрос: - Горел… давно уже.

- А это? – легонько ткнула я пальцем в глубокий круглый шрам под лопаткой.

- А это… тогда же - фрицы как раз на мне и пристрелялись. Есть две-три секунды, пока огонь охватит боевое отделение, я шел через верх последним - нижний заклинило… - помолчал, а потом напряженно попросил: - Иди уже, не дразнись зря…

- Я не дразнюсь, я обещаю, Ваня. Лежи! Сам сказал – как душной козел, - уже почти спокойно ответила я, - вымою тебя.

Щедро окатила его водой из ковшика и увидела, как чуть расслабились напряженные мышцы, удобнее прилегла голова на сложенные под ней многострадальные руки. Вспомнила… решила, что успею полечить потом, когда вымою его. Сняла с гвоздя длинную, плетенную из мочала ветошку, намылила квадратным куском темного хозяйственного мыла, прошлась первый раз по его спине, старательно обходя больное место, тихо попросила:

- Не засыпай только…

- Говорила уже, - тихо огрызнулся он сквозь зубы.

Вымыла со спины всего – от пяток до макушки. Ласково огладила рукой больную кожу, намылила короткие жесткие волосы, вспенивая на них не самое ароматное хозяйственное мыло и страшно пожалела, что это не тот французский шампунь с ароматом туалетной воды, который я покупала… дернула головой, прогоняя ненужные сейчас мысли. Хотя бы земляничное мыло не убирала, эх, баба Маня! Замирая сама, прошлась ноготками по коже головы под его волосами, крепко потерла с мылом за ушами, попросила:

- Прикрой хорошенько глаза, чтобы мыло не попало – сейчас смывать буду.

- Да, - тихо хрипнул он. Дождался, когда стечет вода и подхватился с полка, садясь боком и прикрывая ладонями пах: - Дальше я сам!

- Сам так сам… - неловко отвернулась я, до конца не веря в происходящее. Постояла немного, потерянно прислушиваясь к плеску воды и громкому мужскому сопению, и стараясь опять обрести то самое душевное равновесие. Не получалось. Устроила себе прелюдию... Прикрыла глаза и, прислушавшись к себе, мысленно плюнула на метания разума, потому что тело было совсем даже не против - дыхание сбилось, живот подобрался, напрягся до предела, соски собрались в тугие горошины. Нервно прошлась руками по своим бокам. Невыносимо тесная рубашка промокла и уже давно и сильно мешала. Я подхватила подол и попыталась снять ее через голову, но куда там! Потянула чуть сильнее и шов на бедре треснул, разошелся. Капец раритету!

- Что…?! – раздалось из-за спины.

- Ты мойся, мойся. Рубаха бабкина тесная… лопнула, - дернула я одежину на две половинки и осталась стоять, в чем мать родила.

Сырые половицы не скрипнули, и шагов я не услышала. Только легли на бедра его руки. Я затаила дыхание… Твердые и мокрые, немного скользкие от мыла ладони замерли на моей коже, давая последний шанс отступить, одуматься, будто спрашивая – не оттолкну ли? Потом ласково прошлись снизу вверх – кругло огладили, улеглись на талию, охватили ее, надавили…, сомкнулись пальцами, и он восхищенно выдохнул:

- Слыхал про такое, но не верил никогда... Даришь мне себя?

- Дарю… - согласилась я, и уточнила шепотом: - И для себя тоже беру, Ванечка.

- Тогда держись, - хрипнул он. Рывком повернув, вдавил в себя, подхватил одной рукой грудь и припал к губам…

Потом я вспоминала, стараясь не упустить ничего важного для себя, не забыть, а главное – понять… Когда это случилось, как произошло? Повторяя в памяти и укладывая там все по полочкам, по очереди, по времени… и ничего не получалось. Вспоминалось урывками, кусками, что за чем – непонятно, но вспомнила все, ни

единой мелочи не упустила. И все равно не понимала – когда, в какой момент, после чего я так не продумано и неоглядно провалилась во все это с головой? Но больше всего потом думалось о его пальцах. Я забыла… не успела, идиотка проклятая! Сдыхала потом от страшного, пожирающего чувства вины, таскала склянку эту чертову!

А тогда до утра почти, до предутреннего серого неба, до первого света, до петушиного крика... Дышали, как загнанные лошади, хрипели и стонали, будто сама душа болела – и у него и у меня тоже…

Отдыхали урывками, тесно прижавшись друг к дружке, и слушали дыхание рядом, успокаивая разбушевавшиеся сердца. Я тогда приходила в себя и вспоминала… что «считай – нет его уже». И в мгновенном и остром страхе цеплялась руками, ногами и зубами даже… он глухо стонал, но не упрекал – терпел, только проводил сильно ладонью по моему телу. Мы опять шевелились, оживали, руки сами тянулись тронуть, ощутить, узнать опять, запомнить…

Когда уже стало светать, и керосинку мы погасили, он поднял меня на руках и поставил на лавку. Смотрел в предрассветных сумерках, касался везде руками и губами, тянул к себе, прижимал, спрашивал, задыхаясь:

- Чуешь, как рука легла? Где каждая ложбиночка, впадинка твоя, а где для тебя колом стоит? Что для меня ты выросла, для меня родилась? Признавайся, Алена! - радовался, - под мою руку тебя делали?

- Сильно глянулась я тебе, Ванечка? – растроганно шептала я знакомые с детства слова, прижимая к своей груди его мокрую голову: - Вернешься ко мне, не забудешь?

- Этим вечером и буду. Тихий угол какой найди… откуда ты родом, скажешь? Если вдруг сейчас не придется, где искать тебя, если не здесь? Где живет твоя родня? - тормошил и допрашивал он меня, а я послушно отвечала:

- Колотово. Соловьевы мы, а по матери – Турчиновы.

- Так вот оно… - легко и весело смеялся он, - Турчиновы, значит. Вот в кого ты пошла, смесочка. Слыхал я, что нет ласковее к мужу и краше баб, чем низовые тумы, но это самому нужно... Дождись меня, Алена. Будешь ждать? Больше некому.

- Ты же обещал вечером быть, - печально кивала я, давясь слезами, а он собирал их губами и опять валил меня на лавку... сладко давил, навалившись, рычал по-звериному, брал…

- Ваня… останься, - безнадежно просила я, заглядывая в шальные и дикие, черные, как ночь, глаза.

- Сегодня буду… я ж говорю…, а не придется – потом найду тебя, обещаю. Все хорошо будет… теперь точно. Веришь? – обещал он, жадно выцеловывая мою шею, грудь, живот…

- Тебе верю, - горько рыдала я, проклиная себя за то, что сделала, и уже тогда понимая, что не нужно было, потому что не пройдет оно для меня просто так. Дура!

- Ну чего ты ревешь, дурная? - нечаянно подтверждал он это, целуя уже мое лицо – щеки, глаза: - Выживу теперь, вернусь, раз уж тебя встретил. Беречься сильнее стану, есть теперь для кого. Под меня делали - моя, - жадно мял он мое тело, а я покорно подавалась к нему: - Для меня такая росла, меня же ждала?

- Так, Ванечка, так, - тянулась я в свою очередь выцеловать, выгладить, вобрать в себя, успеть в который раз…

Когда уже стало совсем светло, он вылил на себя очередной ковш воды, небрежно кинул на плечо полотенце и вышел в предбанник, оставив дверь открытой. Поднял с лавки часы на ремешке, взглянул… потом на меня и виновато улыбнувшись, стал быстро одеваться. Вскочил в свои сапоги, обернув ноги свежими портянками, взглянул на груду грязных тряпок на полу, а меня вдруг прострелило безумной надеждой – это же своеобразный якорь, пускай оставит хоть что-то, а оно послужит… да черт его знает - чем, ну а вдруг?

- Оставь… пожалуйста, заберешь потом чистое, - попросила его.

- Ладно, - засмотрелся он на меня, мотнул головой: - Не стой так. Накинь что… проводи меня.

- Сейчас, Ванечка, - кинулась я мотать шаль наподобие парэо, вступила в разношенные чуни бабы Мани, вспомнила о ней на секунду, следом - про всю окружающую действительность, и сердце дернулось в надежде – я же задержала его! Теперь с рассветом видно будет все село – с крышами из металлочерепицы разного цвета, электрическими столбами нового образца, тот же асфальт не так

далеко. А может – и пусть? Что-то нарушится и изменится тоже что-то, и он тут – возле меня останется, живой и невредимый.

- Ваня? – жалобно окликнула я его, увидев, что все уже – справился. Полностью одет, обут, часы на руке, и кобура с пистолетом на пояс пристегнута.

- Давай, я покажу тебе село?

- Некогда, Алена, в другой раз, - бережно обнял он меня за плечи и вывел из постройки. С надеждой задержав дыхание, я разочаровано выдохнула - на дворе стоял туман. Густой и вязкий, как кисель, он полз и стелился под ноги, прямо на глазах опадая мелкими каплями на траву. Глухо щелкнул где-то в его молочной глубине соловей и сразу умолк… Не захотел петь сослепу, или подругу не видел – не петь же абы для кого? Я отчаянно и безнадежно вздохнула. Вцепиться, как клещами, что ли и не отпустить никуда? Не станет же он отдирать меня и отбиваться? А потом время совсем выйдет, туман опадет, уляжется, и он увидит и поймет. И это все решит… или нет?

Иван взял меня за руку и повел к дому, за которым, еле угадываясь, темнела громада танка. Мы подошли и остановились возле мокрой от утренней влаги брони, воняющей остывшей солярой и мазутом. Я не особо и рассматривала – без этого было на кого смотреть. Он ласково взял мое лицо в руки, крепко поцеловал, жадно впиваясь в мой рот, оторвался со стоном…, смотрел…, потом легонько чмокнул еще раз и выдохнул:

- Жди сегодня вечером, готовься. Буду.

Провел ладонями по моим щекам, отпуская, и тут до некоторых дошло! Я вдруг ощутила их жесткость, почувствовала, как царапают мою кожу его искалеченные пальцы – будто только проснулась после долгой ночи, только сейчас вернулась нужная коже та самая - как воздух необходимая чувствительность.

- Вань, а мазь?! А руки! - схватила я его ладони, в ужасе рассматривая чуть посветлевшие, но все такие же страшные трещины и ставшую только на тон светлее кожу.

- Сволочь я последняя! Ваня, подожди минуту, я мигом! Я мазь принесу, я сейчас! – дернулась я и помчалась к бане. Слетела по косогору, перепрыгнула три земляные ступени, чуть не навернувшись на мокрой от росы траве, еле удержав равновесие. Споткнулась, выпрямилась и… замерла, а потом медленно осела. Прямо на

сырую траву и плюхнулась. Потому что за спиной взревел движок, лязгнуло железо, загремело, двинулось, пошло, и… смолкло…

Безо всяких сил - физических и душевных, я тихо склонилась и прилегла щекой на мокрое... прикрыла глаза.

Глава 18

Мечтать о невозможном - нет резона!

Зачем же я мечтаю, не пойму?

Ведь, мне не добежать до горизонта,

И небо я с землёй не обниму...

Они соединились воедино,

Но, только в бесконечном мираже.

И так же, я с тобой неразделима,

На творческом, духовном рубеже.

А сУдьбы - параллельные отрезки,

Лежащие, как в плоскости одной...

Не надо доказательств этих веских,

Что им пересекаться не дано...

Но, мысленно ломая все законы,

И правила любые обходя,

Я рвусь через незримые заслоны,

С желаньем дотянуться до тебя...
*** автор Любовь Лабинцева
Отыскала Tatjana Meirane 20.06.2020, 23:00:35

* * *

Много времени мое лежание не заняло, и думать мне это не помешало – враз подкосившее ощущение страшного разочарования… пустоты… случившегося по отношению ко мне глобального по своей величине обмана… ни разу не заслуженной несправедливости. Сложно с этими оттенками… Проще, когда без них - только что было хорошо, а потом вдруг стало плохо.

Нужно было приходить в себя и попытаться разобраться во всем. В первую очередь – насколько я сейчас адекватна, в ясном ли сознании и в осознании ли вообще? Или же благополучно пришла в себя после лунатического бреда? Как-то буквально еще пять минут назад этих вопросов не возникало, а тут ожидаемо всплыли. О том, что имел место жестокий розыгрыш, я даже мысли не допускала, а напряженно соображала – насколько в принципе возможно и реально случившееся этой ночью? И речь не о сексе.

Что-то упорно маячило в мозгу и даже четко всплывало в памяти слово «Титаник», но вот в связи с чем? Я цеплялась за него, пыталась выжать максимум из того, что подбросил мозг – что-то о подобном случае, но с женщиной. Больше не вспоминалось ничего – когда, как, кто она такая? Но падать в депрессию я перестала, сосредоточив все силы на том, чтобы вспомнить. С ходу не получилось, но я не расстроилась - думать стану, если он вечером не появится, вот тогда и займусь этим всерьез. И докопаюсь, раз уж пришло на ум. Сейчас нужно было решать, как появиться в доме, не шокируя его хозяйку своим видом.

Голос бабы Мани раздавался от дома незнакомо и глухо, тоже, наверное, из-за густого тумана, сквозь который уже потихоньку начинало пробиваться солнце. Я выровняла дыхание и отозвалась:

- Да, Мария Львовна, я сейчас подойду! Подождите в доме… сыро, простынете.

Вначале села, потом встала, тяжело опираясь ладонью о землю… пальцы испачкала… Когда я последний раз чувствовала себя такой разбитой и неподъемной? Точно – в обезьяннике. Думала, чуть ли не на казнь зовут, ноги – гири, сдохнуть легче. Вот и теперь было так же. Но и сейчас я справилась - сама от себя не ожидала. Появиться перед хозяйкой почти голышом, только в изгвазданной в

земле шали не было никакого желания – до конца стыд я еще не потеряла. Так что окошко в свою комнатку я вынимала аккуратно и старательно. Оно выставилось практически двумя пальцами и совершенно бесшумно. Здорово, что Ромка идею подсказал, а еще лучше, что не знал, насколько это окажется просто.

Влезла, стараясь соблюдать тишину. Накинуть платье на голое тело оказалось проще и быстрее всего, что я и сделала. Постояла, немного подумала и вышла к бабе Мане через дверь, а не опять в окно. Она как раз снимала с плиты чайник, оглянулась на меня и покачала головой. Я невозмутимо пожала плечами и села за стол, сдерживая то ли нервную дрожь, то ли истерический смех, то ли рыдания.

- Ты как-будто говорила – люди сегодня к нам подъедут, - ровно и спокойно напомнила она мне.

- Да, бригада. И технику подвезут, - подтвердила я.

- Прикрой тогда синяки чем… или замажь, - отвернулась она опять к плите.

Я подошла к настенному зеркалу и внимательно вгляделась в свое отражение – синие провалы под глазами, истерзанные губы, верх груди – то, что видно над платьем, в частых засосах, темных и вполне себе материальных. Это вызвало глупую улыбку и натолкнуло на определенные мысли. И я медленно протянула, радуясь озарению:

- Сейчас вернусь. Я мигом, - и попросила: - Сделайте чаю, пожалуйста, сегодня будем пить чай.

Не помнила сама, как опять оказалась возле бани, распахнула дверь – исподнее со смешными завязками и грязные портянки так и лежали на полу. Я блаженно улыбнулась и присела рядышком на порожек - лицом к солнышку. Расслабленно прислонилась к стене и прикрыла веки, вспоминая. Обняла щеки ладонями, как делал это он, когда прощался, и замерла в предвкушении. Будет этим вечером… да куда он, на фиг, денется – конечно, будет! Вот же они – вещички. Тоже вполне себе реальные, как и засосы, и никакой тебе мистики. Потом у нас с ним будет время, и мы проведем научные изыскания. В процессе все и объяснится с разумной точки зрения – материалистичной.

Потянула к себе нательную рубаху из плотного хлопка, потную, застиранную до серого цвета… сам стирал? Втянула в ноздри крепкий мужской дух… и ничего себе. Нормально пахнет, не противно… Ванечка...

Дернулась, услышав, как опять зовет хозяйка и отпустила все свои моральные терзания. Придется врать ей, и делать это достоверно. Потому что ее нужно беречь, в этом случае ложь действительно упростит жизнь - ей. А меня точит чувство вины, но это не страшно - я все исправлю, вот этим же вечером и исправлю. Прихватила склянку с мазью и огляделась – куда бы припрятать на время? Нашла уголок, скол, щелочку, втиснула туда, спрятала. Собрав комком его вещи, прижала их к груди и пошла к дому.

Баба Маня стояла возле яблони и держала в руках мой мобильник.

- Орал, как резаный. Что ты там застряла? Алена… а руки ты ему полечила? – осторожно спросила она, посмотрев на ком из нестиранных вещей, в который я вцепилась, как в самое дорогое, а потом с надеждой – на мое лицо. И я с радостной готовностью соврала, глядя прямо в выцветшие старческие глаза:

- Конечно, само собой. В напаре подержал, обсушил, и я втерла мазь. Все, как вы сказали.

Ее лицо расплылось в счастливой улыбке.

- Слава тебе…. а напар - из чистотела... Ведь каждый божий раз что-то мешало. Все он приходит с этими ранами, сердце рвет. Перезвони - узнай, что от тебя хотели? – протянула она мобильник. А я смотрела на него, как на ядовитую гадюку – ну как же не вовремя! Как же мне не до всего этого сейчас!

- Лянка! – услышала я голос Ирки, - мы выехали. Ты спишь, что ли? А, ну да! Восьмой час всего. Ну так просыпайся, жди и готовься – Светку сейчас заберем и часа через два будем.

- И ты едешь? А Светку зачем? – не поняла я.

- Заказчик приезжал, и мы перезаключили договор. Ты же сама сказала, что были трудности и вы их решили. Проект сменили на «Семейный уют» - без второго этажа, и есть заказ на ландшафтный дизайн.

- Стоп, Ира! Не нужно Светку! Переиграли. Этого не нужно.

- Не поняла… ну, как скажешь. Мы как раз к дому ее подъехали, скажу, что отставить. Ты уверена?

- Абсолютно, - заверила ее я, нажала на отбой и пригласила хозяйку в ее же дом пить чай.

Вещи Ивана занесла в свою комнатку и положила на стул, мельком взглянула на выставленное окошко и вернулась к бабе Мане уже в более-менее нормальном настроении. А она покачивала головой и смотрела почему-то невесело.

- И что такое, Мария Львовна, что еще за упадочное настроение? Он сегодня вечером опять будет здесь, - занервничала я.

- Ну, вот после этого и поговорим, - согласно кивнула она.

- Хорошо, - я сегодня была образцом покладистости и послушания, - тогда давайте говорить по делу – вы же не будете жить в новом доме? Не будете. Потому что Иван должен еще раз появиться вот в этом - когда десятая жиличка у вас появится. Не будет никакой десятой! Вы же первой были, кто его увидел, так же? Молодая еще… Вы откуда-то знаете, что он с Дона, что десять… Значит, вы говорили с ним. У меня голова кругом, но я должна знать все! Абсолютно все, что знаете вы! Вы тогда спали с ним? – выдала я последнюю фразу прямо из подсознания.

- Это ж ты что...? Разбираться со мной будешь? - потрясенно протянула она, - заревновала ко мне, что ли?

- Не в тему, дорогая баба Маня. Речь не об этом… Тут вопрос принципиальный. Одно дело, когда это предопределено и никак иначе ему просто нельзя было. Он ничего не помнит про прошлый раз, так? Но все равно… если каждый раз он легко лезет на очередную бабу, то это характеризует человека определенным образом, вам не кажется? Важно как это происходит. Я не оставила ему ни единого шанса, а вы?

- Мне не до того было, Алена, - смотрела она на меня с укором, - не до мужеского полу совсем, да и не поняла я сразу о нем. Не в себе я тогда была, да и зачем бы? Он и потом мне, как мужик, не сильно нравился.

- Кто? Ванечка? – недоверчиво протянула я, - а он может не нравиться? Вы серьезно?

- А как еще? – удивилась она, - росту невысокого, темный, грязный весь, железом смердит… только и того, что вежливый. Сильно жалко его…

- То есть… и за остальных вы ручаетесь? – настырно уточняла я.

- На моих глазах все было, что же мне – врать в угоду тебе? Мылся быстро и в дивизию уезжал... или куда там? Говорил каждый раз по-другому, но все о том же – бойцам своим помывку хотел организовать. И за это…

В дверь тихонько стукнули и мы с ней замерли… Столько всего пронеслось в голове! Я подхватилась и кинулась открывать, распахнула дверь, выглянула – к асфальту уходила женщина. С виду, со спины – средних лет, в джинсовой юбке по колено и светлой ветровке. Она мельком оглянулась на звук открывшейся двери и стала уходить еще быстрее. А возле дома опять стояла корзина с продуктами. Я потерла рукой то место, под которым бешено колотилось глупое сердце, и повернулась к бабе Мане:

- Опять ваш заказ принесли.

Но на этот раз она ответила с кривоватой ухмылочкой, глядя мне прямо в глаза:

- Да ладно… мне. Это уже тебе носят - ведьме. Так что принимай, нечистая сила, заноси. Как там, деньжат подкинули или только еды?

- Только еда, - подтвердила я, не обнаружив конверта.

- Ну-у… - протянула она, - сходи тогда до магазина, поздоровайся с кем из мужиков, может, и в деньгах приподнимемся, если у некоторых совсем ума не стало.

И такая тоска была в этих ее словах, такая вселенская обида и горечь, что я на время отвлеклась от мыслей о сегодняшнем вечере, которые витали сейчас надо всем, что бы я ни делала и о чем бы ни говорила. Чувство беспокойного ожидания и сладкого предвкушения поблекло, хотя и не исчезло совсем. Спрашивать сейчас о чем-то бабу Маню, уточнять и выяснять, показалось мне, мягко говоря, неуместным. Поэтому я просто стала выкладывать на стол продукты. Она отслеживала этот процесс, а потом уже почти безразлично прокомментировала:

- Что-то на этот раз не сильно и испугались. А еще ж и церковь рухнула… Может, отца Василия зашлют? Толковый мужик и борщ любит. Ты красный борщ умеешь варить?

- Да я только такое все и умею – борщ, щи, голубцы… Мария Львовна, мы с вами, можно сказать, огонь и воду вместе прошли, -

печально улыбалась я, - не темните вы больше. Если есть что сказать – говорите. Я сейчас… держусь пока, но для меня вот это все – уже немного слишком. Слишком много всего и слишком быстро. Если вечером не вернется Ваня…

- Доживем до вечера. А там видно будет, - согласилась баба Маня. Но мне совсем не понравилось то, как она при этом на меня смотрела.

Глава 19

У меня оставалась еще куча вопросов, но настроения распутывать этот клубок сейчас не было. Похоже, что и у нее тоже. В чем-то мы с ней были похожи – не любили форсировать события, выяснять отношения. Опять замолчали обе… думали.

А вообще все это было странно – село жило своей жизнью, и отдельной от него жизнью жила баба Маня. До соседнего забора было всего метров сто. Там звучали человеческие голоса – смех, окрики, детский визг… Мычала корова, орали петухи, лаяли собаки, где-то в селе шумели моторы машин, вечером зажигались огни, долетали откуда-то отзвуки музыки… Шла жизнь, и только возле дома бабы Мани она замирала, стихала, скукоживалась до размера одной тихой и пронзительно одинокой старушки. Из наших разговоров я знала, что не так давно был у нее кот, но то ли ушел умирать, то ли другую хозяйку нашел.

Почти девяносто… а я доживу до такого возраста? И чтобы остаться такой же - способной обиходить и себя, и пускай маленькое, но все же хозяйство – дом, грядки? Потихоньку зрело и наклевывалось решение...

Часам к десяти утра возле дома стало непривычно людно. Трал доставил вагончик для проживания строителей и грейдер. Переодевшись в широкие длинные шорты и свободную футболку с воротом под горло, я водила по участку примарафеченную Ирку, бригадира и частично прораба в одном лице - Марка и двух незнакомых мужчин – водителя грейдера и геодезиста, который прибыл со своим оборудованием.

- Геология - пески, - отчитывалась я, показывая уже размеченные контуры пятна застройки: - После первого захода грейдера окончательно привяжем к участку, выверим. Грунт не вывозим – самим пригодится или кинем клич… разберут. Хотя объемы выемки малые… на площадке до песка всего сантиметром тридцать. Вода есть - водонос колодца дает постоянный дебит, скорее всего – накопительный тип… - процесс шел привычно и знакомо. Когда мужчины разошлись, я задала Ирке интересующий меня вопрос:

- А зачем ты притащила Голубева? До монтажа внутренних систем еще почти две недели.

Она крутнулась передо мной, демонстрируя новый сарафан - ярко-голубой и в огромных ромашках:

- Ты не сказала – как тебе? Ладно… у него отпуск, Марк рассказал всем какая здесь красота. И он решил пожить, побродить, порыбачить. Палатка у него с собой, мешать никому не будет. Приехал на своей машине, может и помочь в чем, обращайся.

- Хорошо, - вздохнула я, - пошли, пока время есть, я тебя познакомлю с хозяйкой - хорошая бабушка. Мы с ней обе немного ведьмы… - мысль пока не стала пояснять – до выяснения подробностей об этом у самой бабы Мани. Ирка заинтересовано угукнула.

Хозяйка нашлась возле дома на лавочке. Посмотрела на нас и выдала вдруг:

- Этот год липа зацвела раньше, почти на три недели… не было на моей памяти еще такого. Вот только сейчас вспомнилось… непонятно, - и отвернулась.

А я правильно поняла, что разговоры на известную тему в присутствии посторонних лиц приветствоваться ни в коем случае не будут. Да я и не собиралась.

- Мария Львовна, это моя подруга Ира. Она привезла план, чертежи и разрешительные документы на строительство, юрист Владимира Борисовича помог сделать все в минимальные сроки. Ира этим вечером вместе с большой техникой возвращается в город, ночевать у нас не будет, - доложила я, заодно отмечая, как Ирка поправляет прическу и охорашивается, глядя на въезжающий на участок грейдер. Взглянула на меня и подмигнула:

- Неженатый, непьющий…

- Ага… - ответила я, отмечая взгляд бабы Мани на Ирку. Она прошлась взглядом по обтяжке на груди, каблукам…

- Сходите до магазина, что ли? – протянула ехидно, и я пырхнула – ну, баба Маня, сегодня расколешься, как миленькая – что и как. Или не сегодня… вспомнила я про будущий вечер и мечтательно заулыбалась, ласково глядя на Ирку.

- Ты чему радуешься? Так по работе соскучилась? По мату и пошлым анекдотам? - подивилась она, присаживаясь рядом с хозяйкой

на лавочку.

- А я не собираюсь лезть вперед Марка. Ты не забыла? Я здесь почти на отдыхе, просто присмотрю, чтобы все – высший класс, - честно ответила я ей.

Пока не хотелось говорить о своем - тайном, ни с кем. А нужно еще подумать, где тот тихий угол, который он велел найти? Может, у той запруды на ручье, на мягком песочке, или у лесного озера – на траве под липами, возле зарослей холодной водяной мяты? Возьму с собой покрывало, земляничное мыло, мазь для рук…

- Что-то с тобой не так, - задумчиво протянула Ирка, - себе, что ли, как-нибудь выбраться вот так – на природу?

А баба Маня вдруг предложила:

- Ты Роману позвони. Ждет уже сколько парень. Поясни, чтобы не ждал.

Ирка заинтересовано замолчала, а я послушно потянула из кармана шорт телефон, сходила в дом и прямо там набрала номер по записке. Ромкин интерес ко мне – тот самый, определенного плана, напрягал, и до сих пор не то, чтобы не давал покоя, но оставил неловкое и стыдливое какое-то чувство. Разница в возрасте, то его мучительное и жаркое «выйди ко мне, Алена», трогало и цепляло, но рождало не ответный интерес, как можно бы ожидать, а чувство вины и обидную для него, узнай он о ней, жалость. Роман показался мне неплохим парнем, и был достоин чего угодно, только не ее. Поэтому, действительно - нужно все для него прояснить. А может, он и думать уже забыл обо мне, что было бы правильнее всего. Все выяснится во время разговора – на данный момент этот гештальт необходимо закрыть первым. Слушая длинные гудки, потихоньку пошла на улицу, прищурив глаза на пороге от яркого солнца. Роман ответил почти сразу же. А я сразу заговорила о том, чего он мог еще не знать:

- Ром, здравствуй. Ты еще не в курсе? Церковь ваша рухнула…

Мы оживленно обсудили это событие, а потом он сказал, немного помолчав:

- Рад, что ты звонишь. Извини за тот мой заскок, ладно? Вел себя, как дурак. У меня серьезные планы… после этой вахты уже смогу купить квартиру… или дом – как скажешь. Алена? – встревожено отреагировал он на мое молчание.

- Ром…, а как же твоя девушка здесь? – спросила я, сложив вдруг два и два. Баба Маня говорила, что деньги и продукты носят ведьмам – принято тут у них или как? Не важно. Носят, чтобы откупиться, просят так отступиться от мужика – это промелькнуло в рассказе Беркутова о распутной бабушке. Я взглянула на нее – она заинтересовано прислушивалась к разговору, как и Ирка.

С трудом верилось, что и в тот раз – неделю назад, мужиков этих спасали от нее. Когда-то давно – вполне, она и сейчас выглядела приятно для своего возраста: компактненькая, опрятная, вот только стрижка неаккуратная – короткие и жесткие, как проволока, седые волосы, торчали непокорными вихрами. Постригу – решила я мимоходом. Я умела. Да, так вот – кроме Романа, спасать от ведьмы-меня было больше некого, а спасали серьезно и вдумчиво. Потому что пять тысяч на селе это большие деньги. А еще та жирная курица, кролик и куча прочей натуральной вкуснятины.

- Там ничего серьезного, я никогда ничего ей не обещал, - глухо отозвался Роман, - сама себе надумала.

- Я звонила, собственно, рассказать про церковь – мы с тобой тогда так и не дошли до нее, - спокойно объяснила я, а он перебил:

- Алена, я уже не пацан. Если что – мне двадцать семь, я семью хочу. Если ты из-за того, что чуть старше…

- Вначале – из-за этого, - призналась я, - а потом я встретила человека... Прости, Ром, но я тоже ничего тебе не обещала.

- Быстро ты как, - глухо отозвались на том конце связи.

- Твоя девушка думает так же. Спасибо тебе за экскурсию, но это все. Я деньгами и продуктами за тебя взяла, если что, - хмыкнула невесело.

- Идиотка… - промычал Роман, имея в виду кого? Может и меня: - Ты должна мне за экскурсию короткий разговор… через месяц.

- Пока, Роман. Это все. Ты берегись там медведей. Удачи! – отключилась я.

Баба Маня задумчиво кивала, а Ирка выпытывала:

- Кто это такой? Имя красивое. Алена?

- Честно? Мне показалось, что неплохой парень, - протянула я разочаровано, - а у него девушка, которой он ничего не обещал. А так… молодой, красивый, как картинка - чуб кудрявый, глаза черные такие… - мечтательно вспоминала я Ванины глаза надо мной, в

момент самой что ни на есть тесной близости – затуманенные, полуприкрытые… капли пота на висках… будто в судороге стиснутые на моем плече пальцы – почти до боли, его стон… мой ответный…

- Влюбилась, - уверенно заключила внимательно разглядывающая меня Ирка. Баба Маня обеспокоенно зашевелилась и вздохнула, а я опомнилась, почувствовав внутри странное стеснение и такое же странное, тянущее беспокойство.

- Не думаю… не могла… - потерянно взглянула я на бабу Маню, но она не смотрела на меня. Качала головой, думая о своем, теребила юбку на колене… потом сказала опять – ни о чем:

- А если липа так рано цветет… непривычно, то это к сильной жаре или, напротив – к ливням, как думаете?

- Посмотрю в интернете, - растерянно пообещала я, а она одобрила это кивком головы, взглянув за наши спины: - Вон еще… какой идет.

Я оглянулась, чтобы увидеть подходившего к нам Александра Голубева. Почти двухметровый мужчина лет тридцати с хвостом, рыжий и голубоглазый, одетый в шорты и майку без рукавов, улыбаясь, приближался к нам. Громко поздоровался, перекрикивая заревевший мотор грейдера:

- Здравствуйте всем… дамы!

- Александр, ты извини, но времени в обрез. Реверансы – потом, - нахмурилась Ирка, - нам еще документы смотреть нужно. Грейдер расчистит площадку до песка, потом замеры… доработка. Трал нужно отпустить сегодня.

- Я понимаю, - кивнул мужчина, - хотел просто поздороваться. И предложить свою помощь, если понадобится.

Баба Маня зацепила меня за руку и отвела в сторонку, заставила подставить ухо и прошептала в него:

- Каждый раз он приходит в разное время - годы разные и промежутки между ними тоже. Как-то больше десяти лет не было... но я вот о чем - додумалась только... Липа всегда цветет, когда он появляется - каждый раз. Обязательно цветет липа... Не жди его сегодня, не нужно.

Вся техника, участвующая в строительстве, была арендованной. Не в большой строительной организации, а у частника. Уже давно

между нами был заключен договор о почасовой аренде. Это было выгодно, пока выполнялись его условия, и техника возвращалась хозяину вовремя. Поэтому, действительно, нужно было поторопиться, но не спеша, а качественно.

Грейдер работал по моей черновой разметке, дальше мы разбирались с Марком и геодезистом, уставившись в планшет и разложив на столе под яблоней чертежи, привезенные Ирой.

Давно уже прошло то время, когда я вела проекты с нуля и до полного их завершения – свои и чужие, типовые и оригинальные, простые и сложные. Бегала по строительной площадке, совала везде свой нос, проверяя все до мелочи, не понимая иногда действий более опытных строителей, срывая горло до хрипа, давясь слезами от тех слов, которые невольно слышала в свой адрес – сказанных в спину и прямо в лицо. Сейчас я уже умела слышать стороннее и отстаивать свое мнение, пришло понимание того, что живой опыт бывает полезнее сухих теоретических знаний.

Марк был опытным бригадиром, и я нужна была ему только в самом начале – для согласования, а потом - только проверять соблюдение всех условий строительства, выполняя обязанности контролирующего инженера. Работал грейдер, работала бригада, обустраивая на горе под липой малый строительный городок: вагончик, навес на растяжках под кухню-столовую, отхожее место.

Тянули свет к лагерю от столба на участке бабы Мани, устанавливали и подключали водяной насос, Голубев ставил свою палатку по другую сторону от липы, подогнав туда свою «Дачу».

Работала и я вместе с Марком и геодезистом, потом с Ириной по документам, и постоянно смотрела на солнце – на часы в мобильном было уже просто неудобно. А оно неумолимо клонилось к закату - все ближе и ближе к холмам по ту сторону села. Старалась не думать, но думала, постепенно погружаясь в беспокойные мысли. В конце концов, дошло до того, что Марк пару раз уточнял детали и переспрашивал, а я отстраненно улыбалась ему в ответ, кивала и просто не слышала.

- Слушай… Я в курсе… - явно чувствуя себя не в своей тарелке, очевидно, попытался он поддержать меня: - Да все уже в курсе, что у тебя там какой-то бардак в семье. Что и как – твое дело, но вроде ты

разводишься? Алена, если что – отдыхай пока, дальше уже по ходу дела. Ты же остаешься здесь? Давай все постепенно и по порядку.

- Неожиданно, Марк, - внимательно взглянула я на него, - а откуда все знают? Не Ирина же?

- Сороки наши… ты не бери в голову. Какая разница? – неловко закончил он.

- Спасибо, Марик. Я думаю не об этом и отвлекаюсь не поэтому. Но так и правда будет лучше – все по порядку. И Марк… огромная просьба к тебе. Да? - решилась я, - пожалуйста, когда стемнеет, пускай все остаются там – наверху. Здесь не должно быть никого. Я потом объясню, но не отпускай ребят сюда, что бы ни случилось – это важно, очень важно для меня.

Он знакомым жестом пригладил лысину, почему-то виновато глядя на меня:

- А я и говорил, да только кто же усидит, когда такое дело?

- Марк, не нужно ничего никому говорить, - не стала я разбираться, мне нужно было убедить его: - Просто придержи людей наверху. Потом, я надеюсь, станет понятно – почему я просила. Хорошо?

- Ладно, придержу, не трудно…

Ира поинтересовалась, почему я отменила ландшафт с большемерами, а что я могла ей ответить? Что сама предложила эту дорогостоящую глупость, услышав требование бабы Мани – чтобы нового дома не было видно? Теперь я понимала – почему. И была уверена, что пока не вышел определенный срок, что-то или кто-то не даст Ивану увидеть ни новый дом, ни остальные признаки другого времени. Иначе это уже случилось бы в один из его приходов. А так – темнота, отсутствие света, да еще, как назло – густой туман… все это было слишком сложно, у меня не было пока объяснений ничему. Поэтому пояснила ей, как смогла и это была почти правда:

- Я поговорила с бабушкой, и она передумала. Захотелось сэкономить Беркутову те деньги, что он потратил на мое освобождение. Я даже не заикаюсь о том, чтобы вернуть их, ты же понимаешь – бесполезно. Ну, хоть так.

Ирка кивнула.

- Смета только… ну, я думаю, если в сторону уменьшения расходов, то он только обрадуется. Лянка, ты отшила этого Рому…

поговори и с Олегом, наконец. Он на что-то надеется, а ты, я так поняла, настроена решительно, ожила и умирания больше не намечается. Сейчас он в больнице, ты и его крепко приложила - лечит сотряс.

- Сильно? – шевельнулось внутри беспокойство.

- Да нет, вроде… просто тянуть не надо было. Кажется, у него есть, что сказать тебе, и пока не скажет – не успокоится, ты сама понимаешь. Честно? Уже утомили эти звонки, но ему то ли сочувствие нужно, то ли информация о тебе. И с концами послать как-то неловко, мало ли как у вас еще сложится? Позвони ему сама, он то ли не решается, то ли думает, что ты не ответишь.

Я пообещала ей, а почему – нет? Сейчас я уже могла бы говорить с ним… наверное. Но, безо всяких сомнений, и ему и мне будет легче, если мы разойдемся тихо и мирно. Я уже сама удивлялась той своей ярости и, похоже, даже раскаивалась. После Ванечки обида на Олега не прошла совсем, но затерлась как-то, стала не такой больной, не такой уже свежей. В нашей жизни было много хорошего, только занавесом всему этому шел его голый зад над чужой бабой. Тошнотные воспоминания, мерзкие, не нужные.

Но я не мстила ему прошлой ночью, даже мысли такой не возникло. И еще дело в том, что с утра я смотрела другими глазами и на то, что случилось у нас с Ваней. Беркутов где-то прав – это проклятое морализаторство у меня в крови. Осознание неправильности своего поступка, вбитое воспитанием с детства, родило неуверенность и внутреннее беспокойство. А там - в детских сказках, именно мужчина ищет, спасает и покоряет женщину, а она из благодарности влюбляется в него. И уже потом благодарит, отдавая ему себя. Гоняться за удирающим женихом-царевичем, предлагая себя, не позволяла себе даже лягушка – сидела себе, квакала и терпеливо ждала.

Я же плюнула на условности, демпингуя женским достоинством. Легко спровоцировать страсть у изголодавшегося мужика, но вызвать уважение таким образом нельзя по определению, а какая любовь без него? Моя любовь к Олегу начиналась с долгого узнавания и именно того самого уважения, а закончилась из-за отсутствия его уважения ко мне. И вот… я сама иду, сознательно

планируя одноразовый половой акт, изголодавшись по материнству и в надежде на него. Я же надеялась? Еще как! И все еще надеюсь.

И вдруг он такие вещи говорит, так смотрит – я солнцем в его глазах отражалась. И поверила ему, и сейчас хотела бы верить. Потому что даже не ушами… я вляпалась всеми органами чувств - мне пот его не воняет, а лучше цветов пахнет… это что такое? Это страшно, если он не вернется, а, судя по словам, а больше всего - взглядам бабы Мани, вероятность такого - девяносто девять процентов. И для меня в таком случае разницы между «не захотел вернуться» и «не может» практически нет. А ведь я уже готова на все - ловить его, бегать за ним, даже квакать. Хотя бы для того, чтобы попытаться спасти от смерти и вылечить ему руки – пускай будет так.

С десяти вечера и до трех часов ночи я просидела на табурете, прислонившись к нагретой за день стене дома и глядя широко распахнутыми глазами в темноту, миксуя в голове все эти мысли. Как бы ни сложилось, я не жалела ни о чем, а в темноте еще и хорошо вспоминалось…

Мне хорошо было с ним, Олег никогда так… не поклонялся моему телу, никогда я не была для него настолько желанной, даже в наши лучшие годы. И все те наши эксперименты, попытки разнообразить постель… они вспоминаются настолько убого на фоне одного только Ваниного взгляда, которым тот окинул меня, вбирая в себя, буквально пожирая им – с восхищением, трепетом, с недоверчивым каким-то восторгом! Где там был секс? Не было его, это было что-то совсем другое – иной уровень близости, доверия, дарения. Да у меня душа пела, когда я отдавалась ему!

Отрадно и спокойно было знать, что сейчас – до десятой, он пока еще условно жив и не горит живьем в своем танке, не лежит где-нибудь убитый, укрытый только лесными мхами. И это уже хорошо. На данный момент меня это устраивает, но это только пока. Я сидела в темноте и чутко ловила звуки ночи – любые звуки, и принимала решение, нащупывая пути и способы, намечая их и продумывая.

К середине ночи порядком уже продрогла, глаза слипались – сказывалась предыдущая бессонная. В конце концов, широко зевнув в очередной раз и бросив взгляд на то место, где давно уже не была видна в темноте развороченная гусеницами танка земля, я собралась

уходить. Встала, потянулась, подняла склянку с мазью и высказалась в сторону испорченной дороги:

- Ну, и какой ты, на фиг, танкист после этого, Ваня? Слово, родной, нужно держать, а руки - лечить.

Ерничать было горько, хотелось настоящего, и я тоскливо, по-бабьи призналась в темноту:

- Наверное, я уже люблю тебя, Ванечка… успела как-то. А ты?

Глава 20

Народ в бригаде собрался разный. Все мужики семейные, сильно зависящие от заработка – у некоторых висело на шее не по одному хомуту в виде алиментов, ипотеки, обучающихся платно детей, больных родственников и еще кучи бед и просто житейских сложностей. За работу все они держались зубами и работали хорошо, иначе мы бы давно уже расстались.

Но хорошо работающий мужик и мужик с хорошим характером – совершенно разные понятия. В бригаде Марка было два уникума – Потапыч, который на самом деле был Потаповым и Рогоз. Звучная фамилия, потому и звали его так – вроде как кличкой. Потапыч был такой сволочной язвой, ненавидящей весь женский пол, что я порой диву давалась – это что же можно было сделать с мужиком, чтобы довести его до такого устойчивого состояния перманентной ненависти? Но что было, то было. Со мной он вел себя осторожно, хотя это его отношение сквозило в каждом взгляде и жесте. Но все, что он мог позволить себе, это рассказывать отстраненно-пошлые анекдоты таким образом, чтобы я их обязательно услышала. И надо сказать, что там все было на грани, но ни разу не за ней. В общем, мне и на этот раз предстояло выслушивать перлы типа «недостаток внимания к половым щелям приводит к постоянному скрипу». И понимай это, как хочешь – в меру своей распущенности.

Второй, который был Рогоз, густо пересыпал свою речь матом – безо всякого зла и причины, просто для связки слов. Я тоже не была святой - несмотря на воспитание, вылетало иногда. Но крайне редко, только когда иначе – никак. Правда, потом я никогда не забывала прикрыть рукой рот – с детства как-то… само уже делалось. А однажды вообще выдала разом весь словарный запас, невольно заимствованный годами. Но тогда для этого была веская причина, и был выбор – извергнуть или же взорваться изнутри. И слышали меня тогда только двое – Марк и Лужок, уволенный потом за тот самый случай. О Лужке не могу сказать ничего, но Марк с тех пор относился ко мне более… уважительно, что ли? Кто его поймет! Но именно Марк посоветовал мне не обращать внимания на Рогоза, потому что

«все равно мы не владеем уникальной, ныне утерянной технологией строительства – без единого матерного слова».

Остальные четверо были люди, как люди. Мне кажется, что они даже в некотором роде наслаждались этими строительными командировками – работа на свежем воздухе, на природе, пища с костра, купание в водоемах по теплу, замечательный загар… И не скрипит никто, опять же – вынеси да вынеси мусор. Домой возвращались отдохнувшие от семейных забот, соскученные по женам, при деньгах – с ними рассчитывались не за месяц, а по факту исполнения заказа. Умудрялись собрать подарки – сельские продукты, грибы, ягоды. Так что проблемы намечались только с Потапычем. Рогозовские словечки практически уже и не воспринимались разумом, автоматически им отсеивались и отметались, вычленяя из его речи только сам, собственно, ее смысл.

Следующий день мужики слаженно работали. Трал подвез маленький экскаватор и тот готовил яму для септика, рыл траншею для водопровода, а бригада сбивала каркас опалубки для ленточного фундамента мелкого заглубления. К вечеру должен был подъехать миксер и залить бетон. Еще вчера мы с Марком спланировали порядок работ, и я оказалась свободна на целый день. Подумала и занялась стиркой. Отыскав в сарайке круглое жестяное корыто, наполнила его горячей водой со стиральным порошком и замочила Ванино белье.

Мера эта была вынужденной - всю эту ночь я проспала в обнимку с его нижней рубашкой, уткнувшись в нее носом и это было не правильно. Я просто представила себе ситуацию, когда уже все из нее вынюхаю, и настанет очередь подштанников, а потом и портянок, чего доброго. И это было уже совсем не смешно – такое состояние отчаянья и жуткое чувство потери культивировать в себе было просто нельзя. Я отлично понимала это, но замочить белье себя буквально заставила.

Баба Маня посоветовала еще и прокипятить его – выварить.

- И с отбеливателем каким, а то так не отстирается – сильно заношено.

Только мы собрались обедать, взглянуть на стройку подъехал глава местной администрации. Низенький крепкий мужчина с властным выражением лица и серьезным взглядом собрал мужиков,

провел инструктаж по пожаробезопасности, попросил понимания, примирив этим с собой и уехал – нормальный дядька. Общался с ним Марк, отбиваться именем Беркутова Владимира Борисовича не пришлось. Да и, скорее всего, он был в курсе кто заказчик и он же - владелец участка.

Дальше визит нам с бабой Маней нанес отец Василий – весьма и весьма интересный внешне мужчина лет шестидесяти с короткой стрижкой и аккуратной бородкой. Когда на асфальте остановилась L-200 серебристого цвета, хозяйка объяснила мне кто именно идет к нам по участку в джинсах и тонкой ветровке.

Мы познакомились, я рассказала о причине, по которой нахожусь здесь, показала фото проекта в телефоне. Само собой, мы поговорили и о рухнувшей церкви. Оказывается, он долго бодался с военными против подрыва боеприпасов в такой близости к селу. И почти добился решения о переносе полигона. А еще были планы на реставрацию, финансирования которой он добивался из федерального бюджета для памятника архитектуры 17 века. Я искренне сочувствовала ему, потому что, похоже, он был по-настоящему расстроен крушением храма. Потом баба Маня без разговоров накидала ему щей с кроличьим мясом – к визиту мы не готовились и красный борщ не сварили.

Надо отдать должное отцу Василию - он поинтересовался ее нуждами, вручил пачку толстых восковых свечей и маленькую, очень вкусно пахнущую коробочку, которую привез из недавнего паломничества по христианским святыням Греции. Металлическая крышечка была иконой с изображением Богоматери, а внутри нашлись благоухающие розовые шарики и две ампулы с пахучими маслами. Потом он пригласил нас с бабушкой на воскресную службу в соседнее село. Настоятельно советовал, но категорически не настаивал – приятный мужчина. Когда он уехал, баба Маня спросила меня:

- А ты не хотела спросить его? Все же они тоже вокруг всего такого крутятся.

- Мысль была, - призналась я, - но что он может сказать? Посоветует молиться, как все они. Может и надо бы? Но меня не учили.

- Не припекло еще, значит, - сделала вывод баба Маня.

- Может быть. Я предпочту действовать, раз уж этого не умею.

- Ты хоть говори тогда – как…

- А вы сами, Мария Львовна? Вы же молчите, как партизан! – нетерпеливо сорвалась я и извинилась, опомнившись: - Простите… Давайте сделаем так – я сейчас постригу вас, а я это хорошо умею, а вы в это время расскажете… ну, хоть о первой вашей встрече.

- Да я все тебе расскажу – жалко мне, что ли? Вон священник, например, один только здесь и знает про Ивана. А как ты думала? Думаешь, был у меня выбор какой? Он прикрывает меня, как и тот, что перед ним служил. Тогда еще – в те года… ты хоть представляешь себе? Свет гаснет во всем селе, танк грохочет, ревет… земля потом разворочена. Ведьмой куда безопаснее, чем если бы на меня в КГБ написали или в психушку сунули. А так я рассказала ему все, он головой покачал, молиться велел – тут ты права, и ходил потом, кадил вокруг дома, молитвы читал, чтобы люди это видели. Безопаснее так… побаиваются, конечно, но не сильно, все же я зла больше никому не делала.

Это «больше» я решила оставить на «после стрижки». Потому что решись баба Маня, и разговор об этом был бы сродни исповеди. То, что она так проговорилась в сердцах, говорило о наболевшем для нее и далеко не простом. Почему она одна, отчего отказалась от нее семья? Не из-за грохочущего же танка? В то время она уже жила сама, иначе Ваня не появился бы у нее. Зарубку себе на ум я сделала, а ей справедливо попеняла:

- В селе могло случиться что угодно, а обвинили бы во всем вас.

- Отец Василий прикрыл бы. Видишь? Живая же до сих пор.

Мы с ней устроились сбоку от дома. Она на табурете, укутанная старой простыней и я – с расческой и ножницами. Дома я сама стригла Олега и подравнивала ему бородку, когда он ее заводил. А из бабы Мани получалась очень даже креативная старушка – с аккуратной, очень короткой стрижкой, а если еще седину слегка тонировать в голубизну… похоже, я немного увлеклась, состригая лишнее.

- Стрижка будет называться «под мальчика», - осторожно предупредила я ее.

- Давай – не так жарко будет, - дала она добро, - значит, что еще ты хотела? Кто был до тебя, те семь, кроме нас с тобой? А зачем оно

тебе? Первые - совсем случайные люди, пришли-ушли. Потом была реставраторша… она долго тут жила – все ходила, смотрела церковь. Рисовала красиво – голубей под крышей, иконы срисовывала. От! Ты уже все? – дернулась она. Я отступила на шаг и оглядела результат своего труда, довольно подтвердила:

- Я – все.
- Тогда я тебе портрет Ванин покажу – она мне оставила.

Пока она ходила в дом-из дома, я сама присела на табурет – резко ослабели ноги, сжалось все внутри от непонятного страха, мурахами разбежавшегося по коже. Хотя чего мне было бояться? А я боялась… неконтролируемо, неподотчетно, непонятно.

На форматном листе бумаги мой Ванечка был, как живой – в своем комбинезоне, майорских погонах, сапогах, при пистолете и со шлемофоном в руке. И все же немного не такой, как я помнила. Внимательнее присмотревшись, я поняла, в чем дело. И сразу же расслабилась - и всеми своими мурахами и, казалось, самой душой, потому что ей он не улыбался так, как мне. Даже той немного насмешливой улыбки от порога, которая была для меня, здесь я не отметила. Но уставший…, какой же он уставший! Грязный, не выспавшийся… со скорбными носогубными складочками, морщинками на лбу – вымученный дорогой и ответственностью, вымотанный вусмерть мужик, которому хотелось всего лишь вымыться, блин! Всего лишь!

Из-за набежавших слез не было видно не то, что рисунка, а и белого света. Скрутило, перетянуло все внутри уже не страхом, а пронзительной жалостью и страшным ощущением вины – не дала выспаться, отдохнуть… выжала досуха, до донышка выпила - последних сил лишила. А что, если из-за этого…? А еще руки его…

Баба Маня гладила меня по спине:

- Ох и вляпалась же ты, Алена…

Глава 21

Приближался вечер, и близилось первое по списку, намеченное мною мероприятие. Список этот был составлен в уме во время того эпического ожидания на табурете – под комариный писк в безлунной темноте под летними звездами. И не было в моем плане ни капли этой самой звездной романтики, а один только голый прагматизм.

Запланированных мероприятий было несколько, но начать я решила с самого реального на сегодня - пойти в Черный лес. На одну ночь всего. Командир группы поисковиков Степан Григорьевич просто обязан был знать абсолютно все о боевых действиях, проходивших в войну в этих местах. В них участвовали и танкисты. Может, так у меня выйдет получить нужные сведения, не делая запрос в центральный архив Минобороны или в Федеральную архивную службу. Это тоже было в планах, но уже потом. А сейчас нужно было спешить – поисковики могли уйти, закончив свои дела.

Такой запрос, но только о конкретном человеке - майоре Дружанине Иване Георгиевиче, делала в свое время Мария Львовна. Делала письменно – тогда еще не было специальных сайтов. Так что и официальный ответ прибыл в бумажном виде, заверенный и проштампованный – я видела его. Там говорилось, что этот человек пропал без вести, предположительно – сгорел в подбитом танке во время наступления 29 числа месяца июня 1944 года под селом Длинное. Ко мне он приходил четырнадцатого.

И объединяло эти две даты только цветение липы, потому что обычно оно бывает в конце июня - начале июля. Цветение продолжается недели две-три – зависит от того, просто теплое лето в этом году или очень жаркое. И как липа могла быть связана с Ваней? Это уже слишком… Голова кругом и вопросы, вопросы… И, само собой, вывод: к нам он приходил еще до наступления, а потом участвовал в нем и погиб. Это задокументировано, а значит, изменению уже не подлежит, потому что свершилось. Баба Маня так и сказала в самом начале: считай - нет его уже.

Но вот что не ясно: конкретный танк сгорел фактически и горел он в то время, когда шло наступление. Раз его экипаж или один из его

членов не успел эвакуироваться в эти проклятые… или благословенные две-три секунды, о которых говорил Ваня, то и лезть в огонь, и спасать кого-то под обстрелом никто бы не стал. Войска шли в наступление и ожидаемые при этом, неминуемые потери оставлялись ими за спиной. Кто-то дошел, а кто-то – нет. Но вот потом…?

Ведь говорил же Степан Григорьевич, что останки бойцов они находили при помощи металлоискателей, потому что на телах всегда оставалось что-то металлическое – пуговицы, пряжки ремней, портсигары, а у Вани было еще и табельное оружие, положенное всем офицерам - пистолет. Неужели всего этого не нашли потом в танке, когда он уже остыл и стало возможным проникновение внутрь? И уже на основании этого должны быть сделаны выводы – не пропал без вести, а погиб смертью храбрых.

Ведь должны же были хоронить тела погибших? Я знала, что тогда существовали специальные похоронные команды, которые занимались этим – поиском тел после боев и их захоронением. И даже если… я допускала, что не стали - не смогли, не захотели, не успели – что угодно! Но танк - это же металл и, так или иначе, но его эвакуировали если не в ремонт, то на переплавку. И что? На нем был бортовой номер – я помню, что были какие-то цифры, это же боевая единица. При направлении на переплавку должен составляться какой-то документ, в том числе и об обнаруженных внутри останках или остатках! Должен был остаться хоть какой-то след!

Пускай Ваня и не был в больших чинах, но все-таки человек заметный и на виду - командир танкового батальона и еще он был на технике, которую трудно не заметить. Это не тот пехотинец, который полз тогда в лесу – совсем один и скорее всего - с перебитой бедренной артерией. Один потому, что его товарищи ушли вперед без возможности остановиться над каждым, кто нуждался в помощи. Потому что выполняли конкретную задачу - шло наступление.

Мне нужны были эти сведения – пока из первых, самых доступных рук, а потом – по моему плану. Я не собиралась просто выжидать год до следующего цветения липы. Это время нужно было провести с пользой, выяснив о Ване все, что только возможно. Все, что его касалось и к нему относилось – по максимуму. И еще была мысль… вот в ее разумности я не была уверена. Скорее, отлично

понимала, что это просто жест отчаяния, продиктованный боязнью упустить пусть и мифический, ничтожный до исчезающего шанс если не вернуть его, то хотя бы попрощаться. Это был бред сумасшедшего, но я собиралась окунуться и в него…

Марк подписал наряд и отпустил миксер, опалубка была сбита, обвязана арматурой и залита бетоном. Пока он станет, бригада поможет с установкой септик-станции, которую подвезут уже завтра. Все шло по плану, а я попросила бабу Маню приютить сегодня в моей комнате Сашу Голубева – того самого здоровенного рыжего мужика. Я же переночую у поисковиков.

- Он довезет меня до лагеря и даст взаймы свой спальный мешок. Сам вернется и переспит пока здесь, вы не против? Он очень спокойный - знаю его больше года. А я хочу поговорить со Степаном Григорьевичем, он должен быть в курсе того, что мне нужно.

- А что тебе нужно? - уточнила баба Маня, продолжая заниматься готовкой. И по ее тону я поняла, что вопрос непраздный.

- Узнать о нем все. Найти способ вернуть и спасти.

Она помолчала, а потом отложила ложку и повернулась ко мне.

- А ты не подумала – оно ему надо, чтобы его спасали? Ты думаешь, он тогда остался бы, даже расскажи ты все? Дезертирство это называется, чтоб ты знала.

- Он сгорит в танке, - упрямо стояла я на своем.

- Тогда что, - развела она руками, - вместо него сгорит кто другой? Тоже чей-то же, тоже нужный? Он не помнит тебя, Алена. Это ты помнишь, а он – нет. Ни разу он не узнал меня, даже когда я еще похожа на себя была… ты понимаешь.

- Я поняла вас, Мария Львовна. Но если я найду этот способ, значит, сгореть придется кому-то другому. Потому что всех спасти я не могу, а его – хотя бы попытаюсь. Хлороформом! Скручу и притащу, даже если не помнит и потом проклянет. Это если найду, как до него добраться. Нельзя решать за него – все понимаю… Осточертело уже все делать правильно, дайте хоть раз сделать так, как… я не просто хочу, а не могу иначе. Не по-божески, если сгореть придется другому – да. А может, и нет, откуда мы знаем? Зачем он сюда приходит? Не нужно, Мария Львовна – это мое, а не ваше – рассуждать что правильно, а что нет. Все перепуталось, полюса сместились, приоритеты сбиты. Только это никого, к сожалению, не

спасет – способа вернуть его нет. Мы же с вами взрослые, разумные люди и в ведьм не верим. Так что не переживайте за него и за меня тоже – утром вернусь.

- И переживать буду, и спать не смогу, - проворчала баба Маня.

- А шантаж – это однозначно плохо, - улыбнулась я, - не злитесь, я все понимаю. Просто хочу узнать о нем больше.

Ближе к вечеру, когда стало смеркаться и, я была уверена - все поисковики уже вернулись в лагерь и скоро сядут у костра, я ушла договариваться с Голубевым. Нашла его сидящим вместе со всеми за сбитым из досок столом. Народ уже поужинал и просто общался. Потапыч увидел меня и прищурился в предвкушении, выдавая очередную пошлость:

- Училка и говорит: пишите дети диктант - в углу скребет мышь, а Вовочка и…

- …спрашивает – а кто такой Скр? Что, Потапыч? Посидим, поматеримся, как большие мужики? – и предложила в наступившей тишине: - А хотите, я анекдот расскажу? Профессор задает вопрос будущим инженерам-строителям:

- Рабочий упал с высоты и разбился насмерть. Ваши действия?

- Вызвать скорую! – тянет руку девушка.

- Вызвать полицию! – добавляет еще кто-то.

- Каску на труп и страховочный пояс, бестолочи! – орет профессор, - а не то полиция приедет за вами.

Подождала, пока Потапыч опять оживет и зашевелится и разъяснила:

- У меня тяжелый жизненный период, раз уж вы все равно знаете… Не доводите до греха, Марк видел меня в настоящем и праведном гневе, а в состоянии аффекта я вообще способна на беспредел – даже премии лишить.

- Его и лишай, мы при чем? - предложил кто-то со смешком. А я нашла глазами Сашу Голубева и при всех договорилась о том, чтобы он отвез меня к поисковикам. Он предложил подождать там, но я отказалась - не нужны были лишние слухи. Когда уже садились в его машину, я ответила на звонок:

- Да, Ирусь? Что случилось? Вы с Анжиком здоровы?

- Примеры мучили весь вечер, но все-таки решили. Я звоню спросить – ты меня любишь?

- Странный вопрос, Ира... Ну, люблю, - улыбалась я.

- И я тоже тебя люблю - сильно. Так что мы с тобой обе – любимые, да? Не забывай об этом.

В машину я села со второго раза. С первого не вписалась, раздумывая – что бы значил этот звонок? Начала догадываться… догадалась. Когда Голубев поинтересовался – не случилось ли чего, я уже могла ответить:

- Еще нет, но, похоже, что случится. Ирина учудила и заранее просит прощения… я, кажется, догадываюсь – за что? Ну-у… на сегодня об этом можно забыть.

Но потом придется с этим что-то делать – думалось мне, потому что Ирка сдала явки. Другого объяснения такому разговору я не вижу. Но обижаться на нее не могу. Ее Анжела – маленькое блондинистое чудо восьми лет от роду и моя крестница. У нее Иркины волосы и, похоже, что все остальное тоже, кроме прямого носа – он достался Анжику от папы - урода морального. Михаил ушел из семьи безо всяких объяснений, просто собрал в чемодан необходимые на первое время вещи и ушел. Ирка даже не поняла сразу – думала, что он молчит потому, что на работе неприятности и его отсылают в командировку. Скорее всего, он не хотел скандала и боялся последствий - Ира была на последних сроках беременности. По слухам, ушел он к другой женщине и с той поры мы его больше не видели. Развод прошел дистанционно, когда Анжику исполнилось полтора года – он не очень с ним и спешил и, скорее всего, не потому, что сомневался. Почему-то было такое чувство, что все гораздо хуже – он просто сколько мог откладывал неприятное дело, связанное с воспоминаниями о семье.

То, как пережила разрыв я, и как это было у Иры – две огромные разницы. Она не рвала и метала, а тихо угасала, теряя интерес ко всему на свете. Родилась Анжик, она кормила ее грудью, меняла подгузники, гуляла с ней – и не жила. Это было очень заметно – пустой взгляд, потерянное выражение лица. Тихая-тихая, растоптанная и раздавленная в своем непонимании случившегося, женщина. Если бы он хоть что-то тогда сказал, хоть как-то объяснил... ей, наверное, было бы легче. Но алименты приходили регулярно и хорошие. Очевидно, он считал себя больше ничем не обязанным этим двум.

Из этой ямы мы вытаскивали ее вдвоем с Олегом. Ее мама, которая на первых порах помогала, приехав из другого города, только все усугубляла. Я думаю, что именно из-за нее Ирка так долго выбиралась из депрессии. Олег как-то психанул, слушая ее причитания, и высказал все, что думал об этом. Мама обиделась и уехала, кажется, даже с радостью. А мы взялись за Ирку…

Она просто не могла, не умела плохо относиться к Олегу – помнила все, что он делал для них с дочкой, и была благодарна за это безмерно. За его помощь по первому требованию и терпение, за готовность спокойно выслушать ее проблемы и решить их, потому что она моя подруга, и даже за то, что он не злился из-за рева крохотного Анжика целую ночь у нас в гостях. Тогда не спали все – гуглили, искали причины воплей, массировали животик, таскали на руках, Олег бегал покупать укропную воду… Поэтому Ирка Олега жалела и продолжала искать ему оправдания. Она и Мише своему их искала, приписывая себе кучу недостатков – такой человек. Или просто ей нужны были хотя бы какие-то эти самые причины…?

Глава 22

Беркутов пожалел об этом разговоре, как только немного успокоился, отъехав от села на порядочное уже расстояние. Даже остановился и долго еще сидел в машине, откинувшись на подголовник, закрыв глаза и вспоминая все свои слова и реакцию Алены на них.

Нужно было мягче и тактичнее… Какой дурак критикует характер женщины, собираясь завоевать ее? Только такой, как он. Сейчас он понимал это, а тогда распахнулся для нее полностью - со всеми своими мыслями, сомнениями, выводами и мечтами. Видел рядом с собой не просто красивую женщину, но и ту, которая сможет понять этот его порыв. Хотелось правды между ними с самого начала – полной и безоговорочной, хотелось, чтобы она приняла по отношению к нему трезвое и разумное решение. Потому что иногда браки, решение о которых принимается разумом, бывают гораздо более крепкими, чем продиктованные чувствами. А чувства он потом вытянул бы из нее, добился, выпестовал, взлелеял, на руках выносил. Но, похоже, он опять поспешил или сильно переоценил степень уже установившегося между ними доверия и понимания, а то и пережал со своей откровенностью - не важно. Все скатилось до состояния «в начале».

Хотя и в самом начале он наделал ошибок – просто потому, что вообще пришел тогда в гостиницу, и когда нечаянно называл ее Леной. Как бы то ни было, именно эта оговорка могла оказаться фатальной, а она была не одна. Потом этот разговор… Он спешил – да. Спешил, потому что боялся ее чувств к мужу – очень сильных чувств. О них говорила ее реакция на постельную сцену с его участием. Не задумываясь, она ломала всю свою жизнь под напором силы этого поруганного чувства. Но это же давало Беркутову надежду на то, что оно может быстро выгореть – с таким-то темпераментом.

Он опасался других самцов, у которых есть глаза и которые вертятся рядом – вспомнил о строителях и подумал, что не только они… Просто слухи о предстоящем разводе еще не разнеслись. Соперники могли быть моложе его и красивее, а еще - ближе ей по

образу мыслей и интересам, а вот статус и приоритеты финансового положения никак не повлияли бы на выбор Алены. Почему-то он знал это.

Наверняка, ей не хватало сочувствия и поддержки в такое трудное для нее время, и она могла неосознанно потянуться к тому, кто «деликатно, но настойчиво» предложил бы их. Не он, потому что свою возможность он в тот вечер упустил, а еще у него работа и постоянно быть рядом с ней у него не получится. Или же все-таки – он, если успеет, а еще - попадет в настроение. Он надеялся на это, но не попал…

Знакомство с престарелой родственницей вначале было для него событием второстепенным. Но полезным, потому что появилась уважительная причина забыть свое обещание - не надоедать Алене визитами. Такая история: он едет отбывать своего рода повинность и вдруг бабушка оказывается не поросшей мхом шамкающей старушкой, а человеком очень уважаемой профессии, по-своему интересной и приятной в общении. И это общение между ними носило характер ровный и спокойный. Он не собирался выяснять эпизоды ее биографии – это действительно не имело для него никакого значения. Помощь ей он будет оказывать независимо и однозначно, и на произвол судьбы больше не бросит. До завершения строительства еще есть время, а к его окончанию он что-нибудь придумает и решит.

Несколько дней после этого он работал, но почти ни на минуту не забывал об Алене, о строительстве дома и внезапно возникшей буквально из ниоткуда бабушке… У него будто образовалась еще одна жизнь – параллельная основной. И с каждым днем эта жизнь становилась все более важной для него. На работе он начинал вдруг улыбаться, вспоминая приятные эпизоды общения с Аленой, или же тревожился – не оставляло чувство, что сделал не все возможное для того, чтобы заинтересовать ее собой. Думал, морщил ум, как говорится, а в результате решил снова проведать новоиспеченную родственницу.

Ехать с пустыми руками было неудобно, и он закупился, посоветовавшись с пожилой продавщицей. Она должна была знать, какие продукты предпочтительнее для совсем старых людей. Для Алены он купил цветы… и еще бойлы – разные. Цветы потому, что любой другой подарок она не приняла бы. Спасибо еще хоть не

заикалась о компенсации трат на ее освобождение, очевидно понимая, что он от нее откажется. Крупные голубые колокольчики и огромные ромашки… ему казалось, что оформленные декором дорогие букеты это немного не то. Светлые и свежие колокольчики и ромашки символизировали для него внутреннюю суть Алены, внешность же ее он сравнил бы не с цветком, а с ударом молнии.

Оставив покупки в машине, он поднялся на свой этаж, чтобы переодеться перед поездкой – во что-то, что хотя бы зрительно делало его моложе и интереснее – джинсы, светлое поло, спортивные туфли.

Вышел из лифта, подошел к своей двери и услышал, как открывается соседняя. Мужчины застыли лицом к лицу, практически столкнувшись. Олег выглядел неважно – осунувшийся, со все еще не снятой с головы повязкой. Его потрепанный вид резко повысил самооценку Беркутова. Хотя… есть еще такое почти необъяснимое понятие, как женская жалость. В любом случае, между Немоляйкиным (разница в благозвучности их фамилий тоже радовала) и им все уже было сказано и отношения выяснены. Поэтому Владимир просто сухо кивнул ему и отвернулся, собираясь войти в свою квартиру. Но был остановлен:

- Владимир Борисович! На два слова. Разрешите? – обратился к нему сосед.

- Да, я слушаю, - развернулся к нему Беркутов.

- Мы с вами разговаривали тогда… на повышенных тонах. В этом я не считаю себя виноватым – ситуация не позволяла иначе… но теперь, немного остыв, извиниться за то, как поступил с вашей женой, я должен. Она была совсем не против, но с моей стороны просто попала под раздачу, вы должны понимать это. Не считаете нужным в свою очередь извиниться за свое поведение весь этот год? – поинтересовался Олег.

- Вам будет приятно услышать это? – хмыкнул Беркутов.

- Это будет справедливо. Я признал свою вину.

- Я уже извинился – перед Аленой, - прямо взглянул ему в глаза Беркутов.

Олег кивнул, внимательно глядя на него.

- Согласен. Вы виноваты перед нами обоими. Я не собираюсь выяснять – кто из нас больше, - поднял он руку, будто предупреждая

возражения: - О себе вообще молчу. Но до меня дошли слухи, что вы начали охоту на мою жену.

- Пока еще вашу, - согласился Владимир, - и я бы не назвал это охотой.

- А как? Слушайте, я понимаю ваш интерес, понимаю, как мужчина. Но будьте же человеком! Не говоря уже о том, что сейчас ей и так… мы вместе кучу лет, она любит меня, хотя сейчас и обижена и оскорблена. Я тоже люблю ее, тут можете не сомневаться – эпизод отчаянья, до которого вы меня довели… нужно было просто набить вам морду, господин Беркутов. А я тянул с этим… затянул и тут подвернулся этот способ… в голом виде.

- Это я понял. Может и нужно было, но всему свое время. К чему этот разговор сейчас?

- Все случилось из-за вас. Оставьте мне шанс спасти свою семью. Он и так мизерный, а тут еще и вы кружите над ней. У меня есть маленькая надежда, я хочу попытаться.

- В таких делах взывать к человечности глупо. Вы уверены, что она есть во мне? Может, я все это время как раз и добивался именно такого результата? Добился с огромным трудом и что?

- С огромным трудом? – скрипнул зубами Олег, - так нелегко торчать на чужую женщину?

- Трудно, - честно признался Беркутов, вспоминая свои ощущения после совместных поездок в лифте.

- Верю, - признал Олег, - так вы не отступитесь?

- Я могу дать ей то, чего не можете дать вы. Никто тогда не тянул вас за язык.

- Желаю вам когда-нибудь оказаться в подобной ситуации и сохранить при этом хладнокровие и здравый смысл, - невесело хмыкнул Олег.

- Я никогда не окажусь в вашей ситуации – всегда был верен своим женам. Даже Руслане.

- Физически…

- Вы даже этого не смогли, - парировал Беркутов.

- Нет никакого смысла, да? По-хорошему говорить с вами бессмысленно?

- Наверное, - подобрался Беркутов, опять чувствуя себя резко помолодевшим и отчаянным: - Спарринг? Повторим?

- Да пошел ты! Со своими играми… я тогда на ногах не стоял, – отвернулся Олег и пошел к лифту, скрывшись за дверью, что вела на площадку.

Совесть Беркутова не мучила, но неприятный осадок от разговора все же остался. Он хотел Алену, хотел очень сильно, но прожить без нее смог бы – без сомнения. А этот, похоже, сожалел всерьез и мучился по-настоящему. Чего стоило ему подойти и извиниться по собственной инициативе, когда этого от него никто не требовал, Беркутов мог только догадываться.

Почему-то вспомнилась Лена… совсем некстати, непонятно… И он решил для себя... нет - для своей совести, которая шевельнулась в виде непонятного и неоправданного сочувствия к сопернику. Решил дать тому фору. Совсем небольшую. Это даже не являлось риском. Если тот до сих пор сиднем сидел и ничего не предпринимал, то и еще один день не решит ничего. А непонятная дурь, шевельнувшаяся внутри, за это время уляжется и тогда будет все – летний вечер под яблоней (он планировал остаться на ночевку), разговоры, цветы, совместный ужин, пускай и втроем. Сосед получит эту фору. Все равно у него не хватит ума воспользоваться ею.

Глава 23

Координаты баба Маня нарисовала подробно: все по дороге и по дороге, а где-то посередине леса у самой дороги и должен находиться лагерь поисковиков. Так и я пояснила Голубеву. Он молча кивнул, и все свое внимание уделил передвижению в стремительно сгущающихся сумерках.

Было странно и непривычно ехать ночью не по ярко освещенному городу, а по лесу, где уже наступает ночь и нормальные деревья в свете фар выглядят страшными дикими зарослями. Потряхивало на корнях и ухабах, я даже извинилась перед водителем, но он на это только скупо улыбнулся.

Саша Голубев был самой таинственной личностью во всем нашем коллективе. К нам он пришел из фирмы, которая занималась установкой электронных систем бытового комфорта. С такой техникой он управлялся очень грамотно, и работал, как правило, в паре с еще одним человеком. У нас он был единственным специалистом такого рода, имеющим сертификат-разрешения, выданные представителями фирм-производителей, с которыми мы работали. Насколько я знала, у него была семья, кажется, я краем уха что-то слышала о дочери. Но здесь, в своем отпуске, он почему-то находился один.

- Саша, вы любите отдых такого рода? Увлекаетесь экотуризмом? А семья не разделяет ваше увлечение?

- Нет, Алена, дело не в этом, - быстро взглянул он на меня и опять уставился на дорогу. Ну, нет, так нет – виновата. Вообще не мое дело.

Вскоре между деревьями мелькнул слабый свет, а уже потом я увидела и отблески костра. Окинула взглядом просторную, уютно обустроенную поляну с небольшим палаточным городком на ней. Это место мне нравилось. Мы остановились, съехав на обочину, и Голубев спросил меня:

- А если бы я тоже… собрался поучаствовать? Любопытно… я еще не сталкивался с такого рода увлечениями.

- Я бы так не сказала - увлечением, Саша. Скорее – служением. Вы можете приехать сюда в любой другой день или ночь, но лучше не

сегодня.

- Ну… я понял. Тогда просто узнаю условия, на которых смогу остаться в другой раз.

- Саша, я не могу запретить вам остаться даже сегодня. Можно спать в машине, но Мария Львовна ждет, я уже предупредила ее, - пыталась я как можно деликатнее отправить его восвояси, и стараясь не слишком показывать свою заинтересованность в этом.

- Конечно, я понимаю, - мягко остановил он мои извинения и вышел из машины, я – следом за ним. Возле костра уже собрались все те ребята, которых я запомнила еще с первой нашей встречи. И две девочки тоже оставались здесь, несмотря на страшноватую эпопею с боеприпасами и взрывами. Подполковник встал нам навстречу и поздоровался за руку с Сашей, одобрительно окинув взглядом его мощную фигуру. Они поговорили, Голубев отошел от костра и уехал.

Подойдя ближе, я устроилась рядом с сидевшими на длинном бревне ребятами на мягкий сверток спального мешка. От предложенного ужина отказалась. Недолго молча посидела и послушала не совсем понятные для меня разговоры. Пора было задавать свои вопросы, и я подумала, что там нет ничего такого, что нельзя обсудить коллективно. Ребята собрались грамотные, вдруг что подскажут? Извинилась, что перебиваю и отвлекаю, и спросила у их командира:

- Скажите, а какая-нибудь схема или план размещения войск, которые стояли в этом лесу перед самым наступлением, существует?

- Само собой, - оживился он, усаживаясь удобнее и, похоже, настраиваясь на интересный разговор: - Наступление готовили, долго длилось позиционное противостояние. Лес большой, но если походить и внимательно посмотреть… до сих пор хорошо видны обрушившиеся блиндажи, системы ходов, одиночные ячейки для стрелков и полноценные окопы, вырытые в полный рост. Конечно, все это оплыло и заросло, но все равно заметно и узнаваемо. Какие именно части вас интересуют?

- Танкисты. Меня интересует то место, где тогда стояли танки. Сколько их было, номер части и если можно - список офицерского состава, количество танков в одном батальоне, мог ли офицер ездить на танке один? И пистолеты… их выдавали всем офицерам?

- Сведения о точном количестве техники и по личному составу я дать вам не могу, - улыбался мужчина, - только общее: тогда в тяжелом танковом батальоне было девять танков, средних – до тридцати, а легкие танки в конце войны в наступлениях уже не участвовали. Командиром танка всегда был офицер – лейтенант, старший лейтенант. Танковой ротой командовал капитан. Батальоном - майор, дивизией…

- Нет, дальше мне не нужно.

- Тогда – пистолеты? Да, личное оружие положено было всем без исключения офицерам.

- Танкист… он мог просто пропасть без вести? Командир батальона, например?

- Вы о боевых потерях? Не думаю… - заинтересовался он, - а к чему вопрос? С чем связано?

- Здесь в сорок четвертом пропал без вести майор Дружанин Ив…ан Георгиевич, - слегка запнулась я на имени, - так и сообщили родным – во время наступления пропал без вести.

- Фантастика… - пробормотал подполковник, - не имею права отрицать такие сведения… они же официальные?

- Само собой. Да, - подтвердила я.

- Не знаю… после войны находили танки, которые «утонули». Но именно во время наступления и командир…? Ничего не могу сказать. А почему вы спросили - мог ли офицер ехать на танке один?

- Да будто бы он ездил. Насколько это вообще... нормальная практика?

- Вы имеете в виду этого Дружанина? Майор? А почему нет? Командир в нужный момент мог заменить любого члена экипажа, в том числе и механика-водителя. И сгонять на легком танке в дивизию или полк на военный совет или доклад мог вполне. Зачем в этом случае гнать весь экипаж?

- А здесь стояли легкие танки?

- Не должны. В сорок четвертом в наступление, как правило, шла только тяжелая мощная техника. Тогда в войска уже массово поступал и легендарный средний Т-34. Хотя… в тяжелом или среднем танковом подразделении вполне мог быть и легкий танк – они использовались в разведке и вот так… выполняли функции автомобиля, - улыбнулся он.

- А как поступали со сгоревшими танками? – настырно выясняла я, - меня интересует судьба погибших экипажей. Тела же извлекали потом? Они могли сгореть там… в пепел? До невозможности идентифицировать останки?

- Нет, - внимательно смотрел на меня мужчина, - внутри самого танка нечему так длительно поддерживать горение – масла и смазки выгорают быстро. В раскаленной броне тела обгорали, а потом просто… пеклись, простите за такие подробности. И да – тела извлекали из корпуса похоронные команды. Составлялись документы, шла сверка по списку личного состава и бортовому номеру танка.

- Вы разрешите мне заночевать здесь? – трудно вытолкнула я из себя самые простые слова, - хотелось бы завтра взглянуть на то место, где стояли танкисты.

- Ну, это просто – по этой самой дороге дальше и почти до самого конца леса. Это километра два отсюда. Там по обе стороны до сих пор нет высоких деревьев, только поросль осинника, а в войну, очевидно, была просто поляна. Танки всегда маскировали от чужой авиации под деревьями, а там они перестроились и пошли в наступление.

Еще некоторое время народ упорно бодрствовал, а потом стал зевать и расходиться по палаткам. Я спросила у начальника, где можно устроиться на ночь мне.

- В моей, разве что, - пожал он плечами, - там походная койка, устраивайтесь, я могу у костра.

- А свободной палатки нет?

- Там у нас склад, - кивнул он на стоящую в стороне палатку, - и ящики с останками. В этот раз нашли шестерых. С каждым годом все меньше.

- Это, наверное, хорошо? - осторожно поинтересовалась я, - а спать у костра буду я. Только, если можно, выделите противомоскитную сетку и что-нибудь под голову.

Он согласился, не стал спорить и уговаривать меня, и это было правильно. Часам к одиннадцати у потухшего костра не осталось уже никого. Я расстелила вдоль бревна полипропиленовый коврик и голубевский спальный мешок. Под голову подложила выданное мне теплое одеяло, обезопасила себя от комаров, улеглась и притихла, вспоминая разговор. Все было так, как и я думала – то, что танкист

пропал без вести, удивило даже бывалого военного. Но Ваня не вернулся с войны и в части его не досчитались именно после наступления у села Длинное. Конечно, нужно сделать скидку на разного рода случайности, перестраховку и бардак, которые обязательно имели место и в те времена. Значит, или-или… И одно «или» я собиралась проверить этой ночью.

Постепенно стихли все звуки, издаваемые людьми – шелест, шорохи, голоса в палатках. Наступала глубокая ночь. Птичьи голоса… хотелось бы сказать, что стихли, но и правда – я не помнила их здесь. Постепенно вершины деревьев, хорошо видные на фоне чуть более светлого неба, пришли в движение, уже давно тянуло прохладой, ночной ветерок немного сдувал комаров или просто – я их не сильно привлекала?

Дождавшись полной тишины в лагере, я тихонько встала, прислушалась и сразу насторожилась. Показалось - шумит мотор. По коже пробежал озноб, вспомнились те слова подполковника – что ночью лес начинает *звучать.* Он и звучал – шумело в вершинах деревьев, поскрипывали стволы высоких сосен, было еще что-то – шорохи, легкий треск… Но звук мотора мне не послышался - он был. Правда, танк гремел сильнее, но что, если просто он далеко отсюда? В двух, к примеру, километрах?

Направление движения я знала, фонарик был с собой – я готовилась заранее. Свободный летний комбинезон, прилегающий к телу только в поясе, прикрывал от свежего ночного воздуха и комарья, ноги в спортивных тапочках ступали по земле тихо и неслышно – я шла по дороге. Скоро выяснилось, что без фонарика идти удобнее – тогда темнота уже не кажется такой непроглядной. Похоже, где-то за деревьями восходила луна, и лес потихоньку приобретал рельефные очертания и не ощущался уже такой темной массивной глыбой, нависающей над дорогой.

Не представляю себе, сколько времени прошло – все ощущения смазались, вытесненные чувством тревоги, легким страхом и волнением. Но, в конце концов, я дошла – все говорило об этом. Деревья расступились и стало видно почти полный лунный диск, который не спеша поднимался над широким пространством с действительно низкой порослью.

Все то время, пока шла, я неосознанно ждала того, о чем в прошлый раз предупреждал Степан Григорьевич – что вдруг окликнет меня кто-то из-за дерева мужским голосом, выйдет и вполне себе дружелюбно предложит искать его истлевшее тело под конкретным кустиком… и что тогда? Что делать, если я шла сюда, только чтобы убедиться в том, что Вани здесь, между ними - мертвыми, нет? И боялась до дрожи в коленках и замирания сердца не призраков – Бог с ними, по рассказам они совершенно безобидные, а того, что вдруг выйдет он… Выйдет и просто скажет:

- Девушка, вон под тем деревцем поищите.

И я сразу умру…

- Ваня… - тихонько позвала я, повернувшись лицом на ту сторону дороги, где пространство открывалось шире. И прислушалась… Все то же – шум ветра в ветках, скрипы, комариный звон, безобидные тихие шорохи – зверушки, наверное. Совсем не страшно. И я позвала уже громче и увереннее:

- Ванечка-а! Ты же не здесь? Я не верю, Ваня. Но если вдруг… то ты выйди. Ваня, выйди! Я не испугаюсь – клянусь. Просто посмотрю на тебя еще раз и потом найду, да? Ванечка-а! Ваня-а-а… ! - орала я во все горло, захлебываясь рыданиями. Сгибалась пополам, выдыхала, вдыхала и голосила опять:

- Выйди, если ты здесь! Сейчас же выйди, немедленно! Ваня-а…!

Тихий оклик заставил сердце почти остановиться, и я замерла… не дышала и не двигалась. Не знаю с чем можно сравнить это состояние? С параличом, когда во всем теле ощущается живым одно только сердце? Полное оцепенение и холод, сковавший тело от страшного осознания – откликнулся... Но я еще смогла выдавить из пережатой тоскливым ужасом глотки:

- Да… я жду… здесь… Ванечка.

Застыла столбом и ждала, обливаясь холодным потом - правда ждала его появления. Мыслей не было совсем, одно только отчаянье – не на это «или» я рассчитывала и совсем не этого хотела, не об этом молилась, когда почти не спала прошлой ночью, продумывая эту безумную вылазку. Молилась, не зная слов молитв, зато с глупой сумасшедшей надеждой:

- Господи! Пожалуйста, помоги - он заслужил. Лучше пусть я не найду его – хоть до десятой пускай будет живой. И черт с ней! Прости меня, Господи…

И сейчас тоже могла только это:

- Господи… Господи… Господи… - закоротило меня. Обреченно стояла и ждала, слыша тихий звук приближающихся шагов и почти теряя сознание от страха и понимания.

- Алька, – тихо раздалось шагах в двадцати от меня, - Аля, это я, не пугайся только.

Олег… Я развернулась в его сторону, как кукла – с висящими вдоль тела слабыми руками, на непослушных ногах. И с ощущением огромного, просто немыслимого облегчения, оставившего совсем без сил – не ОН…

- Что ты делаешь, а? Какого ты поперлась сюда?! Какой здесь, на хрен, Ваня?! – тормошил меня, обхватив руками, Олег. Стиснул, прижал к себе, а я просто затихла на время, уткнувшись носом ему в грудь и выжидая, когда тело и голос опять начнут повиноваться и слушаться.

Глава 24

Что я вообще могла ответить? Объяснить все, как оно есть? А должна? И зачем? Я вообще не собиралась никому ничего рассказывать - сама пока ничего не понимала.

- Все в порядке, - осторожно отстранилась я, делая шаг в сторону от него.

- Точно в порядке? – выпустил он меня из рук и тоже отступил на шаг, вглядываясь в мое лицо: - Ты сильно бледная, просто белая, Аль. Свет такой или я все-таки испугал тебя? Извини, старался - тихо. Луна какая… - поднял он голову и посмотрел на ночное светило, которое уже вовсю заливало лес призрачным голубоватым светом.

- Точно не рухнешь? – сделал он еще один шаг в сторону от меня и убрал руки за спину.

- Точно, - ответила я слабым голосом, оглядываясь в свою очередь. Окружающий лес стал просто ночным лесом – его жутковатое мистическое очарование исчезло. Сейчас я смотрела, но будто другими глазами – изменилось что-то, ушло состояние напряженного ожидания, до предела обостряющее слух и эмоции. Но это все сопутствующие эффекты - лирика, можно сказать. Главное - Ваня не вышел ко мне. И я была уверена, что не потому, что он не успел или ему Олег помешал – нет. Если бы его тело лежало где-то здесь и все приходы были с целью получить успокоение и упокоение, то он показался бы еще когда я шла по лесу… или когда орала. Танк не вписывается? А что – танк? Выходили же солдаты к девушкам с оружием? Но это не тот случай, не наш с ним. Ваня точно не был призраком. Так что опять и снова – нет, хоронить его мне не придется - радостно встрепенулось что-то внутри. Легко стало и спокойно, и это состояние, очевидно, повлияло и на отношение к Олегу.

- Откуда ты здесь? – вглядывалась я в его лицо. Тоже бледное, наверное, все же - луна... Но как всегда гладко выбрит и пахнет туалетной водой, что я выбирала для него – приятный запах, привычный, родной когда-то.

- Ира говорила - ты в больнице на стационаре.

Он коснулся повязки и улыбнулся. А я отвернулась, глядя на плоский светящийся блин – и так слышно. И больно до сих пор… или обидно?

- Можно снять, но там некрасивая корка… все нормально, меня выписали. Пошли потихоньку? Выспишься, и все потом… Я на машине. Подъехал туда, где ты живешь, а там симпатичная бабулька и рыжий мужик… в твоей комнате.

- И что? – насторожилась я.

- Я не имею права на разборки, Аля, - отметил он тихо и напряженно, - захочешь – скажешь сама. Я просто спросил, где могу найти тебя. Здесь остановился в отдалении - не хотелось будить людей, и прошел…

- А зачем среди ночи? Не мог подождать, когда я вернусь?

- Не мог. Я и так затянул – трусил, почти не мог тогда ходить… а, значит, нужно было ползти... – смотрел он куда-то себе под ноги, - прошел по дороге к лагерю, а тут ты куда-то идешь. Подумал, что в кустики, сел ждать на бревне. Тебя все нет и нет – двинулся следом. Кого ты так звала? - спросил он задушенным голосом, стараясь заглянуть мне в глаза.

- Пропавшего без вести фронтовика. Есть легенда….

- Пошли, - слегка подтолкнул он меня, и мы медленно пошли по дороге. Молчали. Все то время, что шли, мы молчали. Странный способ выяснить отношения он выбрал – идти рядом и молчать. А я была благодарна за это – не способна была на еще одну эмоциональную встряску, просто не хватило бы сил.

На бревне у кострища сидел сонный подполковник и с молчаливым укором смотрел на приближающуюся меня. Тяжело поднялся и направился к своей палатке, все же высказавшись:

- Вы показались мне серьезным и ответственным человеком, Алена.

- Извините, пожалуйста, Степан Григорьевич, - стушевалась я, - отдыхайте, мы тоже будем спать.

И повернулась к Олегу: - Ты в машину?

- Да, разложу сиденья. Нужно поспать. Или, может, ты туда? Я взял большую подушку.

Я даже заколебалась на секунду, но потом отказалась. Мы разошлись в стороны, и я вырубилась, как только голова коснулась

постели - требовался отдых.

Разговор состоялся на следующее утро, когда мы уже уехали из леса, попрощавшись со всеми и еще раз извинившись перед руководством. Я спокойно и миролюбиво поинтересовалась – подал ли Олег документы на развод? А он в ответ на это аккуратно припарковал машину у обочины и развернулся ко мне всем телом.

- Я просто не верю во все это, Алька. Хочу проснуться и забыть. Я очень сильно виноват. Не знаю - поможет, если я на коленях попрошу прощения и скажу, что там не было ничего, кроме злости?

- Странная у тебя физиология, Олег, - скривилась я в улыбке.

- Физиология стояка, Алена? Часто она вообще необъяснима. Но клянусь тебе, что не чувствовал ничего, кроме сожаления и злости, спешил закончить и выгнать ее к черту!

- И все на этом! Или мы едем, или я сейчас выйду. Не так и далеко идти, - передернуло меня, и безнадежно защемило внутри из-за невозможности оказаться сейчас как можно дальше отсюда.

- Я не хотел напоминать, Аль, но нужно было объяснить, - тихо и расстроено сказал он, - давай оставим на минуту то, что я сделал от злости и отчаянья. Так себе оправдание – согласен. Но я просто не верю, понимаешь? Я не верю, что из-за того, что не значило для меня ровным счетом ничего – абсолютно ничего, рушится вся моя жизнь! Накажи меня, наори, ударь снова, отруби руку! Но не уходи, Аля, не бросай меня, пожалуйста. Я очень сильно люблю тебя, и любил всегда… да подожди ты! - не дал он мне открыть дверь и выйти: - Мы же говорим! Просто поговорить ты можешь? Хотя бы в память о наших годах! Что - все было так паршиво, Аля? Послушай - я был у психолога. Он объяснил бы тебе, а я не могу передать... слова вообще пустые, на слух оправдания звучат убого даже для меня, Аль! Но неужели ничего не исправить? Одна моя глупость - и мы забудем все, что у нас было?

Он говорил, нервничал, злился, и вообще - переживал сейчас страшно. Видно было – я же знала его, и сейчас жалела. Как человека, которому и хотела бы помочь, но уже не знала чем и как. Но было… дрогнуло что-то внутри.

- Олег, у меня куча аргументов за развод, - решилась я заговорить, но уже мягче, а не как собиралась до этого: - И я думаю, что этот раз с Русей был не единственным – слишком легко ты пошел

на это, совсем без раздумий и страха. Прошлые разы прокатило – легко дался и этот. И вот именно такой вариант очень хорошо все объясняет, появляется хоть какая-то логика в твоих...

- Аля… - отчаянно заглянул он мне в глаза.

- Да ладно, я понимаю – признаться будет совсем глупо, но это больше похоже на правду, чем весь этот бред о злости и ревности – слишком уж странный способ ты выбрал. Меня отвернуло от тебя, Олег. Если бы я проблевалась тогда, может, это выплеснулось бы и как-то… в плане психологическом тоже. Когда перед глазами и так неожиданно… - задохнулась я словами, - пробрало до печенок. Я всегда верила тебе…

- Я наказывал... и отстаивал свое… глупо, нечаянно, спонтанно, на адреналине! Стой! Подожди. Не то! Есть решение, и я верю, что ты тоже жалеешь – хоть немного. Выслушай меня, ладно? - взял он меня за руку, стараясь делать это медленно и осторожно.

Я насторожилась, сжалась вся… и ничего. До этого думала, что прикоснется он вот так - специально, что ли? И меня сразу вывернет от отвращения и того самого физического отторжения. Но в лесу я восприняла его появление, как спасение и даже, наверное, обрадовалась тому, что это не Ваня. И сейчас меня не затошнило, даже не дернуло отстраниться или отодвинуться.

Может, потому что всплыла тема любви? И сразу шевельнулось чувство вины - а я сама-то любила его, если так быстро, почти молниеносно…? Ну, а дальше все вытекающее из этого... И все в ворота моей совести.

Браво, Беркутов! Теперь не будет мне покоя до тех пор, пока не уверюсь, что не сделала ничего плохого. Что моя ночь с Иваном – никакое не отсутствие прошлой любви к Олегу. Чтобы жить со спокойной душой, мне всегда нужно быть уверенной в правильности того, что я сделала и делаю. А иначе просыпается она – совесть и начинает выносить мозг. Похоже, зря я гнала на нашу Оксану - моралисты не те, кто поучает других, а те, которые сами себя загнали в жесткие рамки. Во всем прав, зараза…

- Аля, тебе противно… самому противно, - тяжело передохнул Олег, - я не притронусь к тебе, пока сама не захочешь. Сколько нужно ждать? Я буду ждать, и я знаю твой главный аргумент за развод. Поэтому… роди мне ребенка… пожалуйста. Будет рыжим?

Пусть будет рыжим – любить буду, как своего. Если это не рыжий… Аля, можно сходить к врачу и узнать, как это сделать, если ты не сможешь… так. Что там сейчас…? Психолог прав – тебе этого не хватало, а мне было слишком комфортно в нашей семье, я не добывал счастье – само упало в руки. Потому так легко рискнул им. Я прошу тебя - не спеши с разводом. Не отказывайся совсем, а просто не спеши. Хотя бы в память о прошлом. И еще – возвращайся домой. Олежка нашел небольшую студию рядом с работой…

- Какой Олежка?

- Мой секретарь… нашел студию, и я пока могу снимать ее, а потом увидим. Аля… ты услышала меня? Пожалуйста, - сжал он мою руку почти до боли, скорее всего, даже не сознавая этого. Бисеринки пота на лбу, брови почти сошлись на переносице, перечеркнув ее глубокой морщиной, губы сжаты так, что побелели, и еще - зрачки...

- Я подумаю, Олег. Поехали, - осторожно освободила я руку, не глядя на него.

- О чем именно? Хорошо-хорошо! Спасибо, Аля, - выдохнул он, - понимаю, что это не прощение, но все равно спасибо.

А я просто испугалась. Было в нем что-то такое – отчаянное, на грани. Отруби руку, роди ребенка от рыжего… А Ирке вырвать бы ее поганый язык, потому что она даже не представляет себе! Просто свела с благими намерениями! По его просьбе, конечно. И мне неловко и трудно, и он вымучен этим разговором. Похоже, у него болит голова – зрачки расширены, часто морщится. А еще я не знаю чего можно ожидать от него в таком состоянии. Убью паразитку!

- Поехали, Олег. Заводи уже, - торопила я его.

Он подъехал к самому дому бабы Мани. Отправить его домой? Доедет благополучно, и тогда позвоню и скажу, что уже подумала и решила, и что - нет. На все. Но в таком состоянии отпускать его опасно, а я места себе не найду, пока он доедет до дома! Ну, не могу и все!

- Олег, сейчас позавтракаем, а потом я договорюсь, чтобы тебя довезли домой – тебе еще нельзя было за руль. Не переживай – водитель осторожный, согласился бы только… - пробормотала я уже для себя.

- Может, я немного отлежусь здесь? – спросил он почти безнадежно.

- Извини, но мне тоже нужно отдохнуть – ночь была еще та.

- Хорошо, Аленыш, как скажешь, - вздохнул он, - я там привез тебе постельную сменку, чистое белье и одежду на жару. Ну, и кое-что из продуктов… ты как-то говорила, что в селе можно купить все, кроме хорошего мяса. Там, у бабушки, я оставил мясные ребрышки и «настоящие» малиновые помидоры – здесь для них еще рано. Ты похудела… - неожиданно прохрипел он. Я поежилась, а он прокашлялся и добавил:

- Собери в сумку грязное, дома закину в стирку.

Сволочь… какая же он сволочь! Я сдирала с постели белье и плакала – достал-таки, гад! Скрутило внутри вообще непонятно чем – виной, жалостью, психами, злостью! Пускай стирает, почему я должна отказывать себе в удобствах и чистоте? Не он же будет, а машинка, в конце концов!

Сашу Голубева я купила тем, что рассказала о карпах и подсунула ему бойлы:

- Всего одна поездка в город, а взамен – рыбное Эльдорадо. Олег неважно себя чувствует, а вы заодно навестите семью…?

- Они уехали по горящей путевке на двоих, - улыбнулся спокойный Саша, - отвезу, конечно. А обратно…

- А обратно – завтра подвезут дерево и утеплитель. Ира скажет – откуда и когда. Приедете с доставщиком.

Я позавтракала вместе с Олегом и Сашей. Баба Маня еще раньше пригласила Голубева, но сама постеснялась кушать вместе с чужими людьми – ела шумно. Я видела, как смотрел Олег на рыжего. Насторожено, конечно, но безо всяких безумных закидонов. И я должна верить, что тогда его вела безумная ревность? Сейчас вместе с нами за столом сидел мужик, предположительно побывавший в моей постели и все нормально. Скорее всего, по дороге в город, они поговорят. Но тут я не боялась – вызвать на любой конфликт невозмутимого Голубева у Олега не получится.

Они уехали на нашей машине, а я решила помыться перед тем, как идти на строительную площадку.

В бане было тихо и до сих пор чуточку влажно. Я быстро ополоснулась прохладной водой, оделась опять и присела на полок. Вспоминалось не такое… совсем уж жаркое, а то, как Ваня прикрыл руками пах. Это еще тогда показалось мне чем-то удивительным -

такое непостижимое для мужчины целомудрие. И это после того, как ему прямым текстом было объявлено, что сексу – быть. А он прикрывался… На руки подхватил – ахнула! И говорил, и бормотал потом всякое – не совсем приличное. Но перед этим прикрывался же - вспоминала я один из самых трогательных моментов, которые наблюдала в своей жизни.

Что вызвали эти воспоминания, что я чувствовала к нему из-за них? Это было уважение какой-то совершенно непонятной для меня природы - за одно неосознанное движение, вспоминая которое я чувствовала странную, необъяснимую нежность. Всепоглощающую, немыслимую! Ванечка... обхватила я голову руками и замерла. Куда я лезу, во что, действительно, вляпалась? Но самое главное - справились мы с ним или нет?

Глава 25

Заглянув в телефон, где отмечала свой график месячных, я минуты две высчитывала – сколько часов (ориентировочно) до того момента, когда я буду если не знать точно, то хотя бы подозревать и уже всерьез надеяться. К этому времени нужно запастись тестами – замирало, а потом радостно колотилось сердце. Хотелось верить.

Дальше был суетный день, жара, которая потихоньку сменилась вечерней прохладой. Я не стала помогать хозяйке с мытьем посуды, объяснив, чем буду заниматься, и получила добро на изыскания в интернете.

«14 декабря 1992 года на глазах у норвежских рыбаков, занимавшихся ловлей сельди в Атлантическом океане, из пучины всплыл огромный корабль, в котором моряки узнали знаменитый «Титаник». По палубе лайнера в панике метались пассажиры. Они звали на помощь, некоторые бросались с кормы в ледяную воду.

Несколько минут спустя корабль вновь скрылся под водой. Норвежцы отбили радиограмму в штаб ВМС США. Вскоре на место происшествия прибыл американский военный корабль. Перед этим из воды подняли тринадцать человек в спасательных жилетах с надписью «Титаник». У всех спасенных наблюдалась потеря памяти. У них имелись при себе документы, выданные не позднее 1912 года. Внешность этих людей соответствовала возрасту, указанному в них.

Власти Норвегии и США договорились держать эту историю в секрете. В газетах сообщили только, что спасены пассажиры с потерпевшего крушение судна, но не указали даже его названия. Что стало дальше со спасенными, неизвестно. Скорее всего, их поместили под наблюдение врачей, и они до сих пор находятся в каком-нибудь закрытом лечебном заведении».

- Вот так где-то… - пробормотала я, поднимая глаза на Марию Львовну.

- А что за газета, как название? – поинтересовалась она, а я в который раз поразилась светлому уму этой старой женщины.

- Тут не указано. Вы правы – скорее всего, это информационный вброс в погоне за сенсацией, - с сожалением оторвалась я взглядом от

экрана, так и не отыскав нужные сведения.

- Раньше как было? Если напишут неправду, то за это и посадить могли. А сейчас делают, что хотят, по телевизору в глаза врут и не краснеют, - вздохнула баба Маня, - а что-нибудь еще есть? Похожее на правду?

- Да - уже больше семидесяти лет с периодичностью в шесть лет… - замолчала я, взглянув на нее с вопросом. Она понимающе кивнула:

- Нет. Мог через десять лет явиться, а мог – через три. Только липа совпадает, но каким тут боком? Наступали они в начале июля... Так что там дальше про сигналы?

- Корабли в той части океана получают сигналы бедствия SOS с позывным «Титаника» - MGY. Наверное, свой есть у каждого корабля. Расследованием будто бы занялось ЦРУ. Источник сигнала так и не выяснили. А потом вопрос вообще отпал – кто будет так дико шалить семьдесят лет?

- И правда, – пожала плечами моя хозяйка, - может, что еще?

- Да, этот случай мне сразу и вспомнился. Это известный факт, информацию не скрывали, как о тех тринадцати. Но тут опять стойкий запах сенсации…

Я потянулась и потерла усталые глаза. Оказалось, что не так и много я нарыла, да еще и не факт, что факт - печальный каламбур получился. Я устала сегодня. Хорошо хоть сорвался вчерашний приезд товарища Беркутова. Вначале он предупредил о нем, а потом загадочным голосом отменил. Теперь мы ждали его завтра. Мария Львовна повеселела при этом известии. Кажется, внук ей нравился.

Главной моей находкой была статья о Винни Коутс, которую сняли с айсберга 24 сентября 1990 года. Девушка в красивой, но старомодной одежде, замерзшая и испуганная, истерично твердила, что нужно спасать людей. В списках пассажиров «Титаника» она действительно значилась. Еще она говорила, что села на лайнер с Саунтгемптоне и даже предъявила билет, который сохранила. Ее обследовали и опросили врачи (их фамилии указаны) и решили, что она психически здорова и действительно может говорить правду.

Мы вместе смотрели ее фото – то, которое сделали тогда.

- Еще была десятимесячная девочка, привязанная к спасательному кругу с надписью «Титаник» и позже – мужчина в

одежде начала прошлого века. Суда, которые рыбачат там, предупреждены о возможности подобных находок и в дальнейшем, - задумчиво закончила я излагать факты.

И будто очнулась, обведя взглядом комнатку в старом доме. И старую женщину тоже, которая сидела на кровати, опершись на подушку, и с интересом слушала меня… и все равно! Как случилось, что сейчас, когда, можно сказать – судьба на кону, я могу посоветоваться только с ней? Когда я успела загнать себя в этот глухой угол, в который была в свое время загнана она? Ведь так же? Кроме священника, в тайну появления Вани не был посвящен никто. У нее тоже не было того, с кем она могла поговорить о нем… или были? Та художница и кто еще?

- Баб Мань, а та реставраторша? Она еще приезжала?

- Реставраторша больше не приезжала. Приезжала журналистка, три года назад была тут последний раз. А перед этим еще раз десять… часто моталась, я тогда про липу еще не сообразила.

- И что ей нужно… было? – сглотнула я, поперхнулась и закашлялась.

А баба Маня, прищурив глаза, смотрела на меня с сожалением и откровенным осуждением.

- А ты все про то же - лишь бы у него с ними чего не было.

- Да я даже подумать не успела, - поразилась я ее выводам.

- А оно уже и выскочило… Как твой жил с тобой, когда ты такая ревнивая? – качала она головой.

- Раньше не было, - хмыкнула я, - это, наверное, нормальная здоровая ревность, Мария Львовна, а не больная, – улыбалась я уже во весь рот - правда ведь ревную. Даже дыхание затаила, в ожидании компромата на Ваню. Но вспоминать о нем и даже ревновать, будто имею на это право, было не просто приятно, а очень приятно и тепло. Тепло просто думать о нем, о нас с ним.

- Ладно, а как объясняют все это? - очевидно согласилась она с таким железным аргументом, - и куда всех тех людей дели?

- Спрятали? Есть теория «Заговора Зильберманов», где говорится, что изымается и утаивается судьбоносная для человечества информация с целью повелевать им и править, оставляя в неведении. Такой клуб мировых воротил. А объясняют? В Норвегии есть известный исследователь, который считает, что места, где в силу

какой-то трагедии зашкаливал эмоциональный фон, могли преобразоваться в аномальное пятно, где время сбито и перестало иметь значение. «Титаник» это или наступление на сильно укрепленную линию обороны… Наступающие знали, что погибнут почти все, кто шли первыми… Люди могут попадать из таких мест во временные коридоры, которые выбрасывают их в прошлое или будущее. И это явление как-то объясняют даже физики - не хочу вдаваться…

Дело в том, что такой информации мало веры... Вы правы – слишком много любителей сенсаций, за ней гоняются, ее ищут. И эта журналистка... У меня не только ревность, Мария Львовна, а и вопрос – она ведь приезжала за сенсацией? Есть такое понятие, как профессиональная деформация, в том числе и у журналистов. Когда папарацци уже плевать на чужие судьбы и даже жизни. Ну, не сможет журналист пройти мимо такого – гость из прошлого. Даже я эти заголовки вижу, а уж она! Что же касается Вани… Ловушки времени, как их называют физики - и вдруг – цветущая липа...?

- Ловушками называют?

- Ну да – эти временные коридоры. В Италии растаял в воздухе человек и появился на том же месте через двадцать два года. По его ощущениям, прошло часа два, пока он шел по непонятному туннелю. Еще поезд ушел в 1912 году, а пришел в пункт назначения в 1954 – это в Мехико. Пассажиры не постарели – для них вообще прошли минуты. В мире каждый год исчезает до двух миллионов людей и почему-то считается, что минимум половина из них проваливается в такие дыры. Я думаю - отсюда и швейцарские часы в захоронении 10 века. Но назад возвращаются единицы, - вздохнула я, глядя на настенные часы.

- У нас что-то среднее, я думаю - между физикой и мистикой. Или просто направление физики, которое сможет объяснить такие явления, еще не открыто. Если бы не видела своими глазами, не трогала руками… короче – все, что я нарыла, это просто информация к размышлению. А мы уже будем спать. Я налазилась и напроверялась сегодня до хохота. Слишком момент ответственный – сборка каркаса. Спокойной ночи, - поднялась я уходить.

- Выключи свет, не хочу вставать, - донеслось с кровати.

Я улеглась на чистые простыни, которые вчера оставил Олег, и тоскливо задумалась - как же получилось, что я, фактически, оказалась один на один с этой тайной? Даже с Иркой поговорить об этом нельзя. Я позвонила ей сразу после отъезда Олега и Голубева и сейчас уже жалела об этом. Оказалось, что она почему-то решила, что у Голубева тоже есть ко мне мужской интерес и именно поэтому он поехал отдыхать сюда. Вот и решила поторопить события в пользу Олега.

- Ирусь, - опешила я от такого признания, фигея от ее веры в мою неотразимость, - ты понимаешь, что я не смогу больше доверять тебе тайны или делиться чем-то важным?

- Ты сейчас о том, что нашей дружбе конец?

- Не так буквально, Ир…

- Лянка… я просто не воспринимаю вас раздельно, - начала она спокойно, но потом постепенно завелась: - Для меня вы одно целое, самая чудесная пара, самые близкие мои друзья. Поэтому я буду биться за вас до последнего – иначе не могу. Вы мне больше, чем родня. Он дурак, идиот и скотина – все я ему сказала. Теперь говорю тебе - нужны тебе дети, нужно было их рожать любыми способами, искать эти способы и настаивать на них. А ты мнила себя жертвой, а он ее принял… вот и результат. Не до такой степени ты и хотела детей, чтобы теперь из-за этого бросать его.

- А я, по-твоему…? – наконец, открыла я рот, но она не дала мне говорить:

- А про соседку… мой брат лупит свою жену каждый раз, как выпьет. Соседи Веткины – ты помнишь… каждый раз, когда я вижу их, они общаются друг с другом матом. Люди десятилетиями живут вместе в атмосфере устойчивой ненависти. Ладно… бедность и безнадега делают эту атмосферу, но Пермяков – у него денег куры не клюют и что? На глазах жены и всего народа две любовницы – парадно-выходная и секретарша! А запойные, а лентяи? Нормальных – кот наплакал, ты понимаешь это? Днем с огнем! Я же искала. Сколько лет искала! И планку не задирала до небес – но нет уже в нашей грязи алмазов – давно выбрали. Ладно, я поняла, что Беркутов запал на тебя…

Я что-то мэкнула, не желая говорить об этом, а она рявкнула:

- Заткнись, пожалуйста, дай сказать! Вокруг тебя нарезают круги два приличных мужика – он и Олег. Голубев женат и поэтому ты…

- Голубев ни сном, ни духом, что я ему нравлюсь, Ир. Но я поняла, что очень нравлюсь тебе, - несмотря на напряженный разговор, я улыбалась.

- Да и хрен с ним! Чудо уже то, что Беркутов и Олег одновременно находятся в поле зрения, потому что они реликты, Ляна. Я – больше за тебя, чем за Олега, потому что он сделал эту гадость… Беркутов неплохой вариант, но Олег мне, как брат и я буду воевать за тебя вместе с ним. Потому что ты виновата так же, как и он – я про детей. Тебя так тряхонуло, потому что ты увидела – у любого крыша поедет. Но ты уже остыла, разгулялась там, людей между прочим покалечила… не полегчало еще? Не пора включать мозги? Он - без права на ошибку, а ты всегда права? Потому что ни хера не любила и хотя бы попытаться простить - западло? У меня вчера уши горели - ты меня матом крыла за то, что я дала ему адрес! Есть что-то такое – на расстоянии, потому что я таблетки глотала… ладно – совесть меня мучила. Но ты тоже порядочная…

- Притормози, Ирка, а то ж я отвечу, - урвалось мое терпение.

- А, может, ты и права – отпусти его. Мигом приберут к рукам, а ты готова его отдать? Я бы такого не упустила, только мы не воспринимаем уже… - захлебнулась она словами и тяжело потянула в себя воздух, пытаясь вдохнуть его. Получилось - ыгы-ы…

- Ирка! Ира! Что такое, ты слышишь? – запаниковала я. У нее и раньше – сразу после Миши, были странные приступы удушья. Врачи сказали – на нервной почве, без видимой патологии. И сейчас вот…

- Ирка?!! – орала я в трубку - Анжела дома?

- Да, - прохрипела она в трубку, - все… на сегодня.

- Вызови скорую или пшикни той штукой! - переживала я.

- Пшикнула, - сиплым голосом ответила Ирка, передохнула и тихо закончила: - В общем, пока ты не определишься с мужиком, я на стороне Олега. А потом снова твоя с потрохами.

- Да Бог с тобой, будь где хочешь, только не психуй… идиотка, - всхлипнула я, - перепугала до смерти.

- Ну, было уже… ты знаешь.

- Ага…

Так и поговорили… Вывод – Ирка слилась. Имела право – Олег сделал для нее не меньше, чем я, а то и больше. Я поддерживала в основном морально.

Я долго думала над ее словами, даже попыталась представить Олега с другой женщиной… не так, как увидела тогда – тут не нужно было напрягать воображение. Я представляла ее на нашей кухне - как он ест ее блины, а не мои. Что это не я, а она отвечает за погоду в доме. Может, у нее получится лучше, чем у меня, и он не будет ей изменять. Они будут гулять в парке осенью под одним зонтом, возвращаться домой и варить вместе глинтвейн… Потом лягут в постель и совсем уже не спеша…

Н-ну… туда к нему я точно не хочу, а может – только пока? Пока все живое в памяти - будто перед глазами стоит? Не так уж плохо я жила эти годы, а можно сказать - хорошо. Но могла еще лучше, если бы там не было людей, которые употребляют слово «нищеброд». Не было еды на зубочистках, поцелуев щеками, притворных улыбок, от которых эти щеки потом болят. Не так уж и сложно было все это терпеть, по большому счету, особенно если сравнить с тем, что перечислила Ирка – пьют, бьют…

Просто она не знает, что сейчас я мечтаю о другом, а значит – и о другой жизни. А какой она могла бы быть с ним и где?

Сейчас все эти мысли – ни о чем. Не хочется думать о неминуемых, а то и непреодолимых сложностях, хотя не знаю - что отдала бы за то, чтобы они возникли прямо сейчас? Но-о… все станет ясно через пять-шесть дней. И если все-таки мы с Ваней справились, то зачем мне выбирать – Олег или Владимир? Буду осторожно вынашивать ребенка, и пробовать спасти Ваню. И вот тут позиция загнанной в угол мне не подходит категорически. Нужна будет помощь, кто-то еще должен посмотреть на ситуацию со стороны и абсолютно трезвым взглядом. И это будет Коля. Брат и еще, возможно, бабушка.

Бате рассказывать ничего нельзя… в силу его характера, а мама утаить что бы то ни было от него просто не в состоянии. Это тот самый единый организм, которым Ирка видела нас с Олегом. А Коля меня поймет и поможет. Обязательно. Если это имеет какой-то смысл и есть хотя бы малейшая надежда. Ну, а если нет – мозги вправит.

Закончу здесь и нужно съездить домой, а заодно – в станицу Боковскую, там могут помнить Ваню, должны что-то знать о нем.

Глава 26

Я просто захотела молока. Не особо я и его и любила, но тут вдруг захотелось. Стояла на площадке, разговаривала с Марком и услышала, как корова мычит – сразу и потянуло. Не откладывая на потом, решила сходить и договориться покупать молоко пару раз в неделю – литра по два. Уже и простокваши похлебала в своих фантазиях, и омлет сварганила, и молочный суп с рисом или мелкой-мелкой вермишелью… Но до покупки дело не дошло. Женщина из соседнего дома, которая вышла, когда я постучалась в дверь, быстро оглянулась куда-то за спину и крикнула:

- Это Светка, я сейчас!

Откуда-то из дома раздалось мужское ворчание, а она умоляюще зашептала мне:

- Ну, я же носила недавно… чего еще? Мало? Так лишних денег сейчас нет.

И я вспомнила… точно – это она, одетая в джинсовую юбку, уходила тогда к асфальту.

- Нет, ничего не нужно… и спасибо. Я хотела сказать, что больше не носите, - развернулась я уходить, а она уже в спину договаривала:

- Двое детей у нас, а на алиментах мне не протянуть, сама понимаешь…

- Да-да… о чем речь?- отмахнулась я и почти выскочила за калитку. Ну, бре-ед… Ну, баба Маня!

Быстрым шагом прошла к дому, мельком взглянув на обратившегося ко мне за чем-то Марка и невпопад ответив ему. Потом опомнилась и вернулась , чтобы уточнить - что он хотел?

- Иди уже куда шла, Алена. Чего ты вообще здесь сидишь - не понимаю, - проворчал он, - я что - не доведу сам? Уже все согласовали и все выяснили. Первый раз, что ли?

Прячусь я тут и отсиживаюсь - что непонятно? А вообще, мысль здравая. Но вначале - баба Маня.

Она копалась в грядках, и я немного постояла рядом, потопталась, успокаиваясь и наблюдая как она аккуратно поддевает сорняки зубчатой тяпочкой, стряхивает с корней землю и

собирает бурьян в ведро. Такими темпами… но Бог в помощь, как говорится, а ей – чтобы в радость. На всякий случай спросила:

- Давайте, может - я, а?

- Дай разогнусь, - придерживая поясницу, прошла она к лавке.

- Оставьте, я видела, как нужно – сегодня же все сделаю сама… - и, помолчав, добавила: - Мария Львовна, сейчас мы с вами закроем две темы, до которых дело странным образом никак не доходило, - призадумалась я, не понимая сама – как случилось, что мне до сих пор неизвестно почему я девятая и какого хрена вообще здесь творится с этими продуктовыми взятками?

- Почему я девятая? Как я понимаю, первой были вы, а дальше люди совсем уж случайные, как вы говорите. А потом, передо мной - реставраторша и журналистка. Всего девять, а нужно десять. И почему?

- Точно сделаешь? А то я выбираю с корнями…

- Странные ваши речи… у нас же был устный договор - что я помогаю вам в огороде. Так я слушаю, - в упор уставилась я на нее, подперев кулаком щеку. Решительно уставилась. Она заулыбалась, глядя на меня.

- Настырная ты, упертая, как баран. Может, и выйдет у тебя.

- Что именно?

- Да откуда ж я знаю, чего ты добиваешься? То, что тебе нужно, то и выйдет, - по изменившемуся выражению ее лица было видно, что дальше разговор пойдет серьезный и по существу: - Я с ним говорила. Мне тогда чуть за шестьдесят перевалило, и что он с фронта, я уже понимала. Проверяющая, что в школу приезжала, сбежала, как только я ей рассказывать начала… как с тобой тогда. Не Ивана она испугалась, а что я ненормальная. Да со стороны оно так и выглядело, правда? А может и его забоялась – не знаю, а только утром вернулась и сразу съехала. Может, к соседям бегала… но сюда никто не сунется – боятся… привыкли уже, что положено бояться. Какой мужик, может, и сходил бы взглянуть – что тут гремит, да жена не пустит.

- Почему?

- Дай я уже одно расскажу?

- Да, конечно. Что он рассказал вам, баб Маня? Конкретно, только его слова?

- Ну, как хочешь... - уставилась она на меня с непонятным выражением, - женатый он был, еще с молодости. Двое детей у них родилось – два парня. Потом его повысили до начальника мехколонны – в район. А так-то они жили на каком-то хуторе, я так поняла, что это у вас, как у нас тут - маленькое сельцо. А работать стал в большой станице Боковой.

- Боковской, - поправила я ее.

- Дома редко бывал, только наездами. Жена не поехала за ним, потому что пришлось бы в съемной квартире ютиться, а свой дом и хозяйство бросать. И родные ее оттуда… Плохо у них все стало – ревновала она его сильно, - встревожено всматривалась она в мои глаза.

- Мария Львовна, пожалуйста, максимально – правду. Только то, что говорил он, не домысливая и даже не приукрашивая.

- Это я так думаю, что ревновала, - виновато кивнула она, - мужик видный, при должности… у него механизаторский техникум был, а с таким образованием раньше и областями командовали, кто по партийной линии отличился.

- Вы считаете, что она его ревновала... Ладно, это логично – я бы тоже ревновала.

- А кто ж не стал бы? Я потому и говорю, - взбодрилась она, - а дальше началась война. Его сразу призвали на офицерские курсы. Механизаторов с техникумом и даже десятью классами всех на курсы брали – учиться на офицеров. Курсы в Боковой и были, и оттуда же их потом провожали на фронт – там есть железная дорога. Когда Иван стал прощаться с родными, на шею к нему девица кинулась. Он говорил мне, что ничего у него с ней не было. Только я не сильно верю, знаешь… в те времена вот так кинуться на шею женатому и целовать его, куда достанет, плакать… и все это при родной жене?

- Он сказал – не было? Значит – не было. Будем исходить из этого.

- Ну-ну… он говорил, что пока отдирал ее от себя, жена и крикнула в сердцах, что будь он проклят и чтоб у него десяток таких еще было.

- Десяток? Крикнула? – растерялась я, чувствуя безнадежную опустошенность: - И только вот из-за этого вы решили…?

- Для полюбовницы, думаю, она и сказала… чтобы досадить – что еще десять таких будет, жена-то законная одна? И еще проклинала, кричала, чтоб он пропал там и не возвращался вовсе – ждать она его, кобеля, не станет. Поговорить с ней он не успел – по вагонам скомандовали, а она сразу прочь кинулась.

- Н-ну - нет, - мотнула я головой, - это он когда рассказал вам? После которой из нас?

- После третьей – на четвертую. Я тогда уже все про него поняла, и про то знала, что с появлением новой жилички его обязательно притянет сюда. Я про семью спросила, и он вдруг рассказал. Мужики не любят рассказывать, а его, видно, мучило. Вот и прорвало - с кем еще поговорить вот так, как не с чужим человеком... старым. Может и полегчало, когда выговорился. На письма она ни разу не ответила, и сыны тоже - большие уже были. Но что-то такое он мне не договорил, замолчал - видно, совсем плохое. Может, про детей что... А свой офицерский аттестат он им выслал... я хвалила.

- Понятно, - протянула я. Какое там понятно... все паршиво. Не потому что полюбовница… нет – он уверенно сказал мне, что не был виноват. Врать постороннему человеку и оправдываться не было никакого резона. Но вот все остальное… законная жена и двое детей совершенно не вписывались в ту картину, что я нарисовала для себя.

И советского солдата, как образ собирательный, я в этом плане не идеализировала – это были вполне себе живые мужики, которые годами не видели женщин в том самом смысле и в любую минуту могли погибнуть. И я очень сильно сомневаюсь, что абсолютно все женатые отказались бы от предложенных им маленьких радостей - таких, какую предложила Ивану я. "Люби сегодня - *завтра* может и не быть". Это жизнь и что теперь?

Поговорили, называется... настроение мигом скатилось по наклонной, жахнуло вниз...

- Убила бы, баб Мань, почему не сказали до его прихода? - встала я и собралась уходить, чтобы не наговорить лишнего. Сердце обиженно колотилось где-то в горле.

- Да чего уж теперь, - понуро отмахнулась она, - остальное ты знаешь, теперь довольна?

- Нет, - честно ответила я.

И потихоньку слиняла на тот самый холм с видом на село. Присела на склоне недалеко от нашего лагеря, где хозяйничал дежурный кашевар и загрызала ароматную травину в зубах - чабер, что ли? Растирала в руках пахучую зелень, думала обо всем этом и ничего не понимала - хрень какая-то! Жена психанула и прокляла? И все? Сработало? Свет гаснет, кидает его непонятно куда, туман непроглядный… и все это только потому, что она что-то там сказала? Это объяснение было так зыбко, так примитивно, глупо и нереально по сравнению с эпическим появлением Вани на танке, что верилось в это… совсем уж трудно.

Нет, я не была довольна, потому что в такое простое и … вот! В такое избитое объяснение просто не поверила. Все эти экстрасенсы в телевизоре… я не верила в действенность случайно вырвавшегося проклятия, в такую его силу и мощь, которые перечеркивали все природные законы.

Меня будто отбросило на целую жизнь назад. Давило и клонило к земле… образно, конечно, но точно что-то стало не так. Непонятно... Ваня стал живее и понятнее для меня, я ведь и хотела этого – узнать о нем как можно больше. Знала и раньше, что у него, как и у Беркутова, было свое прошлое. Но сейчас оно казалось каким-то мутным, оставляющим место для сомнений – в озвученной бабой Маней версии.

Могла влюбленная девица кинуться ему на шею? Тихо любила издали, а когда поняла, что он может не вернуться с войны, решила проститься? А может и не решала – само получилось на эмоциях. Не знаю, девицы бывают разные. Но жена и дети?

Как же - некому ждать тебя, Ванечка? Даже если жена дурная, то она все равно есть. И дети у вас, оказывается, были. Какая же я тогда твоя, как я могла быть под тебя, женатого, сделана?

Так тяжело мне не было со времен обезьянника. Тогда я несколько часов была уверена, что убила человека и дальше частью моей жизни станет тюрьма. Но сейчас что-то надломилось внутри гораздо сильнее – очень уж качественно и основательно.

Глаза иначе смотрели на село, которое не стало хуже, но интересным для меня быть перестало. Уши иначе слышали – птичье щебетание совершенно не радовало. Тяжело поднялась с травы, не

представляя себе – что мне делать дальше? И есть ли смысл это что-то делать?

- Алена! – окликнули меня, и я узнала голос Голубева.

- Не пообедаете с нами? Я сготовил плов со свининой и жгучим перцем.

Я мотнула головой, отказываясь, но потом в голову пришла мысль – нужно закрывать здесь все вопросы, рубить хвосты, что называется. А значит…

- Саша, когда освободитесь, скажете? Я собираюсь уезжать отсюда, хочу показать, где водится рыба. На вашей машине можно подъехать почти к самому ставку, останется только спуститься вниз с холма.

- Алена, у вас что-то случилось… опять? – осторожно интересовался Голубев. Забавно он выглядел - высоченный и рыжий, в широких шортах и цветастом фартуке, и в кепке козырьком назад – вместо поварского колпака.

Не было сил и желания улыбаться и убеждать его, что все в порядке. Просто пожала плечами. А я знаю – что случилось? Придавило вот и продолжает давить, мешает дышать нормально.

- Обязательно скажу, - пообещал Голубев, не дождавшись ответа.

- Ну и хорошо, - закончила я разговор и стала спускаться к дому прямо по склону. Ползла, как улитка, страдала, споткнулась пару раз, ругнулась, прикрыв рот ладонью… очнулась и подумала - да какого вообще? Что я, как маленькая? Узнать, правда все это или нет - все равно не узнаю, зато измотаю себя в конец. А стоит он того? Может, плюнуть и забыть? Ага...

- Мария Львовна! А что у нас будет на ужин? – дружелюбно поинтересовалась я, стараясь гнать дурные мысли.

- Я уж думала – ты в слезах утонула, - печально улыбалась моя хозяйка, - так боялась говорить тебе, так тряслася… - скривилась она, собираясь заплакать, очевидно.

- Ну что вы? – удивилась я, - дети это здорово! Это просто замечательно - значит, он может их иметь. А Ване я верю - слепо и глухо верю. Может, потому что верить больше не в кого. Знаете, словами можно соврать, но есть еще выражение лица, язык тела, его взгляды... - прикрыла я глаза, как довольный кот, и улыбнулась: - Те же слова… они имеют разную интонацию. Я верю ему, баб Мань, хочу

верить. Кто-то должен ждать его – он сказал, что кроме меня, больше некому. И что мне делать после этого? Он хотел вернуться ко мне, я тоже хотела, чтобы он вернулся – полное единодушие. С остальным потом разберемся.

- Дурное дело, Алена, - сердито вытерла она глаза, - дурное дело...

- Что именно, баб Мань? - мягко спросила я, чувствуя умиротворение и спокойствие - сама себя убедила.

- Ждать его - дурное дело, - отрезала она, - совсем ополоумела - кого ждать? Откуда? Мужика с фронта через восемь десятков лет? Жизнь гробить на это? Ты с ума-то не сходи, ему уж точно твои жертвы не нужны.

- Да ладно вам! До следующей липы только, - беззаботно отмахнулась я, не желая развивать тему: - Я хотела сказать, что ненадолго съезжу домой, к родным. Марк и Саша Голубев помогут вам, если что понадобится. Постараюсь вернуться до внутренней отделки. Будем советоваться с вами, мебель выбирать, потом разожжем камин, наготовим вкусного, молока купим… - вспомнила я вдруг о взятках и подарках… и опять решила не форсировать. Дозировать это все как-то нужно, что ли? Ну, побуду еще немного ведьмой, ничего страшного. Но чудные у них тут дела, Господи... Пошла-ка я за тяпкой.

Глава 27

Беркутов удивил – опять предстал в новом образе – в темно-синем спортивном костюме с известным логотипом и спортивных тапочках. Но и не только… Разогнувшись и упираясь на тяпку, я наблюдала перед этим, как к дому подъезжают сразу две машины и марку одной я точно знала – живо обсуждали ее когда-то с мужем. Вернее – говорили о предполагаемом многими сговоре между производителями автомобилей. Так вот – Фольксваген Пассат универсал был, на его взгляд, одной из лучших машин в плане надежности и удобства. Олег говорил, что если бы повезло найти его в хорошем состоянии и выпущенного до нулевых, то он с радостью взял бы эту машину и в этом его поддержали многие знакомые. Я запомнила только то, что там сиденья раскладываются в почти полноценную двуспальную кровать – это удобно при выезде на природу, потому что не нужно ставить палатку. Остальное о машине, и почему после двухтысячного качество резко поползло вниз, мне не вспоминалось.

Сейчас из нее выходила молодая женщина – светловолосая, полная и очень красивая. Полнота шла ей, это был тот самый случай, когда она являлась не излишеством, а особенностью физиологии. Так называемая широкая кость, размер ноги почти мужской, крупные кисти рук, длинные волосы, большая грудь, пышные бедра и не только красивое, но еще и необыкновенно милое лицо – чистая славянская красота, в классическом исполнении, если можно так сказать. Как говорил Олег? Слова пусты? Ее нужно было видеть.

Беркутов вышел из второй, уже знакомой мне машины, подхватил девушку под руку и повел ее ко мне. Как и он, та была в спортивной одежде, на их лицах – одно и то же приветливое и предвкушающее выражение. Я ожидала их, не выпуская из рук тяпку – работы осталось на полчаса, и сегодня ее обязательно нужно было доделать.

- Алена, очень рад вас видеть, - сиял Беркутов улыбкой, - познакомьтесь – это моя дочь Ольга.

И моя физиономия расплылась в точно такой же улыбке – здорово! Какой же он молодец! Аккуратно отложила орудие труда и показательно покрутила перед ними ладонями. Простите, мол, но за руку – никак, испачкала. Взять в деревню перчатки даже в голову не пришло, хотя вычистить траур из-под ногтей не проблема. И молнией - мысль, потому что- руки... и пальцы тоже - гоню ее. Не могу - сдыхаю от страшного чувства вины.

- Очень приятно, Ольга, и здравствуйте. Вы к бабушке? Не представляете, как я рада за нее.

А дальше девушка знакомилась с бабой Маней, та суетилась и показывала им свой старый и строящийся дом, а я в экстренном порядке заканчивала прополку, время от времени поднимая голову и натыкаясь на взгляд Беркутова. Оглядывалась на меня и Ольга, и становилось любопытно – он посвятил ее в свои планы относительно меня или нет? Но он обещал что-то там… не погружаться в серьезное отношение ко мне? Да, в этом духе… Мне бы его силу воли и разумность.

В своем отношении к его дочке я определилась, когда мы сели ужинать под яблоней, по-простому застелив дощатый стол старенькой клеенкой. К оладьям из молодых кабачков, которые сготовила баба Маня, добавилась куча вкуснятины, которую гости привезли с собой. Мы оценили мягкий сыр, ароматную буженину с капельками мясного сока на срезе, «настоящие» помидоры, как те, что привозил Олег, и еще кучу разной снеди. Сметана из топленого молока пошла к оладьям. В общем - за разговорами от ужина мы оторвались уже почти в темноте. В основном, они крутились вокруг нового дома. Я рассказывала о тонкостях каркасного строительства, преимуществах и удобстве, рассчитывая в основном на слушателя бабу Маню. Она помалкивала и присматривалась к гостям, но я видела, что правнучка ей понравилась. Беркутов, тот еще прошлый раз нашел к ней подход – как уж там, я не знала, но у него получилось. И вот, когда мы уже собрались убирать со стола, Ольга засмеялась и спросила:

- Ну, и как же все-таки получилось, что мы с Борькой столько лет не знали о такой замечательной бабушке? Что-то не очень верится, что папка потерял вас и нашел только сейчас. Или есть что-то еще, какая-то другая причина?

Я удивленно промолчала – думала, что девочка хотя бы в общих чертах в курсе, Беркутов замялся, а баба Маня ответила просто:

- Так ведьма же. От меня и семья отреклась по той причине, что я ведьма, - вздохнула она, тихо улыбаясь. И вот тогда я поняла, что эту Ольгу почти люблю, потому что она спросила очень заинтересовано и с огромным энтузиазмом:

- Значит, тогда и я тоже? Ведьма в поколении…

- Втором, - засмеялась баба Маня, - дочек у меня не было. Ты, значит, прямая наследница.

- О-о-о…! – протянула Ольга, - а я и не против, знаете ли! Очень даже – за! И в Алене тоже есть какая-то ведьмовщинка, тебе не кажется? – обратилась она к отцу, а потом ко мне: - Откуда вы родом, кто по национальности?

- О-о-о! – в свою очередь тянула я таинственно и многозначительно: - Дон начали заселять ватаги беглых крепостных и разбойники. Строили себе жилье и часто приводили из набегов женщин – татарок, турчанок, персиянок, полячек… Фамилия моей мамы Турчинова, а эти прозвища просто так не давали – скорее всего, в предках была турчанка. Детей от них называли тумами – смесками, но в правах никак не ограничивали. Такой способ обзавестись семьей на нижнем Дону был нормой, хотя невест привозили и из России. Когда-то всех казаков оттуда называли тумами – как отдельный народ смесков. Потом так продолжали называть только женщин, а сейчас все это уже забыто. Но иногда через поколения всплывает особо вредный и настырный ген...

- Очень удачно всплывает, - улыбалась Ольга, - с ума сойти, такие интересные вещи узнаются совершенно случайно.

- А знать, само собой, хочется обо всем, - подхватила я.

Мы убирали со стола, разговаривали еще, а я думала о том, что Беркутов не стал рассказывать дочери неприятные подробности давних семейных отношений. Оправдание себе придумал не очень убедительное, поэтому ничего странного, что Ольга захотела подробностей. Но, получив такое же туманное объяснение от бабушки, настаивать не стала. Подыграла, как смогла, а смогла неплохо – сейчас между ними не чувствовалось никакой неловкости. У бабы Мани выражение лица было абсолютно безмятежным, и я окончательно уверилась в том, что ничего позорного в ее биографии не было.

Бригада, похоже, тоже уже поужинала там - наверху, пловом со свининой и жгучим перцем. Мужики собирались ложиться спать после тяжелого рабочего дня, потому что музыка, которая всегда включалась там по вечерам, к нам больше не доносилась.

- Вы не собираетесь уезжать к ночи, да, Владимир Борисович? – поинтересовалась я.

- Заночуем в машинах. В обеих раскладываются сиденья, постель в багажнике, специальные сетки на окно от комаров тоже, - отвечал Беркутов, сидя рядом со мной на лавке и расслабленно прислонившись спиной к яблоне, пока Ольга и ее бабушка устраивали в холодильник продукты.

- Я очень рада за бабу Маню, - призналась я, - вы не могли придумать ничего лучше, чем привезти к ней Олю. Красивая девочка. Она похожа на маму?

- Да, - просто ответил он, - очень похожа. А Борис удался в кого-то из дальних родственников, даже не знаю…

Мы немного помолчали, а потом я призналась, что собираюсь взять небольшой отпуск, но вернусь, когда начнутся работы по внутренней отделке. И еще:

- Мы с вашей бабушкой отказались от большемеров, пришли к тому, что их посадка не имеет смысла – старый дом постоит еще некоторое время - это ее желание, и он не так уж сильно портит вид.

- Все дело было в этом? – удивился он.

- Все дело в том, что нужно было поговорить с ней не спеша, не давить и не настаивать, а прислушиваться и вовсю советоваться. Мы с вами давили.

- Да, наверное, - согласился он со мной, - Оля хотела увидеть бабушку, и я на ходу придумал не совсем удачное объяснение нашим отношениям…

- Их отсутствию.

- Ну, как уж получилось.

- Она очень тактичная и приятная в общении, - поделилась я с ним впечатлениями, - просто удивительно - в таком молодом возрасте. Я уже спокойна за бабу Маню, хотя вы только ищете решение по ней.

- Олька в отпуске. Они с Борисом инженеры-буровики. Захотели так и я не стал отговаривать. Сейчас получают дополнительное

образование – управленческое.

- Здорово.

- Она сильная девочка, внешность и характер взяла у матери, но внутренний стержень - мой, - отметил он и предложил: - Когда вы собрались уезжать? Я еду в город завтра – могу подвезти.

- А Ольга?

- А Ольга – теперь не знаю. Может, захочет остаться на пару дней, если уж освобождается ваша комната. Алена… давно уже хотел спросить – почему именно каркасные дома? Я вот всегда мечтал о доме из бревен, таких, знаете… чтобы дышать в нем было легко.

- Не стоит, Владимир Борисович…

- Можно уже просто - Владимир?

- Все равно – не стоит. Технологии строительства настоящих бревенчатых домов утрачены. Там были свои тонкости, важные нюансы…

- Вы не обижаетесь, что мы вас оставили? – выглянула из дома Ольга, - бабушка рассказывает о травах…

- Нет, Оля, мы о своем – о строительстве, и нам не скучно, - ответил Беркутов, - а еще мы дышим – слышишь? – потянул он воздух носом.

- Это чабрец, - авторитетно объяснила я, - им весь холм порос. Вечером наступает прохлада и из-за перепада температур он начинает пахнуть особенно сильно. У меня есть только это объяснение.

- Пройдемся, Алена? – предложил он вдруг, - насиделся на рабочем месте и за рулем тоже. Дорасскажете… подышим чабрецом. Так что там о технологиях?

Мне тоже захотелось пройтись, мы встали и пошли к дороге, чтобы подняться на холм. Приближаться к лагерю не хотелось, и мы повернули в другую сторону. В поле над долиной было жарче. Я уже заметила, что температуры наверху и в долине сильно отличались – ночами внизу было очень прохладно, а по утрам даже холодно – градусов десять всего. Я продолжила:

- Раньше дома строили из бревен большого диаметра. Их дотошно отбирали и грамотно сушили. Бревна укладывались в сруб не абы как, а северной стороной наружу. Пазы и выемки прокладывались мхами, которые содержат в себе вещества, не допускающие гниения древесины. В доме ставили большую печь, а то

и не одну. Проблем с дровами на Руси никогда не было, и дома протапливались до сухого звона - каждый день в печи готовили еду, зимой и летом. Речи о влажности или гниении древесины не шло вообще. Сейчас другое время… Владимир. Негодное дерево станет гнить, а жильцы – дышать плесенью. Лучше каркас… Но и его я бы строила иначе – как финны, прокладывая утеплитель толстым полиэтиленом, а не мембраной.

Но у нас не налажено производство по-настоящему хороших, подходящих досок… их очень трудно найти. Деревообрабатывающая промышленность развита плохо, лес берут в теплое время года, хранят с нарушением технологии, распускают и обрабатывают частным порядком, неразборчиво. Полноценный же, качественный лес вывозят за границу сырым, продают за валюту. Не жалейте – у вас будет хороший дом, лучший из возможных сейчас.

- Да… были мысли. Жить на старости в таком вот месте, в доме с камином. Вы не замерзли, Алена? – спросил он, отметив, видно, как я обхватила руками плечи, грея себя.

- Пора возвращаться, наверное, - повернулась я в сторону дома, но тут вжикнула молния, и Беркутов молча набросил мне на плечи куртку от своего спортивного костюма, оставшись в белоснежной футболке. Не набросил даже, а положил, подойдя очень близко и обдавая теплом своего тела. Его руки замерли на моих плечах, не сжимая их и не поглаживая – просто легко касаясь. И что-то такое… наверное, случилась минута слабости.

Я никогда не задумывалась над тем, как действует на женщин даже на пионерском, по сути, расстоянии вот это почти физическое ощущение превосходства мужской силы, властной мужской ауры, живого чужого тепла рядом. Это было надежно, спокойно и уютно. И странно, но сбрасывать его руки с плеч не было никакого желания. Самое интересное – я отлично понимала, что происходит то, о чем я потом буду очень сильно жалеть. Это если он поймет все не совсем правильно и попытается продолжить или настоять. Но как же необходимо было мне это ощущение покоя и защищенности, как я соскучилась по этому… как не хватало…

- Спасибо, Владимир, - с сожалением отстранилась я, понимая, что с ним у меня могло получиться – в перспективе могло бы, если бы

я не встретила Ваню. Со своими странностями и закидонами мужик, как показал лифт, ну так и все мы не идеальны. Но точно не противен мне, а еще – великолепный стратег и тактик. Кроме того, что бабушка у него замечательная, так он и еще один козырь выложил - чудная девочка эта Оля. Удивительно приятная в общении – теплая, мягкая… теперь я понимала его тоску по Лене, если она вела себя так же и была такой.

Пора было возвращаться, хотя вечер был особенный – тихий, теплый… с холма, кроме аромата чабреца, доносился запах отцветающей липы, а гостям, особенно гостье, пора уже было… О-о-о!! А-а-а??!!

- Алена... - даже не заметила я, как он стиснул мои плечи, теперь уже точно обнимая и прижимая спиной к себе.

- Да-да, Владимир Борисович! Пойдемте быстрее, мне нужно… срочно.

Даже не поразмыслив, как он мог понять эту фразу, я развернулась и почти рысью понеслась к дому. Решит, что живот у дамы прихватило? Об этом думалось с облегчением и даже весело. Во что я чуть не вляпалась? Тепла захотелось? Всего миг понежиться в объятиях? Чужих. Стыдно…

Когда совсем стемнело, и гости ушли спать в свои машины, я села на табурет под стеной и уставилась в темноту, замерев в безнадежном ожидании. Просто на всякий случай и потому что захотелось подумать о Ване, который сейчас где-то там – весь в мазуте и пыли, провонял каленым железом, руки его… об этом вообще нельзя думать – не усну потом. А я не так уж и тупила - Ольга запросто могла оказаться десятой. Липа еще не отцвела, четкого графика посещений и раньше не наблюдалось, так что вполне могло и случиться.

- Алена, - тихо раздалось от угла дома, и я испугано выдохнула:

- Владимир Борисович. Да что же вам не спится-то? Пугаете...

- А вам? Мне понятно – почему? – тихо приблизился он ко мне, аккуратно поднял с табурета и притянул к себе. Но момент прошел... тепла и защиты больше не хотелось. Я решительно пробубнила прямо в его плечо, тесно прижатая к напряженному мужскому телу:

- Извините, но у нас ничего не будет, вы немного опоздали. Но вы мне нравитесь, как человек, и если бы…

- Алена! – резко отстранился он, - ваш муж приезжал сюда?

- Да, - растерялась я, - а откуда вы знаете?

- Да так... Ослы… они мудрые животные. Одни из самых… - засунул он руки в карманы спортивных штанов, немного помолчал и спросил: - Во сколько завтра подъем?

- Если можно выехать ближе к обеду или сразу после него, это было бы лучше всего. Мне нужно успеть показать одному человеку рыбное место, - оживилась я от пришедшей на ум мысли, - и вам с Олей тоже будет интересно – пасека, мамонтовое кладбище, лесной пруд с карпами - бойлы я заказывала для них. Будильник ставить не нужно, ваша бабушка просыпается рано. Как вы на это смотрите?

- Я? Мне, Алена, не рыбу бы, а травку щипать... до хохота, - невесело хмыкнул он, - Оле, скорее всего, будет интересно, мне, наверное, тоже. Не засиживайтесь допоздна, простынете.

Я пожелала ему спокойной ночи и ушла в дом с легким сердцем - как же легко с ним, какой понимающий и внимательный человек. Или не очень оно ему и нужно было... так это даже лучше - проще. Устроившись в постели, открыла интернет и, пошарив там, нашла фильм о танках времен Великой отечественной. Система охлаждения двигателя, очищения от загазованности внутрибашенного пространства, система подачи снарядов, скорострельность пушки, мощность танкового орудия, ширина гусеничных траков, толщина лобовой брони... - мне было интересно все. С замиранием сердца просматривала кадры фронтовой кинохроники – танки, люди… все черно-белое и грязное даже на вид, кроме разве что начальства в традиционной офицерской форме.

И еще информация… наш тяжелый ИС выдерживал удар, но башню тридцатьчетверки королевский «Тигр» своей крупповской пушкой калибра 88мм при прямом попадании разносил в дребодан! Она разлеталась, как ореховая скорлупа, если внутри взрывался боезапас, и ни о каком опознании тел экипажа и их обнаружении даже не шло речи – перед тем, как взрыв разносил металл башни, людей внутри размазывало в фарш, в ошметки, в молекулы! Все преимущество средней тридцатьчетверки было в ее маневренности – это да, но какая, к черту, маневренность, когда танки идут в наступление - в прямую, лобовую атаку?!

Почему подполковник не рассказал об этом? Щадил меня? Но я не выказала личной заинтересованности, демонстрируя простое любопытство. Мог не знать? Какого вообще рода войск он подполковник?

У-у-у… - глухо мычала я, зажимая рот кулаком и сжимая веки до боли, до белых сполохов под ними, чтобы унять проклятое воображение.

Глава 28

Следующим утром думала об одном, а делать и говорить приходилось совершенно другое. Накрутила себя ночью, а здесь работа и люди – хорошие и плохие…

Плохие люди работали с фингалом под левым глазом и молчали. И не то, что молчали – даже не смотрели в мою сторону, надо же…

- Марк, что у вас случилось? Мужики подрались? А причина? До кого Потапыч докопался на этот раз?

- Поговорили… ничего страшного – Голубев зацепил слегка, - норовил уйти от разговора и от меня бригадир.

- Боже! Он что – доставал его из-за фартука? – изумилась я, догоняя его.

- Какого фартука? – остановился Марк.

- Женского. Голубев готовил плов и повязал женский фартук.

- Алена, все в порядке. Иди. Тебя люди ждут, - скривился он, - вернешься - посоветуемся. Мы как раз закончим, посмотришь тут одно место.

- Я свой ноут тебе оставлю, - пообещала я, - там не то, что чертежи и планы – даже сны и мысли мои зафиксированы.

После этого разговора почему-то чувствовала себя глупо. Но экскурсия на время отвлекла и заняла мысли. У Голубева о драке я не выспрашивала – не хотелось при чужих людях. Все согласились пройтись пешком, и я провела их по тому же маршруту, где таскал меня Ромка. С горы, правда, не спускала и мед на пасеке мы не ели – просто смотрели, зато ставок вызвал настоящий восторг. Гости вели себя по-разному – Беркутов смотрел, слушал и молчал, думая о своем. Его дочка вместе со мной любовалась всем тем, что на самом деле заслуживало любования – лесом, зарослями водорослей, полностью укрывающим поверхность воды, вербой, согнутой над водой немыслимым образом. Мне вспоминался Ромка, и это были приятные воспоминания. А Ольга снимала все уголки села, достойные внимания, на огромный фотоаппарат, носить который не доверила даже отцу. Беркутов обещал, что скоро будет составлена целая галерея из портретов строителей, зафиксированы стадии строительства, а

пейзажными снимками потом можно будет украсить дом, взяв их в рамочки.

- Ольга внештатный фотокор в газете на северном Урале. Под серии ее снимков даже пишут статьи, а обычно все наоборот, - мягко улыбался он, любуясь дочерью. Наверное, видел в ней свою Лену.

Хорошую пригоршню бойлов Голубев забросил точно в небольшой просвет между листьями, указал мне на второй – ближе к берегу и обнадежил:

- Каждое утро буду подкармливать – все ближе и ближе к берегу. А дальше посмотрим.

Закончив все дела, собрав вещи и попрощавшись с бабой Маней и Ольгой, мы выехали в город. Беркутов почти всю дорогу молчал, а если отвечал, то односложно, и я прекратила попытки развлечь его вежливым разговором. К тому же, по ощущениям, у меня поднималась температура – знобило и хотелось свернуться калачиком и поспать. Накаркал вчера товарищ, накаркал… На подъезде к городу зазвонил телефон - брат:

- Нашел пропажу. Специально считал дни – на сколько у тебя совести хватит?

- Коль… случилось что? – замерло у меня сердце.

- Случилось бы – позвонил бы раньше. Бабаня гадючек гоняет, - печально вздохнул брат, - говорит – возле нее на диване клубок из зеленых змеек шевелится.

- И… что? Она же почти слепая, – вытаращила я глаза.

- А их вот видит, даже, что зеленые. Я тут поинтересовался, поспрашивал… Люди говорят, что так бывает - незадолго до смерти старики начинают видеть разную хрень. Вчера она их видела, сегодня опять. Может, и ерунда все это – новые таблетки так действуют или еще что?

- Так изучите побочные! Исключите. Я сейчас – за билетом. И у меня к тебе будет дело… Сейчас много работы?

- А когда ее было мало? – удивился брат – участковый мент, один на семь хуторов и два села.

- Возьму билет – сразу сообщу, - отключилась я.

- Что-то случилось дома? – посочувствовал Беркутов.

- Бабушка старая, - взглянула я на него мутными глазами.

- У вас не температура? Щеки горят, - коснулся он моего лба прохладной ладонью.

- Небольшая, - отвела я его руку – раздражал, - тридцать семь с половинкой - максимум. Мне всегда плохо от такой вот - пограничной. Отлежусь немножко, и все пройдет.

- Хорошо, - коротко ответил он, - отвезти вас домой?

У меня были грандиозные планы на этот день – купить билет, подкрасить волосы, привести в порядок руки, просто прогуляться по улицам. После села и допотопной обстановки в доме бабы Мани город смотрелся нереально – яркие краски, суета, шум, мельтешение… Такое яркое впечатление после приезда из сельской глубинки всегда бодрило, поднимало настроение. Сейчас же ничего вышеперечисленного уже не хотелось, а вот полежать в ванне у Ирки – да. У меня были с собой ее ключи, и я назвала адрес.

- Алена, почему не домой? – хмурил брови Беркутов.

- Так нужно, Владимир Борисович.

Распрощавшись с ним и по его настоянию обменявшись номерами телефонов, я поднялась с сумкой в Ирину квартиру, порылась в аптечке, заглотила парацетамол и легла спать. Где-то через час вскинулась и села на диване. Сна – ни в одном глазу, температура спала, совесть проснулась.

Еще через три часа я сидела в отъезжающем от перрона поезде. Билет был только в дорогущий одноместный СВ, но это даже к лучшему – сидела в купе одна и, прислонившись виском к окну, бездумно смотрела, как уходят, проплывая мимо городские пейзажи, а за ними и пригород. Потом пятна полей и лесополос слились и стали просто зеленым фоном, который я тоже плохо видела из-за слез – поговорила с Олегом.

Что меня дернуло именно сейчас – со сна или после ночных мыслей? Я не знала. Но с Беркутовым все прошло так спокойно и мирно – мы закрыли вопрос об отношениях совсем без обид и достаточно, надеюсь, милосердно, как он и просил. Он проявил удивительное понимание, легко согласившись с моим решением и совершенно не пытаясь повлиять на него. И я решила, что будет честно с моей стороны и очень правильно так же сказать Олегу, что я все обдумала, и развод все-таки будет. Зачем обманывать его, оставляя надежду, тянуть время просто из жалости? Хотелось, чтобы и

с ним получилось без тяжелого осадка на сердце – так же просто и легко. Но не настолько же?

- Хорошо, Аля, - помолчав, устало ответил он: - Я займусь этим сам, перезвоню тебе потом – по результату. Устал, знаешь, чувствовать себя виноватым, когда это никому не нужно. Ждать и надеяться, что простишь, строить планы – как еще…? Хорошо, Аля. Я говорил правду - сделал выводы, понял многое, но тебе это не нужно, а я вымотан до предела. Понимаю, что заслужил, но вариться во всем этом безо всякого смысла и надежды…? Я согласен. Вернешься – обговорим раздел имущества.

- Мне… я уже говорила тебе, - растерянно попыталась я вставить еще хоть что-то от себя.

- Понял тебя. Мне тоже проще дистанционно - подготовлю и скину тебе. Все, Алена, я на работе. Хорошо тебе доехать.

- Спасибо…

Коротко и ясно ответил. И так же просто и без возражений - как Беркутов. Что это – такой удачный день? Я же этого добивалась? Мне же это было нужно? Какого… тогда я захлебываюсь слезами, не видя ничего, кроме размытых зеленых пятен за окном… устал он. А у меня все хорошо, я вот не устала совсем. С-скотина… Нет, я не расстроилась, просто не ожидала, наверное – что вот так... Это «просто и легко» почему-то оказалось еще и слишком внезапным, что ли? И непонятно – откуда было взяться новому витку смертельной обиды и боли? Хотелось выть и скулить в полный голос, как воет брошенная или потерявшаяся собака. Из-за температуры, скорее всего – она поднималась опять. А еще предстояло дома… Немножко передохнула и набрала опять брата:

- Коля, я уже еду, только температурю. Не говори никому дома, я тихой мышкой…

- Поздно, мышка, но температура – хорошая отмазка. Посидишь десять минут и отвалишь. Приезжала бы чаще, праздник не затевали бы. Я так понял – ты одна? Жаль. Ну, да ладно.

Ира на мой звонок и сообщение о том, что я уезжаю дней на десять по семейным, среагировала как-то прохладно. А я, затаив дыхание, прислушивалась к ее голосу, стараясь уловить интонацию и настроение. Нормальный спокойный голос… она мирно пожелала мне удачной дороги. А у меня почему-то опять – обида. И опять

слезы. Да что такое? Всегда знала, что жалеть себя глупо и просто нельзя. И сейчас , наверное, просто нужно выспаться. Закрыв изнутри купе, я опустила шторки, разделась до трусов и улеглась на уже застеленный диван. Уютно укутавшись простыней и покачиваясь в такт движению поезда, прислушивалась к своему состоянию, опасаясь обнаружить признаки инфекции и притащить ее родным. Но ни насморка, ни першения в горле не наблюдалось – непонятно.

Почти все тысячу восемьсот километров я проспала. Вставала только в туалет да выпить минералки, которая стояла тут же на столе. Ни кушать, ни смотреть в окно, ни разговаривать с кем-то не было никакого желания. Проводника, предложившего горячий обед, входивший в стоимость проезда, я попросила меня не беспокоить. Только перезвонила на следующее утро Беркутову, обнаружив несколько пропущенных от него, и поблагодарила за заботу и беспокойство. И опять всплакнула, засыпая – его было жаль. Или себя – я уже и не знала.

К моей станции поезд приходил в десять утра. Еще вчера мы договорились с братом, чтобы он меня встретил. Я переоделась в самую удобную и любимую свою одежду – летний комбинезон с короткими рукавами, отгладив его прямо на постели утюжком, взятым у проводника. Легкая ткань из тонкого кремового шелка со схематичным черным рисунком струилась, при каждом движении обдавая тело прохладой. Шаровары собирались резинкой на щиколотках, тонкий черный ремешок перетягивал талию, на ногах – босоножки на невысоком каблуке. И сосущая, по тошноты просто, пустота в желудке… Температура ушла, и ожидаемо проснулся голод, и не просто, а настоящий жор. Проводник предупредил, что прибытие через двадцать минут, но я успела вкинуть в себя вареное яйцо, сдобную булочку с намазанным на нее маслом и выпить стакан крепкого черного чая.

Коля ждал возле уазика, который припарковал сразу возле перрона. Увидев меня, быстрым шагом пошел навстречу, улыбаясь и раскрывая руки для объятий. Он был младше на два года и совсем не похож на меня – высокий, худой, красиво загорелый почти до черноты, в форме с коротким рукавом и капитанскими погонами.

- Цветешь, сестра? Как отпустил-то одну? Мне тебя охранять или переоденешься в лягушачью шкурку? – тесно прижимал он меня к

себе.

А я вдруг почувствовала что-то совсем необъяснимое: уютное тепло в душе, такое немыслимое облегчение и удовольствие - расчувствовалась. И плакать… мне опять хотелось плакать, потому что это нахлынуло так неожиданно...

- Колька, - прошептала я потеряно, - я, кажется, беременная.

- Да? – баюкал он меня в объятиях, - ну и ладно, мы это переживем. А ревешь чего?

- Только сейчас дошло, Коль. Это же просто ужас - раздражаюсь, психую на пустом месте, обижаюсь, реву… жрать не хочу. Да я почти уверена, что все дело в гормонах, влияющих на ум, - веселилась я, показывая пальцем пораженное гормонами место, - а значит есть надежда, что со временем колличестко серого вещества восстановится до прежнего объема - я же всегда была очень разумной и практичной. Гони к Вале.

- С ума сошла? Мать стол накрыла в саду, родня подтягивается…

- Сегодня рабочий день, наша Валя на работе. Пожалуйста, Коль, все-таки была температура, а это может быть не совсем хорошо, - улыбалась я во весь рот, - у Аськи такого не было?

- Аська сцыкала - с самого начала и до конца, и сиськи стали, как ведра, - обеспокоенно глядя на меня, делился брат информацией, усаживая меня в машину. А я уже даже не улыбалась, сосредоточенно впитывая эту информацию, как губка.

- Сиськи? У меня всегда увеличиваются перед делами… это не показатель. Поехали уже, брат, а то я с ума сойду!

Это оказалось не опасно. В самом начале беременности яйцеклетка не сразу прикрепляется к стенке матки. До десяти дней может пройти до внедрения ее в слизистую, но при этом уже вовсю идет гормональная перестройка и организм генерирует ХГЧ – гормон беременности, идет настройка под нее. И такие подарки, как небольшая температура, расстройство пищеварения, даже слабое кровотечение вполне возможны.

Я сидела на кушетке, прижимая руки к животу и глупейшим образом улыбаясь, а наша с Колей двоюродная тетка, старше меня всего на восемь лет, объясняла мне, чего еще можно ожидать в ближайшее время – это утренняя тошнота… Я блаженно замирала, вспоминая, что да – было. Пускай просто от голода, но было же!

Сонливость... О-о-о! Отсутствие аппетита или жор… Да! Да! Диарея или запоры… А и фиг бы с ними - переживу. Настроение… Прыгает! Как заяц скачет. Ур-ра-а! Непереносимость или наоборот – непонятное пристрастие к еде и запахам…

Благодарно прижимаясь щекой к белому халату Вали, я вдыхала запах больницы – невообразимо приятный.

Глава 29

К родительскому дому мы добрались в самый солнцепек. В саду под огромной грушей, такой старой, что нутро ее было одним огромным дуплом, стояли столы с количеством посадочных мест человек на пятнадцать. Проходя к дому мимо груши, я шепотом отметила:

- Коль, сидеть под ней все страшнее и страшнее, а мне жить сейчас хочется особенно сильно.

- Посмотришь потом – батя зацементировал ствол. Теперь это считай - бетонный столб, а выкорчевать… ты что – это же «Бера» и груш с нее не меряно.

- И ос тоже - ух, - вспомнила я истекающие медовым соком груши, подбородок, руки в этом соке и тысячи ос над кучами падалицы под деревом. Нашей с братом обязанностью было собирать ее и уносить из сада. Таскали ведрами, отмахиваясь от осиных полчищ. Не единожды были ими кусаны.

Наконец, вошли в относительную прохладу дома – каменного, большого, с надстроенным десять лет назад деревянным вторым этажом. Делала проект я, перепланировкой и стройкой тоже руководила я и сейчас с удовольствием осматривалась вокруг, а потом обнималась и расцеловывалась с родственниками. Кого-то из женщин я уже видела в саду, пробегающих с тарелками в руках, кивала, махала им руками и невольно принюхивалась – в желудке ощущалась пустота, сказывались двое голодных суток. А настроение зашкаливало от немыслимой эйфории, я и шла-то – не шла, а танцевала, летела над землей.

То, что нужно будет объясняться с родителями, выдать свою военную тайну Коле, потом возвращаться непонятно куда, а перед этим – опять в Длинное, которое больше не казалось мне таким уж привлекательным – до следующего цветения липы… Это сейчас было не важно – я переживала самое, наверно, счастливое время в своей жизни, хотя УЗИ Валя не советовала и точно сказать пока ничего не могла – матка в тонусе, так перед месячными так и должно быть. Ждать задержку? Да вообще не вопрос – я-то знала, что там уже не

пусто, потому что сама себя не узнавала с этими переменами настроения и слезливостью.

- Переоденься, Аленка, - гладила меня по спине мама, - в жару пропадешь в шелках своих.

- Они натуральные, мам, - обнимала я ее в ответ, - переоденусь, само собой, только после душа.

- Я недавно набрал воды, еще не прогрелась, - прогудел батя, - к вечеру будет, как парное молоко, а то – на речку сходите.

Я радостно встрепенулась, но потом вспомнила о нынешней экологии, благополучие которой сейчас везде под большим вопросом – особенно в низовьях рек. А еще о не совсем определенном, но скорее всего - нежном своем состоянии, и засветилась ему в ответ:

- Спасибо, батя, тогда в душевую схожу перед сном, - и повисла у него на шее, еле дотягиваясь, чтобы обнять. Коля был таким же высоким, как он, и мы с мамой казались совсем маленькими рядом с ними.

Он слегка приподнял меня на весу, отметил: - Худая, что ли?

- Откормите, она на целую неделю к вам, - подсказал брат, - а бабаня спит?

- Спит, к столу потом выйдет, с ней в комнате Боровичок – рисует.

Боровичком звали старшую дочку Коли – мою племянницу. Она не была толстой, скорее – плотной, сбитой. Был еще племяш Саша четырех лет. Коля спросил маму:

- Ты что – Аську сюда позвала?

Мне не понравилось, как он это сказал, я не поняла этот его тон, как и мамин виноватый ответ: - А как, Коль? Племянники же Аленкины, давно не виделись. И ты мою сторону знаешь…

- Да уж знаю, маманя, - скрипнул он зубами, а я сделала для себя зарубку на ум – узнать потом, в чем тут у них дело, и почему на этом празднике жизни Коля не хочет видеть свою жену?

Скоро мы сидели в тени под грушей, и мне совсем уже не хотелось уходить куда-то и скрываться от родни, как собиралась вначале. Валя сказала, что к вечеру температура может подниматься, но в этом нет ничего страшного. А сейчас, выслушав пожелания здоровья и похвалы моему цветущему виду от родственников, я с удовольствием пробовала все угощения, приготовленные мамой. Отказавшись от рюмки прошлогодней вишневой наливки и объясняя

это жарой, наелась до отвала и стала прислушиваться к разговорам за столом. Все почти то же, что и всегда – преимущества роторной системы обмолота, недостатки молотильного барабана и классического соломотряса, цены на семенную суперэлиту в этом году…

- Коль, а они о чем-нибудь другом говорят когда? - шепнула я брату.

- А то, - усмехнулся он, - отбраковка, типичные колосья, стабильность многолинейных сортов, потомство, каждый колосок знать в лицо… они живут этим, радуйся, что уже смирились. Так что пускай себе. Дела идут неплохо, кажется...

- Кажется?

- Я редко бываю у них, Алена. Чаще, чем ты, но все равно редко, а заводить разговоры на эту тему...

- Длинный у нас будет разговор. Я говорила, что у меня к тебе дело? Когда ты сможешь?

- Сегодня и смогу. Пойдем вечером на Дон, посидим…- смотрел он на Настю, которая подходила к нам. Колина жена была тоненькой, как девочка и рыжей. По-хорошему рыжей – по красивому, и моложе его на шесть лет. Как и я, она была в просторном сарафане и балетках. Она шла к нам, и Колька смотрел, как она плывет, а потом отвернулся. Настя поздоровалась со мной, неловко ткнувшись в щеку, спросила у мужа, глядя куда-то в сторону:

- Коля, ты будешь сегодня дома?

- Не знаю. Если и буду, то поздно, - нехотя отозвался тот, - сестра приехала.

- Хорошо, тогда я пойду – посижу вместо Боровичка с бабаней.

- Ага, иди, - разрешил брат.

Настя поплыла в дом, а он опять смотрел… потом, почувствовав мой взгляд, криво улыбнулся и опрокинул в себя рюмку. Я попросила:

- Не напивайся, ты нужен мне трезвым.

- Вторая, Ален. Я больше двух не пью… и еще я закусываю, - набросился он на еду, чтобы я не вздумала, очевидно, распрашивать дальше. Все это не нравилось мне категорически.

Народ постепенно оживился, несмотря на жару - иммунитет на нее сказывался. Вино веселило, и на том краю стола вскоре запели… А я увидела бабаню, которую подводила к столу Колина жена и

поспешила навстречу. Усадила ее рядом с собой, разговорилась с ней, стала кормить и отвлеклась от основного действа.

Совсем пропустила, как спели «Скакал казак…», потом еще что-то, а мы говорили с бабушкой о моей работе, о дороге, погоде у нас, о новых вагонах с туалетом в каждом купе и кондиционером… И вдруг я насторожилась от словосочетания, прозвучавшего в следующей песне – мазнуло что-то по сознанию… что оно там затронуло – без понятия, потому что никаких ассоциаций начало песни вызвать не могло. А может, дело было в общем ее смысле – я же хорошо знала ее и помнила. А только я смолкла на полуслове - горло пережало, затрудняя дыхание.

- Не для меня… - глубоким басом завел батя, - цвету…еут са-ады…

- Не для меня Дон разолье-отся, - грянули хором родственники, - там се-ердце девичье забье-ется… с восторгом чувств – не для меня…

Коля тронул меня за плечо, я обернулась, как во сне… брат провел ладонью по моей щеке, вытирая с нее слезы, спросил в ухо: - Соскучилась?

Я отрицательно мотнула головой, прислушиваясь к песне – вся была там – в ней:

- Там дева с черными бровя-ами… - она растет не для меня-а….

Пережатое горло потихоньку отпускало. Я глубоко вдохнула, набирая полную грудь воздуха, улыбнулась брату – кривовато, наверное, получилось, и в свою очередь затянула, присоединяясь:

- А для меня-а…! Кусо…еок свинца-а! Он, - задохнулась внутренним рыданием, - в тело белое вопье-ется-а…!

И смолкла… больше не могла – сцепила челюсти, потряхивало, будто в истерике, а может, это она и была. Потому что - «признайся – для меня выросла такая, меня ждала?»… Боже-Боже… - заливалась я слезами. Бабаня погладила меня по спине, потянулась через меня, толкнула Колю:

- Плохо девке, пойдите… пойди-пойди, уведи ее куда, а я тут пока посижу.

Брат обнял меня за плечи, поднял и повел мимо стола, кивнув гостям: - Устала в дороге, растрогалась… песни наши такие…

И народ затянул с удвоенным энтузиазмом: - И кровь горячая прольется-а…

Твою ж…

- Вот же, - смеялась и плакала я, - куда ты меня тащишь? Никто бы и не заметил, нашего батю все одно не переорешь.

- А зачем оно тебе? Вдруг там и правда есть кто-то внутри? Бабаня приказала увести, а она знает, что говорит.

Пройдя через сад в заднюю калитку, мы пошли к Дону по мягкой пыльной грунтовке. Над ней нависали такие же пыльные деревья, жарило солнце. Правда, ближе к воде задул ветерок, потянуло речной свежестью, мы спустились вниз и сели в тени высокого куста на траву. Я уже успокоилась и, вдоволь насмотревшись на легкую волну и почти болезненные для глаз отблески солнца на ней, повинилась:

- Просто наболело, сорвалась – каюсь. Потом все тебе расскажу. А вот у тебя точно что-то случилось.

- Я уже два месяца не живу с ней. Подсказали люди, пришел и увидел… - махнул он рукой и отвернулся в сторону.

- Коля-я… в кровати? – не верила я сама в такое совпадение. Он повернулся на мой умирающий голос, внимательно вгляделся в лицо.

- Та нет…, дело не дошло. Но поцелуй был ну очень страстный, – нервно хмыкнул он, ломая веточку, - развестись батя не дает. Говорит – дети не виноваты, а они видят меня - дети? И раньше не видели, вот и…

- Думаешь – поэтому? – осторожно поинтересовалась я.

- Ален, я ж не по пьянкам и по бабам? Я на службе, вообще-то. Я ее отпустил, - грыз он веточку, - так не уходит же, плачет – ошиблась она, не было ничего. Не было ничего – это если б я какую шалаву походя, разложил и забыл сразу. А я никогда, Ален, хотя не только…, а и убить иногда хотелось. Но не трахал и не убивал. А она, Ален… Баба не просто так, а с душой все делает – нужно ей. Ну, а мне теперь не нужно – все шалавы мои.

- Коля…

- Не могу, Ален, и не смогу уже, хотя люблю до безумия – пытался, пробовал… себя не переступить. Шалавы чище… Больше спину не подставлю, ну нах… - быстро оглянулся он за спину, прошептал: - Та задра-ал…

- Я тоже до сих пор боюсь, - кивнула я, помолчала и призналась: - а я Олега застала в постели с соседкой.

- С-сука… нах.. да во… б..ь! – подхватился он с места и стал быстро раздеваться. Разделся до семейных трусов, кивнул мне: - Не бойся, я вдоль.

И прыгнул с берега, поплыл быстрыми саженками, а я сидела, обхватив колени и смотрела. Здесь было хорошее дно, я уже и сама бы искупалась, но мало ли… экология. И улыбнулась, вспоминая причину боязни, но теперь это получалось печально. Жаль было Кольку, немного – себя, а больше всех жаль было Ваню. Уехав из Длинного, я потихоньку опускалась с небес на землю и начинала понимать, что шанс вытянуть его оттуда настолько мизерный, настолько… не реальный вообще? Нащупаю ли я ту единственную возможность, если она вообще существует? А должна бы, потому что во всем, что происходит, есть свой смысл, даже если происходящее бессмысленно на первый взгляд. Все равно когда-нибудь аукнется - не сейчас, так в следующем поколении, но смысл есть всегда.

Коля немного охладится, остынет от того, что сжигает его изнутри – то, что я нечаянно раздула, задав неудачный вопрос. Его Настя… бабаня еще до свадьбы сказала, что «дохлая» она. Мы тогда поняли это, как субтильная. А оказалась, что и правда - дохлая. Да, мент сутками на работе, да – мало помощи от него, так он обеспечивал ей эту помощь, мобилизовав родню, знакомых, друзей… Дохлая, как есть. Но еще есть Боровичок и маленький Сашка – это замкнутый круг. И окончательно решать Коле.

- Какое у тебя дело, Ален? – спросил брат, снова садясь рядом со мной на траву, отмахнулся: - Трусы мигом высохнут.

- Отвези меня в станицу Боковскую.

- Ни фиг ты… это ж куда ехать! - кивнул он, соглашаясь: - Если нужно – отвезу. А за каким, расскажешь? Или уже по дороге?

- По дороге лучше бы не надо. И сейчас тоже… жарко сильно, пошли обратно. Думала, только тебе рассказать, а теперь хочу и бабане. Если ты говоришь – скоро ей туда…

- Не я, Ален – маманя говорит. Бабаня давно уже нюх потеряла – совсем почти.

- Нюх… обоняние, что ли?

- Да, - тряхнул брат мокрой головой, - говорят – тоже к этому самому. Так что, может, лучше без нее? Она и так из-за меня переживает.

- Ничего… если уж гадючек не боится, может мне подскажет что? Перед уходом ум проясняется – я тоже слышала. В том смысле, что понимается многое уже, будто со стороны – той уже. У меня такой разговор, что может и задержит ее. Странный разговор, если честно.

- Не боишься говорить так? – оглянулся на меня брат.

- А чего тут бояться, Коль? Просто жаль. Она дала нам время привыкнуть. Сама спокойно ждет…

- Ладно. Тогда возьмем ее вечером на Дон – пускай погуляет. Искупаемся с тобой, а потом посидим втроем.

Посидим, погутарим – улыбалась я, и искупаемся… тампон мне в помощь – отказывать себе в купании больше не хотелось. Потом ополоснусь в душевой. Хорошо было сейчас… я медленно шла за братом, загребая босыми ногами жирную дорожную пылюку. Нога тонула в ней, она, как вода, сочилась между пальцами – черноземы.

Глава 30

Проводив родню, я помогла маме убрать со столов, мужчины собрали их и унесли прятать. Насти с детьми не наблюдалось, и мне жаль было, что в этот раз не получилось потискать Сашку и отдать новую красивую косынку Боровичку.

А Коля сразу успокоился, даже стал шутить со мной и нечаянно проговорился. Я пока не собиралась никому рассказывать о предполагаемой беременности. И из тех, в том числе, соображений, что сейчас все было еще слишком зыбко – не сглазить бы, дать ему зацепиться. Но Колька проболтался так, что как-то иначе интерпретировать его слова было невозможно, да еще и при бате. Только не при нем! Но он услышал и все понял правильно. Мама радостно охнула, а батя сказал, как выплюнул:

- Вырастили мы с тобой, мать…
- Сплошное разочарование, да? – едко кинул ему в спину брат.

Я покрутила пальцем у виска и поспешила из дома следом за родителем. Догнала в саду, пошла рядом между деревьями.

- Мы разводимся с Олегом. Он изменил мне, я застала его в постели с соседкой, в своей кровати, в нашей с ним квартире. Я свободна от него, понимаешь? Он все обесценил - я имела полное право! И я этим правом воспользовалась.

Он тяжело опустился на скамейку, уставился перед собой, сцепив руки. Я села рядом, прислонилась щекой к его плечу. Он тяжело вздохнул.

- Я виноват, да? Сбил тебя тогда с панталыку.
- Не выдумывай. Я любила его и сама так считала, ты просто озвучил. А если бы это я… и он бросил меня, как некоторые бросают, к примеру, калек? Тогда все было правильно. Но и ты виноват – вы не научили нас прощать предательство. Не мешал бы ты ему сейчас, а то еще и назло тебе все делает.
- Там двое детей, и я всегда говорил, что добра не будет, – прогудел он и отвернулся понуро.
- С моей профессией ты смирился, потому что я из штанов выпрыгивала, делая из дома картинку. Чтобы доказать тебе и я

доказала. Ты увидел, что от моей работы…

- … польза и толк есть. А он от семьи к упырям ушел – к пьяницам и бандюкам.

- Ну, ты, как маленький, батя… он своих детей от них защищает. Почему не он, а кто-то другой должен? А что их так обозвали, так твой сын хуже от этого не стал. Тебе обидно за династию, я понимаю – академическая семья, история, которой можно гордиться, степени, награды, звания… Но мне нравится строить, а он чувствует себя нужным там. Внуки, может, займутся твоим делом.

- Э-э… нет – Боровичок уже домики рисует, - усмехнулся батя, - кто отцом будет? – прозвучал вопрос в лоб.

- Вообще еще не факт… Коля поспешил обрадовать. Давай позже поговорим, - занервничала я.

- Не помнишь, с кем спала?

- Я не спала, батя, это называется иначе. Я потом обязательно вас познакомлю.

«Во благо» я уже брехала легко, как собака под забором. Понятно, что любая ложь все равно потом вылезет боком, но сейчас иначе – никак.

- Не дави, пожалуйста, на Колю. Пускай решает сам.

- Делайте, что хотите. Вот свой появится, тогда и поймешь. Тяжко, Алена, когда кругом такое…, а еще и в твоей семье, - встал он и ушел в дом. Наверное, сразу в свою комнату, чтобы никого из нас сейчас не видеть.

Коля, который стоял у входной двери и ожидал окончания нашего разговора, посторонился, пропуская его, и неспешно подошел ко мне, присел рядом.

- Вот ты… - турнула я брата в плечо, - язык, что помело. И звать тебя – полицай.

- Пунктик у нас тут... Та он вообще уже… чтобы долгожданному внуку от дочки не порадоваться?

- Коля, я никому не говорила, только один батя и знал – Олег не может иметь детей.

Сегодняшний день был днем сюрпризов, откровений и неожиданных признаний. А мне еще предстояло рассказывать про Ваню. За бабаню я была спокойна – та просто интеллигентно промолчит, если что, а Колька обязательно психанет. Почему – пока не

знаю, просто знаю его – вначале взорвется, и только потом… возможно…

- Ого! – нервно подорвался он со скамьи и прошелся по дорожке, - понятно тогда, чего он взбесился. А чей тогда пацан?

- Об этом я и хотела рассказать вам с бабаней.

- А старикам, значит…?

- Ой, - поежилась я, - лучше пока не надо.

На речку мы не пошли – наша старушка, выпив рюмочку вина за праздничным столом, проспала до самого вечера. Беседовать в саду, когда в наступающей вечерней тишине разговор разносится особенно звучно, не хотелось. Не хотелось, чтобы услышали любопытные соседи, и чтобы родители подумали, что таимся от них, умолкая. Когда бабаня проснулась, я подхватила поднос с едой для нее, и мы с братом пошли к ней. Поднимались по светлым дубовым ступеням, удобным и эргономичным, вдыхали теплый дух деревянного дома.

- Коль, пора ее вниз селить. Понятно, раньше – чтобы двигалась, а сейчас когда вышла бы в сад сама, посидела…

- Ей только недавно так стало, и посевная была. Давай мы с тобой и займемся, старики никогда не соберутся.

- Ну что, Прасковья Гавриловна? Готова ужинать? Разговор есть, бабань, - поумерила я браваду под ее взглядом. Она напряженно щурилась под очками и дело было не в диоптриях. Пока еще она видела – размыто и нечетко, но видела.

- Да я так и поняла, - присела она на уже застеленной кровати.

Я рассказала… Как и ожидалось, Колька вскочил, забегал и пообещал с корнем оторвать яйца всем бессовестным мразям, а непроходимым дурам прочистить мозги ершиком… и еще много всякого. Мы терпеливо наблюдали, как, размахивая руками, он мечется по комнате с выражением бессильной муки на лице.

- Закатаю на зону или сам прикопаю в тенечке, – выдохшись, завершил он гневную тираду.

- И кого же это? – невинно поинтересовалась Прасковья Гавриловна.

- Бабаня, молчи! Ты не знаешь… все эти поисковики, ролевики, остолопы с деньгами и всякая мразь без краев… Народ понятие потерял – что можно, а за что убивать надо. Тебя развели, как… как…

- Коля, остынь, - поняла я, наконец, природу его злости, - все не так. Я вам только вкратце... а сейчас разъясняю подробно – там был настоящий танк, того еще времени – легкий Т-60.

- Я! Я в них ни … не разбираюсь! – взвился опять брат.

- Коля, да сядь ты уже! Просто сядь и выслушай. Я тоже не разбиралась. У Т-60 корпус особой формы – будто зализанный. Я пересмотрела кучу снимков и узнала его по этому, слитому назад корпусу… башня крохотная – выпуск сорок четвертого. Их использовали в разведке и как тягачи для пушек самого большого калибра. Ну, это не так важно… Ваня - это не розыгрыш, у него ожоги. Мы с ним… я в бане его мыла – он горел в танке и весь левый бок, предплечье у него в ожоговых шрамах – свежих, не таких давних. И след от сквозного пулевого ранения в грудь. Он самый настоящий, и Мария Львовна никого не обманывала, ни в каком розыгрыше не участвовала.

- И поисковики – хорошие люди, - поддержала меня бабаня, - на том месте, где поставили новое зернохранилище, раньше жила Прониха – вы ее не помните, наверное. Еще двадцать лет назад нашли где-то на Украине косточки ее жениха, она съездила за ними, привезла сюда и похоронила, а через месяц и сама рядом легла. Замужем не была, и никого у нее не было – так девкой и прожила. Не то, чтобы ждала всю жизнь…, давно стало ясно, что в живых его нет. Просто никого другого не хотела. Так что поисковиков не хай, - спокойно подытожила она.

- Так немыслимо же! - отвернулся брат к окну, подошел и стал возле него: - Что ты тогда хотела в Боковской? Взглянуть на его внуков, сходить на могилку жены, которая ждала его с войны?

- Коля… заткнись, а то я сейчас соберусь и уеду. У меня больше нет никого, кроме вас – но я и сама все выясню и узнаю. Даже если она ждала, то он не знал об этом, сказал – отреклась и я ему верю.

- Та…!

- Та да – голодный до секса мужик просто врет, как сивый мерин, чтоб ему дали. А я так вообще – шла просто выдоить его, прости меня, бабаня, за такую правду. Кто из нас виноватее? Ты мне сейчас батю напоминаешь, ну – один в один.

- А чего ты тогда за ним сейчас…?

- А это уже потом случилось, Коля, - не стала я объяснять. Не делиться же с ним самым сокровенным? Не понимает – и не нужно. Мужики, они вообще – толстокожие и твердолобые. А женщина меня поймет.

- Бабаня, у него руки черные от въевшегося мазута, а пучки на пальцах ороговели и потрескались - помороженные, когда они под обстрелом чинили сорванный трак. С зимы не заживало, и я думаю, что только из-за этой химии – мазута, и не пошло заражение. А может, он спиртом промывал. Им же там положены были фронтовые сто грамм? Или это сказки? Мне покоя нет… если это так, то спирт же еще сильнее сушит? Я должна была полечить… - спрятала я лицо в ладонях, передохнула, собралась и продолжила сдавленным голосом: - Мария Львовна мазь сделала из подорожника и медвежьего жира, с севера ей привезли, она ждала и готовилась, а я…

- А ты душу ему полечила, - не обращая внимания на тихий хмык Кольки, отозвалась бабаня. Я представляла себе его комментарии… А она поинтересовалась: - А дальше-то? Если это чистая правда? Ну, зацветет на тот год липа, а потом? Может, привезти туда женщину и подождать рядом?

- Это само собой. Я даже знаю – кого. Поговорю с Ольгой Беркутовой. Как женщина с женщиной, без участия мужиков все и провернем. Но это слишком просто – не верю я… Что-то еще…

- Дальше - игра угадайка, - подытожил брат.

- Я не знаю, Коля... она кричала – таких у тебя еще десяток будет. Он связь с той девицей отрицал, значит, по факту – посторонние просто бабы, максимум – влюбленные в него. Вот как я…

- Значит, для него ты…

- У меня вся надежда на то, что для него я не просто так, Коля. Не потому, что он говорил это, а как смотрел… как выводил потом из бани - как самое дорогое для себя вел – бережно, Коль… за плечи обнимал, к моему шагу подстраивался, дышали, казалось, в унисон... А ведь уже взял, что хотел. Ладно… допустим - я принимаю желаемое за действительность, все равно для меня важно вытащить его. Это - задача раз. Если получится, помочь с адаптацией – два…

- Батя вон до сих пор не адаптировался.

- И никогда не сможет, - подсказала бабаня.

- А ты думаешь, он сможет?! – вскинул брови брат, - если там - жизнь «за Родину, за Сталина», а тут Союз просраный! И лучший «немец года» – русский президент. Как ты его адаптируешь? Ты серьезно? Может, оставишь мужику его жизнь?

- Он там погибнет, его разорвет в танке…

- Миллионы гибли.

- Я их не любила.

- О, Господи…

Брат сел на кровать к бабане, погладил ее по руке, с жалостью глядя на меня, помолчал, потом заговорил:

- Прошлый год в области пропал мужик. Искали по-настоящему, потому что подталкивали ребят. Так вот… нарыли съемку с камеры видеонаблюдения где-то у магазина. Вечерняя съемка, не очень качественная из-за расстояния, но машина та самая и его опознали. Сразу бы нашли, но машину он не закрыл и ее…

- Не тяни кота, Колька, - поторопила я его.

- Та я ж объясняю! Он шагнул от машины и пропал, будто и не было – даже не растворился, а будто сменили кадр или удалили. Делали экспертизу – никакого подлога. Родным показали это дело.

- И что? – заинтересовалась бабаня. Это был совсем другой человек. Тогда ее вели к столу… она и мне-то слабо улыбалась.

- А что? – удивился брат, - а дальше экстрасенсы и бабки – я уверен. Куда еще? Может, и тебе туда же? Я узнал про эту лабуду от Кости, помнишь моего одноклассника? Они всем отделом сели пить по этому поводу и меня позвали. Сильно пить не стали, а стали искать… Так вот – таких съемок полно в свободном доступе, просто мы им не верим. Все считают, что это мистификация и подлог, – объяснял он не мне - я и так знала о фэйках.

- Человек мог появиться из ниоткуда, пройти какое-то расстояние и опять исчезнуть. Есть кадр, так там вообще… Бабаня, на многих машинах стоят камеры видеосъемки, называются видеорегистраторами. На нее и было снято: перекресток в городе, переключился светофор, движение на секунды замерло - один поток машин уже остановился, второй только начал движение. И тут из ниоткуда появляется неизвестной модели тачка, на бешеной скорости проносится по перекрестку и тут же исчезает в воздухе – секунда! Это я в копилку к тем твоим случаям, - кивнул он мне.

- Я хочу узнать о его семье и о нем, Коля. Вся надежда, что наша встреча что-то изменила в том проклятии, сбила настройку, что ли? Через год съезжу в Длинное на липу, а если тут и правда… - прижала я руки к животу.

- То будешь, как та Прониха, - с готовностью подсказал брат, - только еще хуже – растить безотцовщину, храня верность герою.

- Что касается безотцовщины…

- Ну, проехали… - поморщился он.

- О себе неприятно, да? А для меня вообще наизнанку, чтоб ты это понимал – и про героя тоже. И откуда я могу знать, что будет когда-то там? Может, и захочется большего.

- К Олегу вернешься? – уставился на меня брат.

- Нет... Да он и не ждет уже. Если будет ребенок, той ночи мне хватит на годы, а дальше… скорее всего, буду сильно осторожничать в отношениях.

- Силен… если на годы, – попытался он перевести разговор немного в другую плоскость – более легкую. И у него получилось, потому что я не обиделась – ни за себя, ни за Ваню. Приятно было уже то, что можно свободно говорить о нем.

- Не то, что ты имеешь в виду, - улыбнулась я, - Иван нормальный мужик, а не швейная машинка. Любил всю ночь, а не… Прости уж за подробности, бабаня.

- Да я тоже не в капусте нашла, - усмехнулась она.

- Ну, спасибо за доверие, сестра, постараюсь оправдать. Извини, если перегнул. Поздно уже, завтра на службу, - хмыкнув над словами бабани, поднялся брат с кровати, чмокнул ее в щеку и пообещал мне: - Постараюсь отпроситься. Сообщу - на когда.

И обернулся уже на пороге, улыбаясь немного растерянно: - Точно сегодня не засну.

Глава 31

- Дурное дело ты задумала, Алена. Откуда ты сразу любовь взяла, может, это просто похоть и жалость к нему…?

Ой, ну просто под копирку! Я развеселилась, мне было хорошо. Я могла говорить о нем, рассказывать, делиться мыслями и не только... жаль, не сообразила вовремя и брат уже ушел.

- Сейчас… погоди минуту.

Сбегала в свою комнату, достала из папки и показала ей портрет Ивана, сделанный реставраторшей. Она присматривалась молча, понимающе кивала. Я тоже засмотрелась, улыбаясь – хорош же, чертяка… до одури, до мурашек. Мой…

- Ты видишь, рассмотрела его? Ну вот… Не без похоти и жалости, само собой, в остальном убеждать не буду. Марию Львовну бы тебе в подруги, бабанечка. Ты просто - слово в слово. Дело дурное, конечно, безо всяких сомнений. Ум пока не отшибло, просто дайте мне время… сейчас иначе – никак. Что ты думаешь про Кольку? – перевела я разговор на брата.

- Перебесится со временем. Сейчас он и себя винит, что сразу пустился во все тяжкие.

- Это он тебе сказал?

- Он глаза прятал, уходил от всякого разговора. Да и угадать не сложно – пить не пил, в драку тогда не полез – дети за стенкой спали. Сразу из дому ушел… Должен был как-то сорваться, значит – это. Я сразу говорила – не наша она и Петром балована без меры. Но теперь что уж, если есть дети и он ее любит? Нужно было казачку брать, у нас в генах заложено быть сильными и надеяться только на себя, а мужнину заботу принимать, как подарок.

- Так себе гены, - не согласилась я, вспоминая, какой уступчивой, слабой и покорной была я в руках Вани.

- Когда-то годны были, теперь иначе, конечно. А раньше казаки уходили на службу или на войну и все было на женских плечах – дом, хозяйство, дети, а иногда и защита всего этого.

- Не надо нам такого. Давай о приятном? Хочешь, вдвоем сходим на речку, сейчас вода, как парное молоко?

- Проводи меня лучше в душевую, спинку потрешь, - проворчала она.

- Почему ты не соглашаешься на операцию? На глазах делают быстро, это не страшно и не больно, даже относительно не дорого.

- Не хочу, гарантий не дают никаких, - отрезала она.

- Собралась умирать? Брат говорил, что ты змей видишь.

Она скосила глаза на кровать рядом с собой, вздохнула.

- Видела, да. Я в своем уме, внука, все идет своим чередом, при этом без страданий и сильных болячек. Такое чувство, что все это закономерно, правильно и в свое время. Сейчас вот чувствую, что еще задержусь с вами, бестолковыми.

- Держись, интерес к жизни не потерян – значит, поживешь еще. Сделай нам такой подарок.

- Тебе подарок нужен, а не мне – скоро рождение твое.

- Я не люблю своих рождений, ты знаешь. Так что - тогда идем в душевую? Дома или на улицу?

- Кто же в доме летом моется…?

Коля зря напугал меня – у бабушки была светлая голова. Это мамина мама была самой настоящей сельской старушкой, и жили они с дедом на дальнем хуторе. Даже старая мазанка, приспособленная, правда, под хлев, осталась на усадьбе. Пахали всю жизнь, как волы, иссохли, согнулись от тяжелого сельского труда, умерли рано, слабея умом, но не желая покидать свой угол. И мировоззрение их всегда было приземленным, спокойным, без бунта и возмущения несправедливостью такой жизни. Я любила бывать у них – там все было уютно и тихо. Интересная штука воспоминания… иногда, когда степными бурями обрывало провода, в доме пахло керосинкой, из сундука – нафталином.

Наша Прасковья Гавриловна была совсем другим человеком – образованным и обладающим научной степенью в области растениеводства.

Еще дед все стены в своем кабинете завесил портретами ученых-семеноводов. И не только ученых, а и тех сотрудников, что умерли от голода в блокадном Ленинграде, продолжая сохранять семенной фонд страны в ВИРе – всесоюзном институте растениеводства, который располагался на Исаакиевской площади. Тринадцать человек, умерших от голода рядом с коробками с едой и не

тронувших ни зернышка из них. Поддерживали температурный режим, гоняли крыс, которые наловчились спихивать коробки с семенами с полок. Эти коробки скрепляли между собой, чтобы умным тварям оказалось не под силу спихнуть их – мы с братом выросли на этих историях, похожих на легенды о героях древности. Тема войны будто преследовала меня с самого детства, мы с Колей знали обо всех значимых событиях, происходивших тогда с нашими родными. Знали и то, что земли ВИРа в наше время чуть не отдали под жилищную застройку, и их отвоевали с большим трудом. А в самом хранилище даже самого простого ремонта не делалось с 1974 года.

Для старших членов нашей семьи эти вопросы были больными – ее история была тесно связана с институтом на Исаакиевской. Мой прадед работал с Вавиловым, имел высокую ученую степень, но по возрасту был призван на фронт еще в самом начале войны, может и выжил благодаря этому. Когда освободили Дон, его отозвали с настоящего фронта и бросили на трудовой. Тогда понимали, что будут нужны семена для посева, а многие семеноводческие станции были утрачены, разрушены. Хутор на берегу Дона со всеми землями, принадлежавшими тамошнему колхозу, и выделили для новой опытной станции, руководить которой стал прадед.

Он, дед, батя, их жены – все они имели соответствующее образование и принимали участие в этой работе – нудной, кропотливой, заниматься которой могли только люди увлеченные и заинтересованные, болезненно заинтересованные с учетом нынешних реалий. Мы с братом такими не стали. Все эти разговоры об опытных делянках, типовых колосьях, обсуждения и споры о преимуществах ручного отбора перед механическим так достали в свое время…

Мы с Колькой дружно взбунтовались, когда пришло время выбирать профессию и для родителей, особенно для бати, это стало настоящим ударом. Мы не рассорились до разрыва, не перестали общаться, но что-то в нем надломилось, а мы уже не могли ничего с этим поделать – ломать и себя под его ожидания не было никакого желания. Мою профессию он еще кое-как принял, когда я продемонстрировала ее возможности, перестроив почти полностью отчий дом, а Колину не одобрял.

Дальше стало трудно, а сейчас – почти непреодолимо для бати и дело было не в деньгах. Он оставался руководителем

семеноводческого кооператива, который так и назвали «Опытная семеноводческая станция», но все больше действовал по инерции. Бабаня была не права – он адаптировался. По-своему, но сделал это, работая исключительно на производство - твердо и жестко, умеючи и знаючи, но почти устранившись от контактов с... официальными лицами разного плана, поручив эти вопросы своему помощнику по юридическим вопросам – отцу Насти. Я точно не знала причин, но подозревала их – нам с Ирой тоже приходилось откупаться, только чтобы не мешали работать.

После смерти жены Петр Яковлевич сам вырастил дочку с самого ее рождения. Спокойный мужчина в очках – на работе грамотный юрист, а дома немного суетливый и добрый отец. Настя выходила замуж, совершенно не умея готовить – он все успевал сам, балуя и жалея ее, растущую без матери.

Нашего батю окружали замечательные люди, ему то ли везло с ними, то ли все-таки Бог был и все видел. И станция продолжала существовать, постепенно перепрофилировавшись на твердые сорта пшеницы, кукурузу и горошек. Он и нас хотел видеть продолжателями семейного дела. Я понимала его, сочувствовала и сопереживала, а помочь не могла ничем – никто не мог. Если бы он смог смириться с нашим выбором, не обращать внимания на сложные современные реалии, как-то легче относиться к несправедливостям и сложностям, которых не избежать… Но это – если бы. А тут еще мы с Колькой со своими семейными проблемами и это уже, наверное, был перебор для него. Да еще и Боровичок домики рисует – ну, как есть трагедия. Батю было не переделать, да я и не хотела его другим.

Помывшись в душе, мы с бабаней разошлись спать. Она - в своей комнате, а я той, которая находилась через стенку. Я любила этот дом – буковые полы, светлые стены из узорчатых ясеневых досок, покрытых полупрозрачной белой пропиткой. Такими же будут обшиты стены в доме Беркутовых. Я конечно, советовалась с родными, но в основном сама выбирала легкие светлые шторы, покрывала изо льна с лавсаном. Светлый простор комнат, ненавязчивые оттенки в отделке и оформлении текстилем – у каждой комнаты был свой цвет. Запахи дерева от досок, новых тканей… они постепенно уходили, но остались в памяти, как праздник новоселья, радость от хорошо проделанной работы. Сейчас в комнатах пахло их

хозяевами и, по сезону тем, что доносилось из окон – цветущим садом, осенней прелью, морозным холодком…

Я жила бы здесь с радостью – возле своих. Строила бы дома, ходила на рыбалки – ночные и в палящий зной, когда рыба прячется в глубоких омутах. Помогала бы маме на кухне - удобной, с современной начинкой и стенами из колотого камня и медной посудой на них – делала под мамин вкус и любимый Иркин «прованс».

Но там моя работа - выстраданная, поднята нами с Ирой с нуля, на деньги ее и наши с Олегом. Он отложил свою мечту о новой машине, готов был на все, только чтобы я не пахала на чужого дядю на стройках, сопровождая проекты. Олег… как же жаль... но уже только жаль. Брат правильно уловил даже не мысли, а намек на них – ощущение брезгливости и ненависти к мужу прошло. Я какое-то время даже пыталась понять его, найти свою вину в том, что случилось. И, наверное, где-то эта вина была, заложенная в самой моей природе, потому что меняться под него и для него я никогда даже не пыталась, скорее – это делал он. А я и дальше хочу продолжать жить так же – со своими понятиями о комфорте и любимых увлечениях, буду продолжать пить под настроение сухое красное вино и слушать фоновую музыку, любить рыбацкие рассветы и городские закаты.

Но понимание, что мои мечты могут и не сбыться, а сыну нужен будет отец, было. И слова Олега о том, что он хочет ребенка, не забылись. Может, когда быт, сложности одинокого материнства и проблемы, природы которых я сейчас даже представляла, и привели бы меня когда-нибудь к тому, чтобы пойти на мировую...? Но эта внутренняя отстраненность, спокойное сочувствие к нему, отсутствие ревности и злости… разве что обида еще осталась… Похоже, я совсем разлюбила его – иначе не просчитывала бы сейчас так расчетливо выгоду даже не для себя, а для ребенка. А до этого - неосознанно, просто краем мысли… имея его в виду на будущее. Коля напомнил, я задумалась – и вот… это нужно было осмыслить, понять себя. Но Олег дал задний ход и это к лучшему. Он хотел бы возвращения в те наши дни, мечтал, очевидно, именно об этом – вернуть все, как было, а такому уже не быть.

А мне нужно искать пути и способы вытащить Ивана. Не получится – я выживу, конечно, но перед этим сделаю все возможное и

невозможное. Экстрасенсы? Это вряд ли. Эти ребята прожженные циники и рассказывать им о Ване я не стану. А вот какая-нибудь бабка… почему нет?

А пока – станица Баковская. Я просто обязана узнать как можно больше об отце своего ребенка. Затошнило бы уже с утра, что ли…? Эх!

Ближе к полуночи прозвучал звонок – Ира. Что там могло случиться – с беспокойством думала я, отвечая полусонным нервным «алло».

- Ты вообще собиралась позвонить и сказать, что нормально доехала? - поинтересовалась она. А я растерялась.

- Замоталась… семейные проблемы. Я нормально доехала, Ира. У тебя как? – не то, чтобы стыдно, но неловко я себя почувствовала точно.

- Определилась - возьму пару недель в августе. Перед школой съездим с Анжиком к морю. Справишься?

- Да. А ты уже моя с потрохами, знаешь об этом? Мы с Олегом договорились, что он подаст на развод, и он согласен, Ир.

- Дурочка… Если бы он так не сказал, то ты подала бы сама, а так он еще потянет с этим. Я и сама уже думаю – зачем? Все на таких нервах…

- Это он тебе сказал?

- Нет, я больше не говорила с ним. А что тут…? Это же элементарно, я и сама на его месте сделала бы так же.

- Сказал, что устал… Ира, я задержусь здесь еще на пару дней, ладно?

- Ладно, здесь все нормально, не переживай, в Длинном работают, остальное заканчивают… Устал, конечно… неопределенность изматывает больше всего. Для мужиков это вообще смерти подобно. Ладно, давай… спокойной ночи. Я соскучилась.

- Да, Ир, я тоже.

Я положила телефон на небольшой прикроватный столик, укуталась уютнее в простыню и… в дверь стукнули и вошла мама.

- Услышала, что не спишь. Отец рассказал, Аленка… Ты можешь говорить об этом, тебе нужно поговорить? – присела она на край кровати.

- Я уже почти спокойна, мам. Быстро очень отболело, просто с космической скоростью. Не переживай.

- Дальше что будешь делать? Он отпускает тебя с ребенком?

- Да, мам! А кто его спрашивает? Дальше буду работать, а еще дальше пока не загадываю.

- Алена… поговори с Колей… - мяла она в кулаке край моей простыни.

- Не хочу лезть туда и тебе не советую. Я чуть не рассорилась с Иркой - она сунулась мирить меня с Олегом. Коля просто перестанет бывать у вас.

- Да он и так…

- Вот видишь? Бабаня говорит – он сам одумается.

- Что у вас троих за секреты опять? – улыбалась мама, - нам с отцом ждать хорошего или плохого?

- Хорошего. Бабаня раздумала помирать, а остальное расскажу потом, не хочу раньше времени.

Дальше мы говорили еще о многом и долго – она ушла во втором часу ночи. А я уснула очень быстро, и опять мне не приснился Ваня – не снился ни разу. Нужно заламинировать тот его портрет – затаскаю и засмотрю до дыр…

Глава 32

Мы с братом возвращались из Баковской. Настроение было – так себе. Страшного ничего не случилось, просто поездка не оправдала мои ожидания. Ни в поселковом музее, ни в школьном архиве, созданном в прошлом пионерами – учениками местной школы, сведений о герое войны Дружанине Иване не нашлось. Жителей с такой фамилией в станице не числилось. Мы даже сходили в отделение полиции. Вот там все и выяснилось, стоило местному участковому задать мне правильные вопросы. Ведь Мария Львовна говорила, что Иван жил со своей семьей в другом месте, а сюда был назначен начальником мех. колонны, которую позже стали называться МТС.

- Во время оккупации здание МТС использовалось немцами, как лагерь для пленных. Вся техника была уничтожена ими при отступлении – тракторы, машины… - рассказывал пожилой капитан. - А зачем уничтожать машины? – не поняла я.

- Ну, вы же понимаете, что у них не было возможности ремонтировать нашу технику из-за отсутствия запчастей? Все документы по кадрам и производству тоже были уничтожены, скорее всего, еще когда наши отступали. Так что сказать, работал ли этот Дружанин в здешней МТС, никто не сможет. Но в главном архиве ВС должны быть копии наградных приказов, а у него обязательно должны были быть награды. А еще – копия приказа о зачислении его в списки пропавших без вести и там должно было быть указано – уроженцем какого населенного пункта он является. Сделайте запрос, так и узнаете место проживания его семьи.

Совет был разумным. Переночевав в небольшой гостинице, наутро мы выехали домой. Выспавшийся и отдохнувший брат вел машину, попутно стараясь выяснить у меня то что, возможно, еще упустил:

- Он сказал тебе, что сам из Баковской?

- Ну, так он и был из нее – призван оттуда, учился там на офицера, работал… Баба Маня узнала у него больше чем я, мы с ним почти не разговаривали… - пробежали прохладные мурашки по моей

коже. Повела плечами, стряхивая сладкое наваждение и незаметно улыбнулась, пряча глаза.

- Та это как раз понятно, - весело взглянул Коля на меня, - ты не расстраивайся, я сам сделаю запрос – через нас будет быстрее. И сам потом съезжу туда и все узнаю.

- Ты настроен против этой моей затеи, Коля, - грустно напомнила я.

- Хочешь сказать - не доверяешь? – обиделся он.

- Не выдумывай. Но боюсь, что ты не сильно будешь стараться.

- Сделаю все, что смогу, - отрезал он, - больше того, сейчас кину тебе идею. В твоем адеквате я не сомневаюсь, но в успех этой затеи я, действительно – не верю. Только если вдруг… Есть специалисты-психологи, которые вытягивали ребят после Афгана, Чечни, да и после Сирии уже тоже. Желательно, если это все же случится, и когда он осознает факт… своего попадания, чтобы рядом оказался такой человек. Верю, что мужик - боец, фронтовик и все такое. Но, окажись я на его месте… не отказался бы, честно.

- Да, наверное… Да что я говорю?! Это очень правильно, Коля, - согласилась я и задумалась над тем, что может ощутить Иван в этом случае – когда поверит и осознает? Страх? Нет, не то - Ваня не испугается. Я – да, если и не обделалась бы со страху, то точно - разревелась бы, уцепилась за него, как за якорь и, ощутив родное тепло и поддержку, сразу успокоилась. А что может почувствовать он? Сильный мужчина, который привык принимать волевые решения, молниеносно ориентироваться в обстановке и правильно реагировать на ее быстрое изменение? Наверное, все же - растерянность, неверие, непонимание, сожаление? И уж сто процентов – не радость, даже если будет помнить меня. Да, брат прав - скорее всего, ничего хорошего. А может, даже бессильный гнев оттого, что не может вернуться – там его ждали люди и наступление. Тут баба Маня права – это будет выглядеть, как дезертирство. Или нет? А что думает об этом настоящий мужик и мой брат по совместительству?

- Поэтому я и говорил тебе – оставь ему его жизнь. Когда он узнает, что это – твоих рук дело… Теплых чувств с его стороны я не гарантирую. Понимаешь, сестра… даже такая баба, как ты – она просто баба. Есть вещи важнее вас, ты уж прости за правду. А ты даже не семья ему, что бы там ни надумала себе. Только знаешь что? –

взглянул он на меня в упор, оторвавшись взглядом от дороги, - Даже если бы там ждала не ты, а его дети, он все равно вернулся бы в свой батальон, иначе… есть такое дело, как совесть – она заела бы. Я не говорю, что он обманывал тебя, обещая вернуться. Только зачем вернуться, Алена? Опять на ночку, чтобы…

- Он говорил не о ночи, а о жизни, - нахохлилась я.

- Слова это просто слова... Но я и тут допускаю и даже верю, что он говорил правду. Что вернется к тебе после войны с победой, а не дезертировав и оставив своих товарищей там… он же командир? А перед наступлением подразделению лишиться командования… Есть, конечно, замы…

- Все, Коля, - пробормотала я, - дальше помолчи. Я буду думать.

Он погладил меня по руке и дальше мы долго ехали молча. Я рассматривала окрестности. Срезая путь, брат поехал не по трассе, а дорогами местного значения. Населенные пункты, которые мы проезжали, выглядели не очень… Бедность, часто и просто запустение – чем дальше от городов и «области», как звали областной центр местные жители, тем более убого смотрелась глубинка. Опытная станция процветала на этом фоне, у нас жили неплохо, даже зажиточно.

Все эти наблюдения не добавляли радости. И не совесть, о которой говорил брат, ощутимо скреблась внутри, а страх, что Ваня возненавидит меня, узнав, что причина во мне. Кто их знает – этих мужиков? Если Коля считает, что это не просто возможно, а и будет… Смысл ему врать мне?

- Коля, я не отступлюсь. В том плане, что не оставлю все на самотек. Но к бабкам уже, кажется, не пойду и…

- Ты все-таки собиралась к бабкам? – усмехнулся брат.

- Все способы… я собиралась использовать все способы и возможности, но сейчас… ты тоже пойми - все продолжается уже много лет и начала это не я. Будет продолжаться и дальше, независимо от моего желания – до десятой, но я проконтролирую… процесс. Только лишь. Я буду там, когда десятая появится в доме бабы Мани. И когда зацветет липа – тоже. Больше ничего такого… Но когда увижу его – обязательно расскажу, что сейчас на дворе не сорок…

- Та нельзя же, ну как ты не поймешь?! – резко припарковал брат машину к обочине и развернулся всем телом ко мне: - Он не останется

добровольно, понимаешь ты это? А если все-таки останется… спасти свою шкуру, то не советую даже знать его.

- Замкнутый круг какой-то… дурак. Ты загнал меня в угол, - прошептала я, чувствуя, что вот оно… сейчас…

- Я загнал? И перестань сырость разводить, - неловко отвернулся он, - отпусти все на самотек – совсем.

- Ага… сейчас. Ладно, Коль, поехали уже,- вытерла я глаза, - наверное, отмечу с вами свое рождение и послезавтра – домой. А я рассчитывала на эту поездку, - пожаловалась все же.

- Я все сделаю, как обещал. Знать о нем – твое право… и ребенка.

- Через два дня… я буду знать о ребенке только через два дня. И не знаю, что делать, если…

- Ну вот, - обнял он меня, - ты снова ревешь, а на тебя это вообще не похоже, так что он - есть.

- Коль, - прошептала я ему в плечо, - мама просила поговорить с тобой про Настю.

- А? Не, бесполезно, - прижал он меня еще сильнее к себе, не давая отстраниться. Не хотел, чтобы я видела выражение его лица? Твердая мужская грудь под моей щекой дернулась – он глубоко вдохнул и продолжил:

- Еще были ее слова, Алена. Поцелуй я, может, и простил бы… потом. Только не пытай меня, пожалуйста, ладно? - нервно хохотнул он и отпустил меня. Смотрел и улыбался уже спокойно, или удачно делал видимость.

- Нужно ехать. Расскажи про свою работу, что вы сейчас строите?

А я рассказала про предложение Беркутова и еще про Ромку. Подъезжая к дому, он серьезно посоветовал:

- Я бы поставил на соседа. Про борозду и коня ты знаешь, ну, а малец…

- Иди ты! А то, и правда сейчас заведу про строительство.

В дом мы вошли, посмеиваясь.

На следующий день родня отмечала мой День рождения. Столы опять накрыли под грушей, и народу собралось вдвое больше, чем прошлый раз. Дети играли на лужайке у качели, за ними по очереди присматривал кто-то из взрослых. Я поговорила с

племянницей, отдала ей свои косынку, шарфик и пообещала себе, что без настоящих подарков для детей приеду, только если вдруг землетрясение… Потискав маленького Саньку, вернулась к гостям и заметила незнакомого молодого человека, который зашел в калитку. В руках у него был большой букет розовых пионов в простом глиняном кувшине – огромных, пушистых и ароматных, таких, как я люблю – я издалека узнала этот сорт.

- Курьер, - представился он, улыбаясь: - Позвольте вручить вам этот букет с поздравлением и самыми лучшими пожеланиями. Внутри записка.

Он уже ушел, а меня засыпали шутливыми вопросами. Я загадочно поулыбалась и отпросилась занести цветы в дом – в прохладу. От кого они, было ясно. И что курьер добирался аж из «области» - тоже. Беркутов не знал ни даты моего рождения, ни этого адреса, ни любимых моих цветов на это время года. Роман в силу возраста (судя по хотелкам) просто еще не умел так вот…, а что написали в записке со слов Олега, хотелось узнать. Прочитала... там было всего одно слово – " люблю". Еще недавно я расплакалась бы и расстроилась, а из-за того, что все-таки нечаянно растрогалась, стала бы злиться и вызывать воспоминания о его кроличьей заднице. Но, то ли время сейчас шло семимильными шагами, а я, соответственно, становилась все взрослее и мудрее, то ли наоборот – вариантов было масса… но я оставила кувшин на кухонном столе и позвонила ему.

- Олег? Спасибо за цветы. Получилось прямо к столу, гости оценили.

- С Днем рождения, Аля. А ты оценила? – раздался родной когда-то голос на том конце связи, - улыбаешься?

- Да, очень красиво. Ты выздоровел, голова больше не болит?

- Спасибо… мне приятно твое беспокойство. Все нормально.

- Я приеду через два дня. Вместе сходим в ЗАГС. Ты же не подал заявление?

- Вообще не телефонный разговор и не в твой День рождения, - улыбался он там, - я не дам тебе развод, Аля. Добровольно – не дам. Все в записке. До встречи.

Спокойно пожав плечами, я вышла в сад. Веселье там было в самом разгаре, меня звали к столу, говорили между собой, смеялись.

Дядя по папиной линии доказывал кому-то громко и настойчиво: - Здоровый, как бык, просто бык… бык…

Над ним беззлобно посмеивались. Обычный треп за столом, когда люди подвыпили и уже немного забыли, по какому поводу собрались. Поздравления ото всех я уже приняла, как и подарки и ничего не имела против, чтобы обо мне на время забыли. Просто видеть всех, сидеть среди своих было хорошо и спокойно. Присев возле бабани, улыбнулась маме и бате, подмигнула брату и отметила его улыбку мне в ответ – отстраненно напряженную. Быстро оглядевшись, увидела Настю, которая приглядывала за детьми – узнала ее по рыжей шевелюре, мелькающей за кустами смородины. Из-за забора, с улицы громко позвали:

- Соловьев!

Коля подошел ко мне, наклонился и чмокнул в щеку, обдав легким запахом спиртного.

- Мне пора, гуляйте тут… Цветы от Олега? Аж в «области» заказал? Дороговато же ему стало… Что там в записке?

- А что сказала Настя?

- Э-э-э… - погрозил он мне пальцем, и выпрямился: - Если бы она не сказала… Меня ребята подвезут, не переживайте тут. А ты? – внимательно вглядывался он в мои глаза.

- А я? Если бы я тогда не видела…

- Прорвемся… ладно…

Не будет дела – обреченно думала я, провожая его взглядом, пока он не скрылся за забором и там не зашумел мотор машины. Он становится больным рядом с ней…, не сможет простить. Бабаня не угадала и любви, которая еще осталась у него, наверное, мало для этого. Что же такого страшного могла сказать Настя и кому?

А еще через день я сидела в поезде и смотрела в окно, на пробегающие мимо пейзажи. Было хорошо и можно сказать, благостно – месячные не пришли по расписанию. Могли, конечно, сказаться перемена климата и стресс, но не со мной, не в этом случае и не в этот раз.

Глава 33

В два часа дня я выходила из поезда. Тяжеловатые сумки со своими вещами и гостинцами для Иры и Анжика поставила на перрон и с удовольствием огляделась вокруг. Соскучилась, что ли? Или просто настроение такое, что танцевать хочется? Или пойти вот так, высоко и гордо задрав подбородок. От бедра и с этими сумками... убрать улыбку с лица не получалось.

Поблагодарила проводницу и, поправив на щиколотке штанину очередного комбинезона, взялась за ручки сумок, собираясь продолжить путь до Иркиной квартиры. Но их аккуратно перехватили у меня…

- Олег? Как ты узнал, что я здесь? – удивилась я, увидев рядом с собой мужа.

- Вычислил, Аленыш. Ты не отвечала, и я позвонил Николаю. Он крепко выразился, - улыбался Олег, - надо сказать, я всегда считал, что такие слова – строгое табу в вашей семье, а потом он сказал, что ты уже уехала от них, еще вчера. Я встречаю всего третий поезд.

Меня взбесило все! Прямо с разгону. Какое право он имел называть меня так, как в наши лучшие годы? Критиковать Кольку? Да даже просто отмечать вот так, со смешком – что и как тот говорил? Чисто выбритый, в светлых брюках и знакомой тенниске, Олег лучился радостной улыбкой, и это было абсолютно, в корне неправильно. И почему я должна соблюдать какие-то условности, правила поведения, если в этот самый момент нестерпимо хочется, если не повторить…, то наорать на него - точно?

- Бесишь! Такого плана неожиданности не могут быть приятными, ты должен понимать это. Если тебе нужно решить какие-то вопросы со мной, о таком лучше предупреждать.

Он стоял, смотрел на меня и больше не улыбался, но лучше от этого мне не стало. И это гадкое и неправильное чувство вины… он был виноват и в нем! Вот зачем он притащился сюда?

- То, что я поблагодарила за букет, не дает тебе право искать со мной встреч. Я ничего не забыла и не понимаю – зачем ты унижаешься, Олег? Теперь будешь бегать за мной, лебезить,

задаривать, в глаза заглядывать, как комнатная собачка? Мы - чужие друг другу люди.

- Ты можешь говорить сейчас что угодно. Просто слышать твой голос для меня счастье, поверь, - слегка отвернулся он, а когда посмотрел на меня, то уже снова улыбался: - Не выдержал, не усидел - очень сильно соскучился. Давно не видел тебя. И ты позвонила сама…, и не выбросила мой букет.

- Так я не могу и не хочу лаять на тебя поминутно и кидаться, как собака. Хотелось, чтобы все спокойно и цивилизованно. Страсти схлынули, выплеснулись… еще тогда. Давай теперь тихо и мирно? Сделай мне еще и такой подарок, очень тебя прошу.

- Обговорим это, - кивнул он мне и пошел вперед с моими сумками. Мы пробирались сквозь толпу на привокзальной площади, обходили группы людей… я спешила за ним, боясь потерять в толпе, смотрела в его спину и понимала, что в просто "обговорим" не верю. Тогда он очень убедительно говорил, что устроит развод сам, даже обещал - дистанционно. И не то, чтобы я обрадовалась такому - нет, но вместе со странной обидой почувствовала еще и облегчение. Все-таки самой заниматься этим не хотелось, хотелось вообще обо всем забыть, и о нем тоже, по возможности. Так чего мне ждать сейчас?

- Олег, - потянула я его за рукав, - а куда мы идем?

- К машине, конечно, - удивленно оглянулся он, - нужно посидеть и поговорить в тихом спокойном месте. Не здесь же? И я хочу поесть, уже время обеда. Потом отвезу тебя, куда скажешь.

Место, где можно тихо посидеть, оказалось рестораном. Днем основной зал заведения, где мы с ним раньше любили бывать, действительно был почти пуст. Мы сделали заказ – вначале он, и я тоже скромничать не стала. Официант ушел, а я сложила руки на груди и взглянула на мужа в упор.

- Ты обманул меня прошлый раз – даже не собирался ничего делать. Врал с упоением, даже имитировал голосом усталость и раздражение – виртуозно, надо сказать.

Ответом был ласковый взгляд и его слова:

- Неприятности на работе, Аль, я ничего не имитировал. Злился на все и всех, и готов был сделать, как обещал. Еще и голова болела. Я просто сорвался на тебя, прости.

- Сорвись еще раз и все-таки сделай, - попросила я.

- Ты тоже врала, - улыбался он, обнимая меня взглядом: - Согласилась со мной, сказала, что не будешь спешить с разводом. А сама…

- Почему ты все время улыбаешься?

- Я объяснил тебе. Давай пока не будем разводиться, Аль, просто отложим на время. Пожалуйста. Еще пара дней и мне некогда будет в небо взглянуть, ты же помнишь, как это бывает. Буду забывать кушать, почти перестану спать, стану срываться с сигаретами, когда проявятся нестыковки и станет совсем хреново - все, как всегда. Только теперь еще и дома пусто и нет еды. Все нужное не глажено и… мертвая тишина, как в склепе.

Официант принес наш заказ, и я взяла в руки приборы… отложила их. Тихо спросила:

- Почему ты никогда не говорил, что тебе тошно от наших вечеров с закатами? Что тебе не нравится все это – они, вино, музыка?

- Кто тебе сказал такое? – деловым голосом уточнил он.

- Ирка. Ты смотрел на нее тогда, будто извиняясь за все это. Потерпи, мол, как я все это терплю… годами.

- Не помню такого - за что и когда я мог извиняться? – он выглядел растерянным. И будто бы даже не притворялся.

- Она у нас в гостях... я пошла включить «Энигму», - нехотя уточнила я. Зря все это, получалось – кинулась выяснять отношения.

- Не знаю, Аля, - потер он рукой висок, - может, не был уверен – слушает ли она ту же музыку, что и мы? Я не помню. За каждый из тех вечеров я сейчас готов отдать день жизни, только бы они повторились.

Я покачала головой и принялась за еду, Олег – тоже. Кушали молча. Когда на столе остались только стаканы с минералкой, он опять заулыбался.

- Что опять? – недовольно спросила я.

- Ничего. Привычка – страшная сила, - покрутил он стакан в руке, - выждем положенное время?

Мы никогда не запивали еду сразу – выжидали минут десять-пятнадцать, а лучше – полчаса. Так делали в его семье, прижилось как-то и у нас.

- Как родители? – вежливо поинтересовалась я.

- Откуда я знаю? – поднял он брови, - все, как всегда – они сами по себе, я ни на что не претендую.

- Ты не сказал им о нас?

- Не думаю, что им это интересно. С родителями мне не повезло – это факт. Очень не хватает твоих, кстати. Я бы с радостью съездил с тобой туда, - его голос стал печальным, как и выражение лица. Короткие волосы уже почти прикрыли следы полученной травмы. Ему шла даже такая простая стрижка.

- Ты все время давишь на жалость, - отметила я, - встреча задумана только для этого? Показать,как тебе плохо и какой ти несчастный?

- Ну… а ты хоть чуточку пожалела меня? – прятал он улыбку.

- Мне нравится, как мы сейчас общаемся – спокойно, ровно, цивилизованно. Друзьями мы с тобой не будем, но уже хочется верить, что и врагами – тоже. Давай на этой ровной ноте и закончим сегодня? – пригубила я стакан с минералкой, не желая затягивать разговор. Содовая… минералка была не кислая, а щелочная. Вкус пищевой соды тошнотно прошелся по небу, камнем упал на корень языка, заставив желудок мучительно дернуться, а горло - сжаться в судорожном спазме. И я как-то очень четко поняла, что никуда добежать не успею - съеденный только что обед толчками поднимался по пищеводу. Наверное, мое лицо побагровело, я непроизвольно вздрагивала и давилась, в ужасе глядя на Олега – опозорю и его заодно, но нет…

Он быстро вскочил, сдернул со столика скатерть, сразу сложив ее вдвое, и подсунул к моему лицу. И меня с огромным облегчением вывернуло туда, как в пакет. Спазмы прекратились довольно быстро. Краем скатерти Олег вытер мой рот, собрал ее концы в кулак и спокойно предложил мне:

- Пойдем, умоешься и прополощешь рот. Пожалуйста, принесите нам… мятный чай и лимон с сахаром, - попросил он официанта, - я оставлю скатерть в мужском туалете, - договаривал он уже на ходу.

Я прополоскала рот и долго плескала в лицо холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало – белки глаз вокруг золотисто-карей радужки покраснели, под нижними веками нарисовались небольшие отеки, волосы надо лбом торчали – выбились из улитки, в которую были затянуты перед этим. Это была самая простая и любимая мною

прическа, удобная и доступная, а для волнистых волос средней длины просто идеальная. Расческа осталась в сумочке… ну и ладно. Я еще раз вымыла руки с мылом и кое-как пригладила волосы.

Почему он не спросил – что со мной? Почему не высказал претензий к готовке, а чай заказал вполне себе доброжелательным тоном? Это же первое, что должно прийти в голову – подали некачественную еду. А он промолчал… Из туалета выходить не хотелось. И не то, чтобы я запаниковала… но придется говорить об этом. А у меня нет ни сил, ни желания изворачиваться, врать, делать вид… А говорить все равно придется. Черт! Именно сейчас я этого разговора не хотела, абсолютно не была готова к нему. Думала – только после совещания с Иркой, пускай она и не по семейному праву. Но у нее есть знакомые еще со времен учебы.

Зачем я вообще поехала с ним? Взял с наскоку – тепленькой. Как-то неожиданно для меня все случилось. Неужели Колька сдал, легально переметнувшись на сторону врага? Потому что был против военной эпопеи? Нет, скорее - проговорился он в сердцах. Выматерил зятя и дальше тоже на эмоциях. Он и сам на нервах, а Олег для него вообще, как красная тряпка для быка. Нет, Коля не мог.

- Аленыш, ты уже в порядке? – послышалось от двери. Олег свободно вошел прямо в женский туалет и стал рядом со мной перед зеркалом. У него, как и у меня, волосы надо лбом были влажными, и так же покраснели белки глаз. Я внутренне сжалась, насторожено глядя в зеркало.

Он отвел взгляд в сторону, тронул меня за спину, разворачивая к выходу. Осторожно заправил за ухо выбившуюся прядку волос и тихо напомнил:

- Там, наверное, уже принесли чай с мятой? Травонули чем-то, сволочи… мне тоже не по себе. Пошли?

- Ага, - с облегчением выдохнула я и благодарно улыбнулась ему. Нечаянно и жалко, наверное, получилось. А дальше – вообще… Мы говорили, конечно, но на отвлеченные темы. Господи! Да мы даже погоду на Дону обсудили – осторожно, неловко, отводя взгляды… будто по минному полю шли. Встать и уйти, резко оборвав разговор, было уже просто невозможно. Не давало странное чувство благодарности за это его молчание. Потому что, судя по всему, он

сделал свои выводы, а я понимала это и знала, что они правильные. Но он не стал уточнять…

- Мне пора, Олег, спасибо… за чай, - это было невыносимо, я все-таки подхватилась из-за стола, почти с мольбой глядя на него. Ну не вырывать же у него из рук свои сумки?

Звонок прозвучал неожиданно и так вовремя…

- Сестра! Слухай сюда - мы тут шаримся с мужиками (про Ивана никому не сказал – не переживай), так вот… в семидесятые на Кольском полуострове проводились ядерные взрывы, ты в курсе?

- Было бы странно, Коля, знай я еще и это. Я слышала – на Новой Земле?

- Там проводились плановые испытания. А на Кольском прикрылись тем, что вскрывали месторождение апатитов. Но добычу так и не начали, да оно было бы и странно – в условиях повышенного фона, так? – увлеченно делился брат своими изысканиями, а я так любила его сейчас! Любила всей душой.

- Так вот: в семидесятых там пропадали целые туристические группы – многочисленные, надо сказать, а позже - даже с милицейским сопровождением. Прикинь? Хотя это не Эльбрус и не таежная чащоба. Правда, весь Кольский изрыт природными и рукотворными катакомбами, там просто какой-то муравейник. Но те группы шли не в пещеры. Да…. а в сорок втором там пропала целая дивизия. Ранняя весна, март… идиоты одели народ в весеннее обмундирование и отправили на место дислокации маршевым порядком. Нашли потом тела, но только единицы, если сопоставить…

- Коленька, а к нам это…?

- Власти знали причину пропаж. Решение об атомных взрывах принимал центр. Что-то или кого-то, а, может, само место просто снесли с лица земли. Исчезновения людей прекратились.

- Кто-то потом… вернулся?

- Если и вернулись, то у КГБ с этим было строго… Как ты доехала?

- Коля, так ты позвонил спросить – как я добралась? – расхохоталась я.

- Та нормальный себе повод, - улыбался он там, - переживаю за тебя, теперь буду часто звонить.

- Спасибо, брат, все нормально, сейчас еду к Ире.

- Привет ей… передавай.

Я подняла смеющийся взгляд на Олега и неловко засобиралась, отвернувшись и закидывая на плечо сумочку. Не помню, чтобы он когда-то раньше так смотрел на меня… Нужно исключить такие встречи – полностью, совсем, на хрен! Теперь я буду настороже, и такое больше не повторится.

Вечером, почти уже ночью, мы сидели с Ирой на ее кухне. Уложив крестницу спать, я потащила туда подругу для разговора. Поужинали мы раньше - к их приходу я пошарилась в холодильнике и успела приготовить ужин на скору руку - пожарила свинину, построгав мороженое мясо лепестками, и отварила рис. Ира потянула из шкафчика бутылку красного полусладкого, но я отказалась от выпивки, прямо объяснив причину. Рассказала вначале о том, как съездила, о домашних новостях – она хорошо знала моих родных. А потом и про Ивана, и про сегодняшний демарш Олега… Три бокала вина, которые она незаметно влила в себя, сделали Ирку молчаливой и сонной. Хотя, я и сама не знала – как бы реагировала, расскажи это не я, а она мне?

- Я в отрубе, мать – и физическом, и моральном тоже, - наконец отреагировала она, - не нужно было светиться сегодня. Послала бы его лесом и взяла такси… ты удивляешь меня такой своей непоследовательностью. Хотя… спишем на неожиданность и гормоны – они сделали тебя тупой и это я еще мягко… Теперь все будет сложно, быстро уже не получится. Живи пока спокойно, не тереби нервы – закорючка в паспорте не значит ничего… почти. В твоем случае, если только имущественные претензии. А так… отложим на потом. Ты вот что мне скажи – Коля… они будут разводиться с этой… Настей? Или я что-то не так поняла? Если да – скажи мне это, - тяжело встала она из-за стола и повернувшись ко мне спиной, стала что-то там делать.

- Зачем тебе, Ира? – осторожно поинтересовалась я.

- Затем…, - тяжело вздохнула она и обернулась, прислонившись попой к мойке: - После того отпуска я всех сравниваю с ним и… не тянут, Алюсик.

Алюсиком и еще сестрой я была только в исключительных случаях, вот так – в моменты отчаянной душевной близости. Становилось немного страшно...

- Ты говоришь - мистика? У меня своя... мистика. Раньше не поверила бы - он ее за плечи обнимает, а меня пробирает ознобом… внутренним, в мороз. Я на расстоянии его чувствовала ... где там еще те шаги, а я уже знаю, что это он. Только взглянула - первый раз, и увидела в нем мужчину. Не чужого мужа, не твоего брата, не постороннего мужика – у нас их бригадами… - устало рассказывала она, и я верила ей – так говорят о наболевшем.

- Помнишь, мы с ним пошли в дом за пирожками? Как самые трезвые из вас, а блюдо большое и ценное… почему-то. Нет! Ничего не было, я ни словом, ни делом вообще, - вдруг шагнула она обратно, упав опять на диванчик. Уронила голову на руки и расплакалась.

- Ира… я и представить не могла… - потерянно гладила я ее по плечу, присев рядом.

- Я никогда не завидовала вам с Олегом – никогда. А тут… каждое их касание, каждый его взгляд на нее – я годами потом меряла их на себя. А тогда на кухне… Я пирожки перекладывала на блюдо, а он держал его... Воздух вязкий такой, не то, что дышать – руками двигать тяжело. Весь низ скрутило, жар в голову… взгляд боялась поднять. Руки тряслись, дыхание… неконтролируемо, вообще. Химия, физика? Поля энергетические, феромоны? Это должно ощущаться, чувствоваться, он обязательно почувствовал, Алюсик, и, наверное, все про меня, дуру, понял. Ты скажешь мне, если у них – все? – подняла она зареванное лицо.

- Ты поэтому сорвалась на следующий день и не возила больше Анжика на Дон? – теперь уже понимающе протянула я.

- Меня, как пьяную, вело от его вида, голоса, взгляда, запаха… А он не знаю, как среагировал… это слишком... Проще не знать, я и не смотрела на него после – вообще. Из-за всего этого и тебя с этим Ваней понимаю очень хорошо. Если так же торкнуло, то у Олега нет шансов. Хотя жаль его… до боли сердечной. Да я все понимаю! Просто жаль. Имею право. Пошли спать уже. Хорошо, что я тебе рассказала, а то уже четыре года…

- Это просто пипец, Ирка… Не буду тебя обнадеживать, просто… чтобы честно – у них все. Она что-то такое сказала – он даже мне не смог повторить, но именно из-за этих ее слов у них – все. Он передавал тебе привет сегодня… звонил мне и передал, - говорил за меня мой дурной язык совершенно безо всякого участия разума.

Настоящее потрясение от ее признания, сочувствие, желание утешить вылилось в неосознанную попытку обнадежить. Дура! Гормоны, что ли, действительно? А Ирка расцвела всей своей заплаканной физиономией, заулыбалась, а потом и захихикала.

- Да ты что? Ну, это же просто привет… - заглянула она мне в глаза и, очевидно, поняв что-то для себя, собралась своим подвыпившим организмом, посерьезнела, а возможно, и пожалела уже. Так себе из меня...

- Спасибо, Лянка. Понимаю, что это формальный привет, но сердце греет. А что такого она могла сказать?

- Не знаю... что-то страшное.

- Ему?

- Я так поняла – тому… другому. Но не уверена.

- Ладно... в люльку, мать, на сегодня достаточно. И так перебор. Тебе бы завтра к врачу... рано? Вообще-то, чем раньше, тем лучше, но как знаешь. Тогда – в Длинное? Туда идет машина с половой доской.

- Наслушаюсь опять о половых щелях… - проворчала я.

- Да ладно! Потапыч обижается, что ты вся такая… и не его, - хохотала Ирка. Получалось немного нервно и наиграно. Я чувствовала ее сейчас особенно тонко и остро… гормоны, наверное.

Глава 34

- Что ты вскочила так рано? – зевая, вошла на кухню подруга.

- Да я и не спала почти, Ир, нервы, наверное? И меня не тошнит… - расстроено хмыкнув, поделилась я своим разочарованием, - кажется, как раз с утра и должно бы? Сижу вот, специально не завтракаю и прислушиваюсь к себе, представляешь? И ни-че-го.

- Останься на день и сходи на прием, а лучше – купи тест, - весело фыркнула она.

- Валя сказала, что можно и без теста – принцип один. Все очень просто – утренняя моча и сода. Зашипит – пусто, не зашипит – внутри маленький пузожитель. Не хочу ничего узнавать. Хватит пока задержки - я радуюсь. И боюсь разочарования, как ты боялась смотреть на Колю. Я теперь – страшный трус… и еще много чего.

- Страшно узнать? – удивилась она, - это вообще разные вещи. Я боялась, что он посмеется надо мной, а ты просто дурью маешься. Чем раньше станешь на учет, тем лучше для ребенка – не пацанка уже.

- Я веду здоровый образ жизни, куплю витамины, буду принимать. Неделя или две ничего не решат. Потом сдамся.

- Сестра… - такое обращение заставило меня насторожиться, - расскажи мне про Настю. Пожалуйста.

- А тут и нет никаких тайн, Ира, - расслабилась я, - она красивая, молодая и глупая.

- Против первых двух у меня нет шансов, - повернулась Ирка к плите, - а вот глупая…

- Если объективно... Первых двух он уже наелся от пуза, а вот ум… нет, я не считаю себя так уж, чтобы… Но почему-то кажется, что будь я чуть глупее, чем есть, то смогла бы уловить ту самую волну – он опекал бы меня, а не я его.

- А ты признаешь, что опекала его? – нейтрально поинтересовалась Ирка.

- Дома… то, что ты говорила тогда.

- Я дура, Лянка, ты бы меня не слушала. Случись сейчас, я бы твоего брата тоже... на руках таскала.

- И на коленях... - пырхнула я.

- Да хоть на люстре, - тяжело вздохнула она, - все у вас хорошо было.

- Не для всех, очевидно. Н-ну-у… Настя, да?

- Настя, да, - улыбалась Ирка.

- Кроме того, что ты сама видела… Коля сказал, что еще любит ее. Это будет долго, Ир, если случится вообще.

- Ничего страшного, - успокоила меня она, - главное, он понял, что красота - это еще не все.

- Точно, и мозги – тоже. Это поняла я, хотя опять же – с моей стороны глупо претендовать, - согласилась я, - а что тогда? Главное – правильно соблюсти пропорции?

- Нужно экспериментировать, я готова к этому, - пожала плечами Ирка, - подайте только объект.

Как будто улыбалась и шутила, а потом невесело замолчала.

- Мы шутим сейчас над серьезными вещами и я не злорадствую, что она спалилась, ты не подумай. Мне жаль, что ему сейчас плохо, пускай бы уже... я тосковала, скучала, но последнее время жила спокойно, привыкла. И дальше потихоньку... Что ты будешь на завтрак?

Купив витамины для беременных, а дошла до военкомата. Брату я верю, но... С помощью мужчины в возрасте грамотно составила запрос на капитана Дружанина Ивана Георгиевича. Вдвоем мы отослали его во все инстанции, которые, по его мнению, могли как-то помочь. Распрощавшись и поблагодарив его, я вышла на улицу, высматривая такси – нужно было заехать в свою бывшую квартиру и забрать кое-что из вещей. То, что не могло понадобиться в Длинном, я оставила у Иры. Захламлять ее квартиру остальным своим барахлом не хотелось, а придется – у меня так и не появилось до сих пор своего угла. Для себя я сочинила кучу оправданий, но главная причина была проста – я все еще стояла на распутье. Проклятый мозг напрочь отрицал мистику, хотя я уже сунула в него кучу информации на эту тему, не говоря уже о посмотреть и пощупать... Отсюда и не то, чтобы неверие в успех моей миссии, но сомнения были - наверное, я слошком трезвомыслящая и взрослая уже? Сомнения были. И с этим нужно было что-то делать…

Поднялась на лифте, вышла на площадку и огляделась – фикус Бенджамина густо усыпал подоконник мелкими пожелтевшими листиками. Подошла и потыкала пальцем землю – сырая. Наверное, полили только тогда, когда он стал осыпаться. Выживет или нет?

Открыла квартиру своим ключом, машинально отключила сигнализацию, разулась и, не глядя, стала шарить ногой в поиске тапок. Привычка никуда не делась, хотя это затмение разума длилось всего секунды. Вступила в большие тапки Олега – пол в прихожей нельзя было назвать чистым – в свете, что падал из кухонного коридора, вдоль плинтуса наблюдались пушистые клубы пыли. Раздраженно мотнув головой, прошла в спальню к шкафам.

Постель тоже не была убрана, а на кресле лежала кипа мятых рубашек – не обманул, надо же… Открыла дверцу и задумалась – что взять с собой, кроме постельного? Широкие льняные штаны на лямках или джинсы? Скоро ночи станут прохладными, пускай и осталось мне там… неделя, не больше, наверное. Несколько свободных футболок, платье с рукавами и почти в пол, кофта, белье… Олег тогда привез пару спортивных лифчиков и трусов х/б, которое я обычно брала в такие командировки. А те, что он забрал с собой? Я потянула на себя бельевой ящик – все было выстирано и аккуратно уложено там стопочкой. Я зацепила и потянула то, что лежало внизу: тонкие кружева – черный с сиреневым, вишневый, золотистый… Затолкала все это обратно, подальше.

Взяла в руки то, что собрала, и опять взгляд отметил кавардак, что творится в спальне. Подушка спрессована к изголовью, как всегда у Олега, простыня скомкана, покрывало не снято с кровати, а просто откинуто на одну сторону – похоже, спал здесь один. Рубашки… Отправив в сумку свои вещи, прихватила мятую кипу и пошла с ней в гостиную. Достала из кладовой гладильную доску и утюг, поставила на привычное место у окна, отдернула тюль и на минуту замерла, разглядывая знакомый пейзаж.

Я не боялась, что Олег может застать меня здесь – ехать до его работы было далековато, и поэтому он никогда не приезжал домой на обед. Да и… стало любопытно и я прошла на кухню – распахнутая посудомойка сверкала горой чистой посуды – не разобрал… В холодильнике шаром покати. Не совсем, конечно, но, по сравнению с

былым изобилием… Маленькая кастрюлька…, а что в ней? Суп из рыбных консервов, надо же…

Готовить ему я не собиралась – еда сейчас вообще не проблема. Но вот выгладить рубашки… пускай это будет моей благодарностью за то, что он помог с тяжелыми сумками, за ресторан… и в первую очередь - за его молчание тогда. Оставлю записку, что-то вроде… не знаю, придумаю потом.

Выглаженные рубашки сразу вешала на плечики и уносила в шкаф. Привычная монотонная работа успокаивала, я поглядывала на город за окном и даже стала что-то тихонько мычать, притопывая на месте. Оставалась еще пара – кремовая и тонкая-тонкая белоснежная с крохотными загогулинками из более плотных нитей, когда со стороны прихожей раздался металлический щелчок и голос мужа:

- Вот мы и на месте. Непорядок, конечно, но, я думаю – раза в неделю будет вполне достаточно, - говорил кому-то Олег. Хлопнула, закрывшись, входная дверь…

- Покажите мне ванную, - попросил свежий женский голосок.

Шаги, какой-то еще шум… Я осторожно поставила утюг на гладильную доску и подрагивающими пальцами вытащила шнур из розетки. Не глядя в сторону входа, наклонилась за своей сумкой. Хорошо, что она была собрана заранее. Похоже, гладильную доску будет кому убрать, как и догладить рубашки.

- Аля?! Как ты здесь, я даже не думал…

- Я уже ухожу, забрала кое-какие вещи. Не буду мешать, - скривилась я. Хотела улыбнуться независимо или презрительно - не получилось, губы дрожали, мышцы лица отказывались повиноваться. Подняла взгляд, услышав шаги Олега – он направлялся ко мне. В костюме, светлой рубашке и галстуке - с работы, а за его спиной, на входе в комнату, стояла молоденькая девочка в аккуратном зеленом комбинезоне по фигурке и белой футболочке. Я толком не рассмотрела ее – просто не успела. Олег быстро подошел ко мне и крепко обнял, прижимая к себе… больно. Я дернулась отстраниться, оттолкнула его руками, нечаянно метнувшись взглядом к двери. Он опять с силой притянул меня к себе.

- Девочка из клининговой компании. Алька, ну надо же… я зашел именно сейчас, - он заглядывал мне в лицо, пытаясь

встретиться взглядом, а я молча отворачивалась, пытаясь вырваться из его рук.

- Аля! Это уборщица, б..ь! Просто уборщица! Я засрался тут! Сегодня заключил договор, нужно было показать ее охране, объяснить про сигнализацию и отдать ключи. У меня обед… Алька… - вдруг опустился он передо мной на колени, крепко обнимая за пояс и прижимаясь щекой к животу. Я замерла.

- Не вырывайся... не уходи, пожалуйста. Я рад, что пришел именно сейчас. Ты все-таки пожалела меня, да? Совсем нечего надеть, абсолютно… - бормотал он, на автомате, очевидно, продолжая давить на жалость: - Алька… ты здесь, уже со мной?

Девочка неловко улыбнулась мне от двери, развела руками и тихо ушла в сторону прихожей. А Олег подхватился с колен, обхватил мое лицо руками и почти силой развернул к себе, провел большими пальцами по моим щекам.

- Ну не плачь, пожалуйста, я же все объяснил, - и добавил очень серьезно: - Аля, останься. Я очень прошу тебя, очень.

- Нет, - нечаянно всхлипнула я, отстраняясь, и на этот раз он отпустил меня.

- Не смогу, Олег, теперь знаю точно. Больше не смогу, извини. Слишком тогда… по живому. Я теперь всегда буду ждать… дубля. И это до сих пор дико больно. Нам бы вообще не видеться. Мне хорошо и спокойно вдали от тебя. А ты засрался - да, - хмыкнула и уже сама вытерла мокрые щеки. С чего вообще, так-то?

Наверное, только сейчас вспомнив о девочке, он прошел в прихожую и извинился, сказав, что с ними завтра свяжется его секретарь и сам все тут покажет. Щелкнул дверной замок, и он опять появился в дверях. К этому времени я успела сложить доску, а рубашки кинула на диван. Жаль… самые красивые оставила напоследок.

- Увидел твои босоножки на полочке... Извини, сделал из квартиры свинарник. Алька, сядь, пожалуйста. Сейчас все решим… Ребенку нужен отец, - трудно вытолкнул он из себя, вглядываясь в мое лицо. Я никак не подтвердила его догадку, но и отрицать не стала, и он закусил краешек нижней губы так, что она побелела. Но быстро справился и даже улыбнулся, повторив:

- Ребенку нужен будет отец, Аля. Можно, это буду я?

- У него есть отец – Дружанин Иван Георгиевич, - отвернулась я к окну. Смалодушничала. Смотреть на него было…

- Я не знаю его, - констатировал Олег, - это хорошо. Мне… Иван? Ваня? Это его ты звала в лесу? Я помешал вам тогда? А чего же ты так орала? – горько улыбнулся он и замолчал на какое-то время. Я не смотрела на него, боясь расплакаться. Это все гормоны. Нет другого объяснения.

- Хорошо, Аля, я не буду больше унижаться, как ты говорила… Наверное, ты не сможешь простить, а просто жалости от тебя – как с рубашками, мне не нужно. Квартиру уберут, я вывезу свои вещи. Квартира твоя, мне не нужны такие площади, а тебе, ребенку и этому Ване… У него есть свое жилье?

Почему-то мелькнуло в уме, проплыло мутной картинкой - место на кладбище под обелиском и бронзовый солдат…, яма потом пустая – пока пустая? Я даже закрутила головой, прогоняя страшные образы.

- Не нужно, Олег, пока не нужно. Я даже не знаю – останусь жить в этом городе или уеду домой? В декрет точно уеду к родителям, даже придумала уже, с кем оставлю Ирку. Помнишь того рыжего? Спокойный мужик, очень порядочный, семейный. Надежный и грамотный. А ты, пожалуйста, не жди меня, Олежка. И не мучься ты… считай, что я простила уже…

- Плохой знак… - потер он пальцами висок.

- Плохой, да… я пойду. Не помогай, сумка легкая. Я пока не хочу снимать квартиру, поживу у Ирки и Анжика, она настояла. Но там тесновато – не хочу захламлять еще и своими тряпками хату. Когда что-нибудь понадобится, я предупрежу тебя заранее, чтобы не получилось вот так…

- Аля…

- Ну, когда-нибудь это будет уже не клининг, Олег. Ты молодой мужик. Мне еще больно это – только что поняла, но я не смогу, извини. И собакой на сене быть не хочу. Те слова про унижение… тебя задело. Не было желания оскорбить – только поставить точку. Так что с разводом?

- Мы с тобой уже договорились – потом, - вскинул он голову, - сейчас мне нужна трезвая голова. Дай мне, пожалуйста, это время, Аля.

Уходя от дома, с мрачной иронией думала о том, что превратилась в настоящую тряпку – сентиментальную, мнительную и плаксивую. К черту такие гормоны! Нужно приходить в себя. Откуда этот идиотский порыв – гладить ему рубашки? Зачем?!

Я растерялась и струсила, просто струсила – из-за Ирки. Она втрескалась в Кольку, совершенно не зная его. И не то, чтобы мой брат был каким-то монстром… Но это любовь совершенно вслепую, наобум, в белый свет! Она не знает, что у Кольки взрывной характер, что он не ест то, что любит она и Анжик, а я вот знаю это. Разве что пирожки? Но дело даже не в этом – не в мелочах. Все неправильно просто глобально – так врасти, погрузиться во все это, а если потом вдруг - разочарование? Наверное, будет болеть не меньше, чем от предательства. Но самое страшное в том, что пришло мне в голову в связи с этим - я точно так же не знаю Ваню. Какой он, когда не в кровати… бане… да блин! Что он любит, а чего не терпит, что считает допустимым для себя… что он за человек вообще? Придумала я его себе или вдруг узнала, как свою вторую половинку? Озарение, мгновенное приятие или ошибка? И как тогда пережить? Струсила…

И захотела подумать, все еще подумать… Ну-у и… все к лучшему, а то ведь могла напороться и не на клининг, на самом деле. Все еще больно, еще достаточно свежо. Особенно вот так - в нашем доме, будто именно здесь прожита целая жизнь. Сейчас я сделала бы все иначе, растила бы уже парочку охломонов или заплетала косички дочкам. Почему я не настояла на детях? А что тогда ответил бы Олег на такое предложение? Речь не о способах – они нашлись бы, дело в том, что в любом случае это был бы не его ребенок. Это сейчас, чувствуя вину и возможно, выше, чем раньше, оценив наши отношения, он готов на все… буквально. Ха – горько хмыкнула я – даже знать имя моего любовника, только бы не видеть его.

Такой Олег был ценнее, весомее что ли, того, что я знала раньше. И если бы я тогда не видела… А сегодняшний случай показал мне, какой болью могло бы стать для меня малейшее подозрение, как измучили бы меня сомнения. Что-то еще осталось у меня к нему… определенно, и это не просто привычка – вокруг нас за эти годы вырос целый общий мир, мы проросли (я, во всяком случае) друг в друга, вжились… Поэтому и рвалось с кровью, а нужно было сразу и с корнями.

Подала бы сама заявление и, может, были бы уже разведены. Не затянулась бы эта мучительная агония и нервотрепка так надолго – для меня и особенно для него. Он опять тянет – это ясно, а я не понимаю, что мне делать? Теперь только по-хорошему, по-плохому не желательно, сама дала ему козыри в руки, а еще он мог понять эту дурь с рубашками не только, как жалость. Да оно и было – благодарность, и сожаление тоже… ай! Все, долой рефлексию!

До склада, с которого отправлялась машина, я добралась на такси. Рискнула без консультации с Иркой расписаться в получении, проверив только качество и количество досок, приняв на себя риски доставки. Зато экспедитор остался в городе, и в кабине с водителем я расположилась просторно и удобно. И почти сразу же – на выезде из города, уснула.

Глава 35

Тихий вечер, полное безветрие и безоблачное небо, усыпанное звездами… Правда, сейчас в просветах между верхушками деревьев виднелись только фрагменты этого великолепия, но мы с Ольгой оценили всю грандиозность картины еще по дороге к лесному озерку.

Суетный день закончился, бригада отдыхала, поужинав и немного посидев у костра. Я много раз наблюдала это – как постепенно накапливается в людях усталость, как они перестают даже раздражаться и конфликтовать, а становятся почти безразличными ко всему. Тянут обязанности практически на автомате и только потому, что работу нужно доделать. Сейчас было так же, я очень хорошо видела разницу после своей отлучки. Потом, в последние два-три дня, у мужчин откроется второе дыхание, и они станут успевать очень много – и работать, и добывать подарки для семьи, и вкус к вечерам у костра вернется с новой силой. Почему-то всегда сожалеешь, уезжая из места, которое подарило тебе воспоминания на будущее - о встреченных там людях, проведенном вместе времени, проделанной работе.

Мы с Ольгой не собирались уходить далеко от дома, но слишком хорошо было вокруг, чтобы просто взять и тупо лечь спать. Такое было ощущение, что вот уйдешь сейчас в дом… и не увидишь чего-то исключительно приятного, не услышишь чего-то важного для себя – потеряешь безвозвратно вместе с этим тихим летним вечером.

Ольга постелила себе в машине, наотрез отказавшись делить кровать со мной или своей бабушкой – не хотела стеснять нас или просто не считала это удобным для себя… не важно. Я сделала бы так же, потому и не стала настаивать. Немного посидев на жесткой лавке, мы решили прогуляться по теплому асфальту. Опрыскались спреем от комаров, и пошли себе потихоньку.

Село засыпало рано, вот так - к двенадцати часам, почти все окна уже стали темными, звуки стихли, только собаки провожали нас лаем. Поэтому мы свернули на боковую улицу, а потом вообще вышли на дорогу, что шла в обход села «в колхоз». Ноги в удобной обуви ступали мягко и бесшумно, мы незаметно свернули на грунтовку, а

еще дальше пошли по чуть влажной траве, так и добрели до лесного озера.

Тропинка была хорошо видна – поднималась уже убывающая, но еще очень яркая луна… при взгляде на нее явспомнился поход в Черный лес. Но отвлекаться на прошлые переживания было некогда – почти всю дорогу Ольга рассказывала мне историю своей прабабушки. То ли я в свое время не сумела правильно задать Марии Львовне вопросы, то ли степень ее доверия к постороннему, по сути, человеку и родному по крови разнилась? Не нашла я времени на серьезные расспросы или просто не решилась на них, боясь как-то задеть ее – не важно. Ольга сумела раскрутить бабушку на информацию.

Дело было так: молодая девушка-фельдшер получила назначение на работу в сельский медпункт. Незнакомая местность, чужие люди, ответственность, одиночество и молодой человек, родительский дом которого располагался наискосок через дорогу. Не то, чтобы она сразу полюбила его, но он был высоким, интересным, водителем по профессии, а еще очень настойчивым – нравился точно. И семья его считалась обеспеченной по той простой причине, что отец живым вернулся с фронта. Семьи при кормильцах жили неизмеримо лучше, чем вдовы с детьми.

Чем привлекла его Маша? Симпатичная девушка уважаемой, особенно на селе, профессии, приветливая, нарядная. Да, именно нарядная и чистенькая, хотя какие тогда были наряды? Просто в послевоенное время многие местные женщины ходили в кирзовых сапогах и телогрейках, пропахли фермой или прокисшим силосом… Более-менее женственно выглядели только учительницы, библиотекарша при сельском клубе, пара работниц колхозной конторы и она – медик. Парень влюбился, а Маше был уже двадцать один год – возраст как-никак, вот она и согласилась – замуж. Уже когда шли расписываться в сельский клуб, она замедлила шаг и почти простонала:

- Как же я не хочу всего этого…
- Ну что ты такое говоришь, Маша? – забеспокоился жених, обнимая ее за плечи, и они пошли дальше. Наверное, он не забыл этих ее слов, даже – скорее всего.

Жить стали в доме у родителей жениха. Там было тесновато – кроме молодой четы, было еще двое подрастающих детей – сестра и брат. Скоро решили строить новый дом – из кирпича, самый первый такой на деревне. Маша тоже участвовала и однажды, балансируя на столе, когда белила потолок, почувствовала, как по ногам течет что-то горячее – сорвалась беременность.

Сутки она пролежала в постели и только пару раз ей принесли попить – новые родственники были злы на нее. Свекровь считала, что медичка не могла просто так скинуть дитя, а сделала это специально. Наверное, муж Маши поверил матери. С этого времени их отношения дали трещину. Маша отлежалась, выздоровела, а со временем даже немного поправилась, округлилась и стала еще интереснее и симпатичнее… муж заревновал. Отслеживал каждого пациента, который заходил в медпункт, требовал отчета и рассказа, как прошел день – поминутно. Ничего такого уж страшного в этом не было, и Маше даже понравилось рассказывать и отчитываться – ее работой живо интересовались, и это было приятно.

Вскоре у молодых родилась двойня – двое мальчишек, очень похожих на своего отца. Маша осторожно радовалась этой похожести – никто не усомнился в отцовстве.

Так и жили. Когда мальчишкам исполнилось по двенадцать лет, младшие брат и сестра мужа уехали из села, родители умерли один за другим, и в доме осталось всего четыре жильца. В хлеву мычала корова, держали двух свиней, кур. Еще Маша тянула огород, дом и свою работу, а муж и сыновья помогали ей. А потом случилось это – в молодую женщину, хорошенькую, чистенькую, вкусно пахнущую медикаментами, влюбился женатый мужчина. По поводу и без он стал заходить к ней на работу или прохаживаться мимо, только бы увидеть ее. Это заметили.

В селе всегда все тайное со временем становится явным и для Маши начался ад. Свекор не сдерживал больше мужа, и тот совсем сошел с ума от ревности. Скандалы зачастую стали заканчиваться рукоприкладством. В те времена на селе не было принято жаловаться на побои мужа, Маша и не жаловалась – терпела. Не так и сильно он избивал ее – оплеухи да тычки. Но когда все стало намного серьезнее, она испугалась и отчаялась. Как-то накатило… и она подошла на улице к тому - влюбленному в нее мужчине и, бросившись в отчаянии

на колени, попросила объяснить ее мужу, что между ними никогда ничего не было. Ее просьбу слышали многие, она была выполнена, но, как водится, этот ее отчаянный поступок стали трактовать иначе – не в ее пользу, слишком интимно, на посторонний взгляд, выглядела эта сцена.

И опять побои, следы их на лице – перед людьми стыдно и сил нет терпеть. Влюбленный мужчина решил уехать из села от нелюбимой жены, завербовался на какую-то стройку и пришел звать с собой Машу. Увидел свежие синяки, повинился, заплакал и обнял ее, утешая и прощаясь навсегда. Объятие было нежным и осторожным, бережным… Маша ехать с ним отказалась, но вырываться не стала, а потом ответила и на поцелуй – она радостно прощалась, надеясь, что теперь, наконец, наступит покой от ревности мужа.

Как водится, кто-то проследил его приход, кто-то увидел. Опять побои, заявление в милицию, попытка взять развод. Уже укрепившаяся за ней слава неверной жены играла против нее – муж сказал, что не отдаст гулящей детей. Из-за этого Маша решила не разводиться, а муж немного притих – до времени. Только до того, как в медпункт ворвалась молодая баба и кинулась рвать Маше волосы, обзывая потаскухой. Оказывается, ее муж недавно обращался за помощью в медпункт и потом поставил медичку в пример жене – чистая, пахучая, красивая. Об этом наскоке скоро узнало все село и этот мужчина тоже. Он зашел извиниться за жену и застал Машу избитой очередной раз и потухшей, как свеча… Что уж там случилось и почему так – Мария Львовна подробно объяснять не стала, но тогда она изменила мужу по-настоящему – первый раз.

На удивление, эта тайная связь, которая стала настоящей отдушиной в ее жизни, довольно долго оставалась тайной – целых два летних месяца. Потом все открылось, но мужчина сам пошел к Машиному мужу и избил его – так уж повернулся их разговор. После этого Машу с мужем развели, но мальчиков оставили отцу. Любовник тоже развелся и звал Машу уехать с ним, но она и этому отказала – здесь оставались ее мальчики.

Муж выгнал ее из дома и жила она в медпункте, но видела детей каждый день – они шли в школу и возвращались из нее, проходя мимо. А еще хозяйство… пока муж был на работе, Мария бегала кормить свиней и доить корову, готовила семье еду. Потом убегала,

чтобы ее не застали. Стыдно было, но зато дети питались вкусно и правильно, а не всухомятку. Через некоторое время бывший Машин муж привел в дом другую женщину и Маше стало полегче – физически. Тяжело было оттого, что дети не разговаривали с ней, со слов отца зная о ней только плохое. Зато она могла видеть их каждый день.

В районе знали ее проблемы и предложили место в больнице, но она отказалась – так она совсем не видела бы мальчиков. А дальше случилось, собственно, то, что и сделало ее «ведьмой». Жила тогда в селе очень заметная и разбитная баба – молодая, видная, певунья и заводила. С ней не спорили – все равно перекричит и переспорит, принимали такой, какая есть. Вот она и прошлась своим грязным языком по Маше – в магазине, на виду и слуху у половины села. И при новой жене бывшего, которая хохотала вместе с подругой. Когда они выдохлись, и настала минутка тишины, Маша спокойно сказала:

- Готовься тогда – твоего возьму следующим.

Что там началось…?! А она нашла взглядом мужа орущей бабы и улыбнулась ему. Баба Маня рассказала, что тот пришел к ней в медпункт на следующий же день и сказал, что согласен на все, что она хочет. Такая неожиданная и непривычная власть над мужчиной ударила в голову и вылилась в очередную связь. Она длилась целый месяц, и встречались они каждый день. Этого мужчину Маша неожиданно для самой себя полюбила – первый раз именно так, как об этом поется в песнях. Краденые минуты и редкие часы счастья скоро закончились. Этот тоже звал ее за собой, просил, умолял уехать с ним… но здесь были ее дети, подросшие уже – шестнадцати лет. Еще два года и они уйдут в армию, и вряд ли уже вернутся в село.

В те времена многие уезжали на молодежные стройки и на целину, просто в города – колхозникам стали выдавать паспорта и это стало возможным. Она не могла потерять два последних года рядом с сыновьями. В селе ее любимый остаться не мог – жизни не дали бы. Он не обладал той силой воли и иммунитетом к ненависти, что Маша. Уехал… Она больше не слышала о нем никогда и мужчин в ее жизни и постели больше не было. Тогда ей было тридцать девять.

Когда к ней обратился за помощью мужчина с разрезанным на пальце сухожилием, Маша провела небольшую операцию, обезболив и сшив жилу. На следующий день под дверью медпункта она нашла

корзину с продуктами и просьбой не отбирать у семьи Павла. Опорожнив корзину, она выставила ее за дверь, с пациентом на перевязках обращалась сухо и официально – приняла правила игры. Отношение к ней изменилось, хамских выпадов больше никто себе не позволял. Разговор посреди сельской улицы, врачебный прием в кабинете… на следующий день под дверь несли корзины с едой, а когда вместе с запиской подбрасывали и деньги. Маша безразлично пожимала плечами и брала.

- Оля, - перебила я рассказчицу, - дети выросли и уехали. Что помешало и ей тогда уехать – в ту же районную больницу?

- Тут немного непонятно и мне, - задумалась девушка, а я залюбовалась ею – в свете луны она смотрелась настоящей русалкой, в темном зрачке отражался лунный свет, светлая радужка почти слилась с белками глаз – получался острый, буквально пронизывающий взгляд – русалочий. Завораживающей была и сама обстановка вокруг нас – тишь, глушь, обнимающая со всех сторон природная благодать…

Ее рассказ будто перенес меня во времена молодости бабы Мани. Жалеть ее за то, что семья не сложилась...почему-то не жалелось - в этом деле всегда участвуют двое. Я и себя не жалела. Но вот то, что она не захотела потом устроить свою жизнь... тут уже имели место определенные опасения. Или просто не хотелось разочарований? Я становилась махровой эгоисткой, ставя на первое место только свои... наши уже интересы. Догадывалась, что послужило якорем для нее, но не знала – как это произошло? Если она осталась жить в этой ненавистной ей глухомани только из-за Вани...? Или все-таки из-за тайны, похожей на страшную сказку, что вошла в ее жизнь? Нет, это все волшебный вечер! Это он так влияет на настроение, настраивая на романтический лад. Даже тяжелая женская история воспринимается как поэма-трагедия...

- Когда и прадед надумал уехать из села, он решил продать дом. За него он должен был бабушке еще с развода. Просто она не хотела отбирать что-то у детей. Но когда пришло время, он его все-таки продал, а ее упросил не брать деньгами. Ей достался старый дом его родни – вот этот самый, что сейчас. Его записали на одного из сыновей – моего деда, и она стала жить в нем. Уезжать куда-то опять не стала.

- А почему ведьма? - решила я не зацикливаться на своих сомнениях, - что сразу так категорично? Зачем эти корзины с едой,

что за дикая традиция? Первый раз слышу о таком. Мне тоже притаскивали их – два раза.

- Ва-ау! Круто, - обвела меня взглядом Ольга, - ну… и ничего странного. Вы удивительная – воплощенная женственность со стальным стержнем внутри. А захотели бы - стали просто неотразимой.

- Помыть за ушами и оттереть пятки камушком? – усмехнулась я.

- Нет. Просто нужно хотеть, - махнула ладонью Ольга, отгоняя комаров.

- Налетели, сволочи. Нужно было взять спрей.

- Уходим? – поднялась я с расстеленной на траве ветровки. Отряхнула ее и набросила на плечи. Когда мы вышли на край леса, ветерок разогнал летучую живность. Ольга вздохнула и сказала:

- Запомню на всю жизнь. Хорошо, что взяли и просто пошли. Сто процентов – больше так не получится, даже если спланируем.

- А давайте попробуем? На завтра?

- А давайте! На что спорим? – загорелась она.

- Ольга? Вы что-то знаете, чего не знаю я?

Она засмеялась и нехотя призналась: - Приезжает папка. Просил сообщить, когда вы появитесь. Кто я такая, чтобы отказывать родному отцу? Точно не скотина неблагодарная.

- Оль, на буровой трудно? Не принимают женщину? Не считают авторитетом?

- Хмм… я была там только три месяца на практике. А что - так заметно? – сделала она вид, что расстроилась.

- Ну да, вы не особо выбираете выражения - знакомо все это. Раньше такого рода проблемы были для меня почти нормой. Я ругалась матом.

- Да неужели? – присела она в деланном испуге.

- Точно, - вздохнула я, - у Марка уши вяли, до сих пор уважает. А я долго боялась сорваться еще раз – и стыдно и боязнь с детства. Отец наказывал нас с братом за бранные слова, а уж за это… Если бы он только заподозрил, что я способна на такое…

- Наш не ругается. У нас лучший отец в мире. Присмотритесь к нему, Алена. Пожалуйста.

- Вы не в курсе, как там с Русей? – нейтрально поинтересовалась я.

- Они разведены, отец свободен. Руся… это единственное, чего я не понимаю, но Борька говорит, что папка просто одичал в пустой квартире. Живого дыхания рядом захотелось.

- Может быть, - задумалась я о том, как быстро живого дыхания рядом захочется Олегу? И пускай, но знать об этом я не хотела.

- Вы не могли помириться с мужем, - заявила Ольга.

А я, наконец, увидела эту возрастную разницу между нами. Она была очень разумной и благодаря легкой полноте выглядела старше своего возраста, а на самом деле была еще совсем молоденькой – что такое двадцать пять? Такая простая… как сказала бы Ирка. Простота хуже воровства. Что я могла ответить? Резко осадить? Вечер не способствовал этому, и я ответила мирно:

- Мы не помирились с мужем в том самом смысле. Но у меня будет ребенок от другого мужчины, по этой причине лучше вашему папе приехать через недельку, когда мы будем торжественно сдавать дом. Это будет хороший и серьезный повод. Если, конечно, у вас на завтра нет каких-то семейных планов. Папа у вас хороший, берегите его. Но со мной ему точно ничего не светит.

- Спасибо, что объяснили, - качнула она головой, - так я и сделаю.

Мы разошлись по своим спальным местам, ополоснув ноги у колодца. Я давно заметила, что лучше спится, если ноги ополоснуть на ночь холодной водой.

Уже в постели, вспоминала события этого длинного-предлинного дня, рассказ Ольги и вспомнила, что так и не получила ответ на свой вопрос – почему все-таки ведьмы? Не те женщины, род занятий которых давно уже имеет свое название, а именно – ведьмы? Вопросик…

Глава 36

Телефонный звонок вытащил меня из дремы. Не вырвал, а именно вытащил. Пока я соображала, тянулась, нажимала… он уже стих. Колька…

- Коль,ну ты чего? На дворе глухая ночь.

- Сеструха… Стрелковая дивизия… 152-я - это уральцы, сформирована на Урале... Они, суки, просто поморозили людей… падлы. И засекретили, чтобы ни гу-гу и ни-ни. А мы тут инопланетян ищем... И я тебе… - гундосил брат.

- Коля. Ты – пьяный, - расстроено констатировала я.

- Нечаянно тебя нажал. Спи себе… баиньки… - и отключился.

После двух попыток дозвониться до него, я откинулась на подушку, уставившись в смутно белеющий потолок. Долго теперь не усну... Что еще могла натворить Настя? Коля не позволяет себе расслабляться вот так, а значит, случилась очередная хрень. Задумчиво посмотрела на все еще мерцающий экран и отложила телефон – не стоит звонить маме ночью. И выдумывать то, чего возможно и нет, накручивая себя – тоже не стоит. Я знаю Колю и знаю, что на отчаянные поступки он не способен.

Мама позвонила сама, разбудив меня утром:

- Аленка, не спишь уже? Не разбудила? Настя ушла от Коли. Это еще не все, - быстро добавила она, услышав невнятный звук, который я издала: - Она детей оставила. Письмо непонятное было какое-то – Коля сказал, что порвал, нам читать не дал. Может, он не так понял - на время просто ушла? Не похожа она на кукушку, детей всегда любила.

- Как он? – сразу поняла я причину вчерашнего срыва. Но не сказал ведь, вот мужики! Не любят, когда их жалеют или вообще им это не нужно? Потому что непродуктивно и бессмысленно. Олег считал так. Хорошо бы и Коле не нужно.

- А знаешь, - похоже, нервно улыбалась мама, - он такой спокойный… на удивление. Не так, как перед бурей, а будто выдохнул... У меня вот потом сердце давило, наплакалась – отец сердился, а он вчера вечером привел детей к нам и улыбается.

Боровичок с рюкзачком, Сашенька на руках у него – нате вам внуков, а мне завтра утром на службу. Я сильно боялась этого – что они с Настей разбегутся, а случилось вот… и правда, что легче стало. Все равно к тому шло, так хоть как-то решилось, наконец. Но он ничего... Не спрашивай, про Настю я не знаю… Отец обещал - на работе сегодня выяснит. Ну… что еще? Бабаня у нас в порядке…

Мы говорили всего минут десять. Потом я лежала в постели и думала о том, что услышала. Вспомнила Ирку и расстроено подумала, что не до нее Коле сейчас, ой – не до нее. Подхватилась, понимая, что пора вставать и схватилась рукой за горло – резко замутило. Выскочив из дома, кинулась в кусты и согнулась там. Желчь, слюна, слезы… Встревоженный голос Ольги заставил, наконец, разогнуться.

- Совсем плохо? Может, тебе чая с мятой? Лимончик здесь вряд ли...

Встретившись с моим сияющим взглядом, она умолкла. А я радостно кивнула ей и понеслась к колодцу умываться. Прополоскала рот, почистила зубы… Прикрыв глаза, постояла так - лицом к теплым лучам, и благодарно возвела очи к небу:

- Ну, наконец-то… на сто процентов. Теперь можно и тест. Спасибо тебе, Господи…

Рассмеялась, подмигнув Ольге – все отлично, просто лучше некуда. Она задумчиво поглядела на меня и пошла к своей машине. Вернувшись, вручила мне шуршащий пакетик, коротко объяснив:

- Тест.

- Спасибо, - так же ответила я и ушла в сторону отхожего места. Две полоски однозначно указывали на состоявшуюся беременность. Нужно было занять себя чем-то, отвлечься, а иначе… хотелось орать и прыгать, как будто до этого я и не подозревала ни о чем таком. Сама понимала, что реакция странноватая… но настроение выправилось. Нужно было связаться с братом, сейчас я уже могла разговаривать и разумно и спокойно. Но он не дал мне говорить о том, о чем я собиралась:

- О, хорошо, Ален, сам хотел звонить. Помнишь, я говорил тебе про психолога для Ивана? Так вот - есть такой человек.

- А зачем сейчас об этом, Коля? Вопрос станет актуальным…

- Он едет туда, к вам. Будет в городе проездом по своим делам. Просто поговори с ним. Ты извини, но я все ему рассказал… Не перебивай меня! Это, как врачебная тайна – от него не узнает никто. Через три дня, поезд…

- Коля, я не в городе, - попыталась я вставить слово, - я сейчас в том самом селе, мы завершаем стройку и как раз в этот день здесь будет праздник, я просто не могу уехать и не хочу, если честно. У нас еще есть время, ты поговори с ним, спроси на будущее… Не нужно форсировать… а?

Я вслушивалась в неясное бормотание в телефоне, злилась и паниковала – похоже, с братом не все так правильно. Он странные вещи творит и это еще слабо сказано.

- Коля…?

- Алена, здравствуйте, - раздался в трубке незнакомый голос, - меня зовут Антон Иванович, и если можно, я бы очень хотел побывать в этом селе… Длинном? Конечно, простое человеческое любопытство никто не отменял, но мне хотелось бы поговорить с этой женщиной, той…

- Марией Львовной, - подсказала я, не представляя себе - что ему ответить? И чувствуя огромное желание крепко настучать брату, как в детстве. Ну, зачем все это сейчас… да и вообще?

- Антон Иванович, вас встретит моя коллега – Ирина, - решилась я, - я поговорю с ней, мы решим, как вам удобнее доехать сюда. Но вы уверены, что это действительно нужно? Не ваш приезд, а вообще - в принципе? Еще почти год времени впереди, не хотелось бы занимать…

- Нужно поговорить. Если все так, как рассказал Николай, то вам это нужнее, чем мне. Гораздо… поверьте мне. Навязывать свою помощь в нашей профессии не принято, я вам ее и не предлагаю. Но она понадобится Ивану.

- Боже мой… - прошептала я, совершенно фигея от этого разговора и уже не понимая – радоваться мне или злиться? Коля поверил мне, он мне поверил… и поверил настолько, что выболтал… на эмоциях, отвлекаясь от своего? Или просто случай представился? Потом разберусь.

- Вы действительно серьезно относитесь ко всему, что он вам рассказал? Если нет… - осторожно прощупывала я обстановку.

- Я верю во все это, Алена. В моей работе приходилось сталкиваться с этой самой мистикой, и поверьте – ваш случай, без сомнения, странный и удивительный, но не страшный. Случаются вещи запредельного порядка… чем-то я смогу поделиться, если у вас возникнет желание. Давайте, я подъеду на несколько часов, у меня как раз рисуется свободное время.

- Да. Диктуйте время прибытия…

Целый день я провела на стройке, стараясь не думать о самоуправстве Коли. Если таким образом он отвлекается от проблем своей семьи, я его…! Растерзаю гада при встрече! Рыжий Голубев уже подключил схему умного дома. Провел меня везде, объясняя по ходу дела:

- Ничего лишнего, как договаривались. Стационарный пункт управления – температура, вентиляция, насос, подогрев воды, свет… Раз или два в месяц бабушку проведают родственники или обслуживание. Если нужно будет, перенастроят параметры. Все, как заявлено – «заходи и живи».

Потихоньку дело двигалось к полному завершению. А мы с Ольгой уговорили бабу Маню жить в новом доме. У меня с ней состоялся приватный разговор на эту тему. Я провела ее по комнатам, показала, как все будет работать – само собой и очень просто, даже свет в туалете будет зажигаться и гаснуть сам собой, я демонстрировала это, как фокус. Открывала и закрывала двери, включала горячую воду, показывала ей кухонную плиту, камин в гостиной…

- Вы привыкли топить печку, привыкли к этой заботе, к запаху дровяного дымка и виду пламени… Мы перенесем в новый дом все дорогие вам вещи. Сейчас нужно определиться с этим. В деревянных стенах будет замечательно смотреться и ваш сундук, и кровать с шишечками, если она, конечно, удобная. Не беспокойтесь за Ваню – до следующего цветения липы он точно не появится. А я тогда обязательно подъеду. И еще, наверное, Ольга.

- Скоро уедет, - вздохнула баба Маня, - обещала через месяц вернуться и пожить тут со мной. Что-то решит там – со своей учебой.

- Спасибо, что не рассказали ей про Ивана. Может быть – потом.

Мы выбрали мебель, которую она хотела оставить. Это было ее право, здесь и сейчас речь не шла о том, чтобы придерживаться какого-

то стиля. Главное – она согласилась. А, может, нашей заслуги в этом и не было, и она сама уже не смогла бы отказаться – дом выглядел красивым и удобным. Еще в процессе строительства бабуля частенько брала небольшой предмет мебели, название которому я с трудом могла подобрать – то ли мини-табурет, то ли маленькую скамеечку… она называла его «ослончиком». Садилась на него под стеночкой в новом доме и наблюдала, как рабочие покрывают пропиткой стены, кладут плинтуса, навешивают двери…

Выглядела она при этом маленькой, слабой и беззащитной, но, слава Богу, уже не одинокой - женщина, у которой не сложилась жизнь. После рассказа Ольги я смотрела на нее немного другими глазами. Она стала живым укором для меня – ради детей она отказалась от многого… А я, получается, не так уж и стремилась иметь своих. Иначе настояла бы, нашла выход. Рядом с ней я чувствовала себя виноватой – сама перед собой. И даже понимая весь ужас того, что она пережила, я странным образом завидовала ей - совсем немного и очень грустно, по-доброму завидовала. Тому, что она не сломалась, что нашла в себе силы жить дальше, что искала их в себе и находила с самого начала - до последнего стараясь сохранить свою семью. Судить не хотела. Мне тоже приносила корзинку с продуктами и даже деньги девушка Романа. Я нечаянно стала между ними, невольно, нехотя… без вины и все равно с виной – так получилось.

В свете Ольгиного рассказа она выглядела настрадавшейся до такой степени, что этот дом не мог бы стать возмещением или наградой за долгие годы ее одиночества, если бы не был подарен внуком. А так – хоть что-то… хоть как-то. Но главным утешением для нее все равно стал не дом, а Ольга.

Беркутов не приехал на следующий день, и я легонько выдохнула. Еще одного соискателя и претендента на взаимность рядом с собой я бы просто не выдержала. Отказывать оказалось не очень приятно. Наверное, потому что не хотелось никого обижать. Хотелось, чтобы все решилось само собой – тихо и мирно, и всем было так же хорошо, как мне сейчас – тошнит периодически, полощет до головокружения и белых звездочек в глазах, полосочки эти… Я собиралась стать на учет в ближайшее время, а пока пила травяные сборы, приготовленные Марией Львовной.

Мои мысли, настроение, общий настрой… все это было исключительно позитивным. Появились приятные заботы… срочные и неотложные. Например, сыну нужно было выбрать имя, и я морщила ум каждый вечер, как только ложилась спать: Ваня? Иван Иванович? Ну нет… Тогда Степушка? Степан Иванович? Не звучит, простовато как-то. Вот Иван Георгиевич – да, это солидно. Буква «Р», наверное, нужна… И я увлеченно подбирала имена с рычащей, засыпая с улыбкой на лице.

Я теперь и днем часто улыбалась, говорила с людьми, не раздавая указания, а убеждая и даже уговаривая по ходу дела. На меня странно посматривали, а я только посмеивалась. Еще сама заметила, что стала ходить иначе, и это было очень похоже на то, как ходила Колина Настя. Я буквально плыла… несла себя с безумной гордостью и, наверное, с излишней пока осторожностью. Было и радостно, и тревожно, и немного страшно – он еще даже не родился, только наметился, можно сказать, а я уже боялась за него. Как же я стану трястись, когда рожу? А потом? Содранные коленки, драки в школе, сигареты, девочки?

Делиться с кем-то такими мыслями, как, впрочем, и думать их, было глупо – я опасалась всего этого молча, чувствуя себя последней идиоткой, и наслаждаясь тем, что теперь имею право вот так бояться за кого-то.

Еще раньше баба Маня решила закатить пир горой в честь окончания стройки и угостить всех причастных. Ее план заключался в том, чтобы наварить ведро молодой картошки, покрошить на нее укроп, а сверху вывалить пачку сливочного масла. Кроме того, планировались еще малосольные огурцы и жареные кабачки с чесноком, а купить колбасы и бутылку водки она поручала нам с Ольгой. Идея пришлась по душе и правнучке и внуку, которого известили по телефону, и мероприятие решили провести по расширенной программе. Правда, для его подготовки оставалось не так много времени.

Когда мы осматривали комнаты старого дома и составляли список вещей, которые нужно будет переместить в новый, мой взгляд упал на корзинку… корзину, в которой женщина из-за соседнего забора приносила то ли откуп за мужа, то ли взятку… С чего она вообще увидела во мне угрозу? Хотя они тут странные – на Машу

женщина кинулись потому, что ее муж просто похвалил медичку. Может, сосед посмотрел на меня из-за забора? Этого достаточно для такой сомнительной акции или как?

Да, мужчины заглядывались - я часто замечала это, это было. И утомляло, я хотела покоя от такого внимания, не любила его, оно не было мне нужно. А в наших бригадах мужики привыкли ко мне, присмотрелись, что ли? Но поедания глазами, свиста, реплик в адрес отдельных частей моего тела точно не было – на работе я отдыхала от всего этого. Даже Потапыч в последнее время притих, будто не замечая меня… Все это мигом промелькнуло в моей голове, стоило взгляду упасть на эту злополучную корзину… вернуть ее, что ли? Но она освежила память, и это возродило интерес к известной теме.

- Странная традиция, - задумчиво начала я, - откупаться таким образом. Вы не знаете где следует искать ее истоки? Легенды, суеверия, или просто - грамотные вековые практики по отжиманию продуктовых запасов и денежных средств? Кто поставил это на поток в данной местности? Интересно было бы узнать…

- Если внучка отвезет, то даже покажу, - пообещала хозяйка, - тут недалеко, на краю села – возле пасеки. Сама хотела бы глянуть на то место, давно уже не была.

Усадив задумчивую бабушку в салон, мы уселись сами и поехали в указанном направлении. Машина у Ольги была очень красивой и безумно дорогой даже на вид, ехали мы медленно. Нас провожали взглядами, видели и бабу Маню, конечно. Дорогу до пасеки я знала, поэтому уверенно показывала Ольге направление и повороты. Вскоре баба Маня окликнула нас: - Здесь кажись. Выходим, девоньки.

Глава 37

Мы остановились на дороге, которая вела на пасеку. Слева за сплошным высоким забором виднелся чей-то дом, а справа – развалины, поросшие высокой крапивой и пыреем. Крыши не сохранилось, и видно было, что там скоро вообще ничего не останется, но тяжелого впечатления эта картина не производила. Наверное, потому, что весь этот бурьян так радостно зеленел под солнцем, разросся так роскошно…

- Когда я приехала сюда, в этом вот доме уже жила «ведьма». Я говорила тебе, что ведьм нет? – взглянула она на меня, - что такое ведьма, по-вашему?

- Женщина со сверхспособностями? И чтобы у нее обязательно была метла, черный кот и черные, длинные и густые волосы? – а как еще можно ответить? Все знание предмета - только в теории. Так что - все, что могу...

- У этой были гадюки, - вздохнула баба Маня, - меня вызвали к больной – вечером, почти ночью. Дом нашла быстро – объяснили куда идти. Тогда он еще целым был – убогая мазанка под соломенной крышей, а вокруг все заросло сорняком, как и сейчас вот. На улице темно уже было, - заторможено как-то рассказывала Мария Львовна, обводя взглядом заросшие руины:

- Самая окраина села, последний дом - страшновато, а еще и окна не светятся. Мне сказали, что у старухи прихватило сердце, я и удивилась, что оставили ее вот так – одну, в темноте. Здесь была дорожка от дороги до дома - узкая, спорышом заросла. А по бокам стены из сорняков. И жутковато было, а идти все равно нужно. Ну... покышкала, как водится, чтобы распугать живность, и пошла-таки. Фонарик светил…, а потом меня гадюка ужалила.

- Ужалила… - ахнула Ольга. А меня озноб пробрал - всегда боялась змей. И сейчас опасливо отступила подальше от зеленых зарослей, подталкивая остальных.

- Да, гадюка, - печально кивнула баба Маня, послушно отходя за мной в сторону:

- Я помню, как на меня кинулось толстое темное тело – большая змея, больше метра, наверно. Больно было, я кинулась оттуда, закричала. Где-то тут, на дороге, присела… Тогда была инструкция на такой случай – нужно было перетянуть конечность жгутом. Сейчас так уже не советуют, - вздохнула она, пожав плечами:

- Я косынкой перетянула ногу выше места укуса, и чувствую, что уже тошнит, голова кружится - яд разносится кровью мгновенно. Пить нужно много… Ну, повернулась я к соседнему дому, чтобы просить помощи – вот тут стоял тогда тоже старенький, этот уже позже поставили. А на дороге передо мной – еще гадюка и тоже черная... или темно-серая? Темно уже было. Ко мне ползет… шустро так, извивается вся... Я пробежала сколько то, а потом и не помню ничего – потеряла сознание.

Очнулась уже дома – я тогда еще в семье жила. Болела почти неделю, потом вышла на работу и ко мне приехали делать разбирательство. Помощь я не оказала, и та женщина умерла, а кто-то из сельчан написал на меня в область, - замолчала она, глядя на развалины, - оправдали, конечно. Я тогда узнала про нее – в двадцатых годах она приехала аж из Киева, там была то ли домовладелицей… богато жила, важная приехала. И здесь вела себя так, будто ей все должны. Не работала, даже огород не сажала. Что, почему – не знаю, но ей носило еду все село.

- Ну, хоть кто-то же должен знать причину этого? - не поверила Ольга.

- Само собой, - кивнула она головой, - только мне не рассказали, и вам тоже не скажут. Может, уже и некому.

- А что там – в доме? Вы смотрели потом? И что - ни разу не были? – загорелась Ольга, - может, пройти сейчас и взглянуть?

- Смотри отсюда, - подняла баба Маня палку и кинула далеко в зеленые заросли. Мы замерли, а потом нечаянно дернулись отойти опять, потому что стебли в том месте зашевелились и кажется, даже послышалось шипение... Как-то быстро мы все оказались в машине, а сама она уже катилась по дороге. Баба Маня сидела тихо, наверное вспоминая что-то еще, а потом объяснила:

- Они не кусаются, только пугают. Кроме меня, не кусали больше никого. В ту ночь умерла старуха, а у меня все пошло наперекосяк… Я не скажу, что она была ведьмой – ни разу даже не видела ее, и за

собой тоже потом ничего такого не знала – особых способностей, как ты говоришь. Дальше в моей жизни все было будто бы как всегда, но и не так – это не объяснишь. Но с той самой поры все стало особо плохо, - закончила она свой рассказ, а дальше попыталась сделать вывод, от которого у меня сжалось сердце:

- Может, просто озлился, что я больной лежала, а ему пришлось и за бабу в доме тоже…? Это же хозяйство и огород, еды нужно наготовить, а еще дети и уроки их, а он после работы и уставши?

Собака он бешеная – бессильно сделала я однозначный вывод. Бежать от него нужно было, роняя тапки. Но – дети же… Господи, как же страшно-то!

- Может, вы должны были что-то сделать? В церковь сходить, помолиться за нее? – деловито поинтересовалась Ольга.

- Церковь закрыли еще раньше, некуда было пойти, да мне и в голову не пришло бы. Я думаю – тут дело не в ведьмах, - покачала головой баба Маня.

- А какая она была - красивая? – спросила Ольга.

- Я же говорила - не видела, сказать ничего не могу, - нехотя ответила притихшая баба Маня.

Мне казалось, что она сейчас вспоминала то, что тогда было в ее жизни – плохое и хорошее. Увидела то место и чередой пошли воспоминания. А в итоге, на свой вопрос – почему все это время ее считали ведьмой, внятного ответа я так и не получила, да и был ли он?

Тут нужно было отключить эмоции, которые зашкаливали, и включить логику - ту женщину обеспечивали продуктами? А может, все было очень просто? И обеспечивали ее не просто так, а за деньги и это больше похоже на правду. Ведь сказано было, что она выглядела богатой, может, покупала еду с рассрочкой и за один золотой рубль молоко, к примеру, ей носили целый год? А еще – хлеб, мясо, овощи. Признаться, что продаешь излишки – все одно, что сказать – в доме появились лишние деньги. Насколько это было безопасно тогда? Конечно, это только мои догадки…

Когда старуха умерла, возле дома нашли потерявшую сознание медичку, а если, чего доброго, еще увидели рядом с ней змей… А потом влюбился тот – самый первый мужчина, и второй тоже, а еще те ее неосторожные слова, сказанные со зла и от обиды – они сбылись. Ну, и… А еще шум возле дома, который издавал танк – «и так люди

боятся этого места». Танк грохочет, свет гаснет… непонятно, загадочно, а значит - страшно. Мужики может и пошли бы узнать, в чем дело, да жены не пускали – боялись, что ведьма уведет. Я «увела» Романа и девочку кто-то научил выкупить его у меня – кто-то из старших и более "мудрых". Соседка тоже, очевидно, слышала что-то такое. Скорее всего, всех жиличек бабы Мани считали ведьмами, потому что их приезд совпадал со всем этим громом, связанным с появлением Вани. Может, тайком его и видел кто – любопытные дети, парни? Но что они видели - возникший из воздуха рокочущий танк!

Простого и внятного объяснения, наверное, и не могло быть – сама тема слишком загадочная и таинственная, не строить же теоретическую платформу на одних догадках? Мы с Ольгой весь вечер обсуждали рассказ ее бабушки, вертели факты так и сяк, а пришли к тому, что я надумала еще в самом начале – у разного рода мистики просто нет разумного объяснения, иначе она уже была бы наукой.

Ольга тогда высказалась как-то колко, прошлась по мистической составляющей баб Маниной истории буквально катком – не то, чтобы обидно, но очень категорично, и я решила для себя, что ее посвящать в историю Ивана не стану – незачем. Я тоже искала разумное объяснение всему, что случилось с ее бабушкой, но относилась мягче, что ли, готова была искать компромиссы, придавать значение нюансам. Она – нет. Ольга была очень здравомыслящей, а я – принявшей существование мистики, как факт, и уже подсевшей на свою собственную историю.

Хотелось переключиться на положительные эмоции, а то рассказ о гадюках и баб Манином гаде-муже оставил неприятный осадок на душе. Стараясь уснуть, я привычно уже думала об имени для сына, а еще о том, как выглядели в сороковые годы женщины моего возраста? Какая тогда была мода на платья и прически? Все это можно было загуглить, но я попыталась вспомнить фильмы времен войны – брови у артисток были выщипаны в ниточку, волосы зачесаны назад и приподняты надо лбом, губы накрашены в виде бантика, кудри завиты…

И не то, чтобы захотелось примерить все это на себя… просто вдруг пришло в голову, что Ваня, наверное, тоже воспринимал кинодив своего времени этакими секс-символами... Тогда обязательно

существовали какие-то нормы и стандарты, наверняка соблюдались определенные правила приличия. И что тогда он подумал о моих гладких подмышках и вообще – повсеместной эпиляции тела? Я точно не думала тогда об этом, и он не заговорил… Григорий Мелехов вон просто перся от волосков на ногах Аксиньи, а тут...? И смех и слезы, честное слово. А что бы он сказал сейчас вот об этом - приподнимала я руками отяжелевшую и увеличившуюся в размерах грудь и вспоминала… крепко сжимая веки и коленки…

А хотелось не только так вот обстоятельно вспоминать Ваню ночами, потому что днем для этого зачастую не было времени, но и хотя бы иногда говорить о нем… из-за невозможности обнять его самого и залюбить до изнеможения. Так мало времени было у нас и как много я пытаюсь выжать из воспоминаний о нем, стараясь правильно понять слова, взгляды, поступки, а теперь вот и мысли уже... Наверное, не стоит вот так домысливать и фантазировать, но уже есть потребность хоть так иметь его в своей жизни. И в его жизнь я пытаюсь пролезть, поучаствовать в ней хотя бы мысленно - изучаю все эти танки, военный быт, смотрю ночами военную хронику. Тоскливое одинокое безумие какое-то! Надеюсь, что появится ребенок и сразу все изменится, и эта почти безнадежная пустота внутри заполнится радостными заботами и заиграет красками. А сейчас... всего-то - поговорить бы о нем и точно станет легче... с братом, с кем еще?

- Коль, ты как, а? Мамка рассказала все, - виновато интересовалась я. Ведь решила терпеливо ждать его объяснений про Настю, а вот молчать о Ване терпения не хватало.

- Не нуди, Ален. Увидимся – поговорим. Дети присмотрены, им хорошо у стариков, и бабаня засуетилась – стала сильно нужна. Ты сама как?

- Беременна, Коль, теперь уже знаю точно. Пока все хорошо – тошнит… что она тогда сказала? Скажи, пожалуйста, не держи в себе. По себе знаю - трудно, когда нельзя поговорить о том, что сильнее всего болит, - затаила я дыхание, всеми силами желая помочь ему хоть чем-то. Потому что голос его был не таким, как всегда – не веселым и не решительным, не деловым, как вчера, когда к разговору со мной он подготовился. Сейчас он был бесконечно уставшим и надломленным, потерянным каким-то.

- Да неважно уже. Ничего такого... «…даже дети не нужны без тебя…».

- Любовь такая? – горько поинтересовалась я, - кто он такой, я знаю его?

- Кондитер из Москвы, приезжал в гости к Юрченкам. Работает там в каком-то ресторане.

- Господи, Коля… - ужаснулась я, - она же скоро приползет обратно, и что ты будешь делать?

- Ничего. Жить буду. Без нее… Не с кем поговорить про Ивана? Понимаю… когда вспоминается приятное... А мне ни хрена не хотелось, а ты вот влезла, выдра, - ввернул он мое официальное прозвище времен детства. Я заулыбалась, потому что хотя бы расшевелила его.

- Ладно, до связи, держись там. Кстати, об Антоне твоем я договорилась.

Это было правдой - почти сразу же я договорилась с Ирой, что она встретит Антона Ивановича на вокзале и доставит к мебельному, откуда к нам должны были привезти последние заказы – кровать в гостевую комнату, диван в гостиную и светильник на кухню. Ира рвалась в отпуск, а я, если честно – отпустить ее и сменить уже место. Тянуло в город – пройтись по магазинам, даже если просто поглазеть, сделать маникюр, посидеть в парикмахерской, кафе.

Хотелось новые духи и чтобы обязательно мягкий, пудровый аромат. Раньше я любила горьковатый, сухой запах – осенний, а теперь от него отвернуло, и это было ожидаемо – я слышала, что вкусы могут меняться на совсем противоположные. Убедилась… Духи, прическа, может еще какая новая тряпка… Хотелось не только обновок и городского шума, красок! Хотелось кардинально сменить обстановку, определиться с жильем в дальнейшем, да много чего... Нужно было заполнить свою жизнь пока хотя бы такими заботами, занять себя вещами приятными и даже не совсем - отвлечься.

Оставалось всего день простоять да ночь продержаться.

Глава 38

Антон Иванович оказался невысоким поджарым мужиком в возрасте и с военной выправкой. Он как-то сразу понравился и мне и бабе Мане, судя по тому, как одобрительно она кивала, стоило ему что-то сказать или сделать. Он сразу же разговорился с мужиками, представился полковником в отставке, помог выгрузить диван – не спрашивая о необходимости этого, а просто подключившись к процессу вытаскивания и перемещения. Накрывая дощатый стол, который притащили из строительного «городка», мы с женщинами наблюдали, как Марк показывает ему дом снаружи, заводит внутрь… К процессу ознакомления подключился и рыжий Голубев, втирая, скорее всего рекламу системы комфорта…

- Добрый дядька, умный, - охарактеризовала его Ольга.

- Толковый, да, - согласилась с ней баба Маня, поглядывая на яму в земле, из которой шел дымок. Там запекался в углях здоровенный карп, которого привезли ранним утром с лесного озерка мужики. Рыбину бросили на траву, а мы все сгрудились вокруг и говорили, говорили…! Мужские эмоции зашкаливали – очевидно, включился режим добытчика, женские восторги и восхищение умением этого самого добытчика были закономерны. Рыбина весила килограмм двенадцать – навскидку. Безмена с собой ни у кого не было, а ехать за этим в магазин, где я видела когда-то напольные весы старинного вида, не хотелось.

Саша Голубев предложил приготовить трофей старым дедовским способом – натереть солью со специями, натолкать внутрь разных трав типа укропа и, обмазав глиной, запечь в яме с углями. Мужики загорелись идеей, и мы поддержали ее дружным женским коллективом – главным ее плюсом было то, что наше участие в процессе приготовления исключалось полностью.

Яму вырыли, обложили плоским камнем, развели там огонь, сгоняли за глиной – баба Маня указала место… И вот теперь из ямы уже доносились ЗАПАХИ… Общий приподнятый настрой в связи с ожиданием уже оправдал то, что замутил Саша, и будет рыба съедобной или не очень, было уже не так важно.

Владимир Беркутов появился ближе к началу пира. Выгрузил из машины ящик дорогущего виски и еще много чего в упаковках и нарезке, что мы с Ольгой шустро переместили на стол. Со мной он приветливо поздоровался, не делая попыток поговорить наедине, и я выдохнула с облегчением – неплохой все же мужик, понимающий.

Готового карпа пришлось извлекать из ямы за два раза – не продумали вариант эвакуации с самого начала. Потом уже погуглили, зашумели… Ну, как-то все же приспособились, извернулись, выкрутились… и выложили большие куски рыбы на целлофан, расстеленный на земле и постеленную поверх чистую простынь. Ходили потом туда, как за фуршетный стол – за добавкой. Вкусно было. Рыбный вопрос своей актуальностью едва не затмил тему окончания строительства. Саша рассказывал о том, как проходила рыбалка, благодарил Беркутова за отличные бойлы. Остальные тоже что-то вспоминали, ностальгировали…

Полковник веселился вместе со всеми, участвовал в обсуждениях, даже поднял тост, поделившись впечатлениями и от дома, и от рыбины, и от нашего дружного коллектива. Я тоже сейчас любила их всех и была просто дико благодарна за то, что мужики не подвели и дом получился на славу, как я и обещала Беркутову еще в той гостинице.

Вместе с ним и бабой Маней я прошлась по комнатам, предварительно разувшись, как она велела. Услыхав такое категоричное требование, мы с Владимиром переглянулись и заулыбались - потребовав разуться, хозяйка поддерживала чистоту в своих новых владениях, таким образом уже признавая их своими и это радовало. Беркутов хвалил то, что получилось, и всем восхищался, никак не отмечая наличие в новом доме микса из новой и старой мебели, и я опять думала о нем хорошо.

За столом он сел между мной и своей бабушкой, ухаживая за нами обеими. Наливал ей в рюмочку легкое вино, тихонько рассказывая только ей одной историю марки и винодела, создавшего когда-то такой уникальный букет. Мне спиртного не предлагал, очевидно, уже зная о беременности. Немного странным мне показалось другое – возле тарелки Ольги тоже не наблюдалось известной емкости, только стакан с соком, как и у меня. И тот тест в ее машине…

- Ольга ждет ребенка? - не подумав, с разгону бухнула я вопрос. Даже не задумавшись о том, насколько он допустим и уместен. Наверное, уже немного привыкла к нему, освоилась по-своему, и вот… Но Владимир не оборвал меня, не поставил на место, а ответил, на мой взгляд, максимально откровенно:

- Да, уже четыре месяца, хотя по ней почти не видно, просто немного поправилась. А она не сказала вам? А бабушке? Не знаете? Ну… это ее право и история там темная. Я и сам не много знаю – она отказалась говорить на эту тему. И от всякого рода помощи в этом плане отказалась, - расстроено рассказывал он, - я вынужден был согласиться с ней и… похоже, отца у этого ребенка не будет.

- Не будет того – будет кто-то другой. Ольга очень красивая женщина. На нее и здесь мужчины заглядываются. А вы скоро станете дедушкой, Владимир, поздравляю вас, - по-доброму подколола я его. А он огорошил:

- Я готов стать еще и отцом, Алена. Если ваша ситуация похожа… я готов, просто знайте об этом.

- А-а… нет – не.. похожа. Не думаю, но очень… благодарна, - растерялась я, в очередной раз не представляя себе - что сказать на это? Последнее время жизнь часто загоняла меня в подобные тупики.

Отвернувшись, встретила внимательный взгляд Антона Ивановича. Он улыбнулся мне, подбадривающе кивнув. Откуда он знает Колю? Коля - участковый в районе, а он - военный психолог. Что их связывает, если он прислушался к просьбе брата и приехал сюда – не самый ближний свет, надо сказать. А я даже не поговорила с ним и сколько еще он сможет задержаться? Не выпить же и закусить человек приехал в Длинное?

Я поднялась из-за стола, объяснив Владимиру, что мужчина – мой личный гость, привез привет и новости от брата и, наверное, уже спешит обратно. Или же нет, и мне нужно это выяснить.

- Понимаю, Алена, конечно, я вас не задерживаю, - заглянул он мне в глаза, всматриваясь в них чуть внимательнее и чуть дольше, чем было необходимо. И я сама не поняла, зачем сказала:

- Совершенно посторонний мне человек… как-то неудобно…

- Да-да, конечно, - заулыбался Беркутов, а я вдруг разозлилась непонятно почему – на эмоциях, гормонах? На него, на себя? Да черт его…? С какого… я вообще оправдываюсь перед ним?

Дав понять полковнику, что жду его, я прошла по траве к асфальту, осматривая место, которым предстоит заняться в ближайшее время нашему ландшафтному дизайнеру Светлане. Длинные доски стола оконтурят собой грядки с хорошим черноземом, верхний слой травы, измочаленный колесами, уберут и настелят газон, который не нужно будет косить. Посадят пару уже плодоносящих саженцев карликовой вишни и черешни, которые любит баба Маня. В общем, наведут возле дома порядок. Вот только огородить участок она не позволила, и я понимала причину этого.

- Алена? - окликнул меня мужчина, и я вздрогнула, вынырнув из размышлений.

- Пойдемте, Антон Иванович, я покажу вам то место - землю, развороченную гусеницами танка, - сдавленным голосом пообещала я, беря курс на старый дом.

- Обязательно, но давайте – немного позже? А сейчас мы присядем здесь, - подошел он к старой лавочке у уличного стола, - и поговорим с вами.

Я пожала плечами и присела напротив, положив обе руки на стол и нечаянно обратив внимание на свои ногти. Когда уже я приведу их в порядок? Руки для меня сейчас вообще больная тема, чуть что – всплывает и мучает…, просто терзает чувство страшной вины. Ванечка…

- У меня беременность на раннем сроке и гормоны, наверное… - пробормотала я, - неловко будет, если я сейчас расплачусь - люди… а я расплачусь, Антон Иванович, если начну рассказывать.

- Тогда не нужно сейчас, - успокоил он меня, - я могу задержаться до завтра, если не слишком стесню вас и найдется место для ночлега. Да? Замечательно. Привет от Николая я вам уже передавал, так что просто скажу, что он хорошо справляется и…

Мы говорили о том, где они познакомились с братом, как поддерживали отношения последние десять лет, о том, что мне не стоит переживать за Кольку… Разговор прервал Беркутов, который подошел к нам вместе с Ольгой:

- Алена, мы с дочкой уезжаем, мне завтра на работу – важная встреча, - смотрел он на меня с сожалением и улыбался, ласково так улыбался, по-доброму. Опять сдавило под горлом и захотелось плакать. Да что такое?

- А… Оля, вы тоже спешите? – просипела я, потирая шею.

- Нужно оформить академ. Собиралась сделать это, сдав первую сессию, но теперь передумала. Слетаю в Москву, решу все и сразу обратно – поживу с бабушкой до родов.

Я кивнула, давая понять, что уже в курсе ее положения, а она продолжила:

- Есть дела кроме... меня не будет месяц или чуть меньше. Понимаю, что вот так оставлять ее… раньше она справлялась, конечно…

- Я еще пробуду здесь весь завтрашний день, - успокоила я ее, - помогу ей освоиться. А потом… я не знаю – в курсе вы или нет, но Саша Голубев просил у нее разрешения пожить в старом доме со своей семьей – женой и дочерью, они как раз возвратились из какой-то поездки. Вся семья любит рыбалку.. Мария Львовна согласилась, они хорошо общаются и человек он спокойный и очень надежный – бабушка будет присмотрена недели две, а потом увидим. Во всяком случае, за это время она совсем освоится и привыкнет. И несколько дней у нее в доме поживет Светлана – наш ландшафтник, будут работы… не переживайте, Оля.

- Я особо не переживаю, но все равно постараюсь справиться побыстрее, - приобняла меня Ольга за плечи. А Беркутов, прощаясь, поцеловал руку. Я не ожидала этого и просто кивнула, беспомощно взглянув на Ольгу. Она улыбалась, отворачиваясь и уходя к машине. За ней шел отец и нес сумку с вещами. Уехали…

- Достойный мужчина, - заметил Антон Иванович.

- Да, - согласилась я, - верный.

- Для вас это самое главное мужское качество? – нейтрально поинтересовался он.

Мы разговорились, немного поспорили, я слушала его, говорила сама. Выболтала нашу с Олегом историю, и мы обсудили и ее тоже. Потом ко мне подошел Марк, а за ним и вся бригада – ребята прощались, усаживались в микроавтобус, который подошел к этому времени. Городок на горе оставили нетронутым, за исключением стола – там еще пару дней будет жить другая бригада, работая с ладшафтом. Все было продумано, все сделано – даже убраны продукты со стола, черный пакет с одноразовой посудой и другими отходами уносили…

- Алена, - обратился ко мне Антон Иванович, когда мы с Сашей полностью закончили уборку: - Покажите мне место ночлега, пожалуйста.

- В старом доме, если вас это устроит. В одной комнате Саша Голубев, а в другой – вы. А я с Марией Львовной в новом. Можно разжечь камин, ей будет приятно… наверное, - засомневалась вдруг я. Бабушка устала после длинного и суетного дня и эмоций, которых сегодня было в избытке. Да еще и немного выпила.

- Сделайте обязательно, - посоветовал полковник, - это будет замечательным завершением дня. Я видел - там удобное кресло и маленький музыкальный центр, - посмотрел он на меня с вопросом.

- Это Ольга, я тогда еще не знала, что она планирует пожить здесь и сама удивилась – зачем бабушке центр? - улыбалась я, - тогда помогите мне с дровами. А то Саша ушел помыться перед сном к луже – так мы называем пруд, - кивнула я вниз, на большую, относительно чистую лужу рядом с баней.

Голубев не поддержал нас с идеей вечерних посиделок – очень рано встал утром, выпил лишнего и сейчас просто смертельно хотел спать. Поэтому вечер заканчивался ожидаемо – в кресле напротив камина сидела притихшая баба Маня, а мы с Антоном Ивановичем – напротив, на диване. И я рассказывала ему о Ване…

Рассказ затянулся – я немного поплакала, само собой. Потом и баба Маня добавила от себя – рассказала о прошлых появлениях Вани. Я сбегала и принесла толстую газету, в которую был вложен его портрет. Мужчина всматривался в рисунок, очень внимательно изучая его.

- Что, Антон Иванович? – насторожено выдохнула я.

- Физиогномику раньше называли наукой, теперь многие ученые отрицают это, добавляя приставку «лже». И я не думаю, что по чертам и выражению лица можно составить психологический портрет человека - они могут быть обусловлены физиологическим строением, и еще большое значение будет иметь мой личный опыт. Например, такие носогубные складочки, по моему мнению, указывают на характер суровый, решительный и бескомпромиссный, даже тяжелый…

- Нет, - тихо возразила я, - но с решительным я, пожалуй, соглашусь. В остальном же…

- А гусиные лапки от внешних уголков глаз указывают на то, что он любит улыбаться, - согласно кивнув, продолжил полковник.

- Или привык щуриться, глядя в прорезь танковой амбразуры, - подхватила я тихим сдавленным голосом, - у Т-34 было очень тесное внутрибашенное пространство. Места для командира не хватало, поэтому он совмещал обязанности наводчика и командира, соответственно. Очень тесно… - совсем задохнулась я словами, - но он и улыбаться любит, тут вы правы.

- То есть, не так уж я и обманулся, - вернул он мне портрет Вани. Я смотрела на рисунок, буквально вбирая в себя глазами чуть опущенные уголки губ, усталые глаза, складочки эти у носа… любовалась и улыбалась сквозь слезы. Извинилась:

- У кого как, а я плачу по поводу и без, - накрыла я ладонями свой живот, затаенно прислушиваясь к непонятно еще чему. Захотелось сменить тему и уже, наконец, успокоиться. И я спросила у совсем притихшей старушки:

- Мария Львовна, вы не устали? Спать еще не хотите?

- Давно уже сижу и сплю. Пойду… - поднялась она и ушла в новую спальню. А я придерживалась своего плана – сменить тему:

- А что вы можете сказать про Настю? Как объясните ее поступок?

- В женской психологии я не эксперт, от некоторых поступков современных девиц просто теряюсь в пространстве, - засмеялся он, что-то вспомнив, и пояснил мне: - Трудно понять особу, снимающую себя, сидя на унитазе и выкладывающую потом видео в инстаграмм. Но в психологии военного, участвующего в боевых действиях, разобраться постараюсь. Алена, выслушайте меня, пожалуйста.

Немного помолчав, он поднялся с дивана, где сидел рядом со мной и пересел в кресло, стоящее напротив. Прямо посмотрел мне в глаза.

- Вы влюблены. Настоящей любовью ваша влюбленность стать еще не успела. А может, и уже… - задумался он, - вы совпали в сексуальном плане, вам нравится его внешность – я видел, как вы смотрели на портрет Ивана, и это было настоящее любование. А еще есть уважение, и даже восхищение родом его занятий. Мы с вами правильно воспитаны и эта благодарность за их победу, мир и жизнь,

которые они подарили нам, просто безмерна. Безграничное уважение к человеческим качествам, - повторил он, - и еще что-то, так же?

- Такое же безграничное чувство вины, - подтвердила я, - я не успела… нет! Я забыла полечить его руки, - судорожно шептала я, подавшись к нему всем телом: - Там, даже на рисунке… они черны от въевшегося мазута, а еще глубокие трещины на коже – до крови. Чинили на морозе под обстрелом разбитый трак, и он поморозил пальцы, а еще их постоянно сушит этот мазут! Но он же командир! Какого хрена он возится с мотором этим, или чем там еще? Что – больше некому? Они что... все они?! Не видят, что у него с руками? Где в ж..у их медики?! – орала я шепотом.

- Чувство вины – страшная штука, - так же шепотом ответил он, заставив меня прислушиваться и замолчать: - Бывает, оно просто выедает душу и заставляет человека делать с собой страшные вещи. На эту тему – чувства вины, писаны целые диссертации, есть утвержденные методики и рекомендации... Но я скажу вам, как мужчина – он не променял бы вашу ночь ни на какие коврижки, - озорно подмигнул он вдруг мне.

- Не захотел бы утратить ни одной минуты из тех, что были отпущены вам – ни на разговоры, ни на лечение. Просто поверьте мне, Алена. Между близостью и лечением он обязательно выбрал бы еще минуту близости, просто не дал бы вам лечить себя, не упустил бы эти драгоценные мгновения. И еще одно - есть любовь, и есть воинский долг, а еще есть такое понятие, как мужская честь. Сейчас понятие довольно редкое, потому что сложное. Человек чести не способен на ложь, воровство, измену Родине, долгу, своей женщине… Если Иван такой человек, то вам не стоит ждать, что он останется, Алена, даже если узнает, что погибнет завтра. Его ждут там, от него зависят, ему верят и он уйдет туда в любом случае, просто не сможет иначе. Если все же он придет опять… вы говорили - с цветением липы? Ну, вот… не ставьте его перед таким выбором, не отравляйте те минуты – последние ваши с ним минуты.

Он подхватился с кресла и опять сел рядом со мной, обнимая за плечи.

- Не нужно плакать, вы должны понимать, что отрицательные эмоции могут навредить ребенку. И та его смерть, что вы нарисовали

мне – она мгновенная. Когда человек просто не успевает осознать и почувствовать – не самая страшная, поверьте мне.

- Но он не погиб тогда, - мотнула я головой, - иначе вышел бы ко мне, обязательно вышел и сказал где его искать. Выходят к людям чужим и незнакомым, а я… а он сказал, что я для него родилась… я…

- Ох, Алена, Алена… Моя вина – не нужно было начинать этот разговор на ночь. Вечером мы более склонны к переживанию чувств, чем к рациональному мышлению, при этом максимума достигают именно отрицательные эмоции. А вот вторая волна – утренняя, ориентирована на логическое и аналитическое мышление. Так что – утро вечера мудренее. Подумайте о том, что выходят ведь не тела, а не упокоенные души. Его души нет там? Значит, она нашла свой покой или уже возродилась. Это же хорошо? Зачем вы ищете негатив там, где его нет?

- Я буду ждать его следующий раз, я обязательно буду здесь, когда… - уже почти спокойно ответила я, вставая, чтобы уйти спать и… замерла на месте, буквально оцепенев - вдруг погас свет и раздались знакомые грохот и лязг. Мою кожу, наверное, можно было сравнить с наждаком, так ее продрало морозом и страхом, природу которого не понять – не Ваню я боялась. Прошептала, с трудом ворочая языком:

- Н-но… липа же?

- Я с вами, я здесь, Алена, - раздался из темноты ровный мужской голос.

- Не смейте выходить! Не смейте, слышите? – вскрикнула я, - и никого не пускайте. Я сама… - метнулась я к выходу из дома.

Вдогонку донеслось:

- Не ставьте его перед выбором, он будет не в вашу пользу, а это больно. Не делайте ему больно, Алена.

- Пошел ты… - простонала я, рывком закрывая за собой дверь.

Глава 39

Слетела с крыльца, чудом не навернувшись и сердце дернулось – испугалась, схватилась за живот. Пошла… быстро пошла, а потом все равно бежала. Скрипнула дверь в старом доме, и показалось сонная физиономия Голубева.

- Скройся, уйди-и, - страшным голосом прошептала я, и дверь мигом захлопнулась. Еще несколько шагов… угол дома и запах… снова этот запах горячего железа и дизельного топлива. Ваня спиной ко мне спускался с брони. Стянул шлемофон, оставил его возле башни, оглянулся, а я задохнулась густым, вязким воздухом… замерла, ожидая – узнает… нет?

- Алена! – увидел он меня, шагнул, протягивая руки…

И я с разгону кинулась ему на шею, пряча лицо на его груди и жадно вдыхая знакомый запах.

- Как же ты долго, - промычала в комбинезон, цепляясь за него и не давая отстраниться.

- Ну что ты? Я же обещал вечером? Дай хоть посмотрю на тебя, - развернул он меня лицом к восходящей луне и замолчал, вглядываясь. И я плохо видела его в темноте, смутно. Потянулась к его губам, ощутила их тепло, потом жадный напор…

- Мало времени, родная, совсем мало, - оторвался он, тяжело дыша и провел рукой по моей спине вниз, стиснул ягодицу, прижал к себе…

- Чуешь, что делаешь со мной? Весь день так хожу… – почти простонал он мне в шею, впиваясь в нее поцелуем.

Но я еще не совсем потеряла разум и помнила, что секс сейчас – дело второе. Я просто не выживу, если опять… Потянула его за собой вниз по склону. Мы почти пробежали это расстояние, и только открывая дверь бани, я поняла, что мне мешает – фонарик в руке, который я прихватила по дороге, но так и не включила. Мы специально оставили его на видном месте для бабы Мани. А я так и сжимала его в кулаке, даже обнимая Ваню – пальцы свело, будто судорогой, а я и не заметила…

Вскочив в предбанник, включила фонарик и кинулась в тот угол, где была спрятана мазь - лекарство для Ваниных рук, нагнулась, достала, сжимая склянку в руке. А дальше - стук закрывшейся двери, мягкий рывок… и я уже стою, прижатая спиной к его телу.

Откинулась назад и выпрямилась, расправляя плечи и облегчая этим доступ к своей груди. Живот судорожно втянулся, казалось – прилипая к спине. Подобралась вся, наслаждаясь тем, как он приподнимает грудь, будто взвешивая ее, мягко сминает ладонями. Сердце стучало так громко, что казалось – бьется в его руке… Затихла, растворяясь в этом ощущении близости, чувствуя ягодицей ту самую готовность, от чего жар волнами пошел расходиться по всему телу.

- Хочу тебя, Ванечка, - простонала в душную темноту. Руки просились коснуться его, ощутить под пальцами открытую, голую кожу. Больно оторвала его губы от своей шеи, рывком развернулась... Сама уже покрывала поцелуями родное лицо – быстро, горячечно, жадно…

А он, сосредоточенно сопя, стаскивал с моих плеч бретельки длинного шифонового сарафана. Улыбнулась, вспомнив, что под ним - единственный комплект, кроме спортивных, который взяла с собой. Надела сейчас, потому что этот лифчик с прозрачными бретелями красиво держал грудь под сарафаном. А еще – такие же белоснежные узкие кружевные шортики. Захватив с собой склянку с мазью, потащила Ваню в парную.

- Ванечка, вначале полечим тебе руки, я тогда не успела… вчера. Здесь мазь, она пахнет травой, зеленью, свежестью, - приговаривала я, подталкивая его к лавке.

- Нет. Измажу тебя всю…, не мучай, не тяни, Алена – времени совсем нет, - прошептал он пересохшими губами, а я кивнула и печально улыбнулась. Положила фонарик на полок так, чтобы оказаться в потоке света, и стала раздеваться – стащила через голову сарафан, бросила в сторону и замерла, услыхав невнятный звук из темноты, в которой сейчас оставался Ваня. Объяснила, плавно поведя бедрами и почти задыхаясь от того, что чувствовала:

- Я ждала тебя, Ванечка. Дай раздену тебя… сама.

Он встал, позволяя расстегнуть на себе пуговицы комбинезона, стянуть его, потом исподнее. Вспомнила вдруг Ирку, плавно

опустилась перед ним на колени… но он подхватил меня под локти, быстро поднял и прижал к горячему голому телу. Обхватил, облапил ручищами, пробормотал в ухо:

- Ну что ты? Это я должен на колени… ты, как королева...

- Ванечка! – наливаясь до краев непонятным восторгом, залепила я его рот поцелуем – со смехом и слезами одновременно. Оторвалась, признаваясь, шепча ему в губы:

- Я люблю тебя, Ваня.

Подхватив на руки, он опустил меня на полок… отступил, окидывая взглядом, шагнул опять ближе, склонился... потянул на себя, дернул, навалился...

- У-у-уррр… - рычал, терзая губами мою грудь... я отвечала. А потом на нас нашло какое-то безумие, сумасшествие, ураган, замешанный на страстях, эмоциях и чувствах. Наши руки не знали покоя – вспоминали, ощупывали, изучали, искали…, находили, лаская и запоминая. Наши губы были везде – жадные, цепкие, немыслимо ласковые и жесткие одновременно. Я пробовала на вкус его кожу, как самое изысканное лакомство, запоминая его для себя, не понимая толком что это – вкус его пота или моих слез?

Он тяжело и рвано дышал, поднявшись надо мной, глядя в мои глаза и осторожно проникая, и я выгнулась навстречу, плавясь и тая. Движение… откат, как морской прибой – мощно и нежно, осторожно и сильно…

- А-а-а…! - выгнуло меня под ним дугой и затрясло от сладких конвульсий. Он замер на миг, вглядываясь в мое лицо и прислушиваясь…, и отпустил себя, совсем перестав сдерживаться. Двигался быстро и резко, потом замер на миг, вздрогнул, пробормотав что-то, и опустился на меня всей своей тяжестью. Так быстро все случилось, так быстро…, а мне нужно успеть:

- У нас с тобой родится сын, ты знаешь? Как мы назовем его, Ваня? – тормошила я его.

- Аленка… - улыбался он, скатываясь с меня и все равно не отпуская, крепко прижимая к себе. Ответил со смешком: - Пускай была бы дочка – Анечка, сыновья у меня уже есть – двое.

- Семья… - протянула я.

- Дети – да, - помолчал и объяснил: - А жена мне – ты. Старшего уже забрали на фронт… - разжал он руки, отпуская меня и

отстраняясь. Поднялся с лавки, медленно и ласково провел ладонью по моей щеке, и отвернулся, засобирался: - Пора, родная, завтра трудный день.

- Не хочу, чтобы ты уходил… - простонала я, обхватив свои плечи руками, и вздрагивая от нервного озноба. Сказать? Не сказать?

- Нужно добить их – самому нужно, а то и малого заберут. Я вернусь, обязательно вернусь – обещаю, - быстро говорил он, одеваясь: - Другие чуяли свою смерть - было, а я знаю, что не прощаюсь с тобой, вот знаю и все – тоже чую. И ты знай…

- А я и знаю, - притянула я его к себе и прижала его ладонь к своему животу: - Знаю и чую, что здесь уже есть твоя дочка, Ваня, твоя… дочка…

Десятая женщина, обещанная ему – вспыхнуло в мозгу… десятая и последняя. Но…

- Ваня! Что с липой? Я… ты любишь липу, Ваня? – с надеждой вцепилась я в него.

- Какую Липу? Что ты… дерево? Смешная… - быстро целовал он мое лицо, обхватив его ладонями, - ненавижу липу. Когда на фронт уходил, дышать на вокзале было нечем, задыхался, худо стало… до боли сердечной. Нет, липу я не люблю. Оденься, проводи меня. Фонарик с собой возьми… не упала бы.

- Сам посвети, заберешь его себе, - быстро накинула я на голое тело сарафан и опять прилипла к нему, обвивая руками.

- Алена, утром спрячьтесь с бабкой в погреб – мало ли? Могут быть перелеты с той стороны. Хочу быть спокоен за тебя.

- Спрячемся, не переживай. Ваня, ост… поклянись, что вернешься! – вцепилась я пальцами в его щеки, заставляя смотреть в глаза: - Я буду ждать, мы с Аней будем ждать тебя, слышишь? Всю свою жизнь. Поэтому возвращайся.

- Клянусь, - серьезно ответил он, и тихо шепнул, наклоняясь ко мне: - Мне уже пора. Давно.

- Руки! Я сейчас смажу раны на пальцах, - решительно взялась я за склянку, но он крепко обхватил мои плечи, увлекая на выход.

- Скользить будут по рычагам, не нужно.

- Нужно! Тогда возьми с собой. Будешь лечиться и меня вспоминать, – сунула я ему в карман склянку с лекарством, - осторожно, не разбей только – тут стекло.

- Ладно, если так… жена. Характерная ты у меня и такая… до боли в глазах, - прижал к себе с силой, - как мне так повезло?

- И тебя лучше нет для меня, Ванечка, - давилась я слезами.

Мы вышли в темноту, он подсвечивал дорогу фонариком. Шли к дому. На каждой моей ноге, по ощущениям, висели гири. На языке – нет, и я спешила рассказать ему все, что чувствовала – как сильно люблю его, как горжусь им, как будет любить его дочка, как мы потом все вместе… в своем доме и какая еда… а что он любит? Я научусь и буду… а во сколько завтра? Нет-нет, не говори – нельзя, я же понимаю - военная тайна.

- Рано утром… лучше еще ночью спуститесь в погреб, спрячьтесь, моя хорошая… - притиснул он меня к стене дома возле танка, собирая ладонью подол сарафана и задирая его почти до пояса, прижимаясь напряженным телом.

- Ох, ведьма… вернусь – неделю не слезу, - отстранился, опять крепко, до боли поцеловав меня в губы, и вскочил на броню, оглянувшись на миг:

- Село Длинное, а фамилия твоя - Соловьева?

- Да, - смогла прошептать я.

- Мы пойдем вперед, скоро не жди. Но потом обязательно найду тебя, напишу.

- Ты только вернись, - прошептала я, отступая в сторону, и мелко крестя его, чего не делала еще никогда. А он нырнул в люк, скрываясь с глаз. Взревел мотор, танк лязгнул гусеницами, дернулся, поплыл мимо меня пропыленный трак и скрылся в ночи… истаял. Стало так тихо, будто я вдруг оглохла. Постояв минуту, пошла к лавочке. Опустилась на нее и затихла, уронив голову на руки, сложенные на столе. Все…

Голос Антона Ивановича выдернул меня из непонятного состояния полусна-полубреда:

- Алена… Можно, я присяду рядом?

- От меня спермой пахнет, - извинилась я, ощущая липкую влагу на бедрах и ее запах.

- Дело житейское, - деловито отозвался полковник, - куда в нашем деле без нее? Как вы?

- Нормально, - слабо улыбнулась я, - давайте потом об этом?

Сзади скрипнула дверь и Голубев спросил:

- И что это было?

- Мы уже разобрались. Ложитесь спасть, Саша, - оглянулся на него полковник, - я тоже сейчас упаду и вырублюсь. Пойдемте, Алена, провожу вас до двери. А когда свет дадут?

- А вот, - кивнула я на вспыхнувшее электричество.

Мы тихо пошли к дому, я куталась в плед с дивана, который он захватил для меня.

- Я сделал фото…

Я споткнулась на ровном месте, остановилась, развернулась к нему и посмотрела.

- К бане не ходил!

- За это спасибо. Я отдала Ване мазь, - доложила я ему.

- Замечательно! - заверил он меня.

- Завтра наступление…

- Двадцать третье июля? Семьдесят восемь лет назад, не завтра.

- Он больше не придет, - обреченно констатировала я, - а у меня будет дочка – она и есть та самая десятая. Тут и сейчас.

- Почему вы так решили? – осторожно поинтересовался мужчина.

- Он сказал – хочет дочку и сразу все стало как-то… понятно. Спасибо вам, Антон Иванович, я в порядке – он обещал вернуться.

- Вы будете ждать его здесь?

- Нет. У меня тоже есть обязательства и работа. Вы правильно сказали, что он не останется, но дело не только в долге и чести – там у него дети и одного из них уже забрали на фронт. Но он обещал вернуться, - нервно поежилась я под пледом. Мы подошли и стали у дома.

- Обещал, значит - вернется, - спокойно ответил полковник.

Меня развернуло к нему, за меня говорила то ли злость, то ли просто дикое раздражение:

- Извините, конечно… но вы, как специалист, соображаете, что говорите сейчас? Я-то понятно, а вот вы? Вернется? Я же буду ждать его, вы понимаете это? Буду ждать всю жизнь, это нормально – то, что вы говорите?!

- Вы и так будете ждать, независимо от того, что я сказал. Я верю в него, Алена. До сих пор я просчитал его правильно.

- Вернется? Как?! Не с липой – это точно, но я все равно приеду сюда в будущем году. А пока… у меня куча дел. Я не сомневаюсь в

его словах - что он не врал, - устало покрутила я головой, - просто объясняю вам. Нужно многое обдумать, рядом с ним туман в голове, плохо соображаю. Ладно… схожу в душ и нужно поспать.

- Верьте в хорошее, Алена, оно уже с вами, - направил он меня к крыльцу.

- Это точно - мое хорошее со мной, - погладила я рукой живот, - примите мои извинения - я позволила себе... и спасибо вам, Антон Иванович. Я бы обязательно сделала ему это «больно», о котором вы говорили, а так – больно только мне. Вот только как мне жить теперь, а? Да я понимаю… цель и смысл. Вопрос вообще… риторический. Спокойной ночи, не бойтесь за меня – я справлюсь.

- Конечно, справитесь. Николай так и сказал мне.

- Коля? - улыбнулась я, - да, ему тоже сейчас несладко.

- Еще одно... - тихо сказал он, - не говорите Марие Львовне о визите Ивана.

- По какой причине?

- Когда она осталась одна, ее держала работа, потом этот долг... вы недооцениваете это понятие. Не представляю себе, как проходило становление, но для нее это своего рода служение. Она, как жрица в храме, - кивнул он на старый дом, - ждала появления Ивана, готовилась к нему... пока она будет ждать десятую женщину, обязательно будет жить.

- Да... кажется, я понимаю. Спокойной ночи, Антон Иванович.

Пройдя в комнату, я заглянула в зеркало на стене, то самое - из старого дома. В нем ожидаемо отразились яростные засосы на шее. Вот же паразит... улыбнулась я, потрогав синяки. Ну что за... дурные манеры такие? Надеюсь, и он отмечен мною. Ясно одно - чтобы скрыть его приход, нужно будет постараться.

Все так же кутаясь в покрывало, я села в кресло, уставившись на не успевшие еще угаснуть угли камина. Алые огоньки притягивали взгляд, завораживая своим мерцанием... Для меня многое открылось, о многом нужно было подумать... потом, когда смогу мыслить ясно, но отчаянья из-за ухода Вани не было. Настала определенность. То, что я чувствовала, было нежным и печальным, огромным и светлым, наверное - долгоиграющим... до упора и еще - благостным для души. Жрица? Значит, стану жрицей - ожидающей и помнящей, любящей и хранящей. Не самая плохая судьба...

Глава 40

- Хороший секс вполне себе мог стать причиной…

- Да при чем тут это?! И что в твоем понимании – хороший? Техничный? Ты не представляешь себе, как заводит когда сильный взрослый мужик понятия не имеет… говорит, что это он должен был на коленях…

- Ва-ау! – потрясенно протянула Ирка, - так это же круто! Сделал?

- Ира, да о чем ты? - безнадежно протянула я, уже жалея о том, что начала этот разговор: - Похоже, он понятия не имел, зачем я вообще…

- Ну… - всерьез задумалась она, - почему это заводит, понять можно. Заводит же мужиков наша девственность?

- Дурной разговор, не смогу, наверное, - расстроилась я, - но все ж постараюсь объяснить - он делает это естественно, как дышит – безо всяких изысков и ухищрений. И мне этого достаточно - с головой! Впечатление такое - человек понятия не имеет о… многих вещах. Он просто живет – искренне, как стихия… я не смогу объяснить, Ира. Если говорить грубо, то он, как животное – в хорошем смысле. Жадно берет то, что ему нужно, не церемонясь, но чувствовала я себя королевой, а не партнером по сексу. Не было техники, было полное совпадение безо всяких усилий с обеих сторон и, похоже - даже мыслей.

- Они все трахаются, как дышат… Все дело в твоем отношении к нему.

- И да, и нет, Ира… давай не будем об этом. Мое отношение? Меня облизывают и лапают глазами, свистят вслед, делают грязные намеки и приятные комплименты... Ладно, все люди разные и мужики тоже - где-то я даже понимаю их. Я абстрагировалась и просто не принимаю все это во внимание – мне все равно. А с ним – нет. И мне страшно даже подумать, что и он чувствовал только похоть. Я помню его слова, тон…, но все равно скребет что-то....

Потому что я спокойно подумала, подробно вспомнила и поняла, что дело не в липе. Его жена…, так больно может сделать только

очень близкий человек. Представь – на том вокзале… у него сердце заходится от обиды – он уходит на фронт, может навсегда, а она не верит ему и в него, орет страшные вещи! И надо всем этим запах липы, и ему дышать трудно от той боли, что причинила она, а эта… вонь уже плывет в легкие, участвует в формировании ассоциативного ряда. Остальное чистая физика: проклятие – это энергетический посыл, завязанный на условие, и отпечатавшийся на его подкорке, как программа, и еще где-то там - на общем информационном поле Земли? Но это точно физика, потому что временная петля по любому возникает за счет чего-то - потребляет энергию, поэтому и свет гаснет! Это не мистика, это физика высоких энергий! Я сколько перечитала обо всех этих теориях! Глаза стерла, блин!

- Какая разница, – прошептала Ирка, отводя глаза, - если его уже нет? Ты все еще надеешься вернуть его?

- Нет. Я пытаюсь понять природу всего этого и наших чувств - в том числе. Пойму тогда – почему именно я? Почему не одна из предыдущих? Для этого мне нужно встретиться хотя бы с одной из них, но это потом. Сейчас – о нас с ним: меня восхищает в нем все до мелочи, умиляет эта его неискушенность – он не кажется слабее из-за нее, а только лучше, сильнее и чище. Нравится его внешность, как он пахнет, улыбается, говорит… в своей особой манере – немного старинной. У нас разница в рождении почти в сто лет.

- И что тут такого?! – надоела, очевидно, моя болтовня Ирке.

- Чшшш… - разбудишь Анжика.

Мы обе повернули головы в сторону комнат, и прислушались - там было тихо. Немного помолчали, и Ирка продолжила уже шепотом:

- В чем сейчас проблема лично для тебя?

- В свете всего этого? Я-то точно влюбилась, но могла не так понять его. У меня тогда тоже был недотрах - чего уж… Но у него он просто хронический. Инициатива исходила от меня, и он не отказался, само собой. Потом случилось то, что случилось и мне больше никто не нужен. Никто не сможет сравниться, затмить его - понимаешь? Слишком много всего в наших отношениях: моя вина, страсть, уважение к нему, признание его достоинств и заслуг, своеобразная романтика, надежда, ожидание... Он теперь просто вне конкуренции, даже если я не уверена, что у него ко мне было что-то,

кроме похоти. Поэтому не сватай мне больше никого, - пояснила я причину всего разговора.

- А Олег?

- Ты серьезно? Не я виновата, не увидела бы тогда – жили бы и жили. Ты скажи ему, что больше не будешь его адвокатом, пускай уже свободно водит своих баб, а то смешно, знаешь… будто я упрекаю его в чем-то. Ты и правда веришь, что они после всего подружились с Беркутовым? - встала я и стала убирать со стола.

- Звучит дико - может быть и правдой.

- А что он держит целибат, когда его никто не контролирует и это никому уже не нужно – тоже веришь?

- Не совсем… Ладно, я поняла... давай уже спать.

Она немного постояла, глядя на по-осеннему уже прохладную ночь, прикрыла балкон и ушла в свою спальню.

Помывшись в душе, я влезла в ночную рубашку и тоже улеглась в постель. Я жила в Иркиной квартире – вместе с ней и Анжиком. Не было никакого желания покупать себе новое жилье, хотя сделать это я могла в любой момент – деньги на это были. Просто так и не определилась, чего хочу. И Ира просила не съезжать.

Вернувшись тогда в июле из Длинного, я решила окончательно закрыть все вопросы, которые мешали мне начать новую жизнь. Стала на учет по беременности, прошла полное обследование – в плане здоровья пока все было нормально.

Олег говорил, что ему некогда заниматься разводом, это мешает ему сосредоточиться на работе. Тогда я решила - разводом займусь я. Сейчас уже смогу делать это, особо не нервничая. Только заявление нужно подавать вдвоем, обозначив обоюдное согласие. Нужно было заканчивать с этим, меня бесило, что он манипулирует мной, оттягивая развод. Да, в конце-то концов!

На дворе стоял август, Ирка уехала с дочкой отдыхать и не ныла, отговаривая меня – скорее уже по привычке, чем веря в успех. Я шла тогда решить вопрос окончательно. Уже в подъезде вспомнила о «клининге» и позвонила, предупреждая, что уже поднимаюсь на этаж. Тут же решила вывезти сегодня все свои вещи и оставить Олегу ключи от квартиры. Пока поднималась в лифте, вызвала грузовое такси, решив собрать вещи в простыни. Заказывать коробки, грамотно паковать – это опять растягивать вопрос по времени.

Олег встретил меня у лифта в домашней одежде и тапочках, печально и неловко промычал:

- Нужно предупреждать заранее, Аля.

- Ты не один? Мог сразу сказать – я бы не поднималась, - остановилась я, пожимая плечами и удивляясь сама себе. Я была спокойна и, наверное, если бы он сейчас первым устроил свою жизнь – хорошо и счастливо устроил, то мне стало бы даже легче. Одной проблемой меньше - однозначно.

- Никого у меня нет, - проворчал он, проходя впереди меня в квартиру.

- Я пришла поговорить и еще - за вещами, - прошла я, не разуваясь, за ним. Но на этот раз в квартире было чисто, похоже – уборкой уже регулярно занимались профессионалы. Олег сел на диван, откинувшись на спинку, и смотрел в окно - не на меня.

- Воды хочется, - прокашлялась я, стоя в дверях комнаты. Он пожал плечами, больше никак не реагируя на мои слова. Я молча развернулась и прошла на кухню. Там на столе стояли две чашки на блюдцах… в маленькой пиале – использованные чайные пакетики и косточки с вишневого варенья, само варенье… сахарница… Раньше я сказала бы, что у некоторых попа слипнется, а сейчас промолчала и неловко замерла. Потом шагнула и зачем-то коснулась ближней ко мне чашки – она была еще теплой, а на дне оставался недопитый чай.

Мне нужно будет забрать вещи из шкафов в спальне – соображала я. И если его женщина не хотела, чтобы я видела ее, то, скорее всего, она прячется или там, или в кабинете Олега. Я чувствовала себя неловко и… неприятно. Она, наверное, еще хуже. Налив в чашку воды из чайника, хотела глотнуть и чуть не обожглась…, о чем думаю? Вернулась, заглянула в комнату – Олег сидел так же.

- Зайду в другой раз, - громко сказала я, чтобы меня услышали все, находящиеся в квартире: - На развод подам сама, если тебе некогда. Мне нужно будет забрать свои вещи, Олег, и скажи – когда мы пойдем подавать заявление?

Он медленно перевел глаза на меня.

- А почему в другой раз?

- Потому что, - вышла я на площадку. За спиной послышались шаги – Олег прошел куда-то в сторону – на кухню? Пока ждала лифт,

он подошел и стал рядом со мной.

- Вернись, в квартире никого нет. Чай пили мы с Беркутовым.

Я потрясенно уставилась на него, а он подтвердил:

- Он заходит иногда, и мы разговариваем. Я приглашал, он как-то зашел и… заходит теперь.

- На самом деле? И вы гоняете не вискарь, а чаи? – не поверила я, - там точно никого нет?

- Аля… - развернулся он и пошел в квартиру.

Я быстро и молча собрала свои вещи, и он помог снести их вниз и загрузить. Потоптался возле машины…

- Держать тебя силой или хитростью несерьезно…

- Несерьезно, - согласилась я.

- Это окончательно?

- Окончательно.

- Тогда – послезавтра. В два часа дня, ты свободна? У меня обед - встретимся у ЗАГСа. Я приготовлю все про раздел, посмотришь там, можешь подойти с Ириной – она же юрист… - смотрел он в сторону.

- Ира уехала в отпуск. И я тебе верю – юрист не нужен. Олег… я буду рада, если ты устроишь свою жизнь. Рада, что ты, наконец, принял это решение.

- Да какое решение?! – взорвался он, - Ребенка запишешь на меня! На алименты. Я требую! Имею право. У меня сегодня был Беркутов! Мы общаемся с ним. А тебе нельзя нервничать. Так хочешь развод – будет тебе развод, - развернулся он и ушел в подъезд.

А я чувствовала себя глупо.

Через месяц после подачи заявления на прекращение семейных отношений нас развели. Олег настоял на алиментах, которые будет платить не только ребенку, но и мне. Ира остановила меня, отведя в сторону:

- Оставь так… Ты не понимаешь? Так ему хотя бы немного легче.

- Эта забота – просто иллюзия связи между нами, Ира. Чем скорее он поймет, что это действительно – все, тем скорее займется своей жизнью. А я не хочу быть обязана – каждый раз, получая перевод, я вынуждена буду вспоминать его. Не этого он добивается? -

смотрела я на сумрачного Олега, который подписывал бумаги за столом секретаря.

- Пусть переводит не на карточку, а на книжку. Тебе не все равно?

- Я не хочу спешить с жильем.

- Не спеши… нам веселее с тобой, - потянула меня подруга к Олегу прощаться. Он кивнул нам, складывая в папку документы: - Вас подвезти?

- Нет, спасибо, мы прогуляемся вдоль набережной, - ответила я.

- Кто бы сомневался, что - нет? Звони, если что, Аля. Я всегда буду рад помочь, - кивнул он, уходя. Мы смотрели вслед. Пускай… мне только немного тоскливо, а так – вполне нормально, неустроенность только убивает. Хочется свой дом, такой, как построили для бабы Мани. Она обживается в нем, я знала это из разговоров с Ольгой. Я бы так же… все-таки женщине, как птице, нужно свое гнездо. Может, останусь навсегда у родителей? Нет, буду работать до упора, до самых родов и потом тоже – это мой кусок хлеба . Я же не траншеи здесь копаю?

- Что дальше? – спросила Ира, когда мы сидели на лавочке, глядя на реку и кутаясь от ветра, который налетел внезапно и сильно.

- Пошли домой, - встала я, - нам с тобой нельзя болеть. А дальше я найду через священника или бабу Маню реставраторшу. А не получится - узнаю, какие мастерские собирались реставрировать ту церковь? Не так их и много и не так много там женщин-сотрудниц.

- Зачем ты продолжаешь рвать себе сердце, Лянка? Никакой же надежды! Я знаю, как это больно, когда без надежды… - безнадежно пожала плечами Ирка, - не понимаю тебя.

- У тебя не так и безнадежно, Ир, - взяла я ее под руку, и мы пошли быстрее – осенний ветер нагонял дождь.

- Да нет… по сравнению со мной, у тебя прогноз – что надо, - хмыкнула она, - Коля даже не вспоминает меня. Это я тогда сходила с ума, не верила, что можно такое не заметить, а, похоже, что и… все к лучшему. Нужно опять искать кого-то, а тошно…

- Зачем обязательно искать, Ир?

- Ты уйдешь от нас – рано или поздно. Опять мы будем одни…

- Посмотрим… Значит, реставраторша – это раз, его родные – этим занимается Коля. Жаль, что я не спросила имена мальчиков, но

может, они или их родня еще живут в селе? Придет ответ из архива, узнаем адрес…

- Тошно от тебя, - вырвала она свою руку из моей, - ты совсем помешалась, никак не успокоишься! Забудь о нем, сосредоточься на ребенке, найди ей дом, ударься в работу, блин! Такая тоска от тебя, хоть волком вой! На всю жизнь…

- Не всю, я говорила о конкретных вещах. Мне все это любопытно и интересно, а еще - нужно. Анечка будет спрашивать об отце. У реставраторши могут сохраниться еще рисунки и даже – скорее всего. Какой он там? И Антон Иванович обещал фотки. У него последний айфон с роскошной камерой – разрешение сумасшедшее, там есть функция съемки в темноте. Он обещал обработать их в хорошей лаборатории и распечатать.

- Ты всегда была здравомыслящей, Лянка. Мне страшно, что ты превращаешься в адептку культа почитания…

- Ир – нет, - перебила я ее с улыбкой, - мы говорили с полковником и он выдал умную мысль – если Вани нет среди не упокоенных душ Черного леса, значит, его душа или нашла свой покой или уже возродилась. Я дам и тебе посмотреть и почитать интереснейшие вещи. Это придает словам Вани о возвращении реальный смысл.

- Ты о чем сейчас? – остановилась она, разворачиваясь ко мне.

Глава 41

- Наш Господь не так мелок и беден, чтобы не подарить каждому телу свою собственную душу, а призвав ее, не выделить место возле себя. Теория реинкарнации противна христианству и этому есть убедительные объяснения… - пожилой монах говорил долго и проникновенно, тихонько посмеиваясь между делом над вопросом, который мы ему задали. После этого я просто не рискнула рассказать ему о Ване.

Мы с Иркой вышли за ворота монастыря, стянули с голов платочки и пошли к ожидающему нас такси. Она молчала и молчала я – пока не в состоянии была говорить. Тут пережить бы как-то… Этот человек ответил на вопрос о реинкарнации так, как трактует его православная церковь и, конечно, не мог знать, что буквально раздавил меня своими разумными словами. И не то, чтобы до нашего с ним разговора я не лазила в интернет и не изучала тему. Просто… святой отец же. Почему-то я решила, что его внутреннему взору должно быть доступно гораздо большее и взгляд мудрого старца на историю вопроса мог быть гораздо шире – допуская исключения из правила. Но по нему было видно, что человек истово верит в вариант именно что не допускающий компромиссов. Надеюсь, он не понял, как мне хреново. Кажется, я сумела не подать вида, смолчала и теперь тоже держалась, а душа корчилась в тихой и безнадежной муке…

- А что еще он мог сказать, если это точка зрения церкви? Только посоветовать молиться, чтобы избегать соблазна. В интернет ты сама лазила… Захотела подтверждения от авторитетной личности? Получи фашист гранату… – проворчала Ирка.

- Я не знаю людей, которые выложили там информацию. Но и объяснять все чудеса, происходящие вне церкви, исключительно произволом лукавого, тоже как-то… Что от лукавого в том, что к нам выбросило Ваню? Ладно… - прокашлялась я.

- Нужно было прямо рассказать ему про Ивана.

- Тоже назвал бы дьявольским произволом или исчадием, ты сомневаешься? - вырвалось у меня все же с обидой, - так же

отрицают спорные вопросы ученые-историки. Сами не могут объяснить, а значит, этого не может быть в принципе. Или от лукавого…

Мы прошли к машине, и уселись на задние сидения, радуясь теплу, которое окутало нас внутри салона. Машина двинулась и покатилась по заснеженной дороге к городу. Зима и есть зима – холодно и неприкаянно, ветер еще… как с цепи сорвался. И настроение соответственно - проехали больше ста километров, а в результате... Откинувшись на спинку сиденья, я расстегнула шубку и погладила руками живот, прислушиваясь к толчкам внутри – Аня тоже не была согласна со словами святого отца. Закрыв глаза, сделала вид, что засыпаю...

Идея реинкарнации была бы замечательным объяснением, да что там - гарантией того, что Ваня именно что вернется ко мне, как и обещал. А выходит, что вся мистика закончилась в момент его исчезновения. И получается, что наша с ним история – не о вселенской справедливости, которую нужно было восстановить. Или о зле, которое необходимо было наказать, подняв эту справедливость, как флаг, над нашими с Ваней судьбами. Его слова о возвращении не несли в себе скрытый сакральный смысл и не являлись пророческими. Мужчина просто обещал вернуться с войны женщине, к которой вернуться хотел, вот и все. Как обещал, наверное, каждый из них, уходя на фронт. Может быть, даже искренне веря в это.

Сдавило под горлом, из-под закрытых век поползли слезы, и сразу же внутри недовольно заворочалась Анечка. Я тихо плакала, отвернувшись к окну, пока не заложило нос и не понадобилось высморкаться. Открыла глаза и сразу увидела протянутый Ирой носовик.

- Полегче стало? – тихо спросила она, отводя глаза.

Я покрутила головой, не в состоянии говорить. Вот оно – то, чего я так боялась и то, что чувствует все эти годы Ирка. А я и не понимала, не представляла себе… Этого и не поймешь, пока не влезешь в ту самую шкуру. Ну, со мной все ясно - я переживу это тоскливое состояние, не провалюсь в него - ради Ани, а вот она… я тяжело заворочалась, упираясь ногами и зашарила, пытаясь добраться до телефона. Ирка молча сунула руку куда-то под меня и протянула

искомое. Я быстро набрала номер Коли и долго ждала, когда он возьмет трубку, поставив на громкую связь.

- Коля, скажи мне… - прогундосила я, услышав короткое «слушаю». Отвлеклась на миг от разговора, высморкалась и спросила:

- Когда я тебя увижу? Ехать на восьмом месяце в тую даль… ты должен понимать - неразумно. А увидеться, обняться, поговорить по душам?

- Ален, я ж объяснял, - осторожно начал он, - ты только не переживай… хутор давно сдох. Найти кого-то оттуда, чтобы расспросить, не реально – старики все вымерли. А мы даже не знаем имен и года рождения, только фамилию и отчество. Бортников подключил свои связи, но тоже ничего не обещал. Ты получила фото от него? Хорошо… я тоже оставил себе копии. А ты что - затосковала? Я слышу - хлюпаешь. Мы же говорим с тобой почти каждый день, - фыркнул брат.

- Очень хочу увидеть тебя, Коля, просто очень. Когда ты сможешь?

- Посмотреть племяшку – точно подскочу. Ты сейчас в машине, куда-то едешь?

- Гуляем вдвоем с Ирой, она опекает меня, холит и лелеет, - отчитывалась я, - сегодня вот были в монастыре - очень красивое место, тихое и благостное.

- Привет ей от меня, - легкомысленно бросил брат и отключился.

Пряча телефон, я нечаянно взглянула на Ирку - она смотрела вперед – на дорогу и улыбалась. Как же она улыбалась…! Просто слушая его голос… дурочка моя. Я почти до боли сцепила челюсти, и сжала веки, сдерживая очередную порцию воды. Посунулась по сиденью и прислонилась к ней, и она тоже склонилась ко мне.

- Он приедет весной. Колька очень обязательный – мент же, профессия обязывает, если сказал – сделает... И зачем мы ездили туда, Ир, если у нас с тобой свой собственный монастырь – женский? – хмыкнула я, - вот только с верой тяжеловато.

- Нельзя… нужно верить, - мотнула головой Ирка, - помнишь? Жди меня и я вернусь…

- Расставаньям и потерям

Я не верю, я не верю, - тихонько затянула я, а она подхватила:

Я в любовь земную верю
И в бессмертие души.
Я таким тебя узнала,
О тебе всю жизнь мечтала,
И подругам всем сказала,

Что ты лучший из мужчин…! - всхлипнула она, и я тоже судорожно вздохнула, переводя дыхание. Машина вдруг вильнула и припарковалась на обочине, таксист буркнул что-то, вытащил из бардачка пачку сигарет и вышел наружу. Повернулся к нам спиной, стоя на ветру, и стал курить.

- Так что… будем ждать, мать, - подвела подруга итог, отводя от него взгляд.

- Пока что – Анечку, потом – приезда Коли, - подхватила я.

- А потом и еще кого… - прошептала Ирка, - ты так хорошо верила, давала сил жить и себе и мне, а сейчас будто потухла... Постарайся верить и дальше. Я раньше была против всего этого... ожидания, и сейчас не кодирую тебя на одиночество, просто не теряй веры в счастье для себя. И потом... если есть посыл-проклятие, то должен быть и посыл-обещание. Насколько сильно он чувствовал, когда говорил? - отчаянно взглянула она на меня.

- Очень сильно, - рассмеялась я, чтобы не расплакаться и, вспомнив вдруг, пошутила: - Засосы месяц сходили.

- Да он у тебя жеребец! – подхватила Ирка, - так что будем ждать продолжения этого представления, которое дает нам… Вселенная? Высшие силы? Что может сделать любящий мужчина для своей женщины? Минимум – вернуться к ней. Другие уходили на фронт и пропадали, погибали там – да. Но тем солдатикам не дано было такой странной возможности, а ему вот – дана. Тогда где же оно, это логичное завершение, которое придаст смысл всему, что случилось? Где, в конце концов, Хэпи Энд? Мы требуем его!

А я слушала ее и улыбалась, поглаживая руками то самое логичное завершение, или все-таки могло быть еще что-то? Мне самой хотелось верить… И еще я мысленно обещала Ирке, что со своей стороны сделаю все возможное для нее. Начало положено, и Коля обязательно приедет ко мне, а значит - в Иркину квартиру. Если он не заметил ее тогда, потому что весь был в Насте, пускай у него появится эта возможность – узнать Иру, рассмотреть, понять, как

сильно его любят. И тогда… кто знает? Так просто обещать ей что-нибудь я просто не могла. Но очень сильно надеялась.

Таксист не взял с нас денег. Пасмурно зыркнул на меня, отвел руку с деньгами и буркнул:

- Не нужно, - отвернулся и добавил еле слышно в ответ на мои растерянные слова благодарности: - Вам спасибо. Поеду вот сейчас…

Куда он сейчас поедет и что сделает – можно было только догадываться. Пожалел дурных баб? Чужих. Может, и о своей что-то заодно понял.

В квартиру поднимались измученными физически и душевно, срочно нужна была отдушина - Анжик. Наше золотко вынеслось из комнаты навстречу двум усталым теткам.

- Сколько можно ездить? – обижено пыхтела она, чмокнув меня и повисая на Ирке. Та прижимала ее к себе, бормотала что-то тихонько, наверное, оправдываясь. А я поблагодарила няню и расплатилась с ней. Прошла в свою комнату, и присела в кресло, привычно уже обнимая живот.

Расслабилась, наконец, растекаясь всем телом. Тяжелый день получился и безрадостный. В дверь заглянула Ира.

- Ты будешь ужинать?

- Буду, Ир. Сейчас… переоденусь только и помогу тебе, - поднялась я и отвлеклась на телефонный звонок – Олег…

- Здравствуй, Аля. Я достал билеты…

- Ммм…

- Постой! На этот раз интересно будет всем, даже Анжику – «Принцесса Турандот». В эту субботу… ты как, Аль?

- Нет, Олег. Хотя-а… за Анжиком можешь заехать и забрать с собой. Извини, был трудный день – нужно отдохнуть, - отбилась я.

Я легко отшивала его теперь - безо всякого зазрения совести, после того, как Ирка расстроенно призналась однажды, что видела его в городе с какой-то красивой женщиной. В подробности она не вдавалась, а я их и не выпытывала. Но с тех пор меня перестала мучить совесть, когда я отбрыкивалась от знаков его внимания. И почему он никак не оставит меня в покое? Для чего я ему – для души? Для тела же уже нашел? Когда-то я была у него – для того и для другого, бери – не хочу, черпай полной ложкой… Оказалось - мало.

Поздно вечером, оставив Иру с дочкой готовиться ко сну, я улеглась в постель. Прикрыла глаза и ожидаемо вспомнился Ванечка… Раньше я гнала от себя мысли о его гибели, о том, как это произошло - быстро… так, что он не ощутил и не осознал. И слава Богу, если так. И дай Он мне так же когда-нибудь – чтобы без боли и страха. Я и тогда понимала, что он уходит навсегда и куда уходит – тоже, когда отпустила его. Но у меня оставалась надежда! А сейчас оказалось, что это была огромная и устойчивая такая надежда. Именно не совсем осознанная, но стойкая вера в благополучный исход и дала мне силы поступить так, как советовал полковник – разумно, на мужской взгляд. Но как же мне жить теперь?! Так, как Ирка?

Все эти годы… иногда, очень редко, она немного оживлялась и оживала. Это было заметно – словно она начинала ощущать себя не просто женщиной, а - Женщиной. Смелее пользовалась косметикой, покупала что-то из одежды и устраивала нам с Анжиком показы и дефиле. Потом, в какой-то из дней, извиняясь, просила меня присмотреть за крестницей и пропадала на всю ночь. Утром приходила спокойная и отстраненная, вела себя так, будто это в порядке вещей – вот так молча уходить и приходить, как ни в чем ни бывало. Так же случилось и совсем недавно, когда я уже знала, что она любит Колю.

Я рискнула спросить – не почему она это делает, а почему совсем не делится, молчит? И получила ответ, от которого до сих пор скручивало внутренности:

- Помнишь, ты рассказывала о вашей с Ваней ночи? Раньше озвучивать такие моменты для тебя было табу, ваша с Олегом постель никогда не обсуждалась, - устало присела на стул в кухне Ирка, - но о Ване тебе хотелось говорить… вспоминать, радоваться, делиться самыми прекрасными минутами своей жизни, сделав его чуть живее для меня. Я так понимаю тебя, Лянка! Когда есть что вспоминать и чем хвастаться… Мне сейчас - нечем. И не спрашивай – зачем тогда?

Не спалось… Встав, я достала прозрачный файлик с рисунками и прилегла опять на кровать, включив настольную лампу. Чуть желтоватый, теплый свет падал на листы бумаги, покрытые черно-белыми рисунками – Ваня… В дверях дома бабы Мани – уставший и грязный, с темными руками в ранках… лучше не думать – от мыслей о

них почему-то еще больнее, чем от осознания его гибели. Еще один – он держится за стенки люка, уже наполовину скрывшись внутри. Еще один – тот самый танк, виднеющийся за углом дома, а Ваня направляется к нему. Вид со спины – широкие плечи, крепкие бедра, опять руки… Дальше – он держит в руках шлемофон и что-то рассматривает там – на нем. Ресницы опущены, морщинка… что-то там не ладится?

Вспоминалось, как я нашла ту самую реставраторшу – женщину лет шестидесяти, приятную и внешне и в общении. Мы говорили о Ване. Я призналась, что тоже видела его и знаю о ней, просила поделиться своими мыслями и впечатлениями. Похоже, что она молчала о нем все эти годы – почти двадцать лет, не рискнув рассказать даже своим близким. А со мной будто прорвало плотину – она рассказывала… Что я вынесла из нашего разговора? Что ей, как и мне, он тоже очень сильно понравился с первого взгляда, да это видно было по ее рисункам. Напрашивался вывод – сам Ваня никогда не сделал бы первый шаг и не попросил бы о близости, не намекнул бы на нее, даже если все эти женщины понравились ему.

Скорее всего, я оказалась отчаяннее всех остальных, смелее и настырнее – у меня была цель, которая отметала всякий стыд и любые понятия о приличии.

Я сделала еще выводы - так же, как и ко мне, это пришло к нему уже когда мы стали близки – через тесные прикосновения кожа к коже, горячечный шепот и поцелуи, ощущения после близости – сытости, легкости и отрешенности от всех бед, а главное – возникшего чувства, что возле тебя давно знакомый и близкий человек. Может, это была и химия – запах его кожи понравился мне. А может, и физика – наши энергетические поля соприкоснулись и просто офигели от высочайшей степени совпадения… я не знаю. Но теперь я верила, что он обязательно вернулся бы, если бы мог.

Я не представляла себе, что за отношения были у них с женой? Но, уже понимая немного Ваню, сделала вывод, что их порушила не последняя сцена на вокзале, все и раньше было плохо, а как – теперь не узнать никогда.

Вика отдала мне все рисунки, кроме одного, оставив его себе на память. Я часто перебирала их и представляла, как построю когда-нибудь для себя и дочки дом, обустрою его, закажу рамочки и уберу

под стекло на стену Ванины портреты, чтобы Анечке было кого называть папой. В отдельной витринке вывешу реплики его наград, о который узнал Коля, сделав запрос в архив – два ордена Красного знамени, медаль «За отвагу», которая давалась в основном пехоте - за личное мужество. А он с риском для жизни предотвратил возгорание боеприпасов, спас людей и технику. Это было кратко описано в наградном листе. Еще - «Слава» второй степени. Копии наград вместе с копиями наградных листов хранились рядом с рисунками и теми фотографиями, которые сделал полковник Бортников.

Эти снимки я не рискну показать маленькой Ане. Может, потом – когда она подрастет. Наших лиц там почти не видно, расстояние делало их неузнаваемыми. Серия снимков показывала объятие мужчины и женщины возле танка, их поцелуй, потом – я за руку тащу его в баню, а он спешит за мной. Здесь расстояние съемки было другим и я даже видела улыбку на лице Вани… Эти снимки тоже входят в перечень того немногого, что осталось у меня на память о нем. Были еще начисто отстиранные нижняя рубашка и подштанники с портянками.

Сложив бумаги обратно, я выключила свет и еще немного полежала в тишине, успокаиваясь и засыпая. Внутри что-то улеглось, вынужденно примирилось и притихло. Отыскалось где-то и, поколебавшись немножко, настроилось внутреннее равновесие. Я решила действовать дальше по плану, озвученному Иркой - жду рождения Анечки, потом – счастья для брата и подруги, способствуя ему всеми силами. А потом и для себя… кто его знает?

Глава 42

Этот участок покорил меня, еще когда я увидела его самый первый раз. Сразу мелькнула мысль – выкупить для себя и когда-нибудь потом, может быть… Тогда я совершенно случайно оказалась в курсе планов застройки этой части города. Участки в пригороде планировалось выделить под коттеджный поселок под названием Петропавловский. Так со временем и сделали, но самый лакомый участок так и не был освоен за те несколько лет, что прошли с тех пор. Тогда я наводила справки через знакомых и узнала, что принадлежит он кому-то из мэрии и не продается.

Сейчас почему-то вспомнилось о нем, и я подумала – а почему бы не попробовать снова? Зима очень хорошее время, чтобы купить землю дешевле – природа спит и участок выглядит не так выигрышно. Я думаю, что что-то совпало и мне просто повезло. И в настоящий момент тот - самый последний участок в Петропавловском поселке на берегу бывшего лесного озера, в зарослях берез и рябин, захвативших почти все двадцать четыре сотки, уже принадлежал мне. За него пришлось выложить почти две трети того, что досталось мне при разводе. Остального должно было хватить для первого этапа работ – расчистки места для строительной площадки, устройства коммуникаций и возможно – фундамента. А дальше я планировала взять кредит на строительство. Или в самом крайнем случае принять помощь родителей.

Мы с Ирой съездили туда еще до заключения сделки, походили, поизучали… Она неопределенно пожала плечами, и я подсунула ей давние снимки, сохраненные на память. Она полистала, посмотрела на синюю озерную гладь, в которой отражались золотые по осени березки и красные рябинки, зеленая травка…

- Уже выбрала вариант?

- Уже… почти. Доделаю под себя – все до мелочи. Уи-и-и… - завизжала я, безо всякой, правда, возможности попрыгать от радости – мешал живот.

Эти два месяца совершенно выбились из того настроя, которым я жила до этого - я жила усилиями, направленными на поиски и

выяснения сведений о Ване. Оно не было скудным и тоскливым - это время, скорее, наполненным светлой грустью и ожиданием. Но вот эти два последних месяца моей беременности стали просто замечательными – появилась цель ясная и четкая, требующая конкретных действий - я загорелась идеей постройки собственного дома. Где-то на подкорке уже давно отпечаталось все то, что я собиралась втиснуть в этот проект. И сейчас дело двигалось семимильными шагами – я работала с чертежами, участок грамотно и бережно расчищали, стараясь по максимуму сохранить деревья. Я не собиралась сажать там огород, так… держать парочку грядок на зелень – не больше.

Засыпала теперь ночью, не тоскуя по Ване, а представляя себе этот дом с крышей веселого вишневого цвета и светлыми стенами, а возле него - себя с коляской, в которой мы когда-то катали Анжика. Была в наличии и кроватка с матрасиком и много чего еще, включая музыкальный горшок. Ирка хранила все это на нашем складе. Выбрасывать вещи или раздавать их она не любила, а продать просто не дошли руки.

В связи со всем этим вспомнился дом Марии Львовны и система комфорта, установленная там Сашей Голубевым. На данный момент он проходил у нас своеобразную стажировку, готовясь занять мое место, когда я рожу. Уже сейчас было трудновато выходить на работу и поэтому меня на нее возили – срок родов приближался, а я все увеличивалась в размерах.

Многие удивлялись тому, насколько спокойно проходит моя беременность и как это я выходила почти весь срок без сохранений и сложностей разного порядка, которые порой возникают у старородящих? А я удивлялась их удивлению – а почему нет? Я никогда не сидела на противозачаточных, не принимала гормонального лечения, не имела лишнего веса и хронических болезней, была здорова по-женски – почему обязательно должны были случиться осложнения?

Схватки начались на том самом участке, куда меня отвез Голубев, чтобы я могла увидеть и оценить качество промежуточной консервации объекта. Скрутило как-то враз и настолько неслабо, что скоро уже мы подъезжали к роддому.

Эти пресловутые болезненные схватки, вытягивающие все силы потуги… Оказалось, что такие неприятные моменты забываются на

удивление быстро, почти мгновенно вытесняясь новыми впечатлениями. Я даже не успела толком настроиться и заполнить для себя эту страничку материнских воспоминаний - настрадавшись вдоволь, накричавшись до хрипоты... Кричать оказалось стыдно, зато, по ощущениям, я погнула металлическую дужку изголовья кровати в предродовой. И все равно – эти моменты были драгоценными. Как много раз я слышала обо всем этом, прекрасно понимая, что мне не суждено испытать все хорошее и не очень, связанное с рождением ребенка. А тут все так быстро - всего-то шесть часов и вот…

Орущую Анечку сразу унесли, и где-то там ею занимались – обрабатывали, мыли, тестировали, пеленали, а из меня выходил послед. Легкие потуги при этом воспринимались почти лаской, а в ушах звучал младенческий крик. И снова эта новизна чувств – будто музыку слушаешь и в то же время беспокойно и тревожно. Хочется прижимать к себе живой орущий комочек и утешать, успокаивать... Что же она плачет так громко? Ей настолько больно? Это ужасно… вот эти бессильные переживания действительно были тяжелыми.

Когда нас уже выписывали, кроме Иры и Голубева, который вынужденно стал почти что моим личным водителем и сейчас тоже ожидал, стоя у машины, я увидела и Олега. Последние три месяца мы виделись всего пару раз, да и то мельком. И всякий раз он смотрел на меня как-то странно, хотя я особо не вдавалась в анализ. Понятно, что я расплылась и точно не похорошела - впереди меня торчала маленькая гора. И понятно, что любимые комбинезоны разного фасона, затянутые на талии, сменило бесформенное платье, а волосы я просто убирала в хвост, хорошо еще – не остригла, потому что в какой-то момент они стали выпадать. Мне назначили что-то дополнительно… но сейчас не об этом - Олег держал в руках букет цветов и, кажется, готовился принять в руки Анечку. Во всяком случае, мне так показалось – слишком уж напряженной была его поза, а взгляд на сверток в руках медсестры – изучающим и решительным. А я…. Я испугалась.

Это было смешно и, наверное, даже глупо. И в то же время я не могла ничего с собой поделать – помнила о том, что у него все это время были какие-то женщины, и вот это брезгливо-опасливое… оно сработало - мысль промелькнула и задержалась. Я напряженно

смотрела на него и соображала - а безопасно ли будет доверить ему ребенка, даже если просто дать подержать? А, собственно, зачем это делать – пришла в голову мысль очередная. Если уже существуют эти опасения?

Я перехватила у медсестры Аню и аккуратно прижала к себе, заглядывая под кружево выписного конверта – носик пуговкой, крохотный причмокивающий ротик – я только что покормила ее. Прогноз на длительное кормление был неутешительным, врач советовала разные способы и меры по улучшению «надоев», но в конце выдала неутешительный вердикт:

- Бывают коровки и не молочные, что делать? Если получится покормить месяцев до двух-трех, это будет просто замечательно. За это время ваша кукла успеет впитать из материнского молока все, что положено.

Сейчас моя кукла спала, и отдавать ее в руки чужого, возможно не совсем стерильного (и это еще мягко сказано) дядьки я не собиралась. Он шагнул ко мне, неловко держа букет перед собой, протянул его…

- Зачем ты здесь, Олег? Это Ира сказала, когда нас выписывают?

Ирка сердито отвернулась, а Олег вдруг коротко выдохнул и тихо ответил дрожащим от ярости голосом:

- Тогда я гонял чаи с Берестовым. В городе она, - кивнул он на злющую Ирку, - видела меня, когда я помогал его дочке. Его не оказалось дома, а ей нужна была помощь с машиной – там тоже младенец. Я случайно оказался рядом и предложил ее. Теперь я понимаю, почему ты шарахалась от меня все это время.

Случайно… опять это случайно, хотя какое мне дело? Ольга…?

- Олег, я никуда не шарахалась, живу себе и живу. И тебя уже не должно быть рядом, я не для этого разводилась. А Ольга очень интересная девушка и нет ничего странного…

- Спасибо, - ехидно поклонился он мне, - но у меня в этом плане стойкая аллергия на их семейство. Можешь не беспокоиться на этот счет.

- Да я наоборот – меньше беспокоилась бы, если бы ты только с Ольгой, - пробормотала я, упрямо уворачиваясь от его рук, которыми он тянулся к Ане.

- Я не таскаюсь по проституткам! - прорычал он, передохнул и разом сменил тон на просящий: - Дай просто взгляну.

И я сдалась – приоткрыла уголок конверта. Олег минуту постоял, внимательно вглядываясь в крохотное личико, и быстро метнулся взглядом к Саше, который ждал у машины.

- Я говорила тебе, что отец не он, - вымучила я из себя. Тошно было от всего этого и почему-то опять больно. Я решила, что нужно еще больнее, иначе это не закончится никогда.

- Олег, я не стану записывать Аню на тебя и откажусь от алиментов. Не можешь общаться нейтрально - просто исчезни из моей жизни, ладно? Не заставляй бежать из города с ребенком на руках. У меня и так мало молока…

На этих словах он сглотнул, опустив глаза на мою грудь.

- … поэтому не нужно качать права, мотать мне нервы и ставить под угрозу даже эти скудные Анины запасы, - закончила я.

- Аля, я на самом деле мог бы стать ей отцом… с радостью, - смотрел он на Аню, не отрываясь, - она очень похожа на тебя.

- Договорились, Олег? Пожалуйста… уходи.

Он резко развернулся на месте и рыкнул, отходя: - Какая же ты дрянь, Ирка! Не ожидал, честно…

Проходя к машине, швырнул цветы в урну, а Ирка всхлипнула, опуская голову, и я поспешила успокоить ее, глядя в спину уходящему Олегу:

- Ир, это все к лучшему. Теперь он успокоится, наконец. Поехали уже домой. Здравствуй, Саша, - кивнула я Голубеву. В груди пекло и щемило. Гадство, как же это больно - вот так, намеренно и продуманно, причинять боль другим... Олегу.

- Я не сообщала ему, наверно, это кто-то из больницы. А я увидела его и вызверилась – такое зло взяло! А получается – напрасно. Я не должна была говорить тебе. Видишь, как все обернулось? Ошиблась… – отстраненно заметила подруга.

- Да не ошиблась ты, Ир! Какая помощь? У нее своя машина. Дай ты ему уже жить! Мне самой страшно представить, что он все это время всерьез надеялся. Тяжело сейчас получилось – с кровью… грубо, обидно, по живому. Но если он не понимает иначе?! Плюнь и забудь.

Ирка послушно сплюнула, продолжая тихо плакать и помогая нам сесть в машину Голубева.

Аня оказалась золотым ребенком – ела и спала, ну и расходовала памперсы. Не капризничала, хотя меня уже просветили, что все будет – когда мы приступим к настоящему прикорму овощами, фруктами и мясом. Молока пока хватало – я делала все, чтобы его запасы восполнялись к кормлению. Анька росла и менялась – постепенно, от недели к неделе. Прошло три месяца со дня ее рождения, и уже ясно было, на кого она будет похожа – точно не на меня. Глаза определенно были черными, а не карими. Волосики - мягкой шапочкой на крохотной детской головке – кудрявыми, а не волнистыми. Нижняя губа упрямо выдавалась вперед – чуточку, но заметно. Тоже, как у Вани. Носик пока не обрисовался – пуговка себе и пуговка, но потом он должен был стать почти прямым - с едва заметной, плавной горбинкой.

Мы с ней уже понимали друг дружку, притерлись и примирились с имеющимися в наших характерах недостатками. Анжела относилась к Ане с осторожным любопытством, Ира – с материнской нежностью. А для меня в ней был весь смысл жизни. Я вспоминала, как мечтала о таких вот розовых пальчиках с крохотными ноготками, которые так страшно было обрезать. Мечтала целовать и щекотать пяточки, смотреть, как она спит, раскинувшись морской звездочкой… И сейчас я все это имела, все было и даже больше – Анькина отрыжка на моей одежде, детские какашки – все было в радость просто до умиления. Врач пророчески назвала Аню куклой и пока что она оставалась для нас именно куклой. Интеллект на сытой мордени пока никак не просматривался, разве что в хитрой улыбочке?

Я уже думала о том, что когда дочке исполнится полгода, ее вполне можно будет увезти на Дон. Мое желание работать после родов оказалось неосуществимым – кукла требовала внимания и бережного и грамотного ухода. Я продолжала прикармливать ее грудью, но давала уже и кашки – молоко тихо убывало. Аня поправлялась, росла, уже хорошо держала головку и вовсю раздавала улыбки, а я так и не смогла до сих пор показать ее родным – пока она была слишком мала, чтобы везти ее поездом. Коля звонил часто, но так пока и не приехал – не мог. Он сдавал новому участковому район и переходил работать в управление.

- Ален, сейчас - никак. Но уже скоро я освобожусь, и тогда держись – привезу подарки и для тебя и для племяшки. Неделька у меня будет точно, - виновато обещал он.

Ирка готовилась и ждала. В день «икс» мы с ней оставили детей с давно знакомой и надежной няней и поехали на вокзал встречать Колю. На дворе стоял июнь – знаковый для меня месяц. Мы приехали немного раньше положенного и "на Ирке" – она сдала зимой на права и купила небольшую машинку. Ездила очень осторожно, поэтому я доверяла ей возить даже Анну.

Поезд должен был прибыть через какие-то минуты, и нервничали почему-то мы обе. И ладно бы – Ирка, это как раз понятно, но потряхивало и меня.

- Соскучилась, - объяснила я ей свое нервное состояние.

- Ага, - ответила она, - не говори ему обо мне ни слова, Лянка. Пожалуйста… я все пойму и увижу сама. Пускай лучше ничего, чем недоумение или жалость.

Выглядела она замечательно. Особенно на контрасте со мной – светлая и легкая, худенькая, в светлых капри и почти прозрачной тунике, на каблучках и с прической – небрежной, с кудряшками на шее.

Я тоже постаралась выглядеть хорошо и нужно сказать, что старалась все эти месяцы после родов. Еще таская пузичко, втирала в живот крем от растяжек, пользовалась поддерживающим поясом, потом выполняла рекомендации по послеродовой адаптации, в том числе и физической. Вес быстро пришел в норму, Ирка даже говорила, что я "высохла" - казалось, Аня вытягивала из меня все соки с молоком. Но волосам вернулись сила и шелковистый блеск, исчезли синие провалы под глазами. На меня все так же оглядывались мужики, но это уже не нервировало - видеть подтверждение тому, что я добилась успеха, было приятно.

Поезд подходил к перрону. Мы с Ирой быстро сориентировались, где остановится шестой вагон и потихоньку двинулись туда. Народ прибывал, потоком выливаясь из вагонов и смешиваясь со встречающими. Ирка побелела и тряслась, а я тянула шею, высматривая в толпе брата с обещанными подарками в руках. И увидела…

Вначале я просто не поняла.. этого не могло быть в принципе. Но оно было - я увидела Ваню. Смотрела и действительно видела его лицо, одежду - черную… Смотрела, все шире открывая глаза, и в священном ужасе вглядываясь в лицо приближающегося ко мне мужчины, и что я чувствовала? Самый настоящий страх, мистический ужас, которого не было даже тогда – в далеком селе, посреди кромешной тьмы, возле потустороннего, по ощущениям, танка! Ваня здесь, среди современной толпы?! Я потрясенно смотрела на это – он приближался и даже уже видел меня.

Я не отрывала от него не верящего взгляда, не видя больше ничего вокруг себя. И он смотрел – пристально и серьезно, очень внимательно смотрел, изучая и… узнавая?

Вот он уже рядом со мной – остановился и смотрит… Я делаю шаг к нему, не чувствуя собственного тела – в ушах звенит, во рту пересохло, я на грани обморока или смерти…

- Ваня…? – сухие губы шепчут сами, я совершенно не осознаю действительности, я там – с ним, на той стороне, куда ушел он – вместе.

- Да…? Так... - слышу тихий ответ, и меня бросает к нему! Не дослушав - это уже неважно, я падаю к нему на грудь, толкнув, наверное, потому что он немного пятится, но я висну на нем, покрывая родное лицо поцелуями, дотягиваясь до щек, подбородка, губ… меня трясет и колотит от того, что я сейчас переживаю – это небо! Я – на небе! Совсем не удивляет, что он ничего не говорит – а за эти мгновения можно было сказать многое. Мне совершенно по фигу, что он стоит истуканом - я понимаю, что он тоже в шоке. А почему в шоке? Трезвая мысль пытается выбраться из глубин мозга и благополучно тонет в ощущениях – я издаю протяжный стон и почти теряю сознание… потому что Ваня отвечает мне, наконец - подхватывает под спину и за шею и впивается в мои губы своим особенным, фирменным поцелуем – собственнически, жадно, больно… блин! Опять замазывать синяки - проплывает в голове, кружащейся от счастья.

… Счастье внезапно обрывается… Это сродни холодному душу и я цепенею, пытаясь поймать за хвост реальность - Ваня никогда не пихал мне в рот свой язык. Французский поцелуй – это наша современность и никак иначе! Или нет? Но Ваня никогда! А

сейчас это происходит – мои губы в плену чужих губ и поцелуй… жесткий и жадный, но это ладно, пытаюсь я сохранить разум – Ваня так же… но язык! Он приоткрыл им мои губы и грамотно так шурует…

- Ты! Ты же… не Ваня! - рывком отстранившись от него, выдыхаю я шепотом – на что-то иное не хватает дыхания и сил.

- Николай… - слышу я хрипловатый шепот и мужчина с поплывшим взглядом, будто в трансе, опять тянется ко мне, привлекая к себе, вжимая в себя… медленно прикрывая глаза и склоняясь к моим губам…

- Ты что - идиот? – слышу я растерянный голос брата и его руки меня вырывают из уютного кокона, где я уже опять уплываю… таю… теряя остатки воли.

- Отвали! Отцепись, я сказал! – огрызается почему-то Колька, и я окончательно прихожу в себя – морок спал, медленно подключается разум, но поднять глаза страшно до безумия. Страх непонятный – иррациональный. Если бы могла, замерла бы на этом, остекленела, застыла, будто муха в янтаре, сохраняя в себе отпустившие уже ощущения… но мне нельзя – у меня Анька, окончательно прихожу я в себя.

- Сам дурак! – отвечает, будто плюет, Ирка и быстрым шагом уходит в сторону здания вокзала. А я поднимаю взгляд…

Глава 43

На первый взгляд, это был Ваня. Странно было бы не обознаться – ген пальцем не раздавишь, как говорит бабаня. Но были некоторые моменты…

Я очень редко смущаюсь по-настоящему – с пресловутой удушающей волной, горячим чувством стыда и дальнейшими терзаниями. Но сейчас было именно это состояние, которое удачно характеризовала всего одна фраза - провалиться бы сквозь землю! Удивительно – это сколько же людей побывали в настолько паскудной ситуации, чтобы вот так ювелирно обрисовать чувство полного охреновения от собственного поступка? Но почти сразу же желание бежать и прятаться пропало – хотелось ругаться, прикрыв глаза и забыв, что вокруг люди, а я все-таки женщина. Так отводил душу Рогоз из бригады Марка. И ему, наверное, очень легко живется. Не факт, правда, что окружающим - тоже.

- Извините - обозналась, просто не ожидала - честно, - с трудом выдавливала я из себя, просчитывая в панике, сколько времени займет это расшаркивание и как скоро я, наконец, окажусь дома с Анькой и Анжиком. Да на фиг никто больше не нужен! Господи! Как же мне стыдно и насколько же плохо… За что ты меня так? С небес - на землю! Рылом...

Конечно, он не может быть Ваней. Скорее всего, это его… праправнук. Хотелось плакать и кричать, разнести все тут на хрен… так хотелось, чтобы все по-настоящему! Чтобы он сам! Чтобы помнил - так и рассказывали про этих… реинкарнированных. Так нет же!

- Так похож? - договорил мужчина то, что я не дала ему сказать.

- Очень, но теперь я вижу, что не совсем, - вздохнула я, так же внимательно разглядывая его, как и он меня. Рост почти тот же, это я поняла еще в процессе обнимания – мне было привычно удобно. Лицо? Да - очень похож, но! Ванина легкая лукавинка во взгляде – ее не было, этот смотрел очень серьезно и даже как-то недоверчиво, что ли? После такого поцелуя?! Неужели не видит, что в нашей ситуации определенно есть доля юмора – горького, невеселого, но

есть же? Он же мужчина! Сгладил бы неловкость, перевел все в шутку, в конце концов! А он просто молчал и смотрел, и от этого хотелось плакать.

Я открыто рассматривала его - это было оправдано его же вопросом, и нашла еще одно несоответствие – волосы на тон светлее, не черные, а темно-каштановые. Коротко остриженные, они очень плотно прилегали к голове – шапочкой, как у Ани. Легкие колечки, завиваясь, создавали иллюзию просто сказочного шевелюрного изобилия. Глаза черные – да, ресницы тоже и линии бровей… Для чего я мучаю себя - подумалось горько – это же все равно не он, не мой Ваня.

Лицо, стрижка, черный цвет одежды – вся это просто иллюзия идентичности. Сработало только до первого несоответствия - поцелуя. Есть еще отличие - Ваня был очень сильным, но сухощавым, жилистым. Мышцы этого бугрились под черной футболкой – не гипертрофированно, как у клинических энтузиастов, но очень даже заметно. Скорее всего, грамотно, под руководством хорошего тренера, нарабатывались в спортзале. Красивое лицо, пропорциональное телосложение - у Вани оказались сильные, хорошие гены. Радоваться бы этому... я и буду, наверное – за Аню.

- Алена? У вас исключительно красивое имя и оно удивительно идет вам, - заговорил, наконец, Ванин внук, делая шаг ко мне и заставляя брата обнять меня за плечи жестом защитника. С момента нашей встречи прошли минуты, а я, кажется, прожила на этом перроне целую жизнь.

- Виноват только я один. Я не должен был... Фотографий Ивана не сохранилось, не знал, что мы так похожи. Я ожидал этой встречи со странным чувством. Коля рассказывал о вас, но я не всему верил, потому что точно знал - таких женщин уже не делают, их просто не бывает. Это долгое ожидание встречи с… почти легендой и вдруг - Вы… Извините меня, - в затруднении замолчал он, но не спрятал глаза, как сделала бы я, а сделал еще шаг вперед.

Его улыбка стала чуть кривоватой, а взгляд - вызывающим. И стало понятно, что если даже он испытывает неловкость и вину, то сразу же и отрицает их этим вызовом. Признавая, что ни о чем не жалеет и на самом деле вины не чувствует. Но… извинился же, приличия соблюдены и сейчас мне точно стало намного легче.

- Для чего вы искали меня?

- Как – для чего? - удивилась я, - чтобы найти Анину родню, чтобы у нее появились братья или сестры, что здесь непонятного?

Поняла, как неоднозначно это прозвучало только тогда, когда в его глазах вдруг возникла та самая Ванина смешинка. И все - я в ауте… Качнув головой, попросила:

- Мне нужна передышка, нужно время прийти в себя. Еще раз простите, Николай, - чтобы отвести от него глаза, пришлось приложить усилие.

- Коль, я не видела тебя столько времени, а хочется не обнять, а стукнуть – что ты сказал Ире?

Брат отпустил меня из рук и недовольно посмотрел на Николая.

- А что, по-твоему, я должен был делать? Я понятия не имел, что они на одно лицо. Происходит непонятно что, а она повисла на мне, не давая двинуться.

- Коль… Ира видела портрет Вани. Решила, что это он, а ты нам мешаешь. Она очень правильно чувствует, очень хорошая…, - прикрыв на секунду глаза, решилась на правду, потому что у них самих ничего не получится: - Она влюбилась в тебя еще тогда – почти пять лет назад и продолжает любить – тихо и незаметно для тебя. Она так ждала, чтобы просто видеть тебя эти несколько дней, а ты…?

- Я извинюсь, - после минуты потрясенного молчания ответил брат, - вот прямо сейчас и извинюсь, - лучился он самцовым энтузиазмом.

- Обидишь ее – гадом будешь, - просто сказала я, - там все слишком сильно и серьезно, Коль. И если что, ей будет очень больно. Лучше держись на расстоянии, если она не в твоем вкусе или ты не настроен на настоящее. Тогда просто общайся с ней вежливо и ровно – прояви милосердие. Мы хотели постелить тебе на диване в ее квартире, но сейчас… - кивнула я в сторону Николая, - лучше вам обоим остановиться в гостинице.

- Я тоже так думаю, Коля, - донеслось со стороны .

Я опять смотрела на него, понимая, что видеть в нем Ваню почти невыносимо. И больно понимать что, похоже, он - тот самый единственно возможный шанс, потому что таких совпадений не бывает, и в то же время чужой по сути человек, просто дубликат, реплика. И вообще - кто придумал, что он обязательно должен быть

вот таким, кому так важно и нужно было столкнуть нас лбами на этом перроне? Времени для философствования у меня уже не было, потому что толпа уже потихоньку рассосалась, люди разошлись, а где-то там меня ждала не просто расстроенная, а почти убитая горем Ирка.

- Спасибо, - поблагодарила я его, - тогда – до вечера? Коль, я позвоню, скажу, во сколько мы будем ждать вас. Нужно показать вам портреты прапрадеда, Николай, вы имеете право знать о нем и видеть их. Не наедайтесь нигде, мужчины - мы с Ирой готовились.

- Ладно, - быстро согласился Коля, а Николай подтвердил свое согласие четким кивком головы – жест из фильма об офицерах еще царской гвардии.

- Вы военный? Танкист? – загорелась я непонятной надеждой. О танках я теперь знала все и могла говорить о них до бесконечности.

- Военный, - согласился он с улыбкой, - только пограничник.

- В военной технике не разбираетесь, - подвела я неутешительный итог.

- Почему? – удивился он, - как всякий военный человек, разбираюсь - в танках, самолетах, кораблях, стрелковом оружии, артиллерии...

- Это хорошо, тогда до вечера, - согласившись с таким вариантом, я развернулась и ушла, не дожидаясь, пока они поднимут свои сумки. Вечером будем говорить о кораблях и самолетах, если другие темы не прокатят.

Подругу я нашла в салоне автомобиля и сразу же объяснила ей причину Колькиных слов и действий. Попросила учесть его характер, возможное влияние на него последних потрясений, ну и профессиональную деформацию, само собой.

- Засранец, - прошептала Ирка, - на сколько ты их пригласила? Давай быстрее думать, чем их кормить?

- Да тем, чем и собирались, что тут особо прыгать? Все есть, все вкусно, - поймала я себя на том, что тоже чувствую нервный мандраж.

- Он сильно похудел, просто больно смотреть, - озабочено прошептала Ирка и посмотрела на меня еще блестящими от слез глазами, - Лянка, это Он?

- Внук, - ответила я с обидой.

- Ну да, а кто еще может быть так похож на него? Конечно, родственник. Я думала, он тебя расплющит или вообще… люди оглядывались, - подмигнула она мне, - тебе понравилось?

- Понравилось, - пришлось согласиться мне. Сейчас не было смысла разъяснять ей, что со мной происходит. Она может просто не понять. Пора было домой к девочкам, нужно отпустить няню и подготовиться к вечернему визиту.

Аня встретила меня улыбкой, вытягиваясь в струнку и судорожно размахивая ручками, как ветряная мельница – радовалась. Наверное, ей хотелось бежать, нестись – маленькое тельце требовало движения, и я потащила ее делать массаж. На специальном столике лежал тонкий матрасик и детский крем - это все, что нам сейчас было нужно. В процессе решила плыть по течению – отрицание всего и всех, конечно, очень смелая жизненная позиция, но спешить с этим не хотелось. Как говорится – война план покажет. Первое впечатление всегда самое сильное. Но теперь я успокоилась, подумала, приняла ситуацию и наша вторая встреча должна пройти легче для меня.

В дверь позвонили, и я осторожно перевернула Аню на спинку, прислушиваясь к разговору в прихожей. Мужской голос не был мне знаком. Потом что-то зашуршало, тишина… в комнату вошла Ира и села, уронив руки на колени и глядя мне в глаза.

- Не будет мне в жизни счастья – я не сделала ничего, чтобы спасти твое.

- А мое счастье, это…? – уточнила я.

- Олег, - расстроено ответила она и протянула мне листок бумаги. Там было написано:

« Аля! Мне самому ничего из этого, как ты понимаешь, не нужно и уже никогда нужно не будет. Покупал спонтанно, в разное время - просто потому, что хотелось. Думаю, что вам с Аней пригодится. Если даже выбросишь, лучше мне об этом не знать – там красивые вещи, я представлял их на вас. Будьте здоровы, а я в порядке, насколько можно - не сомневайся. Много работы, приглашают в Москву работать и жить – я согласился. Возвращайся в квартиру, она будет свободна с третьего июля. Ключи у консьержки. Целую. Я. »

- А что там? – слабым голосом спрашиваю я.

- Шарфики из натурального шелка – ты любишь такие. Розовый с сакурой и голубой с облаками – в коробках, японские, дорогущие. Еще много детского и в основном все на вырост… Я не должна была говорить тебе об этой Ольге. Просто баба очень видная и ребенка ему протягивала из машины, а он принимал его так… как драгоценность. И смотрел…

- Куда смотрел, Ир? – с жалостью смотрела и я на нее.

- На ребенка, блин! – расплакалась Ирка, - я же… могла и не сказать тебе. Может, он пришел бы сам и принес все это и у вас был бы шанс…? А как жить потом, смотреть тебе… в глаза? Я же ничего не придумала, я сказала правду – видела с красивой бабой.

- Для меня Олег сейчас – самый лучший вариант, - поделилась я с ней, укладывая Аню в кроватку и придвигая ближе к ее ручкам подвешенную погремушку.

- Самый разумный и очень удобный, Ир, а может и самый правильный – там почти гарантия, что больше не накосячит. Я много думала об этом еще когда он в лес за мной пошел – это был поступок и очень для меня… вовремя. Я правда - *думала*, и - никак, Ир. Я уже говорила, что не смогу забыть. Пыталась представить нас и сразу видела, как вживую... Не то, как он прыгает на чужой бабе, а как я выхожу в окно с высотки. Или в руку попадается нож, а не сковорода и тогда я даже не знаю, кому бы прилетело - мне или ему? Смерть или тюрьма? Понятно, что сама дура – нужно было развернуться и уйти, просто плюнуть. Но я сорвалась. Вот так сорвалась всего два раза в жизни – тогда и сегодня на вокзале, накрыло…

- Это абсолютно разные вещи, Лянка, - шмыгнула носом Ирка.

- Да... и Беркутов прав - я моралистка и максималистка - границы моих берегов очерчены слишком четко. И черное с белым - основные цвета. Тогда был черный... В обезьяннике я думала... что конченная психопатка, а сейчас - что во мне сидит мужик. Олег тогда оскорбил меня, унизил этой сценой, обидел своим предательством - это было отчаянье высшей степени. Смыть оскорбление кровью, прекратить унижение, отстоять свое достоинство, унять поруганную гордость - не женский порыв. Олегу подойдет Ольга - она мягче, может даже умнее..

- Не отвлекайся, мать. Сегодня что было - белое?

- Сегодня я показала себя дурой. Думаешь, он зря спросил... а-а, ты же ушла... Он спросил - зачем его искали? Вызвали, набросились... человек в недоумении. И я тоже, Ир. Я тоже в нем, гадство! Тогда было отчаянье высочайшей пробы, а сегодня - торжество Веры. Я поверила в чудо, в милосердие, в то, что справедливость - она есть, что действительно - воздастся... Перепугала мужика... он истуканом стоял...

- Да не совсем... так, чтобы уж честно, - хихикнула она.

- Может, хотел так остановить меня, привести в сознание? Шоковой терапией. Хотя получилось очень даже... но это просто то мое состояние - полета над землей. Господи, Ирка, как же хочется верить - какое чувство светлое и радостное, какой душевный подъем, ощущение почти непереносимого счастья! А уже не получается - ушло... Но что я опять? Мы же про Олега? С ним ничего не получится - я еще не рассказывала тебе, как на меня ходили смотреть менты. Я в камере с решеткой вместо двери, а они, как в цирке. И шутили вроде, а я цепенела, потому что эта девочка, она рассказывала страшные вещи… Ир! С Олегом – все. Хорошо, что он понял. А Ольга приехала из Москвы, может и сложится у них – она неплохая. Непонятно тогда – кто будет с бабой Маней? Хотя я уверена, что одну ее они уже не оставят. А может, Олег говорил правду и с Ольгой у него ничего нет, и тогда мне его жаль. Все на этом. Про этого Николая тоже пока молчим – ничего не знаю, - выдохшись, закончила я.

Не было слез, было ощущение завершенности, но и не совсем. Вот если бы и правда Олег и Ольга…

К шести вечера мы накрыли стол, Ира забрала Анжелу из школы, Аня была накормлена и упакована в чистый подгузник и одну из обновок, что передал Олег. Я подготовила портреты и награды Вани, достала его вещи, которые забрала с собой из дома бабы Мани. Будем говорить и общаться. Посмотрим…

Глава 44

Они пришли к шести часам вечера, дверь открывала я – Ира с дочкой были заняты на кухне. Анжик частенько навязывала свою помощь в готовке, и Ира не отказывалась от нее - учила. Коля вошел первым и, отведя мою руку от букета в сторону, покачал головой.

- Это не тебе, это в одну кучу к извинениям. А для вас с Аней целая сумка подарков.

- А это – мое восхищение вами, Алена, - шагнул следом за ним Николай, протягивая мне букет из палевых кустовых роз – чуть более темных, чем те, что Коля принес Ирке. Сейчас он был одет в легкие светлые джинсы и белую тенниску – она очень шла к его загорелому лицу. Улыбался широко и немного лукаво. Нахально напоминая о перроне?

Я пригласила обоих в комнату и после короткого разговора с Ирой и Анжиком, решила, что сейчас самое время познакомить гостей с Аней. Нужно было показать брату племянницу и предъявить Николаю главное доказательство того, что все, что ему рассказали – чистая правда. Да и наш живчик как раз не спал. Накормленная и чистая, дочка лупила по связке погремушек, подвешенных в изголовье кроватки. В нашей с ней комнате пахло маленьким ребенком – особый нежный запах, тонкий и неповторимый.

Брат расслабленно заулыбался, рассматривая Аню, а потом вдруг вскинулся и трижды, будто шутя, сплюнул в сторону.

- Коль, что это было? – засмеялась я.

- Та бабаня… сказала, что так нужно, а то еще сглазим. Фотографировать до крещения запретила. Бабские суеверия, конечно. Но я по своим знаю, что лучше перебдеть…

Николай хмыкнул на это и сделал так же, склонившись потом к кроватке и строго и внимательно рассматривая черные Анины глаза, волосы кудрявой шапочкой… Я тоскливо наблюдала за ними со стороны и думала о том, как хорошо было бы… и, как мне казалось, незаметно прикрыла глаза, пережидая слезы. Когда открыла их, он смотрел на меня.

- Вы сейчас думаете о нем?

- Да, представила, что это мог быть он…

- … а не я, - закончил он за меня и отвернулся опять к детской кроватке.

- Наши дети могли бы дружить, когда подрастут. У Ани уже есть двоюродные сестра и брат, но родственники со стороны отца…

- У меня нет детей и нет жены. Было всего полгода брака и она уехала из военного поселка возле Хабаровска, назвав его Мухосранском, и от меня, соответственно. Мы снимали квартиру, и работы для нее не было, а она была балериной. Не примой - на третьих ролях, но очень гордилась своей профессией. Мне тоже нравилось, как она танцевала, даже как ходила, по-особому ставя стопы, - спокойно и ровно рассказывал Николай.

- Это было давно - в молодости?

- Не совсем, мне было уже тридцать, когда я женился. Продуманно, ответственно, казалось, что по обоюдной любви.

- Поздно женились, - отметила я.

- Нормально он женился, это я поспешил, - заметил брат, - схожу узнаю – может Ире нужна помощь?

Я кивнула ему, глядя на Николая и ожидая ответа.

- До этого была Чечня, я воевал – не до женитьбы было, - опять отвернулся он к Ане, - она очень похожа на меня.

- Да, просто копия, - залюбовалась я шустро ворочающейся в кроватке дочкой.

- Наверное, я никогда не пойму вас, Алена, - прошептал он.

- Но хоть верите теперь, что я не обманываю вас, что Ваню действительно забросило в наше время? И что я действительно обозналась там – на перроне?

- Верю. И я совсем не расстроился, что вы обознались, - отошел он от Ани, остановившись возле меня: - Дело не в этом.

Внимательно осмотрев комнату, он подошел к окну и выглянул наружу. Здесь нельзя было похвастаться видом из окон – двор не был красивым, ухоженным и удобным для прогулок. Мест для парковки было мало, и машины стояли вдоль тротуаров длинными рядами. Я подошла, стала рядом, показала:

- Вон, под фонарем – наша, красненькая.

- Вы водите, это ваша машина? – уточнил он.

- Нет, это Ирина. Я боялась обучаться, пока носила Аню, теперь – пока кормлю. И так с молоком не густо, а стресс может повлиять.

- Кормите своим молоком… - не скрываясь, перевел он взгляд на мою грудь, а потом, наконец, заговорил по существу: - Я верю в мистику, Алена. Однажды был с инспекцией на одном северном острове. Там современная, благоустроенная застава. Бойцы заступают в наряды по охране границы, а командиры смен ходят проверять караулы с автоматами – из-за белых медведей, которых там очень много, даже были случаи нападения на людей. Один из офицеров не вернулся с обхода – пропал вместе с оружием. Его нашел через какое-то время кто-то из местных – чистый, без остатков плоти скелет. Чтобы идентифицировать, пришлось делать ДНК-экспертизу и ее сделали – это оказался он. Но состояние костей было, мягко говоря, нетипичным, поэтому провели радиоуглеродный анализ, и выяснилось, что скелету сто сорок лет. Признать это, как истину не смогли и семье пенсию не платят – он до сих пор считается пропавшим без вести. Эта история ходит там, обрастая подробностями, но письменное заключение я видел сам, говорил об этом с людьми, которым доверяю. И Коля рассказал все так, что я сразу поверил ему. Меня разыскивали очень серьезно, Алена. У вас хороший брат, - печально улыбнулся он.

- А у вас есть братья или сестры? – мне хотелось узнать о нем как можно больше.

- Брата уже нет, родителей тоже – не пережили его гибель в чеченскую… мучительную и страшную.

- Простите, - прошептала я.

- Ничего. Я выжил и весь в службе. Сделал неплохую карьеру, дорос до полковника, служу в Управлении в самом Хабаровске. Жил и больше не ждал… потрясений, но вот случилось... Мы с Аней родня и вы всегда можете рассчитывать на меня. На Урале живет двоюродная сестра и еще одна – в Белоруссии. Мы изредка перезваниваемся – общих тем почти нет. Я оставлю вам их координаты, - ровно и доброжелательно пообещал он мне.

И весь вечер, пока мы ужинали и общались, он сохранял это отстраненно - приветливое выражение лица.

Вечер прошел спокойно, только между Ирой и Колей все-таки чувствовалась неловкость, несмотря на извинения брата. Все-таки не

нужно было говорить ему про Иру. Теперь он вел себя как-то... неестественно. Может, другие не заметили этого, а я видела – он четко выполнял мои рекомендации и держался вежливо и отстраненно. Когда Ира выходила за чем-то из комнаты, он провожал ее взглядом – разглядывал, будто только что познакомился. Похоже, тогда – несколько лет назад, он действительно не обратил на нее внимания, не рассмотрел и не особо помнил. Сейчас, после моих слов, присматривался уже вынуждено – незаметно для нее изучал, прислушивался к тому, что она говорит и оставался таким же вежливым и отстраненным. Жаль… Хотя, что можно узнать о человеке за несколько часов? Почти ничего. Разве что влюбиться с первого взгляда? Так он не первый…

И тут же мысли перескакивали на Николая – тот же случай, похоже, и такое же поведение по отношению ко мне. Пришло в голову, что он мог воспринять те мои четкие инструкции для Коли и на свой счет, а сейчас так же давал мне понять своей вежливой отстраненностью, что между нами ничего быть не может. Вполне все-таки мог понять мой порыв, еще и как поползновение… печально, но мне стало легче общаться с ним, когда я предположила это. Все равно приятно было смотреть на его лицо. Часто ловила себя на том, что мечтательно улыбаюсь, слушая их разговор. Выпадаю из общения на какое-то время, погружаясь в свои воспоминания.

Он ловил мои взгляды и смотрел с вопросом, и я отстраненно улыбалась, отводя глаза. Наверное, так я окончательно прощалась с Ваней. Пускай немного потерпит - ничего страшного, я уже все объяснила и даже показала рисунки.

- Удивительное сходство, - задумчиво говорил он, рассматривая рисунок за рисунком и осторожно откладывая их в сторону. Пересмотрев все, аккуратно сунул их в файлик, почти не глядя, автоматическим движением провел пальцами, выравнивая стопочку бумаг на столе. Педант? Аккуратист? Постоянно работает с документами? Но он сказал – пограничник… Я мало знала о пограничной службе. На память приходили следовые полосы, проложенные специальными машинами, служебно-сторожевые собаки, погони за нарушителями, красивая зеленая форма – нормальный взгляд на незнакомую профессию со стороны.

- Не представляю себе, - задумчиво ответил он на мой вопрос об аутентичных наградах Ивана Дружанина, - все мои предки по мужской линии были военными, а это бесконечные переезды. Могли просто утерять. И были ли они в семье вообще…?

Еще я осторожно поинтересовалась судьбой Ваниной жены, и Николай слегка нахмурился.

- Вам неприятно, что я, по факту, стала любовницей вашего женатого предка? – удивилась я такой ранимости, но нет – он объяснил:

- Мне не пришло бы в голову осуждать за это. Даже если бы там была крепкая семья, но его жена – почти легенда для родни, как и сам Иван. Про фронтовика все понятно – его помнят и гордятся им, а вот с ней другая история – ее судил семейный суд. Раньше такое происходило на Дону… да вы сами должны знать, - с вопросом заглянул он мне в глаза.

Я кивнула – да, действительно, раньше были суды станичные и семейные. Собирались самые мудрые и влиятельные люди или старшая родня и зачастую решали судьбу, а иногда - даже жизнь конкретного человека, потом собирали станичный или хуторской сход и знакомили всех со своим решением.

- Это одна из семейных баек – особые подробности, само собой, утрачены, но основное я расскажу вам: они женились очень рано – обоим не было двадцати. Стешка была женщиной видной, сильной и волевой. Это неплохо, но в семье шла тихая война – она боролась с мужем за власть в ней, за возможность диктовать и устраивать все без исключения по-своему. Ивану уже давно предлагали хорошую должность в соседней станице, и тогда он согласился, чтобы быть дальше от дома и от нее. Работал… Не знаю – был ли у него там кто или нет, но когда его провожали на фронт, молоденькая учительница бросилась ему на шею – прощаться. Очевидно, была влюблена. Это произошло на глазах всей родни и жены тоже. Стешка прокляла его… Вы верите в проклятья? – спросил он меня.

- Ох, я теперь во столько всего верю… рассказывайте дальше, - прошептала я. Ира и Коля промолчали, и он улыбнулся и продолжил:

- На дальних хуторах и не только, - с иронией взглянул он на Колю, - до сих пор сильна вера во всякую мистику – сглазы, наговоры, привороты, проклятия – люди верят во все это, а раньше верили и того

больше. А тут их родственник уходит на фронт и такая сцена… некрасивая, тяжелая, а главное – уже ничего нельзя исправить или переиграть. Собралась родня, позвали ту учительницу… короче – выяснилось, что это был спонтанный порыв влюбленной девушки, такое прощание. Связи между ними и измены жене не было. Если бы она выслушала мужа, все выяснилось бы, но там давно уже… очевидно, любви давно не осталось, и она выплеснула на него всю свою ненависть – не знаю, насколько там кипели страсти. Суд решил и Стешку изгнали из семьи, отреклись от нее. Один их сын погиб на фронте, другой – мой прадед потом, тоже был почти взрослым уже парнем…

- И что с ней случилось дальше? Где она жила? – печально спросила я, отмечая, что сын все-таки погиб и немного радуясь тому, что Ваня так и не узнал об этом.

- Ее не выгнали из их с Иваном дома, просто перестали общаться. Даже письма с фронта для нее почтальон отдавала родне. Может, Иван хотел оправдаться или подробнее узнать о детях… потом хутор был под оккупацией, сейчас его нет вообще. Мой отец уехал с Дона в восемнадцать и с тех пор я был там считанные разы, с родней у нас мало общих интересов – только история. Алена… - вдруг резко сменил он тему разговора, - почему вы живете в квартире Ирины? Так понимаю, что вы в разводе?

- Я строю для себя и дочки дом. С жильем у меня скоро все будет в порядке. Просто небольшая задержка – я потратила на покупку земельного участка несколько миллионов. Зато теперь у нас во владении самое красивое место в городе.

- Разрешите мне тоже поучаствовать в этом строительстве – финансово? - вежливо спросил он.

- Не нужно, никто не виноват, что я замахнулась на такую красоту, - отмахнулась я. Он считает условия проживания у Иры плохими? Нормальные условия, но Ира копит на хорошую большую квартиру и скоро купит ее. Тянуться ниточкой за ней мне не хотелось, а значит, нужно быстрее строить дом. Можно было бы, конечно, переехать в свою бывшую хату - Олег скоро уедет. Но это будет означать продолжение тягомотины между нами, потому что квартира записана на него. Я буду жить там с дочкой, а он – опять строить свои планы.

- Я очень хотел бы увидеть этот участок, хотел бы подольше побыть здесь и ближе узнать Аню и вас тоже, Алена… - медленно, аккуратно подбирая слова, говорил Николай, - но вижу, что… не стоит этого делать. Завтра я уезжаю в Москву по службе, а потом – сразу домой. Разрешите мне звонить вам иногда и узнавать, как тут Аня… и вы тоже. Надеюсь, я имею право на маленькие подарки, как родственник?

- На маленькие. Да, - жадно вглядывалась я в его лицо напоследок. А он грустно улыбался, обещая:

- Исключительно маленькие.

Уже поздно вечером я покормила и уложила спать Аню и решила проводить мужчин до стоянки такси. Ира осталась дома. Дневная жара ушла, горели фонари, народ уже не бежал по тротуарам с работы, а чинно прохаживался, прогуливаясь, как и мы. Я шла между двумя Николаями и думала о том, какое бы желание мне загадать? Чтобы все были здоровы? Чтобы не случилось так, что я в какой-то миг пойму, что мне хочется большего и стану сходить с ума от одиночества, как Ирка? Нет, пускай все идет так, как и предназначено. Все равно стать счастливой мне не даст тот самый груз вины, который давит на плечи и окрашивает окружающее в серый цвет. Если бы Иван не подарил мне Аньку, я… нет – выжила бы, конечно, но просто не представляю себе - какой ценой?

От Коли приятно пахло туалетной водой, а Николай не пользовался парфюмом. Я не стала спрашивать об этом – там могло быть связано с профессией. Опять мне вспомнились пограничные дозоры и засады в густых кустах.

Когда мы дошли до стоянки, Николай, молчавший все это время, резко повернулся к Коле и попросил, даже не попросил, а просто сказал так, что не выполнить его просьбу было бы невозможно:

- Коля, оставь нас на несколько минут. Пожалуйста.

Брат отошел всего на пару шагов, а потом, видимо поняв, что мы все равно будем на виду… сел в машину и прикрыл дверку. Николай повернулся ко мне и спросил:

- Мне не понятно одно… Алена, давай уже на «ты»! Все-таки родственники по дочери, - кивнул на мое согласие и продолжил: - Не понятно одно - ты любишь мужчину… пускай и вот так – сердцем и памятью, но это тоже… сильно и придает жизни смысл, окрашивает

ее… это понятно. Есть долгожданный ребенок от него. Ты строишь свой дом, любимая работа… Что тогда ест тебя изнутри? Ты была другой там - на вокзале, горела пожаром, зажгла меня…, а сейчас чадишь угасающим костерком. Да, я – не он. Но ты уже оправилась от этого знания, должна бы прийти в себя, но есть что-то еще, я чувствую это по твоей улыбке – ты плачешь ею… когда смотришь на меня. Это же не просто ностальгия?

- Это вина, Коля… это немыслимо страшная вина – я сама отправила его на смерть. Знала и отпустила, чтобы его убили. Это не дает нормально жить, спасает только Анька, - честно объяснила я, - ну… езжай уже, а то брат ждет.

Он отрицательно качнул головой, глядя на меня, шагнул ближе, взял за плечи и слегка встряхнул, глаза блеснули в свете фонарей антрацитовым блеском. Голос подрагивал от эмоций…

- Смотри на меня! Я плоть от плоти и кровь от крови его и я мужчина. А еще я воевал. И я не остался бы, Алена. И он не остался бы – ни ради того, чтобы выжить, ни даже ради тебя. Представь – он здесь и узнает, что его сын погиб, работая за него там, откуда он сбежал. Война – это тоже работа, но грязная, страшная и опасная! Я не отказался от Чечни, когда уже знал о гибели брата. Может, как раз это убило родителей, но тогда я не мог иначе! Он ушел бы в любом случае, даже отодрав тебя от себя… не думай об этом больше. Иначе быть просто не могло. Я знаю.

Ладони на моих голых плечах были горячими, как угли. Он отпустил руки, потом легонько приобнял меня.

- Давай прощаться, родственница.

- Давай, - согласилась тихо я, в голове стучало – «плоть от плоти и кровь от крови». Когда он уже открыл дверку и собрался садиться в машину, я окликнула его:

- Коля, а ты любишь липу?

- Какую Липу? – удивился он, - а-а-а… ты о дереве? Смешная… Липовый цвет, запах? Ненавижу, не выношу… К чему этот вопрос, Алена?

- Да так… - прохрипела я, прокашлялась: - Езжайте. Счастливого пути, Николай. Коля, жду тебя завтра. Приезжай сразу, как только выспишься.

Глава 45

Мужчина сел в машину, захлопнул за собой дверцу, обратился к водителю:

- Поехали. Коля, ты сказал – куда?

Это было все, что он произнес за все то время, что они ехали до гостиницы. Николай Соловьев тоже молчал – при чужом человеке говорить о серьезных вещах не хотелось. Но когда вошли в вестибюль, он заговорил:

- Ну, скажи уже что-нибудь.

Николай отстраненно посмотрел на него, ответил:

- Нужно хорошенько подумать. Тяжелый день.

- Чем он для тебя тяжелый? – удивился тот.

- Эмоции, впечатления, встречи… Не скажешь – из-за чего твоя сестра развелась с мужем? – поинтересовался мужчина, поднимаясь по лестнице на второй этаж.

- Гульнул, - не стал вдаваться в подробности Соловьев.

- Понятно, - кивнул Николай, - бывает, видно, и такое. Чего только не бывает.

- О чем вы с ней говорили?

- По обоюдному согласию перешли на «ты», я предложил обращаться при необходимости, она разрешила звонить и узнавать новости о них с Аней. Коля, в девять меня здесь уже не будет, давай прощаться сейчас. Будем держать связь, - удирали они по рукам.

Приняв душ, Николай лег в постель и прикрыл глаза – так лучше думалось. В душе царил хаос и сумбур. Не зря он молчал с Колей Соловьевым – то, что творилось внутри, трудно было передать словами. Разобраться бы самому…

Когда он первый раз услышал по спецсвязи историю своего предка и женщины из нынешнего времени, то не положил трубку только потому, что это была именно что спецсвязь. Сомнения длились буквально минуты, потом он согласился на разговор по видеосвязи, дав свои координаты – хотелось видеть собеседника. Вечером услышал подробности и увидел молодое мужское лицо – серьезное и немного усталое, худое и загорелое, с острым умным взглядом.

Попросив время, чтобы обдумать новости, он действительно думал… Думал и сейчас, не спалось – вспоминал…

- Должна встречать, хотя я и был против, - говорил Соловьев, ставя сумки на перрон и вглядываясь в толпу: - А вот и Аленка – там, в зеленом платье, видишь?

Он увидел. Странно было не увидеть, сразу натолкнувшись на дикий, отчаянный взгляд - взгляд-ловушку. Он машинально поправил на плече сумку и пошел через толпу, стараясь не потерять зрительный контакт, обходя группы встречающих, и почти не слушая, что говорит сбоку Соловьев. Эта женщина смотрела так, будто от того, как быстро он окажется рядом с ней, зависела ее жизнь. Он ускорился. А она сделала навстречу шаг, второй и вдруг бросилась к нему, прижалась, обхватив ладонями шею, скользнула ими на щеки и на его лицо посыпались поцелуи. Она что-то бормотала безо всякого смысла, даже слов он не мог разобрать, оцепенев от неожиданности на долгие секунды.

От нее пахло ребенком – тонко и чисто, как пахнет только от младенцев. К его груди прижималась мягкая женская грудь, а щеки почти сразу стали мокрыми от ее слез. В какой-то момент он почувствовал теплые губы на своих губах и не сдержался – сам обхватил ее. Ощущение узнавания пронзило насквозь – так удобно лежала рука на изгибе тонкой талии, такой хрупкой была шея под его ладонью – до замирания сердца! Так дурманил ее теплый запах…

Женщина в руках, его женщина – пьяное ощущение, улетное, просто космос! Дальше сорвался – мысли ушли. Не дал отстраниться, сам потянулся к ее губам, накрыл их, вобрал – сразу сильно, жестко и все волоски на теле стали дыбом – услышал тихий стон… И захлестнуло, с головой накрыло первобытными торжествующими ощущениями: радостный вопль внутреннего зверя, живущего в каждом настоящем мужике... зверя, получившего свою добычу; чувство полноты жизни – забыл уже, как это; дикая энергия – сто дел сделать в минуту; сладкий морок, затянувший разум...

Паутина… будто вязкая, чувственная паутина опутала их собой, … не место для нее было и не время. Понимал это, но стало необходимостью - прижать крепче, чтобы поняла, что натворила своими поцелуями, вобрать в себя, нырнув языком в теплую глубину ее рта, ощутив такой же нежный вкус, как и ее запах. Знал, что еще

секунды - и все. Понимал, что этого просто не могло быть, не должно было, а значит - скоро закончится. Сейчас она опомнится и все прекратится…

- Ты не Ваня!

- Николай, - хрипло представился и почти неосознанно сделал попытку еще продлить сладкое безумие. Она не позволила, и ее брат возмущался. Да он уже и сам стал замечать посторонние звуки, движение вокруг – будто вышел из транса. Шум в ушах стихал, сердце уже не таранило ребра, пульс приходил в норму. Нужно было что-то говорить, знакомиться по-настоящему и он попытался, но вдруг, неожиданно даже для самого себя забеспокоился, увидев ее растерянность и даже непонятное ему отчаянье. Она что-то говорила, пытаясь сгладить, замять неловкость и прятала взгляд, который… потух. Николай не чувствовал ничего такого, одну только спокойную решимость – никуда она от него не денется, поздно – уже нашлась. Но отчаянно хотелось успокоить ее, помочь снять эту неловкость, раз уж ее чувствует она. Кажется, у него получилось.

До поцелуя он не видел почти ничего, кроме дикого, ошеломленного, тянущего к себе взгляда. Рассмотрел чуть позже - и милое лицо, и все то, что не скрывала одежда. И сразу же по мужской привычке домыслил для себя то, что оставалось под ней. Когда она уходила, тяжело и пристально смотрел вслед. Не верилось, что только что держал это тело в руках. Амфорные обводы бедер, ноги, словно выточеные резцом гениального скульптора - идеальной формы, а еще волнистые каштановые волосы, приподнятые и открывающие гордую шею... - сумасшедшая женщина, просто крышесносная! Мужики должны кружить стаями, но у него серьезный шанс – она сама дала его, а он не упустит. Пораженный ощущением рока и предопределенности, он почти упустил из вида ее объяснение - причину, по которой появился этот шанс. Будто бы появился… Померещилось, поманило и ушло…

Трудно соперничать с достоинствами умерших. А скорее всего - просто невозможно. Уже в гостях он четко понял, что эта женщина любит другого - Ивана. Ему трудно было это понять и объяснить для себя, но она на самом деле любила его. Наверное, такие, как она, могут любить вечно, хранить верность до самой смерти, если мужчина достоин любви и верности, а тут такая история – просто

мистика… Смысла во всем случившемся, если Иван не остался с ней, не было никакого. Иметь ребенка она могла от кого угодно, но тут случилось именно так. Зачем тогда все? Он обещал ей вернуться? Дурочка... Мы все это обещаем, чтобы унять боль матерей и любимых. А там уже как получится.

Реинкарнация? Наверное, пережив всю эту мистику, она поверила еще и в это, потому что надеяться было больше не на что. А он действительно очень похож на Ивана – почти одно лицо. Так бывает с отцом и сыном, но через три поколения? Когда примеси новой крови и новых генов минимум столько же? Действительно, это кажется нереальным. А если все - так? Наличие в теле души он принимал – было пару раз... Ему по-особенному снился погибший товарищ, оставив безусловное ощущение своего присутствия рядом, и еще – младший брат. Он просил не говорить родителям о том, как погиб. Николай не сказал – подсуетились другие. То есть, он верил, что душа есть и после смерти тела она все еще жива.

Вместилище ее умирает и есть вероятность, что она найдет для себя новое пристанище или ей его подарят - вопрос веры. В этом случае не может случиться так, что она будет помнить прошлую жизнь – человек просто сойдет с ума в утробе женщины, если принять утверждение церкви, что душа дается при зачатии, и потом - в младенческом теле. Так что - нет, она должна развиваться установленным порядком и общего останется в лучшем случае – темперамент, моральный облик или характер поведенческих реакций. И то, только если условия взросления не окажут слишком сильного влияния, меняющего все это в принципе. Разве что темперамент останется? Тогда какой смысл в реинкарнации, если все мы живем своей памятью и опытом?

По слухам, воспоминания могут проявляться в результате стресса – урывками, картинками. Или же их вызывают под гипнозом. Но это - по слухам. Хотя, если есть хоть малейший шанс, имеет смысл поискать их в себе. Поискать воспоминания или хотя бы поведенческую схожесть. А как, если самому сравнить уже нельзя – не с кем? Могла сравнить только Алена, но она видит в нем только родственную похожесть с Иваном. Или она даже не пыталась сравнивать их, что маловероятно, или уже сделала это, но он не прошел этот тест. Что это было, почему? Ее взгляд потух после

поцелуя. Можно спросить ее об этом или нет? Вряд ли она сейчас ответит ему - это их с Иваном личная история, слишком интимны эти подробности - не для чужих ушей.

Николай пытался найти в себе воспоминания прадеда - о той жизни, войне, фронте… А вспоминалась своя война - чеченская, где он был не танкистом, а снайпером.

Мастер спорта, победитель многих войсковых соревнований, он закончил военный финансово-экономический университет в Москве. Еще до службы, проживая в военном городке с родителями, увлекся стрельбой, участвовал в стрелковых соревнованиях. В университете его заметили, оценили способности, даже предлагали службу в Московском военном округе вместе с возможностью совершенствоваться в стрелковом спорте. Против этого был отец, не желая для сына такого подобия военной службы, да и сам он с детства мечтал стать пограничником и попросил распределить его в пограничную службу ФСБ.

Пускай это было уже не совсем то, но тоже близ границы, внутри системы и с возможностью приложить свои лучшие способности. Способность к логике и анализу, умение мыслить масштабно, лидерские задатки, стрессоустойчивость, организованность, порядочность - эти качества характера хорошего финансиста у него были. Многие мальчишки в детстве мечтали стать космонавтами, моряками, летчиками… А он читал книги о границе, хотел служить на заставе, мечтал о романтике пограничья. Но чуть повзрослев, решил, что занявшись делом, в котором ему прочили настоящий успех, он принесет больше пользы, в том числе и пограничной службе.

Когда начались события в Чечне, там погиб его брат – подробности вспоминать не хотелось даже сейчас, а тогда была одна только ярость и желание мстить. Его посылали туда, как снайпера, и он согласился сразу - просто не смог спокойно жить после этого в военном городке на Дальнем востоке. А должен был быть рядом с родителями, только что похоронившими одного из сыновей, но не понимал этого тогда. Потом винил себя... наверное, эта вина останется с ним всегда. Он выжил на войне, а они - нет. Может быть, ожидание его возвращения оказалось невыносимым. Вначале умерла мама, а отец пережил ее совсем не надолго. Ему дали тогда небольшой

отпуск и отец умер буквально у него на руках - сердце. Сильные мужчины часто умирают из-за слабости сердца - такого же, как и у всех, просто ему больше достается от владельца.

Сейчас у него была хорошая должность во втором филиале ФКУ УФО Министерства обороны по Хабаровскому краю. Было собственное жилье и девушка, с которой он поддерживал отношения. Вернее, это Вероника говорила так:

– У нас с тобой особые отношения.

Не женщина еще в смысле жизненного опыта, ума, способности понимать и слышать еще кого-то, кроме себя - девушка для тела, а не души. С телом все было неплохо, а вот ума там еще недоставало, но с этим легко было мириться – служба и занятия стрелковым спортом делали их встречи не такими частыми, чтобы всерьез обнадеживать ее. Да и… Вероника напоминала ему Виолу. Легкомысленная - ветер в голове, она первая сделала шаг навстречу, а он не отказался. Искать отношений с серьезными намерениями не было желания – для семьи не было времени, и он уже привык быть один. А главное - так и не встретил ту единственную, которой мог бы верить, захотел бы видеть рядом с собой постоянно, вместе растить детей... Фамилия Дружаниных прервется на нем – он уже смирился с этой мыслью.

Жил до сих пор, как живут многие – привычно уже и сравнительно спокойно. А теперь будет жить воспоминаниями о той, которая умеет любить, как в легендах. Она могла быть его женщиной, но уже принадлежит Ивану.

Лихой был мужик – думалось сейчас Николаю. Как он сумел, как смог с первой встречи настолько сильно прорасти в ее душу и сердце? С достоинствами геройски погибшего прадеда соревноваться бесполезно – она продолжала бы плакать своей улыбкой, глядя на него и видя за ним совсем другого человека. Он видел его на портрете – усталое и не совсем чистое лицо… как и у него, когда он в любую погоду целыми часами сидел в укрытии, замерзая или пропадая от жары, глядя потом на мир больными, воспаленными глазами. Только выступающие участки лица снайпера, которые могли вызвать отблеск, затемнялись с помощью специальной водостойкой маскировочной краски. А у предка на щеке и руках были следы мазута или машинной смазки.

Танки… Николай любил машины и свою зачастую ремонтировал сам, если было время. Но не любил танки, неосознанно и глубинно – эта машина вызывала в нем отторжение, появлялось чувство опасности и даже страха, когда он просто представлял себя там – в железной утробе. Тут не совпадает… И хрен с ними, с танками - в снайперском укрытии и шума нет и воздух свежее. Но этот страх, своего рода клаустрофобию, Иван не мог передать детям – к тому времени они уже родились. Тогда откуда он? И значит ли что-то? И почему она спросила про липу? Смешная… правда.

Поняв всю степень своего попадания, он закрылся от нее, проявил выдержку и силу воли, боясь оскорбить ее любовь даже намеком на возможность отношений с кем-то другим, кроме Ивана – с ним, например. Боялся решительного отказа – своего рода трусость, он осознавал это. Тут рулило понятие кота Шредингера: пока не выяснил что-то окончательно, варианты еще есть. Но и оставить ее вот так – в чужой квартире, он уже не мог. Тем более – с Анечкой. В груди что-то болезненно сжалось, потому что у него могла быть дочка, похожая на него – крохотная и милая, пахнущая своей мамой. Или мама – ею? У них был один на двоих запах – теплый и уютный. Так пах свой дом, семья…

Размышления Николая прервал стук в дверь. За ней стоял Соловьев и хмуро смотрел на него.

- Войду?

- Зайди. Тоже не спится? Почти два ночи…

- Скажи – зачем ты целовал ее? Не мог просто переждать, блин, пока баба придет в себя? Потом объяснить… - уставился на него Соловьев, садясь на стул, упираясь ладонями в колени и подаваясь к Николаю – поза агрессии.

Тот подавил в себе желание одернуть и выпроводить гостя – за пару дней между ними установились неплохие отношения, и брат Алены нравился ему. Да и разговор был важным, поэтому ответил максимально честно:

- Притянуло… накатило. Первый раз такое – объяснить не смогу.

- Чего тогда вел себя, как робот? Ты ж летел туда – к ней, что поменялось?

- Она любит Ивана. Ей нужно время - минимум. А, скорее всего, это навсегда и других у нее уже не будет, - ответил Николай,

напряженно ожидая потом от Соловьева опровержения своих слов.

- Во, ты загнул судьбу сеструхе! – покачал тот головой, - я ее знаю, поэтому скажу тебе так – если кто и будет, то это только ты. Если оно тебе, конечно, нужно.

- Я не знаю… - начал Николай, но Соловьев вскочил, не дав ему закончить, и прорычал:

- Та и сваливай тогда, не мути воду!

И быстро вышел за дверь, захлопнув ее, а Николай договорил:

- … смогу ли составить конкуренцию Ивану. Но попытаюсь.

Эту ночь он почти не спал, размышляя и строя планы. Их еще нужно было скорректировать, и утром он позвонил своему другу по войне в Москву и попросил устроить ему в эти два дня разговор в кадрах. Понимал, что даже если решится на перевод, то это будет перевод в другой род войск, а такие вопросы решаются на уровне министерства. Решаются долго, и не факт, что положительно. А части какого рода войск дислоцируются в районе этого города? Это нужно узнать… смешно будет, если это танковые войска, в этом будет определенная ирония. Особенно, если он все же решится на перевод, он состоится, но будет напрасным - Алена не оценит. А звать ее сейчас с собой бесполезно.

Можно вернуться и жить, как жил – дружить со знакомыми людьми, служить там, где тебя знают и ценят, жить в своей собственной квартире – с хорошим ремонтом и мебелью. Встречаться с Вероникой ради секса, а когда она захочет большего, то расстаться с ней и найти другую и трахаться с ней – скучно, технично… И никогда не встанут на теле волосы дыбом от их стонов, никогда не заслонят они собою окружающий мир, отсекая от него сознание и оставляя только ощущение, что ты нашел свой дом и тебе в нем охренительно хорошо!

Утром, перед тем, как уехать, он разбудил злющего, не выспавшегося Соловьева и мирно попросил его:

- Узнай и скинь мне – какая сумма нужна на то, чтобы достроить дом для Алены и Ани?

- А ты у нас миллионер? Солдатики в Хабаровске не доедают? - наглел сонный мент.

- В редкие свободные часы я консультирую по финансовым вопросам. Денежное довольствие тоже достойное. Родным людям

помочь могу. Аня мне родня.

- Чувство долга тянет на финансовое дно? Дом намечается дорогой – Алена архитектор и для своей семьи захочет сделать все самое лучшее. Даже если это растянется на годы.

- Это хорошо, - поправил Николай сумку на плече, - я планирую жить там вместе с ней.

- Она не возьмет деньги от тебя.

- Ерунда. Скажешь – от вашей семьи. Или, на крайний случай, анонимно погасишь ее кредит. Что-нибудь придумаешь. Давай…

- Давай… - пробормотал Соловьев, прикрывая дверь номера и делая вывод: - Хороший втык всегда на пользу. Спасибо за науку, батя.

Глава 46

Подождала, когда такси скроется за углом и нога за ногу поплелась обратно в квартиру Ирки. Дышать было трудно, что там лепетала в конце Кольке, вообще не помнила. И почти ранки от ногтей на ладонях… чтобы не сорваться и не заорать:

- Да взгляни же на меня внимательно! Ну, вспомни же меня, Ваня!

Это сильно! Это слишком... Пронзило осознанием, а радости нет. Почему нет радости? Ждала, что будет не так… и, наверное, не очень уверена - может, просто совпало? Опять нет ясности, только вдруг - озарение и сразу же – сомнения. А хуже неопределенности только бессильное отчаяние. Я любила, чтобы «да – да», а если нет, то уж нет. Мне. Нужна. Ясность. А сейчас нужно просто пережить тот факт, что это может быть Ваня и ему на фиг оказалась не нужна я! Пережить и хотя бы немного успокоиться, а то даже думать трудно - мысли мечутся.

Если душа теряет свой дом, то куда она девается? Что-то там о чистилище… проще говоря – она на передержке. Потом ей определяют место, или она сама его ищет и находит. И вот, представим себе, что эта душа уже в новом теле, а это пока всего лишь оплодотворенная яйцеклетка. Тогда вариантов только два – или никакого переселения душ нет, и тогда святой отец прав. Или же опыт прошлой жизни, а соответственно и память о ней, к новому телу не прилагаются. Вывод – если человек в другом теле, то он не может помнить прошлого. Сохраняется только самая его суть – психотип, скорее всего. А остальное нарабатывается опытом новой жизни. И тогда поцелуй без языка не отличительный признак особенности поведения Вани, а дань тому времени. А французский поцелуй Николая – результат жизненного опыта, обретенного в наше время. И я что – всерьез ждала, что Ваня предстанет передо мной в промасленном комбинезоне и скажет:

- Вот он – я, явился к тебе, как и обещал?

Бред же… чем я только думала? Но эти двое мыслят одинаково. У них одинаковая реакция на один и тот же вопрос,

больше того – ответы почти слово в слово. Сейчас, когда я стала что-то понимать и соображать… осознание собственной тупости опустило себя любимую, как особь мыслящую, ниже плинтуса.

Присела на лавочку возле подъезда, прикрыв веки и вспоминая дословно. Я спросила тогда Ваню:

- Ты любишь липу?

- Какую Липу? Что ты… дерево? – не сообразил он сразу, а потом понял – о чем я, и улыбнулся: - Смешная… Нет, липу я не люблю.

И объяснил еще, почему не любит. А Николай? Он ответил:

- Какую Липу? А-а-а… ты о дереве? Смешная… Цветы, запах? Терпеть не могу, ненавижу.

А с чего бы Николаю так не любить ее? Вкусно же пахнет, тонко и ненавязчиво. Разве что – аллергия? Сейчас она есть почти у каждого – на все, что угодно. Но то выражение, с которым они произнесли это «Липа»...? Оно одинаковое, они оба почему-то решили, что это женщина. Будто оба считают, что *любить* можно только женщину, а дерево любить – смешно. И я смешная, потому что задала смешной вопрос. А может, это общая – мужская точка зрения?

Из раздумий вывел звук шагов – мимо по тротуару шел молодой мужчина с пакетами в руках - из магазина, наверное. Уже закрыты давно… разве что круглосуточный? Мужчина… вскинулась я.

- Извините. Скажите, пожалуйста, вы любите липу?

- Чего? А-а-а… липу? Не, я больше - пальмы на турецком берегу, - заржал парень и, подмигнув мне, продолжил путь к своему подъезду. Ну, вот… ну вот!

Асфальт еще отдавал тепло, но воздух уже стал по ночному прохладным. Было как-то по-особому хорошо и уютно от горящих окон, мелькания теней за разноцветными шторами и слабого уже шума от проезжающих машин, доносящегося с бульвара… Я поднялась с лавочки. Нужно домой, там Ирка и ей сейчас плохо. Я это знала, потому что со мной тоже творилось… горько, так горько за себя, но при этом и чуточку спокойнее. И чуть легче от того, что Николай сказал, что он не остался бы – даже ради меня. Даже… Просто - чтобы выжить, и даже – ради меня. Оговорился? Или сказал, как думал?

Почему тогда, как чужой и зачем целовал? Хмыкнула, поднимаясь по ступенькам – да все по тому же сценарию – я предложила, а он не отказался. Будь мы не так на виду, может и до чего поинтереснее дошло бы. Определенно дошло бы – у меня крыша ехала конкретно. Вот и сейчас... остановилась посреди лестничного пролета, взялась за перила - вдруг голова закружится? Рухну еще, вспоминая, как рукой обхватил за пояс… глубоко так - сгиб его локтя почти на середине моей спины, а пальцы на ребрах под грудью… даже чуть приподнял, как и тогда. И ладонь на затылке – жестко, не двинуться, не отступить уже… тоже. Надежно так, знакомо, будто дома побывала. Тяжело вздохнула и потопала дальше - надумаю теперь, нафантазирую, а не нужно бы этого – трудно будет. Но и легче в определенном смысле – стало немного спокойнее за Ваню.

Ирка не страдала и не плакала - уже убрала после ужина и принимала душ. Обе девочки уснули. Я прошла в спальню, склонилась над кроваткой и долго смотрела на Аню – она спала тихо-тихо, приоткрыв крохотный ротик, раскинув ручки и чуть согнув ножки в коленках. В дверь стукнула Ирка:

- Душ свободен.

И молча прошла в спальню к Анжику. Вот и правильно, я тоже не хочу говорить о Николае. Смысл толочь воду в ступе? Рвать разговором душу? Нет смысла!

Те дни, что Коля провел в нашем городе и виделся с нами, гулял со мной и племяшкой, ездил смотреть мой участок под строительство дома, столовался у нас, водил нас всех в кафешку, которую мы указали ему, как самую безопасную, он был так же вежлив и ровен с Ирой. Об этом у меня ни с кем из них разговора не было. Но когда брат уезжал, и я провожала его на вокзал, то не выдержала:

- Коля, спасибо, что ты услышал меня и вел себя так… правильно. Если Ира не нравится тебе, то оно было и не трудно, так же?

- От ты вроде и старшая, Ален, а дитя дитем, - вздохнул он.

- Сказал взрослый суровый дядька… - хмыкнула я.

- Умный, Ален, - невесело покачал головой Коля, - ты о чем мне рассказала? Как я понравился ей пять лет назад – молодой, веселый и красивый, без забот, как теперь оказалось, и хлопот? А сейчас я не

просто свободный мужик, при мне хороший довесок – двое спиногрызов. И Боровичок уже требует, чтобы ее так не называли, представляешь? У нее скоро переходной возраст начнется и что? Нужны мы трое кому-то, как ты думаешь? Сможет кто-то заменить этой вредине мамку?

- Настя не объявилась? – осторожно спросила я.

- Ты была права – приезжала. Пожила в пустом доме одна – мы все у родителей, и опять усвистала. Я не подошел туда, никто с ней не разговаривает – все поняла правильно, в общем, - отвернулся он, глядя, как пассажиры подтягиваются к вагонам – объявили начало посадки.

Вот так. Негласный семейный суд и полный игнор в результате. И вся станица в курсе дела и солидарна, само собой - если бы еще гульнула с местным, то постарались бы понять если и не все, то хоть кто-то. А с приезжим... приговор обжалованию не подлежит. Может, девка и раскаялась, но тут уже все зависело от Коли, а он "не подошел". Хорошо его знает, если вот так - молча, уехала снова.

- Коля, я уверена, что Ира бы с радостью…

- А я вот совсем не уверен, Ален - зачем оно ей? У вас тут работа, ваше с ней дело. Спокойно все, тихо, устроено – хорошо так... Пускай уже у них дед с бабками да я – родные. Хоть есть гарантия, что не обидим. Чужие дети на фиг никому не нужны, поверь мне – насмотрелся на участке.

- Зря ты… Ира не такая, она… - замолчала я, не зная, как передать все то, что почувствовала сама, когда услышала признание подруги. И поняла, что ничего у меня не получится, это будут просто слова. Если бы он видел ее тогда и слышал – другое дело, тогда бы он поверил.

- Ага, - согласился брат заранее со всем, что я собиралась сказать и напомнил: - Старики ждут вас, бабаня ждет, чтоб Аньку крестить. Растите тут быстрее и приезжайте.

Когда уже оставил вещи в вагоне, выскочил еще на минуту.

- Не хотел говорить, но раз уж ты первая начала… Не заводи кавалера, Ален, подожди немного Николая. Сильно ты ему глянулась, сам мне сказал. Еще сказал - будет звонить.

- Я знаю – он и мне говорил, - ошарашено пробормотала я в ответ.

- Ну, как-то так… давай тогда…

Николай звонил… В самом начале наши разговоры были похожи на хождение по минному полю – осторожные-осторожные: прощупать настроение, прислушиваясь с замиранием сердца к интонациям и звучанию голоса. Потом обязательно обсудить здоровье и успехи Анны. Дальше – так же осторожно:

- А как ты, Коля? – и затаить дыхание в ожидании… чего?

А на другой стороне связи так же прислушивался он, может - стараясь уловить это дыхание? Потому что отвечал не сразу. Или просто тщательно обдумывал ответ. Но голос был теплым, в нем чувствовался искренний интерес, он подсмеивался над историями с Аней, спрашивал каждый раз – не нужно ли нам с ней чего?

- Нет, спасибо, - неизменно отвечала я, - у нас все хорошо, родители помогли с домом, он строится, нам на все хватает. Это я о деньгах.

- А в остальном? – осторожно спрашивал он, а я отвечала, что и там все норм. А мысленно просила его быть хоть чуточку сообразительнее и слушать мой голос так же внимательно, как я слушаю его. И понять, наконец, что если речь не о деньгах, а об остальном, то приезжай уже… дай узнать тебя, проверить – правда ли то, что я поняла о тебе? Ведь если это так, то тебя тоже должно тянуть ко мне, ты должен вспоминать тот поцелуй на перроне и вообще… просто обязан вспомнить все остальное!

Он звонил раз в неделю – регулярно. Я сама не могла решить для себя – хорошо это или плохо, часто или редко? Почему такой график? Потому что военный и привык к точности и планированию? Мне это было непонятно.

Но с каждым нашим разговором я чувствовала себя все раскованнее, все свободнее. Наши беседы продолжались все дольше. Я грузила его абсолютно не нужными, по логике, подробностями об Ане, о строительстве. Но, казалось, он слушал все это с большим интересом, переспрашивал, интересовался. Попросил скинуть ему фото Анны. Получив его, сразу же перезвонил и похвалил дочку за то, что та быстро растет и спросил, а нет ли у меня фото, где мы с ней вдвоем? В ответ я потребовала его – чтобы сравнить… о Ване говорить почему-то стало немного неловко, и я замялась, закрылась… скомкала разговор. Но почти сразу же получила его фото в форме – оливковые брюки и рубашка с коротким рукавом, фуражка с зеленой

тульей. Не благодарила. Думала. Ваню в промасленном комбинезоне и белье с завязками вспоминала и плакала. Хотелось верить в хорошее для него. Но и для себя уже – тоже.

Наступила осень, а мы все разговаривали по телефону, и Николай не ехал к нам с Аней. В его словах так и не проскользнуло что-то большее, чем искренний, а может и просто вежливый интерес. Теплый тон голоса? Он у него от природы такой - донской, чуть гортанный, с мягким выговором. Не говором, как у Вани или Кольки - растеряли Дружанины, уехав из родных мест.

Дочка уже становилась в кроватке, громко визжала в хорошем настроении и буровила что-то наподобие «мама». Еще было «веве» - предварительное и совсем еще не страшное, но если уж прорывалось «бубу» - тогда держись, это Анька сильно недовольна. Я писала ее на камеру - вырастет и посмеется над своей недовольной мордахой и вредностным "бубу". Решилась, наконец, съездить домой и показать ее родным.

Потом очень хвалила себя за это, потому что смогла увидеть бабаню последний раз. Она хорошо выглядела и гадючек с тех самых пор как будто больше не ловила – ничего не предсказывало. Мы окрестили Аню, и бабаня тоже ездила с нами в церковь. После обряда подошла к священнику, они поговорили. И он сходил, опять надел на себя длинную полоску ткани, накинул ее бабане поверх платка и они долго шептались о чем-то. Потом он перекрестил ее голову через эту ткань, снял ее и погладил бабаню по голове. На следующий день батя отвез ее к причастию. Это должно было навести на определенные мысли, но нет – я была занята Анькой, Боровичком и маленьким Сашкой, который умудрился почти совсем забыть меня. Бабаня все это время была рядом с нами. Мы говорили с ней, и о Николае-Ване тоже. Я решилась оборвать всякую связь с ним – были мысли, и я поделилась ими с нею:

- Понимаешь… он живет где-то там своей жизнью. Скорее всего – полной. А я сижу тут, как дура, и жду непонятно чего, потому что Колька что-то там ляпнул… Нравилась бы – дал бы знать. Нет? Я не собираюсь пускаться во все тяжкие, но и так тоже… Я ревную, мучаюсь, надумываю себе - понятно же… А это значит, что уже почти полностью отождествляю его с Ваней – мне не все равно. Я устала от этого... ожидания и безнадежного бессилия. Да на фиг! – и

прикрыла рукой рот. Господи… батя-батя. В этом доме я всегда правильная девочка. Знал бы он… хотя что там знать? И такая ерунда все это.

- Колька тоже… дурень, - покачала головой бабаня, - чего тут таиться? Я думала – ты знаешь. Николай вроде хотел перевестись поближе к тебе, но там все не так просто.

Легче мне от этого знания почему-то не стало.

- Мог бы сказать. Но не говорит, значит – сам не уверен.

- Или боится.

- Взрослый мужик, военный? Чего, бабаня? Что я начну строить планы? Что этим он примет на себя обязательства? Лишится выбора? Ты думаешь – у него там никого нет?

- Не знаю. Но своему я всегда верила, а то и смысла нет…

Мы с ней обнимались, сидели потом молча и мне становилось легче. С мамой я так не откровенничала - батей она всегда была занята больше, чем нами. Не в плане заботы, а душой, что ли?

Я уехала и через несколько дней бабани не стало. На похороны я не поехала – Аня сопливила после дороги, страшно было, что разболеется всерьез. Коля тоже советовал не дергаться, сказал, чтобы лучше сходила в церковь и заказала там, что нужно в таких случаях и свечку поставила.

- Последнее время бабаня уверовала, наверно. Поп приезжал, она при нем с мамкой, и умерла. Почему-то не тягостно, Ален. Будто не потеряли, а просто отпустили ее.

Когда в очередной раз позвонил Николай, я сказала ему, что так часто звонить не нужно.

- Кому не нужно - тебе? – ровно уточнил он.

- Мне не понятно, Коля - зачем это нужно тебе? Фото Ани буду регулярно высылать, новости о ее развитии и взрослении сбрасывать. Мужского интереса с твоей стороны я не видела и не вижу – на фига тогда козе баян? Извини уж… но я хочу жить. Спокойно. Счастливо тебе.

- Алена, стой, - остановил он меня, - подожди. До Нового года подожди, я смогу вырваться на несколько дней. Телефон – не то.

- Ждать - чего? Я никуда не уезжаю. Сможешь… значит – сможешь. Нет – тоже ладно. Больше не звони.

Так мне стало легче. Почему – не могла понять сама. Но больше не мучилась и не металась – даже не ждала. Если Николай – Ваня, то это будто бы и неправильно, потому что я сейчас примеряла на нас простые земные отношения – с обидами, ревностью и отрицанием неопределенности. Нет, так нет, да – да. Мужик он или где?

Но все больше склонялась к тому, что если все так, то совсем и не факт, что его новая жизнь предполагалась только со мной. Была в ней балерина... прости, Господи, за какой-то странный мысленный подтекст и ассоциации, и явно - кто-то еще… Ваня же был категоричен – моя, для меня родилась, меня ждала! На момент смерти он определился полностью, женой своей звал, а этот телится – значит, не Ваня. Или Ваня, но проживший уже половину новой жизни и изменившийся – уже не совсем тот, не мой. Поэтому лучше рвать вот так – разом. И помнить того – любящего меня. Теперь это будет намного легче, потому что меня не давит чувство вины.

К ноябрю закончили наш дом. Строила его бригада Паши Фомкина, а я контролировала процесс с самого начала. Вырывалась в самые ответственные моменты, оставляя девочек на няню. Молоко давно отошло, Аня с четырех месяцев находилась на искусственном вскармливании, и проблем с этим не было. Возвращалась со стройки продрогшая и уставшая. Грела ладони под теплой водой и спешила к Аньке – хватала на руки, слушала ее «мамама…» и млела, отходила телом и сердцем – хватит ее одной и памяти о том, кто меня любил и погиб, защищая нас.

Еще в процессе, мотаясь на такси туда-сюда, поняла, что без машины мне не обойтись. Проживая в пригороде, зависишь от транспорта очень жестко. Поэтому я составила для себя план, по которому заключила договор с автошколой. И за месяц, грамотно распределив время, выучив ПДД и понервировав инструктора, сдала оба экзамена на права – теорию и практику. Сама не понимала - почему не сделала этого раньше? А потому, что у меня был Олег, и у нас была машина. Зачем права, если есть собственный водитель, который всегда отвезет куда нужно? И все равно - это же так просто - уметь водить самой, а в перспективе должно быть очень удобно.

Теперь я стала присматривать себе машину, но, поскольку разбиралась в них... никак, попросила совета у брата.

- А на какие шиши, сестра?

- На кредитные, - кротко отвечала я понимая, что семья из-за меня почти на мели. Что странно, угрызений совести при этом совершенно не чувствуя: - Я надеюсь собрать всю сумму, что должна вам к тому времени, как Боровичку нужно будет идти учиться. Ее будущая учеба – моя морока, брат, и это не обсуждается.

- Дурында ты, - просто ответил Колька, - ты бы хоть подумала – откуда у нас такое бабло? Парочка лямов вот так просто – на тебе, дорогая? Батя, как дурак, все вкладывает в свои семена, маманя его с энтузиазмом поддерживает, а у меня спиногрызы, между прочим и ментовская зарплата.

- Как тогда, Коля? Вы что - взяли кредит из-за меня?

- Совсем у тебя с этим… туго. Дружанин дал. Просил узнать, сколько тебе нужно и скинуть информацию. Имеет право, как родня и имеет возможность – калымит, похоже. Знаю, что им это запрещено, но у нас только так – захочешь жрать, хоть что-нибудь, хоть где-нибудь, да нарушишь.

- Спасибо, что сказал хоть сейчас, Коля.

- Та не парься ты! Он теперь считает, наверно, что свой долг перед Аней, как родней выполнил. И ему спокойно и тебе хорошо.

- Л-ладно… - проблеяла я. Опять нужно было думать. Или нет? Коля нормально объяснил причину, она меня устраивала. Или опять – нет? Трудно… Господи, как же трудно, когда не уверена - права или нет.

Глава 47

В новый дом вселялись эпически – по дороге сломался грузовик, в котором перевозились личные вещи и кое-что из мебели, а мы с Аней долго ждали его уже в доме. Потом, когда мужчины все разгрузили, рассредоточили по моему указанию и уехали, я вспомнила, что окромя сыпучих продуктов, в доме еды нет, как нет. Да это и ладно, важно, что я не забыла про Анины каши и свой кофе. А завтра будет день и будет пища. Недалеко находился неплохой магазин.

Помыла Аню, покормила ее и долго сидела с ней, пока она не уснула – тихонько пела колыбельную:

Колотушка тук-тук-тук,

Спит животное Паук,

Спит Корова, Муха спит,

Над землей луна висит.

Над землей большая плошка

Опрокинутой воды.

Спит растение Картошка.

Засыпай скорей и ты...

Анька не хотела засыпать – переезд, суета, новые запахи, незнакомая комната… все это тревожило и беспокоило ее. Ни разу за весь день она не завизжала – весело и звонко. А я так радовалась, что теперь - в этом доме, ей можно будет абсолютно все безо всякого ограничения – визжать, прыгать, громко топать, когда научится ходить. Когда она все-таки уснула, я получила возможность обойти свои новые владения – не спеша, со вкусом вглядываясь в детали, наслаждаясь и любуясь.

Еще с самого начала мне не хотелось строить что-то грандиозное и масштабное, поэтому дом был одноэтажным. Но и тесниться на большом участке не имело смысла, поэтому помещения задумывались просторными и светлыми – с огромными теплыми французскими окнами, янтарного цвета стенами, полами и потолочными балками темного дерева из цельных досок. По задумке, цветовая гамма комнат должна была создаваться только при помощи текстиля. Пока что мне нравился цвет и вид деревянных стен, надоест – тогда посмотрим… Две спальни, гостиная, перетекающая в кухню-столовую, кабинет, два санузла, кладовая, небольшая хозяйственная комната и светлая прихожая со световым окном на потолке занимали сто восемьдесят квадратов, и я не считала это излишеством. Все-таки это дом, а не городская квартира.

Главной изюминкой постройки была терраса, выйти на которую можно было через кухню – выполненный из композитных материалов длинный, почти десятиметровый настил под крышей из монолитного поликарбоната желтого цвета немного нависал над озерной гладью. Дно здесь было отсыпано песком, и к неглубокой в этом месте воде с настила спускалась пологая откидная лесенка. Все было красиво и надежно огорожено – я максимально обезопасила Аню на будущее. Потом планировалось поставить на террасе кресла, стол для завтраков и ужинов (под настроение) и несколько кашпо с растениями. А в той части, которая была ближе к воде и крышей не затенялась – пляжный шезлонг. Но это – потом. Из-за того, что денежки не хватило, в доме были полностью обустроены только два помещения – кухня и наша с Аней спальня. В гостиной стоял один только игровой манеж и кожаное кресло шоколадного цвета с белым пушистым пледом на нем, а в картонном ящике ютились детские игрушки.

Но, несмотря на гулкую пустоту почти во всем доме, здесь уже было очень уютно, потому что тепло. На улице стоял ноябрь. В изломах крыши подвывал ветер, небо определенно - прохудилось, и с него то лило, то сыпало – никак не хотела устанавливаться зимняя погода.

Я босиком прошла по теплым доскам пола на кухню и решительно отгородилась от ненастной осенне-зимней ночи шторой. Сварила себе кофе и села с чашкой в мягкое полукресло. Через

распахнутую двойную дверь из кухни просматривалась гостиная с Аниным манежем - я смогу готовить здесь и контролировать дочку. Обвела глазами кухонную мебель, стены – мне нравилось все. Все получилось именно так, как я и хотела. Но вот прямо в этот момент очень остро чувствовалось, что чего-то катастрофически не хватает. Или кого-то?

Как и обещала, каждую неделю я сбрасывала Николаю фото Ани – с игрушками, в манеже, ползущую… И несколько слов – здорова, кушает хорошо, поправилась, граммы, сантиметры… Не было никакой уверенности, что ему это еще нужно, поэтому подписи становились все лаконичнее. В ответ приходило – я рад, спасибо, ого…

Я ждала не этого. Примитивно хотелось, чтобы - за шкирку и в пещеру. Если бы Ваня вернулся, а я стала вот так выкобениваться, он бы скрутил меня где-нибудь в углу и приходовал до цветных кругов в глазах, вытрахивая бабскую дурь – две недели, как и обещал. Мне необходимо было знать не от брата, а от самого Николая, что я… да пускай хоть и просто нравлюсь ему. Необходимо было провести еще одну аналогию между ним и Ваней, увидев настоящее, показательное мужское решение. Первый решительный шаг должен был сделать он. Ну, не могла я иначе, не получалось!

Понимая, что мысли не просто ушли, а убежали не в ту степь, пошла за ноутом - посижу, поработаю за кухонным столом, за неимением пока письменного. Все равно сегодня не уснуть – я себя знала. Накатит всякая хрень… ожидаемо и не очень.

«Теремок» не мог функционировать без архитектора, и мы договорились с Ирой, что я буду работать дистанционно – она швыряет в меня заказами с полным набором параметров и пожеланий, а я подбираю варианты, напрямую предлагая их заказчику и согласовывая. На фирму скидываю уже готовый проект, а отслеживать его выполнение, пока я сижу с Аней, будет Голубев. В холодную пору такая подготовка к строительному сезону всегда была основным нашим занятием. А бригады сейчас были или в отпусках, или занимались ремонтными работами на самых разных объектах – за лето Ира нарыла для них заказы.

Поставила себе спокойную фоновую музыку – тихонько, чтобы слышать Аню и приступила… К трем ночи поняла, что вот оно –

искомое, сейчас просто пойду, рухну и сразу усну. Прошла в спальню, сбросила халат и легла с самого края широкой кровати, прямо возле маленькой Анькиной, которую временно придвинула впритык. Устало вытянувшись на удобном матрасе, протянула руку между прутками детской кроватки, касаясь маленькой ножки, и расслабилась всем телом.

Ну, с новосельем тебя, Алена Соловьева! Счастья тебе, здоровья и добра в новом доме. На новом месте… приснись же хоть один разок! Скажи опять, как тогда? А я спокойно усну, и буду спать под твои слова, как под самую прекрасную музыку. Приснишься? Ну, пожалуйста...

- Коля…? - говорила я рано утром, сама первый раз позвонив Николаю Дружанину. Может быть, отвлекая его от службы или еще как-то мешая. Да и ладно! И пропади оно!

- Алена, - выдохнул он, - у вас все хорошо? – его голос стал встревоженным. А я с облегчением читала в нем эти новые нотки.

- Дом готов, мы уже переехали, сегодня ночевали первый раз. Хороший дом, спасибо тебе за него.

- Ну… я рад. Ты звонишь за этим?

И тут вся моя уверенность испарилась, остался один только страх – не такой липкий и жуткий, как ночью, а естественный, здоровый, если можно так сказать – тот, что дан нам для самозащиты и сохранения жизни. Смогу сейчас – буду жить, не смогу – буду просто существовать. Потому что без него.

- Нет, не за этим, - тянула я время, собираясь с духом и пинками загоняя гордость в самый дальний уголок сознания. Борясь уже не просто со страхом, а страхом в квадрате. А если у него там женщина, а если Коля ошибся, а вдруг он уже забывает меня, если что и было?! А-а-а!!!

- Мне нужно видеть тебя. Ты прав – телефон это не то, нам нужно поговорить… о нас. Если, конечно, я просто не придумала себе…

- Меня? – ровно уточнил он.

- Придумала… твой интерес ко мне.

- Скажи… ты сможешь, - чуть замялся он, - видеть во мне только одного меня?

- Уже… - сказала я правду, потому что всегда видела его одного.

- У меня куплен билет. Двадцать восьмого декабря буду у вас. Я искал перевод ближе к вам, но хорошую должность нужно ждать. Может и год, и два. Человеку, который занимает ее, ищут место с повышением. Я хотел спросить по приезду, но раз ты решилась… Хочу забрать вас сюда и возможно это на несколько лет - из нового дома, от твоей любимой работы. У тебя есть время подумать.

- Новогодние праздники? – судорожно соображала я, - все равно не взять билетов, в этот период…

- На вас с Аней уже заказаны по электронке, нужно только подтвердить и скинуть паспортные данные, - улыбался он, - но у тебя есть целый месяц, чтобы подумать.

- Собраться, Коля. Собраться… Звони.

- Каждый день, Алена… В мой обеденный перерыв. Теперь – каждый день. Все. Целуй Аню, - отбился он, а я еще успела услышать, как он к кому-то там обращается – на службе…

Мяукнула Аня, и я вышла из ступора… очнулась. Работа… Работа? Да вообще без проблем – буду работать на удаленке, как и сейчас. Дом? Я обвела глазами свою новую кухню: мойка у окна, белые занавески с оборками, керамика с овощным принтом на фартуке, небольшая этажерка под красивые мелочи и тумбочка для большой пузатой вазы, в которую я хотела ставить полевые цветы. Еще светлый камин – один из двух в доме, открытые глубокие полки вместо множества привычных шкафов… Я не боялась пыли – место над водой и отсутствие напольных покрытий делало вопрос неактуальным. А еще – кухонная мебель из тонированного в белое ясеня. Тоже не страшно – я умею поддерживать чистоту. Красиво… "Прованс" в чистом виде.

Но спокойному любованию уже мешали суетные и тревожные мысли – везти семимесячного ребенка зимой? А почему - нет? Детей таскают за собой даже на отдых, а тут – серьезная необходимость. Насколько серьезная? Очень – радостно дрожало все внутри. И как теперь пережить этот месяц?

Пережила… Стояла и смотрела, как Николай разувается в прихожей, вешает на плечики форменную куртку с погонами, поворачивается ко мне… Суетливо закрылась от неловкости, сунув ему в руки новые мужские тапки. Он удивленно поднял брови,

улыбнулся. Я затаила дыхание, узнавая насмешливых чертиков в его глазах.

- Это тебе… подарок на Новый год, - прошептала пересохшими губами.

Он смотрел на меня, потом на тапки… Взял их, повертел в руках.

- Мне бы душ, Алена… Аня уже спит?
- Аня спит, - заторможено подтвердила я, - могу набрать ванну.
- Душ, - коротко возразил он.

Я кивнула – да, ванна это слишком долго.

- Прямо и направо – возле спальни. Второй санузел еще не оборудован. Там халат еще… банный. В ящичке новая зубная щетка.

Он быстро взглянул на меня, кивнул. Прошел в носках по полу, держа тапки в руках. Я стояла и думала – кормить его сейчас или… потом? Мы не касались друг друга, но все настолько… вибрировало, что, наверное, оба поняли - лучше пока на расстоянии. Выдохнула, прошла посмотреть – нашел ванную или нет?

Он стоял над Аниной кроваткой и смотрел... Дочка недавно научилась спать на бочку, а не только раскинувшись звездочкой. Сейчас так и лежала – в позе эмбриона, но эмбриона уже довольно увесистого. Я подошла и стала рядом. Он чуть качнул головой, не отрывая взгляда от спящей красавицы, тихо сказал:

- Чувствую ее своей. Она Ивановна?

Я кивнула и добавила: - Дружанина.

- Будет Николаевна.
- Само собой. Иди… насмотришься еще.

Он принимает всякое упоминание о Ване в штыки. Может и неосознанно, но борется за право оставаться самим собой. Ревнует? Не верит в … не чувствует себя им. Я уже размышляла об этом и решила, что это нормально. Тема больная, а значит, касаться ее не нужно. Просто буду знать и помнить.

Николай вышел быстро – в полотенце на бедрах, без халата и даже без тапочек. На мой взгляд, которым я обвела его, остановившись на босых ногах, ответил:

- У тебя чисто. Заберем твой подарок с собой. Где…? Алена?

Я беспомощно пожала плечами, глядя ему в глаза. А я знаю? Не возле Аньки же? А других вариантов нет и тут я не виновата. Он

прошелся взглядом по гостиной, отмечая что-то для себя, ухмыльнулся и шагнул ближе. Взял за плечи, притянул к себе, потом чуть отстранился и шепнул, склоняясь к моему лицу:

- Нашлась. Я сразу понял, что это ты. Что – моя. Помотала мне нервы. Ну, теперь держись!

Морозом осыпало… Я распахнула прикрывающиеся уже веки и уставилась на него с диким, первобытным восторгом! В груди поднималось, просто распирало ее такое теплое и знакомое! Исчезла всякая неловкость, я привычно обвила его шею руками, потянулась к губам, забывая обо всем на свете. «Ну, держись»…? Солнце ты мое!

Домашнее платье сорвано, тяжело дышащий мужчина тянет с меня старательно выбранное белье – не рассматривая его, на глядя – с закрытыми глазами. Я тоже дышу через раз – когда он позволяет мне это… потом вдруг - одинокий холод. Он отстранился, быстро прошел к креслу и потянул с него плед. Я истерично хихикнула и отвернулась к окну, зажимая рот кулаком, чтобы не заорать от счастья - опять, блин, на досках! И резко замерла, прикрывая глаза и проваливаясь в знакомое ощущение - мужские ладони округло прошлись по моим бедрам – снизу вверх, остановились на талии, пальцы сжали тело, пытаясь сомкнуться…

- Уже не получится - Анька растянула, - расстроено пробормотала я.

- Красиво, - почти стонал он, - как же это красиво, Ален, просто…

- … до боли в глазах, - напомнила я, поворачиваясь к нему: - Не тяни, Коля, я так соскучилась…

Он довольно рыкнул, подхватывая и заваливая меня…

Не две недели, как обещал – это продолжалось семь дней, только не совсем так, как планировалось, потому что совсем «не слезу» не получалось – у нас была Аня, и она требовала внимания. А еще семью нужно было кормить и мы все вместе ходили в магазин за продуктами. Не потому, что их не хватало в доме - к его приезду я готовилась, а потому, что ему хотелось этого – тащить в свою пещеру мамонта. Я готовила, а он играл в гостиной с Аней или сидел возле меня и смотрел. С готовностью кидался помогать, если я о чем-то просила. Дома он ходил в спортивках и белой форменной футболке. И босиком – говорил, что это приятно. Это, действительно было так –

матовая поверхность теплых досок была с едва заметной выработкой и я сама замечала что, даже проводя по ней ладонью, получаешь очень приятные ощущения.

Когда Аня засыпала, Коля разводил огонь в камине, скромно встроенном в стену гостиной. Мы всегда начинали там – на полу, только уже не на пледе, а на толстом одеяле. Но вначале по сценарию шла романтика – та, которая мне нравилась. Сейчас не было любимых мною красивых закатов – погода стояла пасмурная, и валил снег. Из окон не открывался вид на огни ночного города, зато у нас был живой огонь. Я уже не кормила грудью и могла позволить себе бокал любимого сухого вина, а еще – дать маленькое представление, от которого он каждый раз замирал в дверях, выйдя из ванной.

Я садилась на пол перед камином, раскинув по полу атласный подол розовой ночной рубашки с двумя ниточками, перекрещенными на голой спине. Распускала волосы и салютовала бокалом с рубиновым напитком. Или становилась так, чтобы высокий разрез открывал ногу почти доверху. А если еще округло провести пальцами ноги с бежевыми ноготками по полу и взглянуть из-под ресниц…

Рубашка только называлась ночной – к глубокой ночи, когда мы перебирались на кровать, на мне ничего уже не было. Он тоже всегда спал голышом – под тонкой простыней и подгребая меня к себе под бок. А я уже привыкла спать одна, раскинувшись свободно и вольготно, и во сне нечаянно отстранялась от него. Но все равно утром просыпалась тесно прижатой к мужскому телу. Ничего, привыкну…

Коля познакомился с соседями. Однажды купил бутылку дорогого коньяка и поставил меня в известность, что идет наладить контакт с мужской частью:

- Нужно, Ален, посмотрю, что там за мужик. За домом потребуется присмотр, хотя бы визуальный.

- У нас сигнализация.

- Независимо, родная, мало ли? Слишком хороший получился дом.

Вернулся через час с поблескивающими антрацитом глазами, сгреб меня в охапку и сел в кресло возле манежа, в котором копошилась Аня. Я притихла у него на руках, разнежилась, но быстро пришла в себя от внезапно заданного вопроса:

- Почему ты позвонила мне, Алена? Что случилось… такого? Тебе же пришлось ломать себя. У тебя был такой голос – отчаянный… в глубине. Что тогда случилось?

- Просто вдруг поняла. Прошла по новому дому и поняла, что без тебя в нем пусто, - сказала я правду.

Но было еще кое-что, о чем я не рискнула рассказать. Про Ваню мы не вспоминали вообще, эта тема негласно была принята за табу. Но он держал ее в уме, не совсем, может, еще доверяя мне или что-то подозревая… или же просто чуял, как зверь – не знаю. Но спросить решился только в подпитии, когда алкоголь ослабил контроль, и наружу выплыло больное - то, что тревожило.

Я ответила – искренне и правдиво и он ощутимо расслабился. Мягко поднял мое лицо и поцеловал – властно, собственнически, все сильнее и жестче вбирая мои губы, раскрывая их языком и тяжело пропуская воздух через нос. Я в такие моменты, как правило, не дышала вообще. Сейчас было приятно, но в нирвану не сорвало.

Я чувствовала пусть и небольшую, но вину - не могла рассказать ему, что мне тогда приснился Ваня. Не пришел, а именно приснился. Он не был бестелесным призраком из Черного леса и душой без пристанища тоже уже не был. Поэтому просто снился таким, как я его помнила – все в том же комбезе и сапогах. Держал в одной руке шлемофон, а второй протягивал мне небольшой листок желтоватой бумаги. Я не помнила, как брала его, но текст стоял перед глазами – это была похоронка на Дружанина Николая Григорьевича…

Кол под сердце и отсутствие воздуха в легких – это еще слабо сказано. Я тогда ощущала все происходящее настоящей реальностью. Я в тот миг жила этой похоронкой! Отпечатанные на старинной машинке буквы рвали сердце в ошметки, оно плакало кровью – по ним обоим. Вскинувшись в диком, неописуемом ужасе, я бросилась умываться холодной водой. Судорожно шептала, хватая воду из-под крана губами и почти захлебываясь ею:

- Куда вода – туда сон, куда вода – туда сон, куда вода…

Посидела, подумала… успокоилась. Сделала логичный вывод, что сама дура. Зачем запрограммировала себя с вечера, настроилась? Ну вот и… получи фашист гранату. Это не мог быть Ваня, как раз в это время он решает глобальные финансовые вопросы в объемах

пограничного управления. Но вот то, что я сейчас опять теряю его – из-за своей дурости и гордости, до меня дошло. Ну и…

В один из дней Николай съездил в ту самую часть, в которую собрался переводиться, отсутствовал шесть часов и вернулся очень довольный - военные частично дислоцировались где-то в пригородах, но управление находилось в самом городе.

- Нормальные мужики. Так сразу, конечно, все про всех не узнаешь, но первое впечатление неплохое. Жаль, Кирилл уйдет – толковый офицер, и финансовая группа как будто грамотная. Читал приказы по результатам проверок – там накопали мизер. Или ушлый… мда… Разберемся.

С Ириной и Сашей Голубевым о работе я договорилась. Здесь проблем не должно было быть. Что касается личного… Ира с Анжиком встречали с нами Новый год. Пир горой не устраивали – легкие закуски, фрукты, шампанское. Пока мы с Ирой возились на кухне, Николай вышел с девочками на двор. Аня спала в коляске, а они с Анжелой лепили снеговика. Из кухонного окна их не было видно и Ирка пару раз бегала смотреть в гостиную. Возвращалась… молчала… потом выдала:

- Я завидую не твоему счастью, а твоей решительности, Лянка. А я - дура дурой. Сидела, как гриб, ждала, когда меня срежут.

- А нужно было?

- Нужно было говорить, подруга. Я не ты – с первого взгляда не западают. Таких вокруг - море. То, что дети… я видела у тебя фото – девочка чуть старше Анжика, хорошенькая. С девочкой я поладила бы, она мне нравится. Даже то, что она уже не хочет быть Боровичком мне нравится. Ей и правда не идет это прозвище. А Саша совсем маленький, с ним было бы намного проще. Его хочется обнимать и жалеть – глаза такие… Мне нужно было озвучить, Лянка. Решиться и сказать, как ты. Или просто говорить с ним – обо всем на свете, чтобы он узнал меня. А так – чужая незнакомая баба. Да баба ему нах… не нужна! Я уверена – у него их…! Ему в первую очередь нужна мать для его детей! Любовь придет потом, когда он узнает, доверять станет. Только что уж теперь? Просрала… пардон. Ладно, давай о хорошем, а то еда невкусной получится.

Тогда же – за Новогодним столом, мы все втроем решили, что Ирка поживет в этом доме с дочкой, сдавая свою хату. Это даст ей

возможность подкопить недостающее на ту квартиру, которую она хотела – в центре города, в отреставрированном старом фонде, с настоящим камином и трехметровыми потолками. И наш дом будет присмотрен. Свою комнату они устроят в гостевой.

Ира вместе с Сашей Голубевым и его женой Светланой провожали нас в аэропорт – на двух машинах. Семья Голубевых сразу же куда-то ехала, вот и получилось, что мы познакомились. Это оказалась приятная и такая же спокойная просто до одурения женщина. Вот и верь после этого, что притягиваются только противоположности.

Оно меня настигло возле стойки регистрации. Мужчина в форме аэрофлота принял из рук Коли удостоверение личности, заглянул туда и проговорил, наверное, просто для проформы – как привык:

- Та-ак… Дружанин Николай Григорьевич…

Дальше я не слышала – перевернулось все внутри, потемнело в глазах, и я прямо там провалилась даже не в обморок... просто так подурнело мне первый раз в жизни. Пришла в себя почти сразу же – оставив меня на скамейке, Николай бросился за врачом, а Ирка в панике шлепнула меня по морде, а потом повозила по ней мокрым насквозь носовиком, который щедро полила водой из бутылки, размазывая всю мою косметику. Я хлопнула глазами и попыталась встать. Потом вспомнила причину и затихла.

Медсестра меряла давление, температуру, задавала вопросы, и о беременности в том числе. Ирка ворчала:

- С чего бы ей падать? Максимум, через неделю после зачатия?

Но Коля уже услышал и то, как он потом обращался со мной! Я истово молилась, чтобы все было. Пускай двое подряд, пускай организм еще… да я здорова, как лошадь! Пусть будет трудно и фиг с ним – прорвемся. Но это выражение лица мужчины, который надеется на ребенка… может быть – сына? Хочет его? Я резко захотела тоже.

Но не повезло, не в этот раз – причина срыва была другой. Тогда ночью… та похоронка, она была на Григорьевича. До этого я не знала отчества Коли. Конечно же, это было простым совпадением, наличие и в этом случае мистики моя душенька не принимала категорически. И разум, похоже, тоже уже не выдерживал, потому

что, на первый взгляд, причина обморока была смешная - узнала отчество будущего мужа.

Я привела себя в порядок, мы успели на посадку. Начиналась новая жизнь.

ЭПИЛОГ

- Ты не прав - коричневая палитра не мрачная, к тому же мы используем сопутствующие цвета.

- Нет, Ален, давай что попроще – без палитры, - засмеялся Коля, отодвигая ноут: - Мне нравится зеленый, лучше его.

- Ну, кто бы сомневался? - заулыбалась и я, - мы, пограничники, все в зеленом. Грамотно прячемся и маскируемся.

Где-то внутри тихо шевельнулась совесть – теперь у его фуражки был другой цвет тульи – оливковый, а не зеленый, как раньше. А на погонах красные, а не зеленые просветы. Потому что дивизия, в которую он перевелся – мотострелковая. Я удивилась, услышав первый раз это название, потому что наличие мотоциклов на военных парадах как-то не вспоминалось. Весело улыбаясь, Коля объяснил, что мотострелки это та же пехота, для мобильности усаженная на БТРы.

Я смотрела на мужа, который встал, чтобы налить себе кофе. Достав ситечко, он аккуратно процедил напиток, чтобы в чашку не попала гуща и налил до краев, как всегда. Осторожно прошел к столу, чтобы из чашки не выплеснулось, и не пострадала офисная форма. Короткие рукава заманчиво открывали сильные мужские предплечья с прорисованными мышцами и венами, явно проступающими под кожей... Летняя офицерская форма - на дворе стоял конец июня и жара… благодатная пора. С улыбкой смотрела на полную до краев чашку – привычка. Его привычка – одна из многих, которые мне пришлось принять. Это было не трудно, потому что, как и я, Николай был большим аккуратистом – по дому никогда не были разбросаны носки, глаженые футболки доставались из стопочки правильно, в шкафу и ванной не царил хаос и бедлам, который я заколебалась ликвидировать в прошлой семейной жизни.

- Коль, а ты правда не жалеешь? – уже настойчиво стучалась совесть – муж ушел из погранвойск из-за меня. Понятно, что он принял мужское решение, но наверняка ведь потерял с этим что-то важное для себя и в глубине души я чуточку опасалась, что он может, даже не осознавая, винить за это меня.

- Нет, Ален, мы уже говорили об этом, - удивленно приподнял он брови, садясь за стол: - Все равно почти все уезжают оттуда на материк, к пенсии уехал бы и я. Я дончак, как ни крути, и там не мой климат – тяжеловатый. Или ты о другом? Всему свое время… да и к самой границе я имел косвенное отношение. Бывал только ознакомительно и в составе проверочных групп. Здесь форма та же, служба – та же. Не бери в голову. И потом – ты построила для нас такой дом…

- Да… дом – на твои деньги, - обвела я глазами окружающее пространство. То время, что здесь жили Ира и Анжик, совершенно не отразилось на нем. Они увезли свои вещи, и все стало в точности так, как было до нашего отъезда. Ира оттерла и отчистила все до зеркального блеска, и чувства, что дом какое-то время был не только нашим и в нем проживал еще кто-то, пусть и хорошо знакомый, не было. Те же полупустые комнаты, второй, пока еще необустроенный санузел… запах деревянных досок и хорошего кофе вот прямо сейчас, а еще и воды – широкая дверь на террасу открыта и ветер колышет край занавески… дома хорошо.

А на Дальний Восток я летела с легким страхом. Боялась только одного – нечаянно узнать какие-либо подробности из прошлой личной жизни Коли. Что она у него была, я не сомневалась ни минуты. И когда, в какой именно период прекратилась, тоже неизвестно. С неприятным чувством думалось о том, что вполне себе могло… когда я сказала – не звонить. Винить его в этом случае было бы глупо, но неприятный осадок, безусловно, оставался бы. Подумав хорошенько, я закрыла для себя этот вопрос, вспомнив, что билет ко мне он купил именно в это время. И обратные билеты на всю семью - тоже. Значит, уже принял на тот момент решение. А менять продуманные решения было не в характере моего мужа.

Что можно было сказать о полутора годах жизни в Хабаровске? Для меня климат там оказался тяжеловат, с широким общением поначалу было трудновато. По-настоящему я сблизилась только с женой командира – невысокой, очень полной женщиной. Алла Николаевна была врачом-педиатром и добрейшим человеком. Не сказать, что мы стали подругами, но очень хорошими знакомыми – точно. Семьями ходили друг к другу в гости, в компании других их друзей принимали участие в различных праздниках.

Жили в просторной двушке на окраине города, принадлежавшей Коле по праву собственности и официально сданной в служебный фонд управления после приказа на перевод к новому месту службы. Семейному офицеру полагались площади побольше, и отказываться от этого было бы глупо.

На эти деньги сейчас обустраивался полупустой до этого дом. В этом вопросе Коля доверял мне полностью, воспротивился только тому, что наш с ним кабинет я захотела оформить в спокойной бежево-оливковой гамме. Значит, переиграю – вообще не вопрос.

- Спасибо, Ален, я пошел, - крепко поцеловал он меня в губы, оставив на них вкус и запах кофе, и прошел в прихожую. Я потянулась следом, постояла в дверях, пока машина тронулась, махнула вслед рукой и опять прошла на кухню. Хотелось кофе… но, наверное, нельзя… или можно? Я еще не знала толком – всего пара дней задержки.

Коля не просил меня о ребенке, даже не заикнулся ни разу. Только тогда, когда выяснилось, что поплохело мне не из-за беременности, кивнул и неосознанно, наверное, отвернулся, пряча взгляд или выражение лица. Почему не говорил об этом? Я не знала – не настолько еще изучила его тогда, и спрашивать тоже было… Сейчас уже понимала, что он хотел и хочет... очень сильно хочет. А у меня как раз – переаклиматизация, адаптация, аллергия на гнус, который летней порой появлялся даже в городе. А еще Аня рано пошла… и предполагаемый обратный переезд вскоре – я включила ум и решила, что организму нужно немного отдохнуть. И раз уж все отпущено на мое усмотрение, стоило подойти к вопросу о повторном материнстве ответственно – ребенку это тоже пойдет на пользу.

Здесь же, когда я ступила на почти родные доски пола, когда присела на пока еще не шезлонг, а только стульчик на террасе над водой… Я поняла, что дальше тянуть глупо, да я и не молодею. Поняла, что пора. И у нас повторно начался медовый месяц - с пледом на полу и с выходом в красивом белье или вообще… раз уж настолько все красиво на его взгляд. Давая такое ммм... немного нарочитое представление, клоуном я себя не чувствовала. Слишком горячим, почти горящим взглядом смотрел на мои (надеюсь, что милые) кривляния Коля... Раньше Олег просто любовался иногда - мимоходом, мимоходом пользовался. Беркутов любовался

интеллегентно и ненавязчиво, тщательно скрывая глубинное и животное - мужиковское. Ромка просто, казалось, ловил красивый момент - бархатный песок, прозрачный ручей, лето, ну и впридачу ко всему этому - я. Другие... по-разному, но никто и никогда не смотрел на меня вот так - умирая и рождаясь этим взглядом, и во мне тоже воскрешая... богиню, небожительницу - никак не меньше. Ну и... животное и мужиковское в себе потом точно не прятал. Так смотрел на меня всего один человек на свете - он...

В большом зеркале в гардеробной, которая была устроена в нашей спальне, отражалась как будто бы та же я. Но понятно было, что бабья осень уже не за горами. И нужно поддерживать себя в хорошей форме - и для здоровья и, конечно же, для мужниной услады, оставаясь, по возможности, как можно дольше такой, чтобы… до боли в глазах. Я и старалась, но похоже что скоро опять расплывусь, разлезусь в стороны, и потом снова придется за шкирку затаскивать себя в норму. Но все это мелочи, главное, чтобы все закончилось хорошо.

Было совсем еще рано, Аня спала. Наверное, вырастет такой же совой, как и я, и вставать в школу когда-нибудь будет трудновато. Я укрыла ее простынкой – кондиционированный ночью воздух в доме был прохладным, и вздрогнула – из кухни раздался приглушенный расстоянием, но все равно громкий телефонный звонок. Выскочила, прикрыв дверь – испугалась разбудить. Быстро дошла, схватила телефон с подоконника и тихо выдохнула:

- Да?

Вначале просто не узнала… да и странно было бы настолько долго и хорошо помнить голос Владимира Беркутова.

- Алена, вы еще помните меня? – задал он вопрос, будто подслушав перед этим мои мысли.

- Безусловно, Владимир Борисович, как я могла забыть вас? Приятно слышать, - прислушалась я к себе и искренне подтвердила: - Действительно приятно.

- Мне тоже, Алена, но причина моего звонка вас огорчит – умерла Мария Львовна.

- Мария Львовна… она не могла, - потерянно прошептала я, но быстро пришла в себя и потребовала: - Обстоятельства? Опишите мне обстоятельства ее смерти. Ее причину!

- Вы как будто обвиняете меня в чем-то, - устало проронил Беркутов, но подчинился: - Умерла на руках у Оли и в присутствии медсестры. Ольге нужно было уехать и пройти медкомиссию с Алешей перед садиком. Опасаясь оставить бабушку одну, она привезла медсестру, чтобы та пожила с ней несколько дней.

- А причина все же? – расстроено добивалась я ответа, - я разговаривала с Ольгой пару месяцев назад и она говорила, что баб Маня в норме – еще бегает. Что же так… резко-то? – плыли в глаза слезы.

- Не плачьте только, Алена, мне уже тут хватило… Если приедете на похороны, мы поговорим об этом. Они завтра.

- Да, само собой, Владимир Борисович, конечно… - лихорадочно соображала я, как провернуть целую войсковую операцию – пристроить Аню, потому что Коля на службе и отпрашиваться с нее на завтра уже поздно. Потом – завтра у меня встреча с заказчиком. Я специально пригласила его встретиться здесь - у нас дома. Прошлый раз сработало – наш дом стал самой лучшей бесплатной рекламой и вот по рекомендации… А еще нужно наготовить еду для Коли минимум на пару дней, черная косынка… темный наряд у меня был…

- Я смогу отвезти вас завтра – сейчас я в городе по организационным вопросам. Потом как-то решим с возвращением, сам я хочу задержаться там.

- Во сколько, Владимир Борисович? – спросила я, понимая уже, что все решаемо, а не поехать я просто не могу. Не смогла поехать к своей бабушке, но проводить Марию Львовну - тоже далеко не чужого для меня человека, обязательно найду возможность. Это не так сложно устроить, да и рядом совсем.

- В шесть утра, Алена, доспите в машине. Скажите мне, куда заехать за вами. Последнее время я выпустил вас из вида.

- Ну, это нормально, наверное. В Петропавловский… - назвала я ему свой адрес.

В Длинном почти ничего не изменилось – все так же стоял новый дом, который строила наша бригада. Только возле него густо зеленели засаженные бабой Маней аккуратные грядки, огороженные досками. И хорошо поднялись посреди стриженного газона плодовые деревца – черешня и абрикос. Так же продолжал стоять в стороне старый дом, и его огибала накатанная когда-то Ваниным танком

дорога, которая давно уже должна была зарасти, но почему-то… не заросла.

Я вышла из беркутовской машины и на ватных ногах пошла от дома, к которому он подвез меня, в сторону дома старого. Мне нужно было увериться, что глаза меня не подводят и дорожная колея опять вспахана… танком? Дышать стало трудно… в моменты, когда я сильно волновалась, в груди всегда больно перехватывало дыхание. Не помнила, как оказалась там, шагнула ближе… еще ближе и выдохнула. Твоюж-ж-ж-ж… Ну, нельзя же так! Так и до сердечного приступа недалеко. Головой нужно думать, а не большой жопой – злилась я на себя, потому что и правда - так нельзя. Те следы от гусеничных траков, что оставлял Ванин танк, четко стояли перед глазами, стоило только прикрыть их, вспоминая. Эти выглядели иначе.

- Алена, куда вы убежали? – послышался за моей спиной голос Ольги, - что случилось?

Я обернулась к ней и успокаивающе улыбнулась:

- Здравствуйте, Оля. Воспоминаю вот... Извините и примите соболезнования. Скажите, пожалуйста... последние минуты жизни Марии Львовны… какими они были?

- Пойдемте на лавочку, упахалась вчера – ноги не держат, - прошла она вперед меня и села под яблоней. Я присела рядом, ожидая ее ответа.

- Все признаки инфаркта, смерть мгновенная. Все-таки Женя медик и не только она – врач скорой подтвердил. Ладно… тело сейчас в церкви в соседнем селе, сюда привезут только к похоронам.

- Оля, что было еще – кто что сказал, что… прозвучало? Просто…

- Да ничего такого, - отмахнулась она, - то, что трактор резко зарычал за двором, не могло испугать ее – сто лет тут ездят. Деревня все-таки - возвращался с работы.

Трактор… рыкнул трактор, а еще новая женщина в доме - медсестра Женя. А еще – время цветения липы. А еще электричество... что с ним?

- Она умерла вечером?

- Да… уже темнело, Алеша уснул , а мы собрались у камина. Захотелось романтики деревянного дома, тишины. Я выключила

люстру, чтобы хорошо было видно огонь, и только дошла до кресла…

- Она устала, - прошептала я через ком в горле, - просто невыносимо устала… ожидать.

- Не согласна, - отрезала Ольга, - она не ждала смерти – интерес к жизни не был утерян. Алешка кого угодно растормошит. Обе зимы я брала ее в город, возила везде – кино, краеведческий музей, даже ресторан… приодела. Она во всем этом живо участвовала и была довольна.

- Господи! Какое же счастье, что вы нашлись! – искренне вырвалось у меня, - вы и Беркутов! Какое это счастье для нее.

- И Борька… Он весь отпуск провел здесь – два месяца. Ей не было скучно. И трудно тоже не было, и даже не суетно. Мы старались – берегли, своя комната… - залилась слезами Ольга.

Похороны прошли спокойно и тихо. Старинный обряд не соблюдали – покойницу не заносили в дом. Сельчане прощались с ней на улице, я тоже подошла и поцеловала листочек с молитвой на лбу Марии Львовны, а потом стояла рядом и только смотрела. Те, кто игнорировал или боялся старую одинокую женщину почти всю ее жизнь, осуждал и порицал ее, пришли сейчас прощаться. Или просто с целью остаться на поминки и вкусно пожрать? Не важно, Бог с ними! Она никогда не злилась на них, только недоумевала – «если у некоторых совсем ума не стало»…

Когда уже возвращались с кладбища, я позвонила мужу:

- Коленька, ты был прав – я не хочу оставаться здесь на ночь. Забери меня, солнце, домой - к тебе хочу.

- Разрешаешь уже? – хмыкнул он невесело, - конечно, я приеду. Только часа через два – не меньше, сама понимаешь.

- Да, это далековато, извини.

- Да я не об этом!

- А я поняла, Коль. Да, уже разрешаю – Марии Львовны нет, теперь можешь приехать и посмотреть тут все. Если хочешь, конечно. А то, представляешь – она увидела бы тебя…? Как оказалось, сердечко было вымотано... - сказала и вдруг как-то разом сообразила, дошло - что сейчас делаю. Вскинулась: - О, Коль, что-то я туплю, меня же обещали подбросить! Позже, конечно, но…

- Не нужно меня щадить, Алена. Я не ребенок и сердечко еще не вымотано. Это мой дед, я уважаю память о нем и ты – все равно моя.

- Я вся твоя, Коль - с потрохами, - облегченно выдохнула я, - тихо только езжай, не гони на грунтовке. Дорога – не айс, кидает.

- Не беспокойся, жди.

Я ждала. Помогала подавать на столы, накрытые во дворе, как и тогда, когда мы справляли новоселье бабы Мани. Сидела, даже что-то поела, чтобы уважить старания Ольги и медсестры Жени, которая осталась помочь. Потом мы убирали. Женщины мыли посуду, а мы с Беркутовым носили ее в дом, собирали в мешки одноразовую… обычные хлопоты. Я просто смертельно хотела домой, понимая, что вот теперь я не появлюсь здесь больше никогда – ни за какие коврижки. Слишком тяжелыми были воспоминания.

Старый банный сруб постоянно притягивал взгляд. Вина, что ли? Нет, вины за собой я не чувствовала, хотя понимала, конечно – где-то и что-то я притягивала за уши. Возможно, спасая этим себя для новой жизни, надеясь на то, что она еще может стать счастливой. Винить себя в этой женской слабости было бы глупо. Но что-то было, что-то еще оставалось, если спокойно смотреть на баню я просто не могла – скручивало внутри. Я не старалась гнать воспоминания – хотела помнить, а помнить было тяжело.

Ольга подошла и присела рядом, устало положив руки на стол.

- Я постелю вам на диване. В бабушкину комнату вроде бы еще сорок дней нельзя. Говорят, что она пока еще здесь – возле нас.

- Ох, Оля, я забыла сказать – за мной приедет муж, мы с ним только что…

- Муж? – резко спросила она.

- Ну да, - удивленно взглянула я на нее и понимающе кивнула: - Вы же не в курсе, я не говорила – полтора года назад я снова вышла замуж.

- Да, - пробормотала она, - мы всегда говорили только о бабушке. Тогда… Ну, тогда я скажу - спрошу вас. Короче – мне нравится Олег. Давно нравится – еще с самой первой встречи.

- Любо-овь? – почему-то иронично протянула я, но сразу же опомнилась, извинилась.

- Да что там… я отлично все понимаю, - горько хмыкнула она, - сама недавно узнала, что отец Лешки женился - полночи плакала, хотя он уже давно никто для меня. Воспоминания, обиды... А у вас – полжизни вместе, просто так не отбросишь.

- Оль, а от меня что нужно? Благословение? Даю, - вздохнула я, - он же, будто бы, должен быть в Москве?

- Не прижился, - коротко ответила она, - вернулся, искал тебя.

- Ну…

- Да понятно. Мы… переспали один раз. Потом… я знаю, что у него бабы – квартира рядом, тут уж… Я бываю там – часто.

- Оль?

- Да понятно, - отвернулась она, - он, наверное, однолюб. Не пробиться.

Я задумалась...

- Возьми бутылку хорошего сухого вина, хрустальные бокалы, длинный красивый халат… без белья под ним. Музыка… хорошо бы – «Энигму», но это будет уже слишком, наверное... Выбери такой вечер, чтобы закат на полнеба и… войди, просто пройди мимо него в дверь и скажи, что тебе неспокойно и тревожно, на душе – полное гов… тихий сплин накатил… где-то так.

- Ты плачешь, - ровно отметила она.

- А не отбросишь, Оль! Ты все правильно сказала. Я очень сильно любила его, поэтому простить не смогла. Если все так, как ты говоришь – бабы у него без конца и... не пробиться, то ему тоже гов… паршиво. Он, вроде, не такой. А ты очень похожа на меня - характером.

- Работать на ассоциациях, под тебя? – криво улыбнулась она.

- А если иначе - никак? Постепенно вытеснишь, все лишнее уйдет… О! Мой Коля! Гнал, паразит, гнал же, я так и знала! – вскочила я, увидев, как на подъездную дорожку сворачивает наш Субару Форрест.

- Зачетная тачка, - отметила Ольга.

- Мужик – тоже, - оглянулась я и подмигнула я ей, уходя к машине.

Подъездная дорожка была длинной, я помнила все замеры – больше тридцати метров. Он остановился в самом ее начале и уже успел выйти из машины – одетый в форму, только без фуражки, очевидно, поехал за мной прямо со службы. Я шла к нему и понимала, что что-то не совсем... так. Или - совсем не так?

Коля даже не повернулся в мою сторону – прислонившись к машине, уставился на старый дом бабы Мани. Смотрел, мучительно

сведя брови, хмурясь и сжав челюсти до играющих желваков. Услышав шум шагов, быстро взглянул на меня, скупо кинул:

- Подожди. Я сейчас, - и шагнул в сторону дома.

Я замерла – и телом и сердцем, с трудом сглатывая ком в горле. А не слишком ли для меня на сегодня – подумалось вдруг. Еще ребенка скину… - уверено, первый раз абсолютно уверенно думала я о том, что во мне сын или дочка Коли. Я помнила эту уверенность по Аньке – тогда я не обманулась. Значит, нужно поберечься. Села в машину ждать его. В салоне стоял мужской такой запах - сухая вишня, дорогой табак и кожа – хороший ароматизатор, приятный.

Коля находился в доме недолго. Вышел оттуда серьезный и даже сумрачный. Я шагнула из машины навстречу ему... откуда-то с горы пахнуло тонко и медово - липа... Коля взглянул на меня, кивнул, будто извиняясь, поморщился и решительно зашагал в сторону бани. Этого я уже не могла… Подождав, когда он скроется за дверью, тихонько пошла следом. На улице быстро темнело… Ольга окликнула меня:

- Алена, что происходит? Что-то случилось?

- Не мешай! - отрезала я и, опомнившисьь, попросила по-людски, увидев на крыльце еще и Беркутова: - Не мешайте, пожалуйста. Пожалуйста…

Спустившись по трем ступенькам, прошла по луговой траве к бане, постояла возле двери и, мотнув головой, решительно открыла ее. Не знаю, правильно это или нет, но по ощущению – нельзя оставлять его там одного.

Николай сидел на полке, спрятав лицо в ладонях. Даже не двинулся, услышав скрип двери. Я молча села рядом, прислонившись плечом, вздохнула:

- Что-то вспомнил?

- Урывками, - глухо донеслось из-под ладоней. Я встала перед ним и оторвала их от его лица, взяла его за щеки, заглянула в глаза и спросила:

- Что, Коля? Расскажи мне.

Он смотрел на меня уже почти спокойно. Почти спокойно ответил:

- Тебя. Вокзал. И то место…

- Место?

- Пошли, мне нужно туда.

- Куда, Коля?

- Не бойся, - обнял он меня за плечи, проводя к выходу, и вдруг замер…медленно повернул ко мне лицо.

- Анька – моя.

- Да я всегда знала! И что?

- А ты… - больно впился он пальцами в мои плечи, - А ты – Моя!

Люди… там же люди – Беркутов, Ольга, Женя – трепыхалось в мозгу, когда он валил меня на полок, задирая платье и срывая к чертям трусы… потом все было быстро, и я была совсем не против, потому что понимала – лучше в сперму, чем в голову. Куда бы оно выплеснулось – это больное знание? Какое оно для него – страшное? Или наоборот? Как он переживет его? И что там еще ему предстоит – про какое место он говорил? Неужели…? О, боже! Я тоже впивалась в его плечи, мычала и рычала от нахлынувшего, куснула… как тогда - чтобы увериться, что Ваня настоящий, что он еще здесь.

- Ухх… - поежился он, - ты что творишь? До крови же… дурочка, - смотрел он на свое плечо.

- А ты не пугай! – дрожал мой голос.

- Прости. Тут есть вода – не знаешь? Помыться? - встал он с меня.

- Должна быть, - пожала я плечами, отходя от пережитого и прочувствованного. Выходить из бани почему-то не было стыдно. Ничего страшного. Может, и не увижу больше никого из них - почти что свидетелей творившегося здесь и сейчас безобразия. Главное – сработало. Мозговая дурь, оказывается, шикарно вытрахивается и из мужиков тоже.

То самое место оказалось на выходе из Черного леса. Коля уверенно вел машину в сторону поляны, на которой когда-то располагался лагерь поисковиков, проехал мимо нее. Потом еще была лесная дорога, и свет фар выхватывал из темноты ветки деревьев, что будто руки тянулись в нашу сторону. Я положила ладонь на колено мужа – не отдам. Пошли все...!

Та поляна, заросшая осинником, действительно оказалась местом, откуда танки, выстроившись боевым порядком, пошли в атаку первыми, на самом острие наступления. Мощный фонарик освещал заросли, Коля тащил меня за руку за собой. То молчаливо сопя, то

рассказывая срывающимся голосом о порядке построения, особенностях взаимодействия танков с пехотой... Еще раз, что ли, трахнуть его – тоскливо думала я. Попыталась иначе:

- Ты как, вообще, видишь? Темно же, как у негра в…

- Не знаю, - удивленно остановился он, - чувствую, наверное. Здесь… скоро уже.

- Коль, ты на самом деле притормози. Я хотела красиво… но раз уж такое дело, то ты должен знать – у нас будет ребенок и так пугать меня вообще-то чревато… нехорошим.

- Кто? – развернулся он ко мне, - кто будет? Ребенок…? Как ты хотела…? – дрогнул его голос. Если бы я видела в этой темноте выражение его лица – другое дело, но проклятый фонарик… Как я хотела? А что тут не ясно? Романтично, красиво и чтобы запомнилось.

- Как… С выходом!

- Ой, мама… - громко хохотал мой муж, стоя на опушке страшного Черного леса и похоже – в двух шагах от места той своей гибели. Хохотал и укатывался с меня, обнимая и прижимая к себе. Истерика? Как будто не похоже.

- Ты чудо, Алена, ты у меня просто чудо… - успокаивался он.

- Так для тебя родилась, - осторожно напомнила я.

- Само собой… пошли отсюда. Не хочу...

- Пошли, - согласилась я с облегчением.

Идти обратно было труднее, мы почти заблудились в осиннике. И от этого мне почему-то стало легче и спокойнее – не хотелось его связи с этим местом, просто категорически не хотелось. Когда выдрались, наконец, к дороге и нашли машину, он сам пристегнул меня ремнем безопасности, и мы тронулись - домой.

- Ты в состоянии ехать сейчас? И темно, - осторожно спросила я.

- Я сейчас в состоянии… все, - скосил он на меня глаза.

- «Все» мы с тобой лучше дома, - почему-то не хотелось мне. Устала, наверное, за этот день. Слишком всего было.

- И обязательно - с выходом… - весело хмыкнул он.

- Тебе же нравится, - пожала я плечами, - и не говори, что нет.

- Врать не буду, - миролюбиво согласился Коля.

На полдороге, возле заправочной станции он притормозил, пожаловался: - Рубит, Ален – пятнадцать минут…

- Да хоть два часа, - пробормотала я, тоже опуская свое сиденье и устраивая под голову одну из двух имеющихся в машине подушечек для шеи: - меня тоже рубит. Рядом Горовое, можно в гостиницу.

- Нет уж, пятнадцать минут и домой, - сонно бормотал он, - я скорее хочу… с выходом.

- Да легко, - пообещала я.

Уже проваливалась в сон, когда с соседнего сиденья донеслось задумчиво и полусонно:

- Мистика какая-то… не понимаю… верю с трудом.

- Коля… что ты помнишь о… о том? Ты успел понять?

- Помню? Тебя, Ален… как сорочку на себе рвешь - вспышкой, стоп-кадром. Желание, стремление, посыл… моя цель и смысл - Ты.

- А я, знаешь, чего больше всего боюсь? – повернула я к нему голову. Сейчас момент откровения, сейчас нужно говорить обо всем, что накипело, что еще не ясно. Я на сто процентов была уверена, что уже завтра он замолчит об этом. Прости примет для себя и оставит в прошлом.

- Чего? – тихо спросил Коля.

- Что однажды увижу твои пальцы в мазуте и с теми ранками. А ты, Коля?

- А я забуду все, Алена. Заставлю себя и забуду. Мне не нужна в памяти еще одна война. Той, своей - с головой. И поверь – она намного страшнее и грязней. Второй не хочу.

- Забывай, Коля, забывай. Тебе есть о чем подумать.

- Кроме твоего выхода? – улыбался он и говорил уже совсем не сонным голосом.

- Да. Думай, как назовем сына. А то назову Прохором.

- С ума сошла? – возмущенно откликнулся он, - даже сон отбило.

- Тогда поднимайся, - завозилась я, - как раз пока доедем, и придем к консенсусу.

- Только не Прохор.

- Не настаиваю. Варианты…?

- Нужно думать, - наморщил он лоб, заводя машину: - Антон?

- Николаевич? Нет, обязательно нужна рычащая. В Прохоре их две.

- Ага. Ну, тогда может…

Когда среди ночи подъехали к дому, вопрос был почти решен. Вышли из машины и стали, обозревая открывшийся вид – будто с другой планеты прилетели или из дикого леса вышли, хотя… так ведь и было – и из леса и почти из другого времени.

Датчик движения включил ночное освещение двора и в нем дом казался намного больше, чем был на самом деле. Куст сирени выложил розовые цветочные кисти на перила крыльца, отражение фонарей чуть колыхалось в озерной воде, ветерок шевельнул длинные ветки березы над крышей...

Коля с удовольствием обвел все это хозяйским взглядом, привычно обхватил меня за плечи и повел в дом. Уже на крыльце щекотно шепнул в ухо: - Артем. Не обсуждается. С тебя выход… ладно, не пугайся - не сейчас, а вечером. Ты устала… прости, родная.

Угукнула, кивнула и с облегчением переступила порог - наконец-то мы дома... Добрались.

КОНЕЦ